

A portrait of Samuel Johnson, an 18th-century English lexicographer, writer, and poet. He is depicted from the chest up, seated in a chair with a checkered backrest. He wears a large, white, powdered wig and a dark brown, heavy coat over a white cravat. His right hand rests on an open book on a table in front of him. The background is dark and textured, suggesting an interior setting. The overall style is characteristic of 18th-century portraiture.

Т. А. КОСЫХ

СЭМЮЭЛ ДЖОНСОН И ЕГО ЭПОХА

Британия и мир глазами
английского интеллектуала XVIII в.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Т. А. Косых

СЭМЮЭЛ ДЖОНСОН И ЕГО ЭПОХА
БРИТАНИЯ И МИР ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКОГО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛА XVIII В.

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2022

УДК 94(410)“17”
ББК Т3(4Вел)51
К 729

Рецензенты:

доктор филологических наук *О. Г. Сидорова*
(Уральский федеральный университет, Екатеринбург);
доктор исторических наук *А. В. Чудинов*
(Институт всеобщей истории РАН, Москва)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда (проект № 19-18-00186
«“Культура духа” vs “Культура разума”: интеллектуалы
и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)»)*

Косых, Т. А.

К 729 Сэмюэл Джонсон и его эпоха: Британия и мир глазами английского интеллектуала XVIII в. : монография / Т. А. Косых ; Министерство науки и высшего образования, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 292 с. : ил. – Библиогр.: с. 268–290. – 300 экз. ISBN 978-5-7996-3509-1. Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3509-1

Монография посвящена анализу интеллектуального наследия английского лексикографа, литератора и моралиста Сэмюэла Джонсона (1709–1784) в контексте истории Британии XVIII столетия. В центре внимания – отражение проблем британского общества эпохи Просвещения в сочинениях С. Джонсона, анализ роли интеллектуала в полемике о патриотизме и независимости североамериканских колоний, взгляды английского литератора на кельтские «окраины» Британии, континентальную Европу и страны Востока. Особое внимание уделено его монументальным работам: «Словарю английского языка» и «Жизнеописаниям важнейших английских поэтов» как национальным проектам своего времени.

Книга адресована специалистам и всем, кто интересуется историей Британии.

УДК 94(410)“17”
ББК Т3(4Вел)51

На обложке:

*портрет Сэмюэла Джонсона, выполненный Джошуа Рейнольдсом (1756–1757).
Из коллекции Национальной портретной галереи Соединенного Королевства (Лондон)*

ISBN 978-5-7996-3509-1

© Уральский федеральный университет, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	8

Глава 1

МНОГОЛИКИЙ ДОКТОР ДЖОНСОН

1.1. <i>Per aspera ad astra</i> : из «чердачного поэта» в литературные «диктаторы»	25
1.2. «Страсть к чтению была его главной страстью»	45
1.3. «Вторая жизнь» Сэмюэла Джонсона, или «Джонсоноведение» ..	54
1.4. «Из самых лучших Английских Писателей»: Сэмюэл Джонсон в России.	75

Глава 2

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ

2.1. «Патриотизм – последнее прибежище негодяя»?	84
2.2. «Отец» словаря английского языка	100
2.3. «Сотворение» Шекспира	117
2.4. «Славное прошлое» Англии	127

Глава 3

«БИТВЫ» ЗА БРИТАНИЮ

3.1. Джонсон vs Юм	147
3.2. Джонсон vs Макферсон	163
3.3. Кельтские «окраины»: «нет дороги лучше, чем та, что ведет в Лондон...»	172
3.4. «Любить все человечество, кроме американцев»	194

Глава 4
ОБРАЗ «ДРУГОГО»

4.1. Образ «врага»: католическая угроза	206
4.2. Борьба с галломанией	219
4.3. В поисках Царства пресвитера Иоанна: Абиссиния	229
4.4. «Арабские ночи» на Граб-стрит.	237
4.5. «Я бы добрался до Бенгалии и путешествовал по Индии»	247
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 263
 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	 268

ПРЕДИСЛОВИЕ

Промозглым сентябрьским утром 2017 г. от одной из платформ железнодорожной станции Юстон, расположенной в Лондоне, поезд отправился в маленький и, казалось бы, совершенно непримечательный городок графства Стаффордшир – Личфилд. Возможно, что для большинства пассажиров поезда это короткое путешествие было заурядным, наполненным повседневной обыденностью происходящего, но не для автора данных строк. В этот день мне посчастливилось оказаться на городской церемонии празднования 308-летия со дня рождения английского лексикографа, эссеиста, моралиста и остролова Сэмюэла Джонсона, которая поражала своей масштабностью: на рыночной площади Личфилда, где и поныне стоит памятник доктору Джонсону, было крайне многолюдно. Около полудня мэр города выступил с приветственной речью, а затем все собравшиеся спели отрывки из гимнов Дж. Аддисона и Дж. Баньяна¹. Празднества, включавшие театральные постановки, концерт и торжество в музее, расположенном в отчем доме лексикографа, продолжались на протяжении всего дня. В этот день в городе, где на свет появился доктор Джонсон, все было пронизано памятью о литературном гении, одном из знаменитых сынов Англии.

Не только в Личфилде, но и во всем англоязычном мире Сэмюэл Джонсон остается знаковой фигурой. О нем написаны сотни биографических исследований, монографий и диссертаций. В Англии функционируют два общества, занимающихся сохранением и распространением памяти о Джонсоне и его времени – это Общество Джонсона в Личфилде, основанное в 1910 г., и Лондонское общество Джонсона, ведущее отсчет с 1928 г. Джонсон

¹ Гимн Джозефа Аддисона «When all thy mercies, O my God...» 1712 г. и псалом Джона Баньяна «To be a pilgrim» 1684 г.

не позабыт и в других частях бывшей Британской империи. Так, с 1984 г. действует Западное общество Сэмюэла Джонсона в США, а в 1993 г. было основано Австралийское общество Джонсона в Мельбурне. Каждое из этих обществ по-своему чтит память об английском интеллектуале, что отражается в публикации ежегодных выпусков сборников статей и журналов (например, *The Age of Johnson: A Scholarly Annual*), организации конференций и публичных лекций.

Однако память о Джонсоне хранят не только существующие в Соединенном королевстве, Соединенных Штатах и Австралии общества. В двух городах, с которыми неразрывно переплетена биография литератора, Личфилде и Лондоне, едва ли возможно не натолкнуться на здание, памятник или заведение, ассоциирующиеся с доктором Джонсоном. Остановлюсь лишь на местах в Лондоне, которые не могут не напоминать о, говоря словами Питера Акройда, «великом приемном сыне Лондона»: церковь святого Климента Датского, которую неоднократно посещал Джонсон и возле которой с 1910 г. находится статуя литератора; здание близ ворот святого Джона в Кларкенуэлле, в котором издавался журнал *Gentleman's Magazine*, ставший для Джонсона, тогда еще «чердачного поэта», в 30–40-е гг. XVIII в. настоящим спасением на заре его литературной карьеры; бронзовая скульптура любимого кота Джонсона, Ходжа, на Гоф-сквер; вывеска на здании бывшей таверны «*Turk's Head*» на Джерард-стрит в Сохо, где Сэмюэл Джонсон и Джошуа Рейнольдс с 1764 г. проводили заседания знаменитого литературного «Клуба»; уголок поэтов в Вестминстерском аббатстве, где покоится прах лексикографа. И, наконец, мемориальный дом-музей Сэмюэла Джонсона на упомянутой Гоф-сквер.

Однажды, стоя в ведущей в этот музей очереди, я пообщалась с другим посетителем, который на вопрос о том, кем является Джонсон для современного британца, без малейшего сомнения ответил: «отцом» словаря английского языка». Я не стала переубеждать и доказывать, что у Джонсона были предшественники. Конечно, «Словарь английского языка» 1755 г. является одной из важнейших работ доктора Джонсона, работой, которая заслуженно привела его к непреходящей славе и признанию. Од-

нако было бы преуменьшением считать, что наследие Джонсона ограничивается созданием словаря.

На сохранение памяти о докторе Джонсоне, увы, по-прежнему малоизвестном в России, направлена и эта книга. Прежде чем перейти собственно к повествованию, хотелось бы поблагодарить всех, без помощи и поддержки кого она никогда бы не появилась. Я безмерно благодарна Благотворительному фонду Михаила Прохорова за предоставленную возможность в январе 2016 г. впервые совершить поездку в Британию для работы в Британской библиотеке и посещения дома-музея доктора Джонсона в Лондоне. Особенная признательность – моему научному руководителю Веронике Витальевне Высоковой за ценные советы при работе над текстом, а также Владимиру Николаевичу Земцову, Александру Викторовичу Чудинову, Наталье Александровне Кручининой и Ксении Андреевне Созиновой за поддержку на разных этапах работы.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о значении личности в формировании эпохи и влиянии эпохи на личность во многом сопоставим с извечным философским вопросом о том, что первично – дух или материя. Человека создает эпоха, она помещает его в пространство с особыми, только его времени присущими нормами и правилами поведения. Неизбежным становится и то, что новые тенденции в развитии общества отражаются в жизни людей. Оглядываясь в прошлое, можно заметить, как перемены в обществе влияют на судьбы людей и превращают одних в «пыль» на обочине истории, а других, напротив, – в героев своего времени. Тем не менее, складывание эпохи с особой политической, экономической и социокультурной спецификой невозможно без учета роли отдельных индивидов, внесших определенный, а подчас весьма внушительный вклад в историю своего времени. Человек и его эпоха неразрывны и взаимозависимы.

Пример Сэмюэла Джонсона – яркое тому подтверждение. Из «маленького человека», способного и начитанного, но болезненного юноши с приступами меланхолии и синдромом Туретта, он превратился в литературного «диктатора», знаменитость, символ своего времени и олицетворение всей Британии. Его тернистый путь через невзгоды и лишения к славе и подлинному уважению современников стал синонимом непростого времени для его Отечества. Известный английский историк первой половины XX в. Дж. Тревелиян назвал период 30–80-х гг. XVIII в. «эпохой Джонсона»² и с ним нельзя не согласиться. По моему твердому убеждению, на которое наверняка повлияли годы изучения био-

² Тревелиян Дж. М. Социальная история Англии / пер. с англ. А. А. Крушинской и К. Н. Татариновой; под ред. В. Ф. Семенова. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. С. 356–428.

графии и литературного наследия этого гения, Британия 30–80-х гг. XVIII столетия немыслима без доктора Джонсона, а его личность необъяснима без исторического контекста, в котором оказалась страна в середине – второй половине XVIII в. Это и послужило причиной, по которой данная книга получила название «Сэмюэл Джонсон и его эпоха». В центре внимания монографии – интеллектуальное наследие английского лексикографа, литератора и моралиста Сэмюэла Джонсона (1709–1784) в контексте истории Британии XVIII столетия, в частности, особенности отражения проблем британского общества эпохи Просвещения и специфика восприятия «своих» и «чужих» в сочинениях доктора Джонсона как одного из ярких деятелей данной эпохи.

Представление о том, что доктор Джонсон – это квинтэссенция своего времени, разделяли и его современники. Благодаря самому известному биографу Джонсона Джеймсу Босуэллу, он стал именоваться «чистокровным англичанином» (англ. *True-born Englishman*), что в дальнейшем послужило поводом считать его образцом подлинного англичанина. Стоит отметить, что изображение Джонсона «настоящим» или «типичным» англичанином неразрывно связано с ассоциацией его образа с Джоном Буллем. Босуэлл в дневнике путешествия по Шотландии высказал мысль, что в Джонсоне «по сути, есть многое от Джона Булла и многое от резкого и прямолинейного чистокровного англичанина»³. Вслед за шотландским биографом эту мысль подхватил 48-й премьер-министр Великобритании лорд Розбери (1847–1929). Выступая 15 сентября 1909 г. перед собравшимися в Личфилде членами Общества Джонсона, он провозгласил: Джонсон «был самим Джоном Буллем»⁴. По мере того, как одни десятилетия сменялись другими, Джонсон становился «национальным сокровищем, причудливой старомодной фигурой, мгновенно узнаваемой и бесконечно пародируемой»⁵.

³ *Boswell J.* The Journal of a Tour to the Hebrides, with Doctor Johnson, LL. D. London : H. Baldwin, 1785. P. 11.

⁴ *Rosebery A. Ph. P.* Dr. Johnson : an Address delivered at the Johnson Bicentenary Celebration, at Lichfield, September 15, 1909. London : A. L. Humphreys, 1909. P. 18.

⁵ *Cannon J.* Samuel Johnson and the Politics of Hanoverian England. Oxford : Clarendon Press, 1994. P. 246.

Хотя оценки личности Джонсона были изрядно преувеличены под влиянием блестящего образа героя-литератора со страниц «Жизни Сэмюэла Джонсона» Босуэлла, убежденность в том, что лексикограф олицетворял «старую добрую» Англию, не лишена оснований. Даже в начале XXI в. значимость личности и интеллектуального наследия Джонсона остается неоспоримой. Британский историк П. Лэнгфорд выразил это наиболее точно: «Джонсон даже среди людей, никогда его не встречавших, оставался носителем традиционных английских ценностей»⁶. В работе «Идентифицируя английскость: манеры и характер 1650–1850 гг.»⁷ Лэнгфорд выделяет характеристики «типичного» англичанина. Перечислим основные из них: трудолюбие, склонность к меланхолии, серьезность, практичность, непритязательность, прямолинейность, независимость, честность, порядочность, необщительность, красноречивость, клубность (англ. *clubbability*), неприязнь к иностранцам, гостеприимность и эксцентричность. Многие из этих черт приписывались и продолжают приписываться Джонсону, который, безусловно, являлся клубным завсегдатаем, а также отличался склонностью к меланхолии, эксцентричностью, красноречием, прямолинейностью и непритязательностью. Более того, данный перечень следует дополнить еще несколькими значимыми характеристиками, без которых портрет лексикографа останется незавершенным: ревностная религиозность и, разумеется, патриотизм, и любовь к Англии.

Для младших современников Джонсон был олицетворением всего английского. Как отмечает П. Лэнгфорд, причиной, по которой литератор «вызывал восхищение и уважение даже у тех, кто никогда не был с ним знаком лично, было его следование традиционным английским ценностям»⁸. По мнению близкого друга и еще одного биографа Джонсона миссис Эстер Трейл, это выражалось в «рвении к соблюдению субординации, близкому к фанатизму,

⁶ *Langford P. A Polite and Commercial People : England 1727–1783. Oxford : Clarendon Press, 1998. P. 679.*

⁷ *Langford P. Englishness Identified : Manners and Character 1650–1850. Oxford : Oxford University Press, 2000.*

⁸ *Langford P. A Polite and Commercial People : England 1727–1783. P. 679.*

ненависти к переменам и почтительном отношении к прошлому»⁹. Однако наиболее характерные черты Джонсона как типичного англичанина нашли отражение в «Жизни Джонсона» Босуэлла.

Так, Босуэлл утверждал, что, хотя Джонсону были свойственны вспышки гнева и неустойчивый характер, «большую часть времени он был воспитанным, любезным, более того, вежливым в истинном смысле этого слова»¹⁰. И Босуэлл, и Трейл также отмечали его незаурядное остроумие, которое, казалось, было неисчерпаемым¹¹. Недаром многие из высказываний Джонсона впоследствии стали афоризмами. Среди них особенно выделяются следующие: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя», «Писатели – вот истинная слава нации!», «Почему-то мир так устроен, что громче всех о свободе кричат надсмотрщики рабов», «Надо быть круглым идиотом, чтобы писать не ради денег», «У джентльменов задавать вопросы не принято» и др.¹² С не меньшим восторгом биографы оценивали ораторский талант Джонсона. Описывая свою первую встречу с литературным корифеем в его доме по Иннер-Темпл-Лейн, Босуэлл писал: «...и квартира, и мебель, и утреннее платье хозяина вид имели весьма затрапезный. Бежевый его сюртук от времени выцвел, старый свалывшийся ненапудренный парик был ему откровенно мал; воротник рубашки смят, штаны на коленях провисли, черные шерстяные чулки приспущены, а на ногах вместо домашних туфель красовались башмаки без пряжек. Однако стоило доктору Джонсону заговорить, как неопрятный вид его тут же забылся»¹³.

Странности Джонсона также представлялись биографам неотъемлемыми характеристиками, составляющими портрет лексикографа как типичного англичанина. Босуэлл писал: «В “Клубе”

⁹ Piozzi H. L. The Anecdotes of the Late Samuel Johnson, LL. D., During the Late Twenty Years of His Life. London : T. Cadell, 1786. P. 305.

¹⁰ Boswell J. Life of Johnson / ed. by R. W. Chapman. Oxford : Oxford University Press, 1998. P. 777.

¹¹ Piozzi H. L. The Anecdotes of the Late Samuel Johnson. P. 179.

¹² Джонсон С. Афоризмы // Отечество карикатуры и пародии. Английская сатирическая проза XVIII века / пер. с англ. А. Ливерганта. М. : Нов. лит. обозрение, 2009. С. 248–263.

¹³ Босуэлл Дж. Жизнь Сэмюэля Джонсона // Отечество карикатуры и пародии. Английская сатирическая проза XVIII века. С. 581.

не раз видели, как он, выжав из лимона сок, прячет выжатый лимон в карман. Об этом мне рассказывали Бьюклерк и Гаррик, которые никак не могли взять в толк, зачем Джонсон это делает»¹⁴. Загадка выжатых лимонов из карманов литературного «диктатора» так и осталась для Босуэлла неразгаданной, хотя можно предположить, что литератор делал это в целях экономии, чтобы повторно использовать выжатые лимоны дома.

Еще одной характерной чертой Джонсона как «чистокровного» англичанина была его склонность к меланхолии. Длительная депрессия, пришедшаяся на годы юности начинающего литератора, оставила свой след. Позднее Джонсон характеризовал этот период своей жизни как время «болезненной меланхолии» и «ужасающей ипохондрии, сопровождавшейся постоянными вспышками гнева, раздражительностью, нетерпеливостью, подавленностью, унынием и отчаянием, что делало жизнь ничтожной»¹⁵. На протяжении всей жизни его одолевали приступы меланхолии, и только общение в клубах и участие в оживленных дискуссиях поднимали настроение Джонсона.

Доктор Джонсон, нередко сравниваемый с литературным персонажем Джоном Буллем, имел с ним еще одну общую черту, которая часто остается вне поля зрения исследователей: социальное положение. Если Джон Булл торговал сукном, то Сэмюэл Джонсон – словом, недаром последний всегда признавал, что писал только ради денег. Таким образом, они оба могут считаться представителями «средних рангов» – «группы профессионалов, писателей и коммерсантов»¹⁶, – чье влияние на общественную жизнь возрастало на протяжении всего XVIII столетия. Это понимал доктор Джонсон, ориентировавшийся при написании статей в «Айдлере» и «Рэмблере»¹⁷ на вкусы читателей газет и посетителей кофеен как основной аудитории.

¹⁴ Босуэлл Дж. Жизнь Сэмюэля Джонсона // Отечество карикатуры и пародии. Английская сатирическая проза XVIII века. С. 621.

¹⁵ Boswell J. Life of Johnson. P. 47.

¹⁶ Hudson N. Samuel Johnson and the Making of the Modern England. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. P. 12.

¹⁷ Здесь и далее названия журналов даются в русской транскрипции. В русскоязычных исследованиях также встречаются переводы названий: например, «Айдлер» (англ. *Idler*) – «Бездельник», «Рэмблер» (англ. *Rambler*) – «Бродяга».

Неотъемлемой чертой Джонсона как истинного англичанина было активное участие в клубах, которые стали одним из важнейших элементов формирующейся «публичной сферы». Посещение заседаний «Иви Лэйн клуб», «Эссекс клуб» и знаменитого литературного «Клуба» сыграло важную роль в транслировании взглядов Джонсона его друзьям и соратникам по литературной деятельности. Участвуя в деятельности клуба, он смог показать свои недюжинные ораторские способности и талант парадоксального остроумия. Образ Джонсона и по сей день немислим без его бесед в клубах, которые Дж. Босуэлл записал в «Жизни Сэмюэла Джонсона» и которые остаются в памяти англичан как афоризмы доктора Джонсона.

Не менее важной характеристикой, присущей типичному англичанину, была религиозность Джонсона. Как отмечает британский исследователь Ч. Пайерс, он являлся «глубоко религиозным человеком, который беспрекословно принял факт существования Бога, всегда подтверждал свою веру в основные истины христианства, был ярким защитником англиканской церкви и тем, кто стремился на протяжении всей жизни сделать себя достойным спасения»¹⁸. Действительно, религия занимала центральное место в мировоззрении литератора. Он выступал ревностным защитником Церкви Англии, полагая, что она обеспечивает «поддержание порядка и стабильности в обществе»¹⁹. Любое выражение неуважения к Церкви или религиозного скептицизма «вызывали у него ярость»²⁰.

Итак, Джонсон считался и продолжает считаться олицетворением своей эпохи, истинным англичанином, что раскрывается в данной работе через анализ его биографии и литературного наследия. По этой причине первой задачей данной книги стала реконструкция основных вех жизненного пути доктора Джонсона и особенностей интерпретации его личности и ключевых работ в «джонсоноведческих» исследованиях. Жизнь Сэмюэла Джонсона не оборвалась с его кончиной. Напротив, после 1784 г.

¹⁸ *Pierce Ch. E. Religious life of Samuel Johnson. London : The Athlone Press, 1983. P. 9.*

¹⁹ *Cannon J. Samuel Johnson and the Politics of Hanoverian England. P. 17.*

²⁰ *Meyers J. Samuel Johnson : The Struggle. New York : Basic Books, 2008. P. 45.*

у Джонсона началась «вторая жизнь», получившая выражение в появлении многочисленных биографий лексикографа, создавших новые образы доктора Джонсона и сохранивших память о нем до наших дней.

Вторая задача состояла в том, чтобы проанализировать вклад Джонсона в культурное наследие Британских островов, а именно исследовать контекст и особенности создания таких ключевых работ интеллектуала, как «Словарь английского языка» 1755 г., издание работ У. Шекспира 1765 г., «Жизнеописания важнейших английских поэтов» 1779–1781 гг., определить их значение для британского общества середины – второй половины XVIII столетия.

Третьей задачей явилось изучение роли С. Джонсона в полемике, всколыхнувшей Англию в 60–70-х гг. XVIII в. Речь идет о дискуссии о мнимом и подлинном патриотизме, дебатах о будущем североамериканских колоний Британии, спорах лексикографа с шотландскими просветителями о «поэмах Оссиана» и равенстве англичан и шотландцев в Королевстве Великобритания. Обращение к позиции Джонсона по данным вопросам позволяет выявить место интеллектуала в политической и культурной жизни Британии. Особый интерес в этом случае представляет реакция общественности на опубликованные литератором произведения.

Четвертой задачей стало выявление представлений Джонсона как типичного англичанина на отдельные территории Британской империи и отдаленные страны. В рамках этой задачи важно понять, насколько приписываемые стереотипному англичанину в облике Джона Булла предрассудки и предубеждения в отношении других народов были близки доктору Джонсону, насколько произведения самого лексикографа отражали и продуцировали эти стереотипы.

Отдельно стоит упомянуть об источниках, составивших базу данного исследования. В основу характеристики источниковой базы положен видовой принцип классификации исторических источников. В соответствии с ним источниковую базу исследования можно разделить на несколько групп: дебаты английского парламента, периодику, публицистику, исто-

рические сочинения, жизнеописания, мемуарную литературу, травелоги, художественную литературу, корреспонденцию и частную переписку, справочные издания.

Первую группу составляют дебаты английского парламента, представленные изданием «Парламентской истории Англии» Уильяма Коббетта, охватывающие период с середины 30-х – середины 80-х гг. XVIII столетия²¹. Парламентская история была восстановлена Коббеттом на основании «журналов обеих палат, материалов современников, а также впоследствии и прессы»²².

Периодика представлена очерками, эссе и статьями Джонсона, вышедшими на страницах журналов «Джентльменс мэгэзин», «Рэмблер» и «Айдлер». Помимо журнальных статей, принадлежащих перу Джонсона, к данной группе относятся статьи и рецензии, опубликованные другими авторами XVIII в. на страницах британской периодической печати и позволяющие определить значение сочинений литературного «диктатора» Англии²³. Особое внимание уделено переводам эссеистики Джонсона на русский язык²⁴.

²¹ The Parliamentary History of England From the Earliest Period to the Year 1803. Vol. 9–12 / ed. by W. Cobbett and J. Wright. London : T. C. Hansard, 1811–1812; The Parliamentary History of England From the Earliest Period to the Year 1803. Vol. 13–24 / ed. by J. Wright. London : T. C. Hansard, 1812–1815.

²² Айзенштат М. П. Факторы актуализации прошлого в парламентской полемике Британии второй половины XVIII в. // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. № 6. С. 96.

²³ См., напр.: Strictures on Johnson's Dictionary // The Edinburgh Magazine, or Literary Miscellany. Edinburgh : Printed for J. Sibbald, 1785. P. 39–45; Garrick D. Upon Johnson's Dictionary // Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1755. Vol. 25. P. 190; Some Account of a Dictionary of the English Language // Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. April 1755. Vol. 25. P. 147–151; An Account of the New English Dictionary // The London Magazine : Or, Gentleman's Monthly Intelligencer. 1755. Vol. 24. P. 193–200; Review of Dictionary // The Monthly Review, or, Literary Journal. 1755. Vol. 12. P. 292–324; и др.

²⁴ См., напр.: Путешествие жизни человеческия // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащая. СПб. : Имп. Академия наук, 1755. Май. С. 403–413; Зритель мира и деяний человеческих / пер. с англ. Л. Сичкарев. СПб. : печатано въ типографіи у Шнора, 1784; О излишнемъ желаніи // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешанная Библиотека о разных Физических, Экономических також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах. М. : Имп. Московский ун-тъ, 1762. Ч. 1. С. 279–289.

Следующую группу источников составляет публицистика. К ней относятся политические памфлеты и эссе Джонсона: памфлеты «Ложная тревога», «Размышления о последних операциях на Фолклендских островах», «Патриот» и «Налогообложение – это не тирания»²⁵. Многочисленная эссеистика литератора позволяет судить о его политических и философских взглядах²⁶. Существенное место занимают публицистические произведения современников лексикографа, также способствующие наиболее полной реконструкции интеллектуального контекста изучаемого периода. К ним следует отнести работы Дж. Хэнзуэя, Дж. Арбетнога, Дж. Пристли, Дж. Уизли и др.²⁷

Для «встраивания» представлений Джонсона в сложившуюся в Британии традицию историописания эпохи Просвещения

²⁵ *Johnson S. Probus Britannicus. Marmor Norfolciense : Or, an Essay on an Ancient Prophetic Inscription, in Monkish Rhyme, Lately Discovered Near Lynn in Norfolk.* London : Printed for J. Brett, 1739; *Johnson S. The False Alarm.* London : T. Cadell, 1770; *Johnson S. Thoughts on the Late Transactions Respecting Falkland's Islands.* London : T. Cadell, 1771; *Johnson S. Patriot. Addressed to the Electors of the Great Britain.* London : T. Cadell, 1774; *Johnson S. Taxation No Tyranny, an Answer to the Resolutions and Address of the American Congress.* London : T. Cadell, 1775.

²⁶ См., напр.: *Johnson S. An Introduction to the Political State of Great Britain // The Literary Magazine.* London, 1756. Vol. 1, Nr 1. P. 1–9; *Johnson S. Observation on a Letter from a French Refugee in America // The Literary Magazine.* London, 1756. Vol. 1, Nr 2. P. 66–67; *Johnson S. Observations on the Present State of Affairs // The Literary Magazine.* London, 1756. Vol. 1, Nr 4. P. 161–165; *Johnson S. Review of A Journal of Eight Days' Journey // The Literary Magazine.* London, 1757. Vol. 2, Nr 13. P. 161–167; и др.

²⁷ См., напр.: *Hanway J. Essay of Eight Days Journey from Portsmouth to Kingston upon Thames, through Southampton, Wiltshire, &c. : with miscellaneous thoughts, moral and religious : in a series of sixty-four letters, addressed to two ladies of the partie : to which is added, An essay on tea, considered as pernicious to health, obstructing industry, and impoverishing the nation, with an account of its growth, and great consumption in these Kingdoms, with several political reflections, and thoughts on public love.* London : H. Woodfall, 1756; *Арбетног Дж. История Джона Булла // Англия в памфлете : Английская публицистическая проза начала XVIII века / сост. И. О. Шайтанов. М. : Прогресс, 1987. С. 41–69; The Progress of the French, in their Views on the Universal Monarchy. 1756 // Political Prints in the Age of Hogarth : A Study of the Ideographic Representation of Politics / ed. by Н. М. Atherton. Oxford : Oxford University Press, 1974; *Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного управления и о природе политической и гражданской свободы // Джозеф Пристли. Избранные сочинения / под ред. А. А. Ческиса. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. С. 207–230; Wesley J. A Calm Address to our American Colonies. Bristol : Bonner and Middleton, 1775; и др.**

использовались исторические труды его современников: «История Англии» Д. Юма, «Письма о пользе и изучении истории» Г. С. Дж. Болингброка, «Краткая история Англии» Дж. Линдсея, «История Англии» О. Голдсмита и др.²⁸

Особый интерес в качестве источника по теме исследования представляют жизнеописания и биографии, к числу которых также следует отнести произведения по истории литературы. Среди них стоит выделить восьмитомное собрание сочинений Шекспира²⁹, десяти томное издание «Жизнеописания важнейших английских поэтов»³⁰ Джонсона и принадлежащие его перу биографии Р. Сэвиджа, Р. Блейка, Ф. Дрейка и др.³¹ Кроме того, были использованы жизнеописания самого С. Джонсона, написанные Дж. Босуэллом, Дж. Хокинсом, Э. Трейл и др.³²

²⁸ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов : в 2 т. / пер. с англ. А. А. Васильева ; под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб. : Алетейя, 2001; Болингброк Г. С. Дж. Письма о пользе и изучении истории / пер. с англ. С. М. Берковской, А. Т. Парфенова, А. С. Розенцвейга; под общ. ред. М. А. Барга. М. : Наука, 1979; *Smollett T. A Complete History of England : Deduced from the Descent of Julius Cæsar, to the Treaty of Aix la Chapelle, 1748. Containing the Transactions of the One Thousand Eight Hundred and Three Years.* London : J. Rivington and J. Fletcher, 1757. Vol. 3; *Goldsmith O. The History of England : from the earliest times to the death of George II.* Boston : C. Stebbens, 1814. Vol. 2.

²⁹ *The Plays of William Shakespeare with the Corrections and Illustrations of Various Commentators* : in 8 Vol. / ed. by S. Johnson. London : J. and R. Tonson, C. Corbet, J. Rivington, etc., 1765.

³⁰ *Johnson S. The Lives of the Most Eminent English Poets with Critical Observations of Their Works* : in 10 Vol. London : C. Bathurst, J. Buckland, W. Strahan, etc., 1779–1781.

³¹ *Johnson S. An Account of the Life of Mr. Richard Savage, Son of the Earl Rivers.* London : J. Roberts, 1744; *Johnson S. The Life of Admiral Blake* // Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 19. Biographical Writings : Soldiers, Scholars and Friends / ed. by O. M. Brack and R. DeMaria. New Haven ; London : Yale University Press, 2016. P. 60–82; *Johnson S. The Life of Sir Francis Drake* // Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 19. Biographical Writings : Soldiers, Scholars and Friends / ed. by O. M. Brack and R. DeMaria. New Haven ; London : Yale University Press, 2016. P. 94–169.

³² *Hawkins J. The Life of Samuel Johnson*, LL. D. Dublin : Printed by Chambers, 1787; *Boswell J. The Life of Samuel Johnson*, LL. D. : Comprehending an Account of His Studies and Numerous Works, in Chronological Order; a Series of His Epistolary Correspondence and Conversations with Many Eminent Persons; and Various Original Pieces of His Composition, Never Before Published. The Whole Exhibiting a View of Literature and Literary Men in Great-Britain, for Near Half a Century, During

Мемуарная литература включает дневники, журналы путешествий и автобиографии. Автобиография Джонсона «Анналы: рассказ о жизни Сэмюэла Джонсона от его рождения до одиннадцати лет, написанный им самим» позволяет наиболее полно реконструировать ранние годы жизни литератора. Работа была обнаружена в 1805 г. Ричардом Райтом и издана им в этом же году³³. Остальные дневники, которые литератор вел с некоторыми перерывами с 1765 по 1784 г., были найдены среди рукописей в доме Джонсона на Гофсквер в Лондоне. Большая часть из них с 1940 г. хранится в фонде библиотеки Гарвардского университета, после того как американские коллекционеры Мэри и Дональд Хайд выкупили собрание рукописей работ и писем Джонсона у британских коллег. Современный адаптированный текст мемуаров, дневников и проповедей Джонсона был издан в Йельском университете³⁴. В работе также были использованы дневники Э. Трейл и Г. Ридпата³⁵.

Следующая группа источников представлена корреспонденцией и частной перепиской С. Джонсона. Корреспонденция Джонсона была впервые издана посмертно миссис Трейл (во втором браке миссис Пьюцци)³⁶. За ней последовал Босуэлл, включивший имеющуюся у него корреспонденцию лексикографа в первое издание «Жизни Сэмюэла Джонсона». Однако первое научное издание вышло лишь в конце XIX столетия под редакцией английского критика Георга Хилла³⁷.

which He Flourished : in 2 Vol. London : H. Baldwin, 1791; *Piozzi H. L. Anecdotes of the Late Samuel Johnson, LL.D. During the Late Twenty Years of His Life.* London : T. Cadell, 1786; *Tyers T. A Biographical Sketch of Samuel Johnson // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle.* 1784. Vol. 54, Pt. 2. P. 899–911.

³³ *An Account of the Life of Dr. Samuel Johnson, from his Birth to his Eleventh Year, Written by himself / ed. by R. Wright.* London : Printed for R. Phillips, 1805.

³⁴ *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson.* Vol. 1. *Diaries, Prayers, Annals / ed. by E. L. McAdam, D. and M. Hyde.* New Haven ; London : Yale University Press, 1969.

³⁵ *The French Journals of Mrs. Thrale and Doctor Johnson / ed. by M. Tyson and H. Guppy.* Manchester : The Manchester University Press, 1932; *The Diary of George Ridpath / ed. by Sir J. Balfour Paul.* Edinburgh : University Press, 1922. Vol. 2.

³⁶ *Piozzi H. L. Letters to and from the Late Samuel Johnson, LL.D. : in 2 Vol.* London : Printed for A. Strahan, 1788.

³⁷ *Letters of Samuel Johnson : in 2 Vol. / ed. by G. B. Hill.* New York : Harper and Brothers, 1892.

В работе также было использовано пятитомное издание писем литератора, опубликованное в 1992–1994 гг. американским исследователем Брюсом Рэдфордом³⁸. Адресатами писем литератора являлись как друзья и единомышленники Джонсона (Дж. Босуэлл, Дж. Хокинс, Э. Трейл, Дж. Рейнольдс, Э. Берк, О. Голдсмит, Д. Гаррик и др.), так и соратники по литературному поприщу, в том числе книгоиздатели и книготорговцы (Э. Кейв, У. Стрэхэн, Дж. Стивенс и др.).

Травелоги и путевые заметки британских путешественников Т. Пеннанта, М. Хэнуэй, Э. Трейл, Дж. Эндрюса и др.³⁹ составляют отдельную группу источников. Особый интерес представляет работа С. Джонсона «Путешествие по западным островам Шотландии» (1775)⁴⁰ и его дневники путешествий по Уэльсу (1774) и Франции (1775)⁴¹.

В исследовании большое внимание уделяется художественным произведениям Джонсона и его современников: О. Голдсмита, У. Бэкфорда и др.⁴² Значительное место занимают написанные литературным «диктатором» XVIII столетия художественные произведения. Так, поэма «Лондон»⁴³ дает возможность реконструировать взгляды литератора на елизаветин-

³⁸ The Letters of Samuel Johnson: in 5 Vol. / ed. by B. Redford. Oxford : Clarendon Press, 1992–1994.

³⁹ См., напр.: *Pennant T. A Tour in Scotland*. London : B. White, 1776; *Hanway M. A. A Journey to the Highlands of Scotland : with occasional remarks on Dr. Johnson's Tour*. London : Fielding and Walker, 1777; *Andrews J. A Comparative View of the French and English Nations*. London : T. Longman, 1785; *A Short Ramble through some parts of France and Italy*, by Lancelot Temple. London : T. Cadell, 1771.

⁴⁰ *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland*. London : A. Strahan, 1775.

⁴¹ *Johnson S. A Diary of a Journey into North Wales, in the year 1774* / ed. by R. Duppa. London : R. Jennings, 1816; *Johnson S. Diary, 1775* // *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson*. Vol. 1. Diaries, Prayers, Annals / ed. by E. L. McAdam, D. and M. Hyde. New Haven ; London : Yale University Press, 1969. P. 224–256.

⁴² См., напр.: *Голдсмит О. Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке* / пер. с англ. А. Г. Игнера. М. : Наука, 1974; *Бэкфорд У. Ватек* / пер. с франц. Б. Зайцева. М. : Наука, 1967; *Goring Ch. Irene, or Fair Greek*. London : Drury-Lane, 1708; *Dryden J. Aureng-zebe*. London : T. Newcomb, 1676.

⁴³ *Johnson S. London : A Poem in Imitation of the Third Satire of Juvenal*. London : R. Dodsley, 1738.

скую Англию. Пьеса «Ирэн»⁴⁴ и восточная повесть «История Расселаса, принца абиссинского»⁴⁵ раскрывают представления Джонсона о Востоке.

Наиболее значимая для данного исследования группа источников – литература справочного характера – представлена словарями английского языка, составленными современниками и предшественниками Джонсона⁴⁶. Основным источником такого вида является «Словарь английского языка»⁴⁷ 1755 г. самого Джонсона, а также «План» словаря⁴⁸, и входящие в состав «Словаря» предисловие, история и грамматика английского языка. Ведущая роль словарей в источниковой базе исследования определяется тем,

⁴⁴ *Johnson S. Irene : A Tragedy. London : R. Griffiths, 1749.*

⁴⁵ *Johnson S. The History of Rasselas, Prince of Abyssinia. A Tale : in 2 Vol. London : J. and R. Dodsley, 1759.*

⁴⁶ См., напр.: *Bailey N. Dictionarium Britannicum : or, A More Compleat Universal Etymological Dictionary Than Any Extant. Containing Not Only the Words, and Their Explication; But Their Etymologies from the Antient British, Teutonic, Low and High Dutch, Saxon, Danish, Norman and Modern French, Italian, Spanish, Latin, Greek, Hebrew, Chaldee, &c. Each in Its Proper Character. Also Explaining Hard and Technical Words, Or Terms of Art, in All the Arts, Sciences, and Mysteries Following. Together with Accents Directing to Their Proper Pronuntiation, Shewing Both the Orthography and Orthoepia of the English Tongue. London : T. Cox, 1730; Bevis J. Pocket Dictionary, or Complete English Expositor : To Which is Prefix'd an Introduction, Containing an History of the English Language, with a Compendious Grammar: and a Recommendation of the Manuscript Copy, in a Letter from Dr. Bevis. London : J. Bevis, 1753; Blount T. Glossographia : or, a Dictionary Interpreting All Such Hard Words of Whether Hebrew, Greek, Latin, Italian, Spanish, French, Teutonic, Belgick, British Or Saxon, as are Now Used in Our Refined English Tongue With Etymologies, Definitions and Historical Observations on the Same : Also the Terms of Divinity, Law, Physick, Mathematicks and Other Arts and Sciences Explicated. London : T. Newcomb, 1656; Cawdrey R. A Table Alphabetical or Hard Usual English Words / ed. by R. A. Peters. London : H. R. Warfel, 1966; Kersey J. A. A New English Dictionary : or, a Complete Collection of the Most Proper and Significant Words, Commonly Used in the Language. London : T. Cox, 1702; и др.*

⁴⁷ *Johnson S. A Dictionary of the English Language : in Which the Words are Deduced from their Originals, and illustrated in their different significations by examples from the best writer: to which are prefixed, a history of the language, and an English grammar : in 2 Vol. London : J. and P. Knapton, T. and T. Longman, C. Hitch and L. Hawes, A. Millar, R. and J. Dodsley, 1755.*

⁴⁸ *Johnson S. The Plan of a Dictionary of the English Language: addressed to the Right Honourable Philip Dormer, Earl of Chesterfield. London : J. and R. Knapton, T. Longman and T. Shewell, 1747.*

что лексикографическая традиция позволяет наиболее точно реконструировать процесс складывания национальной идентичности в Британии XVIII столетия. Кроме того, к данной группе источников относится каталог книг, выставленных на продажу душеприказчиками после смерти Джонсона⁴⁹. Каталог позволяет судить о круге чтения интеллектуала.

Отдельно хотелось бы остановиться на методологических и теоретических постулатах работы. Учитывая многогранность наследия Сэмюэла Джонсона и многоаспектность поставленных задач, исследование носит междисциплинарный характер. Важной составляющей методологии является подход, разрабатываемый в русле направления интеллектуальной истории, поскольку исследование интеллектуальных традиций позволяет выйти «за рамки истории идей, теорий, концепций» и обратиться «к анализу конкретных средств и способов их формулирования в соответствующих текстах, и к судьбам их творцов, и к более широким социокультурным контекстам»⁵⁰.

Концептуально важным для данного исследования оказалось понятие «идентичность». Под идентичностью вслед за А. И. Филюшкиным мы понимаем «устойчивое представление о принадлежности индивидуума к определенной социальной (культурной, национальной, реальной или воображаемой) общности, которое определяет его систему ценностей, социокультурные ориентиры и предпочтения, мотивацию поведения, представления о “своих” и “чужих”»⁵¹. Исследование интеллектуального наследия Джонсона невозможно без обращения к данному термину, без понимания специфики этнокультурной идентичности литератора. Работы доктора Джонсона стали ответом на происходящие в Королевстве Великобритания процессы формирования единого государства после Унии 1707 г., политической, экономической и социокультурной интеграции

⁴⁹ *Christie J.* A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the Late Learned Samuel Johnson, Esq., LL. D. London : s. n., 1785.

⁵⁰ *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. : социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011. С. 380–382.

⁵¹ *Филюшкин А. И.* Идентичность и этничность // История и теория наций и национализма. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2016. С. 8.

Англии и Шотландии, складывания полиэтнической и поликонфессиональной Британской империи, и уникальность «ответа» литератора на вызовы времени определяется его самоидентификацией.

В данном контексте важно отметить существование в исследовательской литературе многочисленных точек зрения на процессы формирования английской и британской национальной идентичности в XVIII – начале XIX в. Ряд исследователей, таких, например, как Дж. Ньюмэн⁵², Р. Коллс⁵³, отстаивают точку зрения о существовании либо процессе постепенного складывания английской национальной идентичности в XVIII столетии из-за доминирования английской культуры в Королевстве Великобритания. Больше сторонников среди исследователей имеется у Л. Коллей⁵⁴, полагавшей, что на 1707–1837 гг. пришлось складывание британской национальной идентичности. «Britishness», по мнению исследовательницы, была сформирована поверх массива внутренних различий в ответ на контакт с «другим» и прежде всего из-за конфликтов с «другим»⁵⁵. Не менее популярным концептом, определяющим особенности идентитарных процессов на Британских островах, является тезис о складывании в Британии XVIII в. так называемой англо-британской идентичности, о чем пишет К. Кидд в ряде исследований⁵⁶. Согласно К. Кидду большую роль в формировании британской нации сыграли шотландцы, а не англичане, продолжавшие после 1707 г. сохранять и поддерживать прежнюю этнокультурную идентичность.

В рамках данной работы не представляется возможным дать определенный ответ на характер национальных, этнических и религиозных идентичностей, сосуществовавших в британском обществе в XVIII в. Тем не менее, стоит согласиться с точкой зрения

⁵² Newman G. *The Rise of English Nationalism. A Cultural History 1740–1830*. London : Weidenfeld and Nicolson, 1987.

⁵³ Colls R. *Identity of England*. Oxford : Oxford University Press, 2004.

⁵⁴ Colley L. *Britons : Forging the Nation, 1707–1832*. London : Pimlico, 2003.

⁵⁵ Ibid. P. 6.

⁵⁶ Kidd C. *British Identities Before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004; Kidd C. *Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of the Anglo-British Identity: 1689 – c. 1830*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002.

С. Е. Федорова о том, что «приспособление или движение к искусственно создаваемой коллективной идентичности» часто «сопровождалось обострением напряженности между различными этнокультурными группами общества»⁵⁷. В ситуации объединения Британского государства противоречия между различными частями королевства могли приводить к «культурным войнам» в борьбе за наполнение формируемой коллективной идентичности определенными смыслами и символами. Роль интеллектуалов в этих процессах не может быть переоценена: их тексты в определенных случаях оказывали огромное влияние на общество и его осознание в качестве единого «воображаемого сообщества».

Термин «воображаемое сообщество» упомянут здесь не случайно. Конструктивистский подход Б. Андерсона⁵⁸ крайне важен для определения роли Джонсона в складывании идей, ценностей, символов, мифов и традиций, составивших основу национального государства на Британских островах. Описываемый Б. Андерсоном путь формирования «воображаемых сообществ» через революцию в книгопечатании и «лексикографическую революцию» соотносится с общественно-политическими и социокультурными трансформациями в Британии XVIII столетия.

В то же время нужно учитывать, что наследие Джонсона следует рассматривать через различные формы самоидентификации, не ограничиваясь определением вклада литератора в формирование национальной идентичности. Джонсон, как и любой его современник, был носителем одновременно нескольких идентичностей. В рамках данной работы основное внимание сосредоточено на его этнокультурной, гражданской и имперской идентичности, что неразрывно связано с тремя «уровнями» Британского государства в XVIII столетии: Англией как составной частью композитарной монархии (это отражает этнокультурную идентичность Джонсона), Королевством Великобритании (гражданская идентичность), Британской империей (соответственно, имперская идентичность).

⁵⁷ Федоров С. Е. Британская идентичность/идентичности в раннее новое время // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 3. С. 76.

⁵⁸ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2016.

Не менее важную роль для данного исследования имеют методы имагологии, подразумевающие изучение образов «своих» и «других» в историческом развитии от формирования начального образа или галереи образов к стереотипам и архетипам, складывавшимся в определенный хронологический промежуток. Современные тенденции к формированию такого междисциплинарного направления, как культурная, или имагинальная, география⁵⁹, к созданию «ментальных карт» империй⁶⁰ свидетельствуют об актуальности исследования проблем функционирования образов «другого» в общественном сознании, их роли в оформлении коллективных идентичностей. Обращение к наследию Джонсона позволяет выявить, как стереотипы в отношении определенных народов могут отражаться в текстах интеллектуалов и насколько интеллектуалы могут конструировать представления общества о «ментальной карте» современного им мира.

⁵⁹ Шпак Г. В. Изобретая пространство: Россия и Англия XVI–XIX вв. в путешествиях, травелогах, картах. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 7.

⁶⁰ См., напр. : The French Colonial Mind: Mental Maps of Empire and Colonial Encounters / ed. by M. Thomas. Lincoln ; London : University of Nebraska Press, 2011. Vol. 1.

Глава 1

МНОГОЛИКИЙ ДОКТОР ДЖОНСОН

1.1. *Per aspera ad astra*: из «чердачного поэта» в литературные «диктаторы»

По поручению королевы Марии I городу Личфилд, ныне расположенному в графстве Стаффордшир, в 1553 г. была дарована хартия, позволявшая иметь собственного шерифа. Одной из обязанностей шерифа, выбираемого на один год, был конный объезд города в праздник Рождества Девы Марии. Эта почетная традиция не прерывается и по сей день. Но для нас она важна по другой причине: 8 сентября 1709 г. шериф Личфилда также совершал эту церемонию, но с особой помпезностью, после чего устроил пир, порадовавший горожан «необычайным великолепием»⁶¹. Шерифом города в тот год был Майкл Джонсон, и это стало одним из самых выдающихся событий его жизни⁶².

Поводом к пышной церемонии было появление у супруги шерифа, Сары Джонсон, сына, родившегося днем ранее – 7 сентября (по новому стилю – 18 сентября). Ребенок оказался крайне болезненным: «вскоре после рождения обнаружили, что он болен золотухой, близорук, почти слеп на левый глаз и глух на левое ухо»⁶³. Эти недуги сопровождали всю жизнь Сэмюэла, впоследствии ставшего знаменитым доктором Джонсоном.

Год рождения сына был по праву знаменательным для Майкла Джонсона, поскольку вскоре он прекратил выполнение обязанно-

⁶¹ The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 1. Diaries, Prayers and Annals / ed. by E. L. McAdam, D. and M. Hyde. New Haven ; London : Yale University Press, 1958. P. 3–4.

⁶² Nokes D. Samuel Johnson: A Life. London : Faber and Faber LTD, 2009. P. 6.

⁶³ Щербакова Т. В. «Великий хан» английской литературы Сэмюэль Джонсон (1709–1784). Киров : Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 11.

стей шерифа города и вернулся к своей привычной работе – книготорговле. Склонность М. Джонсона к эффективности, проявлявшаяся как в неразумной трате средств на городскую церемонию, так и в строительстве книжного магазина в самом центре Личфилда на Маркет-стрит, изрядно расстроила финансовое состояние семьи Джонсонов. С годами количество долгов увеличивалось, и дошло до того, что Майкл Джонсон отговаривал свою супругу «от общения с соседями, визитов к ним или приемов у себя», поскольку считал чай крайне дорогим удовольствием⁶⁴.

Тем не менее, отец стремился обеспечить своему сыну, насколько это позволяли средства, наилучшее образование. Так, будущий литератор оказался в грамматической школе Личфилда, где в основе обучения школяров лежало освоение латыни и, частично, греческого языка. Стандартным учебником было «Короткое введение в грамматику» Уильяма Лилея 1550 г.⁶⁵, которое мальчики запоминали, прежде чем читать классические тексты и писать сочинения на латыни⁶⁶. Сэмюэлу, обладавшему острым умом и фотографической памятью⁶⁷, легко давалось обучение, и он с удовольствием изучал латынь. В то же время он мог выполнять грамматические упражнения быстро, но «часто бездельничал»⁶⁸, что впоследствии отразилось на его манере работать: оттягивать написание текста, предаваясь меланхолии или лени, и отправлять издателю рукопись в последний момент.

Впрочем, больше всего знаний Сэмюэл Джонсон получил не в *Grammar school*, где он блестяще изучил латынь, а в книжной лавке отца, где увлеченно прочитывал без разбора книгу за книгой, грезя о более счастливой участи, чем стезя книготорговца. Систематизировать знания, полученные в результате такого

⁶⁴ В защиту М. Джонсона стоит отметить, что чай действительно был дорогим удовольствием: к примеру, в 1731 г. один фунт чая, в зависимости от сорта, можно было приобрести по цене от 10 до 35 шиллингов. См.: *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 1. P. 10.*

⁶⁵ *Lily W. A Short Introduction of Grammar Generally to be Used. Oxford : at the Theater, 1709.*

⁶⁶ *Meyers J. Samuel Johnson. P. 18.*

⁶⁷ *Clifford J. L. Young Samuel Johnson. London : William Heinemann LTD, 1956. P. 47.*

⁶⁸ *Nokes D. Samuel Johnson. P. 14.*

беспорядочного чтения, удалось в ходе обучения в Оксфорде. Случай – небольшое наследство в 40 фунтов, доставшееся его матери, – позволил С. Джонсону отправиться 31 октября 1728 г. в Пемброк-колледж. Дополнительную финансовую помощь будущий лексикограф получил от Эндрю Корбета, состоятельного молодого джентльмена, решившего взять Джонсона в университет в качестве компаньона. Мечта Сэмюэла оказаться в стенах университета осуществилась, и он с воодушевлением начал посещать лекции, занятия по переводу и составлению сочинений на латыни. Сэмюэл был настолько увлечен университетской жизнью, что за все время пребывания в Оксфорде ни разу не посетил родной Личфилд: в библиотеке Пемброк-колледжа сохранились записи о ежедневных визитах Джонсона⁶⁹. Однако по прошествии тринадцати месяцев денежные неурядицы и болезнь отца вынудили его оставить университет без степени в возрасте 20 лет. В начале декабря 1729 г. в изношенных до дыр ботинках будущий лексикограф покинул Оксфорд.

Вернувшись в Личфилд, Джонсон впал в длительную депрессию, из-за которой у него «появился нервный тик, искажавший судорогой... лицо»⁷⁰. Не желая взяться за книжное дело, он пытался попробовать себя в роли школьного учителя, дабы заработать достаточно средств для продолжения обучения в университете, но потерпел неудачу. Спустя некоторое время после смерти отца (7 декабря 1731 г.), в 1733 г. Сэмюэл покидает родной город и переезжает в Бирмингем, где предпринимает попытку заняться литературным трудом.

Джонсон берется за перо в 1735 г., надеясь получить деньги за публикацию английского перевода «Путешествия в Абиссинию» Начинающий переводчик заработал на «Путешествии...» 5 гиней⁷¹. Перевод был издан в типографии Уоррена в 1735 г.⁷²,

⁶⁹ Clifford J. L. Young Samuel Johnson. P. 110.

⁷⁰ Зыкова Е. П. Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII веке: искусство жизни в зеркале писем, дневников и мемуаров. М. : ИМЛИ РАН, 2013. С. 167.

⁷¹ Clifford J. L. Young Samuel Johnson. P. 140.

⁷² Lobo J. A Voyage to Abyssinia : Containing, a Narrative of the Dangers He Underwent in His First Attempt to Pass from the Indies Into Abyssinia... : With a Continuation of the History of Abyssinia Down to the Beginning of the Eighteenth

однако не получил известности и повторно книга была напечатана лишь в 1789 г.⁷³ В дальнейшем Джонсон намеревался издать перевод латинских поэм Полициано, но это не было доведено до конца по вполне тривиальной причине: ум и сердце молодого человека были заняты иным.

В том же 1735 г. 25-летний Джонсон женился на 46-летней Элизабет Портер, вдове с тремя детьми. Хотя все биографы отмечают, что это был брак по взаимной любви, несомненно, он имел еще одно преимущество. Будучи вдовой, Элизабет Портер имела солидное приданое: 600 фунтов стерлингов, оставшиеся у нее после смерти мистера Портера, были достаточной суммой, чтобы, по подсчетам современного биографа Джонсона Дж. Мейерса, прожить на них вместе с новым мужем около 20 лет, тратя по 30 фунтов в год⁷⁴. Но судьба распорядилась иначе. На эти деньги Джонсон открыл собственную школу близ Личфилда. Однако его учебное заведение не смогло составить конкуренцию грамматической школе. Школа Джонсона просуществовала полтора года, и обучение в ней прошли единицы (Дэвид Гаррик, его брат Георг и рано умерший мистер Оффелей⁷⁵). Потеряв все деньги и оставив супругу в Личфилде со своей матерью, 2 марта 1737 г. Джонсон отправился вместе с Д. Гарриком в Лондон.

С этого момента начинается второй период в жизни литератора – годы литературной поденщины, когда он был вынужден окунуться в атмосферу жесткой конкуренции на Граб-стрит. Литературовед А. В. Дружинин емко охарактеризовал этот период временем «чердачных поэтов» (англ. *garret-poet*), поскольку

Century, and Fifteen Dissertations on Various Subjects, Relating to the History, Antiquities, Government, Religion, Manners, and Natural History of Abyssinia, and Other Countries Mention'd by Father Jerome Lobo / transl. by S. Johnson. London : A. Bettesworth, 1735.

⁷³ *Lobo J. A Voyage to Abyssinia : Containing, a Narrative of the Dangers He Underwent in His First Attempt to Pass from the Indies Into Abyssinia... : With a Continuation of the History of Abyssinia Down to the Beginning of the Eighteenth Century, and Fifteen Dissertations on Various Subjects, Relating to the History, Antiquities, Government, Religion, Manners, and Natural History of Abyssinia, and Other Countries Mention'd by Father Jerome Lobo / transl. by S. Johnson. London : Printed for Elliot and Kay, 1789.*

⁷⁴ *Meyers J. Samuel Johnson. P. 62.*

⁷⁵ *Boswell J. Life of Johnson. P. 69.*

ку «число служителей Аполлона возросло до такой степени, что между ними началась грустная конкуренция не из-за славы, а из-за куска насущного хлеба»⁷⁶. «Чердачными» такие поэты назывались по той простой причине, что они могли позволить себе жилье только на чердаках – эти комнаты были самыми дешевыми. «Чердачные поэты» могут считаться своеобразным аналогом французских «руссо сточных канав»⁷⁷: и те, и другие представляли собой закулисье «литературной республики», выполняя самую неблагодарную работу «литературного пролетариата». Таким «чердачным поэтом» стал будущий создатель «Словаря английского языка».

Начало активной литературной деятельности Джонсона в Лондоне приходится на 1738 г., когда он приступает к работе в журнале «Джентльменс мэгэзин», создателем которого являлся Эдвард Кейв (1691–1754). Литератор вновь рассчитывал осуществить перевод книги, на этот раз – «Истории Тридентского собора» Паоло Сарпи. Мистер Кейв согласился на публикацию перевода, и Джонсон подготовил «Предложения по публикации истории Тридентского собора». Хотя перевод «Истории Тридентского собора» так и не был сделан Джонсоном, с этого момента начинается период его длительных партнерских отношений с издателем.

Во время работы в журнале Джонсон начинает активно сотрудничать с Робертом Додсли (1703–1764), издателем, которому в 1738 г. продал за 10 гиней права на публикацию поэмы «Лондон»⁷⁸. Как сообщал литератор в более поздних беседах с Босуэллом, «возможно, я бы согласился и на меньшую сумму, если бы Пол Уайтхед⁷⁹ не получил десять фунтов за свою поэму, а я ни за

⁷⁶ Дружинин А. В. Этюды об английских писателях // А. В. Дружинин. Собрание сочинений : в 8 т. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1865. Т. 4. С. 11.

⁷⁷ Подробнее см.: Чудинов А. В. Жильбер Ромм и Павел Строганов : история необычного союза. М. : Нов. лит. обозрение, 2010. С. 78–81.

⁷⁸ Johnson S. London: A Poem in Imitation of the Third Satire of Uvenal. London : R. Dodsley, 1738.

⁷⁹ Пол Уайтхед (англ. Paul Whitehead, 1710–1774) – поэт, сатирик, впоследствии член Клуба адского пламени, в котором состоял Джон Уилкс, один из главных оппонентов Джонсона в дискуссии о патриотизме.

что не взял бы меньше Уайтхеда»⁸⁰. Поэма была издана анонимно в формате ин-фолио 12 мая 1738 г., а уже 20 мая последовало ее переиздание в двух форматах: ин-фолио и ин-октаво⁸¹. В том же году Додсли опубликовал поэму еще дважды, что свидетельствует о благожелательной оценке произведения читателями. В последующие годы он продолжал издавать «Лондон» в составе «Коллекции поэм» британских поэтов⁸².

Одновременно Джонсон работал журналистом в «Джентльменс мэгэзин». Так, на страницах журнала Джонсон искусно освещал ход парламентских дебатов, хотя ни разу за все это время не посетил парламент. Еще в 1738 г. в журнале, в подражание Свифту, начинают издавать «Дебаты в парламенте Великой Лилипутии»⁸³, где присутствует аллюзия на реальные дебаты в британском парламенте. С августа 1738 г. парламентские дискуссии начинают выходить под названием «Дебаты в парламенте Лилипутии». Джонсон освещал парламентские дебаты в течение трех лет: с июня 1741 по март 1744 г. Несмотря на то, что вплоть до 1771 г. был установлен строжайший запрет на освещение парламентских дебатов, Джонсон воссоздавал их из заметок тех, кто имел право на них присутствовать. Переиздания «Дебатов...» последовали уже после смерти литератора, когда были включены в собрания сочинений С. Джонсона.

В конце 1730-х – середине 1740-х гг. из-под пера Джонсона начали выходить все новые и новые работы, из которых самым известным стало анонимно опубликованное эссе «Норфолкский мрамор, или Эссе о древней пророческой надписи, обнаруженной близ Линна в Норфолке»⁸⁴. Этот очерк отражал оппозиционные взгляды Джонсона в отношении кабинета Уолпола. За на-

⁸⁰ *Boswell J. Life of Johnson. P. 91.*

⁸¹ *London // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 6. Poems / ed. by E. L. McAdam and G. Milne. New Haven ; London : Yale University Press, 1964. P. 46.*

⁸² *Ibidem.*

⁸³ *Johnson S. Debates in the Senate of Magna Lilliputia // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1738. London : E. Cave, 1738. Vol. 8. P. 283–292.*

⁸⁴ *Johnson S. Probus Britannicus. Marmor Norfolciense: Or, an Essay on an Ancient Prophetic Inscription, in Monkish Rhyme, Lately Discovered Near Lynn in Norfolk. London : J. Brett, 1739.*

пыщенными фразами об обнаружении некой надписи на мраморном камне близ резиденции Р. Уолпола следует критика правительственного курса, который, по мнению литератора, привел к тому, что для власть имущих личные интересы стали важнее интересов собственной страны. Впоследствии эссе было переиздано в 1775 г.⁸⁵ недоброжелателями, которые хотели упрекнуть Джонсона в поддержке политического курса Георга III.

Разброс тем, на которые писал Джонсон для «Джентльменс мэгэзин», позволял его семье едва сводить концы с концами. Ожидания Элизабет Джонсон, что ее супруг станет знаменитым драматургом, не оправдались. Стареющая «Тэтти», как ласково называл ее муж, разочаровалась в лондонской жизни и постепенно начала проводить больше времени с алкоголем и опиумом, чем с супругом⁸⁶. Это привело к тому, что Сэмюэл Джонсон работал как можно усерднее, стремясь оправдать надежды жены. Хотя британский историк Дж. Кларк писал о якобитских симпатиях Джонсона⁸⁷, говорить о них в 40-е гг. XVIII в. вряд ли следует: литератор был занят настолько, что не имел ни малейшего времени для участия в политических дебатах или оказания помощи восставшим.

Именно в этот период Джонсон стал одним из авторов каталога коллекции рукописей и книг Роберта Харли (1661–1724) и его сына Эдварда Харли (1689–1741). Коллекция двух первых графов Оксфордских после смерти Эдварда Харли была выкуплена издателем и книготорговцем Томасом Осборном (1704–1767), который поручил антиквару и библиографу Уильяму Одису (1696–1761) и Сэмюэлу Джонсону систематизировать сохранившиеся издания и рукописи и составить каталог Харлеанской коллекции, впоследствии приобретенной государством и ставшей основой библиотеки рукописей Британского музея.

⁸⁵ *Johnson S.* Marmor norfolciense, or, An essay on an ancient prophetic inscription, in monkish rhyme, lately discover'd near Lynn, in Norfolk. London : J. Williams, 1775.

⁸⁶ *Nokes D.* Samuel Johnson. P. 86.

⁸⁷ См.: *Clark J. C. D.* Samuel Johnson : Literature, Religion and the English Cultural Politics from the Restoration to Romanticism. Cambridge : Cambridge University Press, 1994.

Из-под пера Джонсона вышли следующие работы: «Описание Харлеанской библиотеки»⁸⁸, «Предложения по Харлеанскому альманаху»⁸⁹ и «Предисловие к Харлеанскому альманаху»⁹⁰. Общий труд Одиса и Джонсона – «Харлеанский альманах» – был опубликован в восьми томах⁹¹. Кропотливая работа по составлению каталога и альманаха продемонстрировала блестящую эрудицию и недюжинные интеллектуальные способности Джонсона.

Значительной вехой в литературной карьере С. Джонсона стала публикация биографии Ричарда Сэвиджа, написанной после его смерти в 1743 г. «Жизнь Ричарда Сэвиджа»⁹² была последним анонимным произведением Джонсона. За данное сочинение он получил весьма скромный гонорар – 15 гиней. Но именно эта работа пленила публику и принесла литератору окончательное признание в литературном мире. Новеллист Генри Филдинг назвал ее лучшим «трактатом о достоинствах и пороках человеческой природы»⁹³. При жизни Джонсона сочинение было переиздано еще трижды – в 1748, 1767 и 1777 гг., прежде чем было включено самим литератором в «Жизнеописания важнейших английских поэтов».

Долгим и сложным путем к славе представляется период жизни Джонсона с 1746 по 1762 г. Работа над «Словарем ан-

⁸⁸ *Johnson S. An Account of the Harleian Library // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1742. London : E. Cave, 1742. Vol. 12. P. 636–639.*

⁸⁹ *Johnson S. Proposals for Printing by Subscription the Harleian Miscellany : or A Collection of Scarce, Curious and Entertaining Tracts Found in the at Earl of Oxford's Library. Interspersed with Historical, Political and Critical Notes. London : E. Cave, 1743.*

⁹⁰ *Johnson S. Introduction // The Harleian Miscellany : or, A collection of Scarce, Curious, and Entertaining Pamphlets and Tracts, as well in Manuscript as in Print, Found in the Late Earl of Oxford's Library. Interspersed with Historical, Political and Critical Notes. With Table of Contents and an Alphabetical Index. London : T. Osborne, 1744. Vol. 1. P. i–viii.*

⁹¹ *The Harleian Miscellany: or, A collection of Scarce, Curious, and Entertaining Pamphlets and Tracts, as well in Manuscript as in Print, Found in the Late Earl of Oxford's Library. Interspersed with Historical, Political and Critical Notes. With Table of Contents and an Alphabetical Index : in 8 Vol. London : T. Osborne, 1744–1746.*

⁹² *Johnson S. An Account of the Life of Mr. Richard Savage, Son of the Earl Rivers. London : J. Roberts, 1744.*

⁹³ Цит. по: *Samuel Johnson // Encyclopedia Britannica / ed. by Ph. W. Goetz. 15th Ed. Chicago : Encyclopedia Britannica Inc., 1989. Vol. 22. P. 386.*

глийского языка», проделанная в эти годы, значительно изменила его жизнь. Для публикации словаря в 1746 г. свои усилия под началом книгоиздателя Уильяма Стрэхэна объединили несколько крупных издателей того времени: «Роберт Додсли, мистер Чарльз Хитч, мистер Эндрю Миллар, оба Лонгмана и оба Нэптона»⁹⁴. Создание консорциума не было чем-то из ряда вон выходящим в это время. Ни один из книготорговцев, принявших участие в затее, не располагал столь значительными средствами, чтобы позволить себе самостоятельно издать подобный фундаментальный труд.

Контракт с Джонсоном был заключен на сумму 1 575 фунтов и, по расчетам издателей, выпуск словаря ожидался спустя три года. В 1747 г. был опубликован «План словаря английского языка»⁹⁵, в котором выдвигались намерения проследить историю английского языка и объяснить значения слов с использованием известных литературных цитат. «Словарь английского языка» вышел лишь через восемь лет, в 1755 г. Джонсон то и дело был вынужден приостанавливать работу над ним, поскольку предоставленные на столь масштабный проект средства быстро закончились. Так, в письме 1751 г. он с сожалением пишет мистеру Уильяму Стрэхэну, главному издателю словаря: «тридцать два шиллинга в неделю я плачу каждому из моих помощников, которые выполняют значительную работу», однако они «просят по две гинеи»⁹⁶. Письма к Джону Ньюбери⁹⁷ свидетельствуют о том, что литератор неоднократно был вынужден занимать деньги⁹⁸. В то же время задержки с окончательной сдачей «Словаря» изрядно беспокоили книготорговцев, которых мало устраивали подобные промедления. В итоге

⁹⁴ *Boswell J. Life of Johnson. P. 132.*

⁹⁵ *Johnson S. The Plan of a Dictionary of the English Language : addressed to the Right Honourable Philip Dormer, Earl of Chesterfield. London : J. and R. Knapton, T. Longman and T. Shewell, 1747.*

⁹⁶ *Johnson S. To William Strahan // The Letters of Samuel Johnson, LL. D. / ed. by G. B. Hill. New York : The Brooklyn Public Library, 1892. Vol. 1. P. 27.*

⁹⁷ Джон Ньюбери (John Newbery, 1713–1767) – английский книгоиздатель, получивший известность изданием детской литературы.

⁹⁸ *Johnson S. Letter to John Newbery, 15 April 1751; Letter to John Newbery, 29 July 1751; Letter to John Newbery, 24 August 1751 // Letters of Samuel Johnson. Vol. 1. 1731–1772 / ed. by B. Redford. Oxford : Clarendon Press, 1992. P. 48–49.*

«единственным из партнеров-джентльменов, кто не рассорился с Джонсоном, оказался Роберт Додсли»⁹⁹.

Выход в свет «Словаря английского языка» С. Джонсона 15 апреля 1755 г. тиражом в 5 тыс. экз. стал значительным событием в жизни Англии. Первый хвалебный отзыв о труде Джонсона оставил Дэвид Гаррик в виде поэмы «О словаре Джонсона»¹⁰⁰. Только за вторую половину апреля заметки и рецензии о «Словаре» были опубликованы в семи влиятельных британских журналах: «Джентельменс мэгэзин», «Паблик эдватайзер» (*Public Advertiser*), «Джентльменс и Ландон мэгэзин» (*Gentleman's and London Magazine*), «Ландон мэгэзин» (*London Magazine*), «Мэгэзин оф мэгэзинс» (*Magazine of Magazines*), «Мансли ревью» (*Monthly Review*) и «Скотс мэгэзин» (*Scots Magazine*)¹⁰¹. Все авторы сходились в одном: «Словарь» Джонсона стал выдающимся достижением одного человека.

Экономист и философ Адам Смит, будучи младшим современником Джонсона, довольно точно выразил общественное мнение о труде литературного «диктатора»: «Г-н Джонсон пошел дальше других составителей словарей и создал полное собрание различных значений каждого английского слова, оправдывая это примерами из произведений авторов с хорошей репутацией»¹⁰². За годы жизни Джонсона «Словарь» переиздавался ин-фолио еще трижды в 1756, 1765 и 1773 гг. В 1756, 1760, 1765, 1766, 1775, 1778, 1783 гг. вышли сокращенные издания «Словаря» в формате ин-октаво¹⁰³. Дороговизна «Словаря» формата ин-фолио – 4 фунта 10 шиллингов – привела к тому, что наиболее популярным среди читающей публики стал «Словарь» Джонсона в формате ин-

⁹⁹ Алябьева Л. А. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX вв. М. : Нов. лит. обозрение, 2004. С. 106.

¹⁰⁰ Garrick D. Upon Johnson's Dictionary // *Gentleman's Magazine and Historical Account*. 1755. Vol. 25. P. 190.

¹⁰¹ McGuffie H. L. Samuel Johnson in the British Press, 1749–1784. A Chronological Checklist. New York ; London : Garland Publishing, Inc., 1976. P. 15–16.

¹⁰² Strictures on Johnson's Dictionary // *The Edinburgh Magazine, or Literary Miscellany*. Edinburgh : Printed for J. Sibbald, 1785. P. 39–45.

¹⁰³ Clifford J., Greene D. Samuel Johnson : A Survey and Bibliography of Critical Studies. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1970. P. 214.

октаво, стоимость которого составляла всего 10 шиллингов¹⁰⁴. «Словарь» Джонсона превзошел «Словарь» Бейли по количеству переизданий и стал самым востребованным словарем у современников. Так, после публикации словаря Джонсона труд Бейли переиздавался в XVIII в. 3 раза – в 1755, 1772 и 1773 гг., однако не выдержал конкуренции с изданием С. Джонсона.

Во время работы над «Словарем» Джонсон продолжал писать и другие сочинения. В 1749 г. он впервые публикует под своим именем поэму «Тщетность человеческих желаний»¹⁰⁵ в подражание десятой сатире Ювенала. За поэму он получил 15 гиней¹⁰⁶. В отличие от латинского поэта, считавшего, что важнее всего иметь здравым ум в здоровом теле, Джонсон видит способ уйти от суетной человеческой жизни в следовании христианским ценностям. Поэма была принята публикой довольно прохладно¹⁰⁷. При жизни Джонсона она так и не была переиздана.

В этот же год он заканчивает трагедию «Ирэн»¹⁰⁸, над которой трудился в первые годы брака с Элизабет. В пьесе описывались перипетии жизни христианки Ирэн при дворе султана Магомета. «Ирэн» имела коммерческий успех на сцене, где была поставлена Дэвидом Гарриком. Всего за пьесу Джонсон получил около 300 фунтов, но, несмотря на это, он считал пьесу собственным фиаско. Повторное прижизненное издание вышло лишь один раз, в 1754 г. В то же время отзывы в британской прессе о постановке были положительными: к примеру, на страницах «Ландон мэгэзин» за февраль 1749 г. сообщалось, что «пьеса проходит с овациями»¹⁰⁹.

Последующие два года – с 1750 по 1752 г. – Джонсон выпускает еженедельно по вторникам и субботам серию коротких статей под общим названием «Рэмблер» (англ. *Rambler*). Каждое

¹⁰⁴ Reddick A. The Making of Johnson's Dictionary. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. P. 86.

¹⁰⁵ Johnson S. The Vanity of Human Wishes. The Tenth Satire of Juvenal. London : R. Dodsley, 1749.

¹⁰⁶ Boswell J. Life of Johnson. P. 138.

¹⁰⁷ McGuffie M. C. Samuel Johnson in the British Press, 1749–1784. P. 9.

¹⁰⁸ Johnson S. Irene : A Tragedy. London : R. Griffiths, 1749.

¹⁰⁹ Prologue to Irene, a New Tragedy // The London Magazine, or, Gentleman's Monthly Intelligencer. 1749. Vol. 18. P. 92.

эссе выходило отдельным номером на одной странице, который продавался за два шиллинга. Литератор получал за каждый номер по две гинеи. В основном эссе «Рэмблера» печатались издателями Э. Кейвом и Дж. Пейном. Общий тираж каждого номера составлял 500 экз. Появление «Рэмблера» стало острой необходимостью: к 1750 г. все полученные на составление «Словаря» деньги были потрачены, но работа так и не подошла к концу. По сути, литератор намеревался повторить успех «Спектейтора» Аддисона¹¹⁰. За все время выхода журнала было опубликовано 208 очерков на нравственно-этические, литературные, религиозные и политические темы. Как отмечает Дж. Клиффорд, большая часть эссе, следуя привычке Джонсона откладывать написание текстов, была написана в ночь перед публикацией¹¹¹.

Журнал, в котором преобладали статьи о непривычно серьезных для рядового читателя проблемах, поначалу был равнодушно принят публикой. Последний номер «Рэмблера» пришелся на март 1752 г.: публикация журнала прекратилась в связи со смертью «Тэтти», так и не ставшей свидетельницей успеха своего супруга. Однако переиздание статей в нескольких томах после окончания его выпуска¹¹², напротив, способствовало росту популярности журнала. Многотомное собрание статей «Рэмблера» переиздавалось при жизни автора девять раз. С 1750 по 1754 г. положительные заметки о «Рэмблере» встречаются в британской периодике 32 раза¹¹³.

В начале апреля 1752 г. в доме скорбящего по супруге Джонсона появился Фрэнсис Барбер, чернокожий раб, привезенный с Ямайки доктором Ричардом Батерстом (1722–1764)¹¹⁴. Мальчику было около десяти лет, когда он впервые встретился с Джон-

¹¹⁰ См.: *Clifford J. L. Dictionary Johnson : Samuel Johnson's Middle Years. New York : McGraw-Hill, 1979. P. 73.*

¹¹¹ См.: *Ibid. P. 74.*

¹¹² См., напр.: *The Rambler : in 2 Vol. London : J. Paine and J. Bouquet, 1751–1752; The Rambler : in 6 Vol. London : J. Paine, 1752; The Rambler : in 4 Vol. London : A. Millar, 1763.*

¹¹³ *McGuffie H. L. Samuel Johnson in the British Press, 1749–1784. P. 10–15.*

¹¹⁴ См.: *Bundock M. The Fortunes of Francis Barber: The True Story of the Jamaican Slave Who Became Samuel Johnson's Heir. New Haven ; London : Yale University Press, 2015. P. 38–39.*

соном. Помогая литератору, погруженному в горечь утраты, мальчик довольно скоро начал получать образование у школьного учителя при содействии своего хозяина и научился писать и читать. Вплоть до смерти Джонсона Барбер помогал ему и был первым постоянным жильцом в доме литератора на Гоф-сквер. Впоследствии у Джонсона, склонного помогать бедным и нуждающимся¹¹⁵, появились еще два постояльца: доктор Роберт Леветт и слепая поэтесса Анна Уильямс. Ко всем жильцам своего дома литератор был крайне привязан, а потому статус Фрэнсиса довольно скоро изменился: он воспринимался практически как член семьи, и, согласно завещанию Джонсона, именно его слуга получил самое крупное наследство – сумму порядка 1 500 фунтов и ежегодную ренту в размере 70 фунтов¹¹⁶.

Однако в середине 50-х гг. XVIII в., когда Фрэнсис Барбер только начал жить в доме на Гоф-сквер, положение писателя было крайне нестабильным, и он вынужден был искать все новые и новые способы заработка на литературном поприще. По этой причине в 1756 г. Джонсон становится редактором и одновременно одним из авторов журнала «Литерари мэгэзин» (англ. *The Literary Magazine*). Старт издания совпал с началом Семилетней войны. В ответ на разразившийся конфликт Джонсон опубликовал в журнале два политических очерка: «Введение в политическое состояние дел в Великобритании»¹¹⁷ и «Наблюдения о нынешнем состоянии дел»¹¹⁸. Обе работы были нацелены на анализ причин, вызвавших масштабные военные действия в Старом и Новом Свете. Первый очерк представляет собой хронологическое изложение истории внешней и, в меньшей степени, внутренней политики Британии со времен Елизаветы I Тюдор, в то время как во втором описываются непосредственные предпосылки начала войны. «Литерари мэгэзин» просуществовал до 1758 г., и за это время Джонсон опубликовал в нем мно-

¹¹⁵ См.: Ibid. P. 57.

¹¹⁶ См.: Ibid. P. 174.

¹¹⁷ См.: *Johnson S. An Introduction to the Political State of Great Britain // The Literary Magazine. 1756. Vol. 1, Nr 1. P. 1–9.*

¹¹⁸ См.: *Johnson S. Observations on the Present State of Affairs // The Literary Magazine. 1756. Vol. 1, Nr 4. P. 161–165.*

жество памфлетов политического характера, а также рецензий и обзоров¹¹⁹. Статьи из «Литерари мэгэзин» не вызывали столь оживленного отклика у публики, как эссе в «Рэмблере». Впоследствии статьи были переизданы в собраниях сочинений Джонсона после его смерти.

По сути, триумф «Словаря» и превращение Джонсона в узнаваемую фигуру – «отца» словаря английского языка – не привели к решению финансовых проблем. Лексикограф продолжал испытывать недостаток в денежных средствах, в связи с чем с 1758 по 1760 г. начал издавать серию эссе под общим названием «Айдлер»¹²⁰ (*The Idler* – «Бездельник»), по сути, ставшую продолжением «Рэмблера». За каждый номер он также получал по две гинеи. Серия очерков включала 103 эссе на менее серьезные, в сравнении с «Рэмблером», темы, к примеру, о женской армии, браке, дружбе и многом другом. Кроме Джонсона, авторами «Айдлера» были Беннет Лэнгтон и Джошуа Рейнольдс. Каждое эссе из «Айдлера» еженедельно печаталось в журнале «Юниверсал Кроникл» (*Universal Chronicle*). Одним изданием все номера «Айдлера» были опубликованы в 1761 и 1767 гг. Однако эссе были настолько популярны, что зачастую переиздавались всеми желающими¹²¹.

Кроме того, конец 50-х гг. XVIII в. был отмечен публикацией восточной повести «История Расселаса, принца абиссинского»¹²². Интересно, что повесть была опубликована одновременно с работой Вольтера «Кандид, или Оптимизм». Нередко современники сравнивали эти произведения, которые были очень близки по сюжету. Босуэлл писал: «если бы они (повести. – Т. К.) не были опубликованы одновременно, было бы невозможно отрицать, что один автор позаимствовал сюжет у другого»¹²³.

¹¹⁹ См.: *Johnson S. Observation on a Letter from a French Refugee in America // The Literary Magazine. 1756. Vol. 1, Nr 2. P. 66–67; Johnson S. Review of A Journal of Eight Days' Journey // The Literary Magazine. 1757. Vol. 2, Nr 13. P. 161–167.*

¹²⁰ См.: *Johnson S. The Idler : in 2 Vol. London : J. Newbery, 1761.*

¹²¹ См.: *Preface // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 2. The Idler and The Adventurer / ed. by W. J. Bate. New Haven ; London : Yale University Press, 1963. P. xxiii.*

¹²² *Johnson S. The History of Rasselas, Prince of Abyssinia. A Tale : in 2 Vol. London : J. and R. Dodsley, 1759.*

¹²³ *Boswell J. Life of Johnson. P. 241.*

В обоих случаях авторы излагают странствия путешественников, стремящихся отыскать счастье и справиться с испытаниями, ниспосланными судьбой. Эта повесть в очередной раз стала свидетельством крайне шаткого экономического положения Джонсона: она была написана буквально за одну неделю с целью «возместить расходы на похороны матери и оплатить долги, которые она оставила»¹²⁴.

Жизнь литератора кардинально изменилась в 1762 г. в результате назначения ему пожизненной королевской пенсии размером 300 фунтов в год. Наконец, Джонсон стал пожинать плоды своих прошлых работ, получив финансовую независимость. Впервые в жизни он мог позволить себе писать не ради денег, что отразилось на количестве публикуемых им работ – их число уменьшилось в разы. Он все чаще проводил время за беседами в клубах. Важным событием в жизни литератора стал «Клуб», или «Литературный клуб», основанный им совместно с Дж. Рейнольдсом в 1764 г. Членами клуба, помимо Джонсона и Рейнольдса, в разное время были Эдмунд Берк, Эдвард Гиббон, Адам Смит, Чарльз Джеймс Фокс, Беннет Лэнгтон, Оливер Голдсмит, Джон Хокинс и др.¹²⁵ По сути, в зрелые годы для Джонсона «самой большой радостью стала беседа, как дружеская, так и публичная»¹²⁶. Ради бесед, которые чаще всего бывали словесными дуэлями, Джонсон посещал клуб до конца жизни. Лишь в последние годы по причине слабого здоровья он стал редко туда навещаться. Например, в 1779 г. из 18 заседаний клуба он присутствовал на трех, в 1780 – на двух, в 1781 – ни разу не был на заседаниях, в 1782, 1783 и 1784 гг. – на трех¹²⁷.

С 1760-х гг. Джонсон приобрел статус публичной фигуры, знакомства с которой жаждали многие современники. Так, 16 мая 1763 г. впервые состоялась встреча Джонсона и Джейм-

¹²⁴ См.: *Boswell J. Life of Johnson*. P. 240.

¹²⁵ См.: *Annals of the Club, 1764–1914*. London : Printed for the Club, 1914. P. 2–30.

¹²⁶ *Зыкова Е. П. Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII веке : искусство жизни в зеркале писем, дневников и мемуаров*. М. : ИМЛИ РАН, 2009. С. 177.

¹²⁷ См.: *Annals of the Club, 1764–1914*. P. 25–29.

са Босуэлла, впоследствии одного из главных поклонников литератора. Чуть позднее, в 1765 г., с литературным «диктатором» Англии познакомилась Эстер Трейл, супруга богатого пивовара Генри Трейла, собиравшая в своем особняке на Стритэмпарк «сливки» лондонского общества. И Босуэлл, и Трейл были на 30 лет младше Джонсона и с восторгом общались с ним, воспринимая его как эксцентричную знаменитость.

Без сомнения, общение с младшими современниками, равно как и посещение «Клуба», скрашивали жизнь литератора. Тем не менее, годы признания также стали временем реализации других выдающихся проектов, к числу которых относится издание сочинений Шекспира. Задуманная в годы тревог и безденежья публикация работ Шекспира была реализована в 1765 г. и стала одним из важнейших достижений Джонсона. Огромная работа была проделана по корректуре текстов и исправлению ошибок, разъяснению и уточнению спорных мест в шекспировских пьесах, поиску книг, к которым обращался великий бард. Подробнее о значении осуществленной Джонсоном работы и ее восприятии в английском обществе будет сказано в отдельном подразделе данной монографии.

В 70-е гг. XVIII в., Джонсон, казалось бы, давно не интересующийся политической жизнью, оказался в центре общественных дискуссий, бушевавших в британском обществе. Немолодой и финансово-обеспеченный, он был вынужден взяться за перо. Pamфлеты «Ложная тревога»¹²⁸, «Размышления о последних операциях на Фолклендских островах»¹²⁹, «Патриот»¹³⁰ и «Налогообложение – это не тирания»¹³¹ отражают позицию Джонсона в острой общественно-политической борьбе. Каждый из памфлетов стал его ответом на общественные волнения. В «Ложной тревоге» и «Патриоте» литератор осудил «патриотическую»

¹²⁸ См.: *Johnson S. The False Alarm. London : T. Cadell, 1770.*

¹²⁹ См.: *Johnson S. Thoughts on the Late Transactions Respecting Falkland's Islands. London : T. Cadell, 1771.*

¹³⁰ См.: *Johnson S. Patriot. Addressed to the Electors of the Great Britain. London : T. Cadell, 1774.*

¹³¹ См.: *Johnson S. Taxation No Tyranny, an Answer to the Resolutions and Address of American Congress. London : T. Cadell, 1775.*

пропаганду Джона Уилкса и ситуацию вокруг его избрания в парламент в 1768 г. от Мидлсекса. «Размышления о последних операциях на Фолклендских островах» были предостережением против военных действий с Испанией на отдаленных территориях. В памфлете «Налогообложение – это не тирания» Джонсон высказал необоснованность требований жителей 13 английских североамериканских колоний отменить новые налоги и сборы. Политические памфлеты, пожалуй, были оценены британской прессой наиболее негативно. К примеру, памфлет «Ложная тревога» был воспринят большей частью публицистов резко отрицательно (подробнее об этом см. п. 2.1).

Тем не менее, 70-е гг. XVIII в. были для Джонсона не только водоворотом политических страстей и дискуссий, захлестнувшим Британию, но и временем путешествий. После долгих уговоров Босуэлла в 1773 г. 64-летний Джонсон отправился с ним в путешествие по Гебридским островам, посетив большую часть городов и достопримечательностей Горной и равнинной Шотландии. Результатом тура стала публикация Джонсоном 18 января 1775 г. в типографии У. Стрэхэна «Путешествия по Западным островам Шотландии»¹³² в количестве 2 тыс. экз. «Путешествие...» Джонсона было долгожданным для публики, полюбившей его и оценившей его заслуги. За последние две недели января 1775 г. о травелогге писали и упоминали о нем в британской прессе более 30 раз¹³³. Большинство отзывов о «Путешествии...» было положительным, однако тогда же появляются первые критические замечания. Так, анонимный автор отзыва из газеты «Монинг кроникл» сообщал, что «Путешествие...» похоже на «напыщенную безделушку, наполненную своевольными искажениями и злонамеренной клеветой»¹³⁴. «Путешествие по Западным островам Шотландии» С. Джонсона особенно яростно было раскритиковано шотландскими читателями,

¹³² См.: *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland.* London : A. Strahan, 1775.

¹³³ См.: *McGuffie H. L. Samuel Johnson in the British Press, 1749–1784.* P. 136–141.

¹³⁴ *The Morning Chronicle and London Advertiser.* 1775. 30 January. P. 2.

посчитавшими, что текст его оскорбляет шотландцев: «что он (Джонсон. – Т. К.) написал с намерением оклеветать шотландскую нацию – очевидно; и отчет, который он дает о своем путешествии, показывает, с каким упрямством и надменной злобой он упорствовал в достижении этой цели. Каждая строка полна предубеждений»¹³⁵.

Впоследствии, летом 1774 г., уже вместе с семьей Трейл Джонсон отправился в Северный Уэльс, а осенью 1775 г. в компании с Трейлами и итальянским лексикографом Джузеппе Баретти (1719–1789) посетил Францию. В отличие от путевых заметок о Хайленде, Джонсон не опубликовал описания путешествий в Уэльс и Францию, заметки о которых сделаны в его дневниках за 1774 и 1775 гг. соответственно. Дневники были обнаружены и опубликованы уже после смерти литератора: французский дневник – в «Жизни Сэмюэла Джонсона» Босуэлла 1791 г., валлийский дневник – отдельной книгой под редакцией писателя Ричарда Даппа (1770–1831) в 1816 г.¹³⁶

Последним масштабным проектом, за выполнение которого взялся Сэмюэл Джонсон, стали «Жизнеописания важнейших английских поэтов». В 1773 г. впервые возникла идея подготовить подобное издание, ставшее квинтэссенцией творческого пути лексикографа. В 1779 г. выходят первые четыре тома, а в 1781 г. – следующие шесть¹³⁷. В письме от 3 мая 1777 г. Джонсон сообщает Босуэлли, что «занимается написанием небольших жизнеописаний с небольшими предисловиями в небольшом издании английских поэтов»¹³⁸. Несколько книготорговцев и издателей объединили свои усилия для публикации труда, а именно: «Том Дэвис, Уильям Стрэн и Томас Каделл. Они представляли

¹³⁵ McNicol D. Remarks on Dr. Johnson's Journey to the Hebrides; in which are contained, Observations on the Antiquities, Language, Genius, and Manners of the Highlanders of Scotland. London : T. Cadell, 1779. P. 371.

¹³⁶ См.: Johnson S. A Diary of a Journey into North Wales, in the year 1774 / ed. by R. Dappa. London : R. Jennings, 1816.

¹³⁷ См.: Johnson S. The Lives of the Most Eminent English Poets : With Critical Observations of Their Works : in 10 Vol. London : C. Bathurst, J. Buckland, W. Strahan, etc., 1779–1781.

¹³⁸ Цит. по. : Boswell J. Life of Johnson. P. 801.

своего рода компанию на паях из тридцати шести лондонских книготорговцев, которые намеревались выпустить в новом издании стихи английских поэтов, чтобы составить конкуренцию, точнее – потопить “Британских поэтов” – шотландское издание, продававшееся в Лондоне у Джона Белла»¹³⁹. Уже в 1781 г. было опубликовано общее четырехтомное издание «Жизнеописаний» Джонсона. Тем не менее, заработать на этом проекте Джонсону удалось немного – он получил 400 гиней, «хотя мог претендовать на тысячу или даже полторы тысячи»¹⁴⁰.

Жизнеописания были тепло приняты читающей публикой. В письме, опубликованном в «Ландон ивнинг пост», анонимный автор советует Дж. Беллу прекратить соперничество с другими книготорговцами, поскольку отныне труд Джонсона «будет рассматриваться в качестве совершенного образца» жизнеописаний английских поэтов¹⁴¹. За 1779 г. упоминания и рецензии на «Жизнеописания...» встречаются в британской прессе не менее 50 раз¹⁴².

Создание «Жизнеописаний...» стало последним достижением интеллектуала. Здоровье Джонсона было подорвано, и в последние годы жизни литератор ничего не писал, поддерживая корреспонденцию лишь с самыми близкими друзьями и лечащим врачом Ричардом Броклесби. И без того слабое зрение ухудшилось, астма не позволяла спать по ночам. В последнем письме к Фанни Берни он сетовал: «Я могу писать, но о чем? Есть только одна печальная истина, я очень болен»¹⁴³. Литературный «диктатор» умер от сердечного приступа 13 декабря 1784 г. в возрасте 75 лет.

¹³⁹ Элиот С. Формат, авторское право, цена : некоторые материальные векторы в литературной культуре // Нов. лит. обозрение. 2005. № 73. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/el40.html> (дата обращения: 20.06.2021).

¹⁴⁰ Алябьева Л. А. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX вв. М. : Нов. лит. обозрение, 2004. С. 111.

¹⁴¹ Цит. по: McGuffie H. L. Samuel Johnson in the British Press, 1749–1784. P. 231.

¹⁴² См.: Ibid. P. 231–242.

¹⁴³ Johnson S. Letter to Francis Burney, 1 November 1784 // Letters of Samuel Johnson. Vol. 4. 1782–1784 / ed. by B. Redford. Oxford : Clarendon Press, 1994. P. 432.

Несмотря на недуги (плохое зрение, нервные тики и синдром Туретта) и вопреки им, благодаря интеллектуальным способностям и литературным талантам, Сэмюэл Джонсон снискал славу и признание современников и потомков. Уже при жизни он стал считаться «великим ханом английской литературы» – такой «титул» «присвоил» ему Т. Смоллетт в 1759 г.¹⁴⁴ Впоследствии Джонсона стали именовать не столько «ханом», сколько «диктатором», определяющим литературные вкусы и предпочтения читающей публики на протяжении 60-х – середины 80-х гг. XVIII столетия. Признание современниками заслуг С. Джонсона перед Британией выразилось также в том, что он был похоронен в Вестминстерском аббатстве.

В целом жизненный путь литературного «диктатора» Англии можно разделить на три этапа, каждый из которых представляет особый период в его биографии. Если в годы становления (1709–1737) Джонсон находился в поиске своего призвания и перевод «Путешествия в Абиссинию» представляется лишь первой попыткой попробовать себя на литературном поприще, то последующие годы литературной поденщины (1737–1762) стали для него нелегким испытанием на пути к признанию, прешедшему после публикации «Словаря», который явился для Джонсона важнейшим событием. С момента выхода в свет этого масштабного труда каждая последующая работа литератора вызвала общественный резонанс.

Последний период жизни (1762–1784), наступивший после назначения королевской пенсии, ознаменовал время, когда Джонсон мог «почивать на лаврах» и писать не ради денег, высказываясь только тогда, когда это казалось ему необходимым. Самые выдающиеся проекты, реализованные Джонсоном в эти годы – публикация собрания сочинений Шекспира и «Жизнеописаний важнейших английских поэтов» – явились своего рода национальными «иконами» Георгианской эпохи. Способность отвечать на вызовы современности позволила лексикографу приобрести репутацию «оракула» нации.

¹⁴⁴ Цит. по : *Boswell J. Life of Johnson*. P. 219.

1.2. «Страсть к чтению была его главной страстью»

Когда Джонсон в последний раз приехал в родной город Личфилд в 1784 г., его здоровье резко пошатнулось, и врач посоветовал своему знаменитому пациенту вернуться в Лондон для лечения под строгим наблюдением¹⁴⁵. Джонсон был счастлив подчиниться совету лечащего врача, поскольку любил Лондон. Недаром он полагал, что только тот, «кто устал от Лондона, устал от жизни»¹⁴⁶. Однако не жажда вновь окунуться в бурлящую общественную жизнь столицы была причиной поспешного возвращения. Джонсон с покорностью написал доктору Броклесби о своем желании полностью следовать его указаниям и добавил: «город – часть меня, там мои друзья и мои книги, с которыми я еще не попрощался»¹⁴⁷. Судя по этому утверждению, в жизни Джонсона книги занимали место, равное его самым дорогим друзьям.

Любовь к книгам и чтению была присуща знаменитому доктору Джонсону с детства, когда он без разбора читал в книжной лавке отца, а количество прочитанных и просмотренных им книг на протяжении всей жизни едва ли поддается точному подсчету. Тем не менее, одним из значимых источников, позволяющим судить о круге чтения литератора, является каталог книг, выставленных на продажу душеприказчиками после смерти С. Джонсона. Целью данного подраздела является реконструкция круга чтения интеллектуала посредством обращения к книжному каталогу.

Каталог был составлен организатором аукциона Дж. Кристи в начале 1785 г. В результате торгов, проходивших с 16 по 19 февраля, было распродано более 3 тыс. книг, а также памфлетов, журналов и портретов, принадлежавших доктору Джонсону. Общая сумма от продаж на аукционе составила 292,9 фунта стерлингов. Для сравнения: библиотеки других выдающихся интеллектуалов первой половины XVIII в. были менее масштабными:

¹⁴⁵ См.: *DeMaria R. Samuel Johnson and the Life of Reading*. Baltimore : The John Hopkins University Press, 1997. P. 1.

¹⁴⁶ *Boswell J. Life of Johnson*. P. 859.

¹⁴⁷ *Johnson S. Letter to Dr. Brocklesby, 25 October 1784 // The Letters of Samuel Johnson*. Vol. 4. 1782–1784 / ed. by B. Redford. Oxford : Clarendon Press, 1992. P. 428.

библиотека А. Поупа насчитывала порядка 600–700 томов, а книжная коллекция Дж. Свифта включала 657 изданий¹⁴⁸.

Мнение исследователей наследия С. Джонсона о каталоге, составленном Дж. Кристи, однозначно. Так, в представлении одного из ведущих джонсоноведов второй половины XX в. Д. Грина каталог представляет собой пример «худшего каталога, когда-либо созданного»¹⁴⁹. Известно, что автор каталога, Дж. Кристи, был моряком и ушел в отставку, чтобы стать аукционистом. Анализируя содержание каталога, писатель А. В. Хаттон (1848–1912) писал о Дж. Кристи: «Жаль, что он не остался во флоте. Едва ли вступление каталога свободно от ошибок; едва ли каждая книга адекватно описана и места издания не остаются под сомнением; некоторые записи настолько обрывочны, что книгу невозможно распознать; каждый лот содержит по несколько книг, которые могут быть вовсе не озаглавлены»¹⁵⁰.

Небрежность в формировании каталога очевидна. Так, первый же лот, выставленный на продажу 16 февраля 1785 г., озаглавлен как «Одиннадцать разн.» (англ. *Eleven Miscell.*)¹⁵¹, что не дает возможности понять, о каких изданиях идет речь. Более того, как справедливо отметил А. В. Хаттон, каталог отличается множеством неточностей в описании книг и зачастую отсутствие полных названий, а также указаний места и года издания большинства трудов из коллекции Джонсона. Однако будучи единственным в своем роде, каталог Дж. Кристи позволяет выявить примерный состав личной библиотеки С. Джонсона, определить круг его чтения и литературные предпочтения, поскольку из порядка 3 тыс. книг, указанных в каталоге, около 760 наименований могут быть идентифицированы по автору и заголовку.

Сам Джонсон не всегда оценивал себя как прилежного читателя. Его дневниковые записи нередко отражают недовольство по поводу количества прочитанной литературы. К примеру, он писал

¹⁴⁸ См.: *Kernan A. B. Samuel Johnson and the Impact of Print.* Princeton ; New Jersey : Princeton University Press, 1989. P. 212.

¹⁴⁹ *Greene D. Samuel Johnson's Library : An Annotated Guide.* Victoria : University of Victoria, 1975. P. 5.

¹⁵⁰ *Ibid.* P. 5–6.

¹⁵¹ *Christie J. A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the Late Learned Samuel Johnson.* P. 3.

в 1779 г.: «За последний год я мало приобрел (книг. – Т. К.), почти ничего не читал»¹⁵². При этом в 1779 г. лексикограф дописал большую часть «Жизнеописаний важнейших английских поэтов», а свой распорядок дня в пятницу 2 апреля он описывал следующим образом: «Ничего не съев, я отправился в церковь с Босуэллом. Мы пришли поздно, я смог присутствовать на молебствии без особого беспокойства. Когда мы вернулись домой, я начал читать Первое послание к фессалоникийцам... Я дал Босуэлу “Мысли” Паскаля¹⁵³, чтобы он не смог меня перебить. Я не читал, как мне кажется, очень прилежно, и, прежде чем я дочитал, мы снова пошли в церковь. Дома я вновь читал, затем выпил чаю с булочкой и еще половиной, считая себя менее способным поститься, чем в прежние времена; а затем завершил Послание»¹⁵⁴. Впрочем, более ранние дневниковые записи демонстрируют, что литератор был заядлым читателем.

Действительно, литературный «диктатор» Англии – самый известный библиофил среди современников. О манере чтения Джонсона его первый биограф и друг Джон Хокинс сообщал следующее, сравнивая его с итальянским библиотекарем Антонио Мальябеки: «страсть к чтению была его главной страстью, а изумительная память – его выдающимся даром: он читал каждую книгу почти с полным равнодушием, как только она попадала в его руки; однако хотя он читал с поразительной быстротой, он не только запоминал смысл прочитанного, но зачастую мог дословно продекламировать строки из книги. <... > Удивительно было наблюдать, когда он брался за книгу, с каким рвением он ее читал и с какой поспешностью его взор... бродил по ней: он, как известно, мог прочитать целый том, и не самый маленький, за один присест»¹⁵⁵. Другой биограф, Джеймс Босуэлл, отмечал, что доктор Джонсон «много читал в беспорядочном и хаотичном порядке»¹⁵⁶, а также имел особую способ-

¹⁵² *Johnson S. Subsection of Annals, 1779 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson / ed. by E. L. McAdam, D. and M. Hyde. New Haven ; London : Yale University Press, 1958. P. 294.*

¹⁵³ Речь идет о произведении «Мысли о религии и других предметах» (1657–1658) Блеза Паскаля.

¹⁵⁴ *Johnson S. Subsection of Annals, 1779. P. 293–294.*

¹⁵⁵ *Hawkins J. The Life of Samuel Johnson, LL. D. Dublin : Printed by Chambers, 1787. P. 14–15.*

¹⁵⁶ *Boswell J. Life of Johnson. P. 43.*

ность «определить ценность любой книги с ходу, без необходимости прочитывать ее от начала до конца»¹⁵⁷. Миссис Трейл также говорила об особенностях Джонсона-читателя: «Иногда у него были очень сильные приступы чтения; и когда он всерьез собирался пролистать какие-то определенные страницы... он совершенно терялся в компании и обращал все свое внимание на то, что он читал, без малейшего представления или заботы о царящем вокруг него шуме»¹⁵⁸.

Манера чтения Джонсона, зафиксированная на страницах биографических работ его современников, демонстрирует, что состав домашней библиотеки литературного «диктатора» едва ли охватывает большую часть прочитанных им трудов. По сути, представленная в каталоге книжная коллекция в основном была собрана им в поздние годы жизни, с 1762 г., когда он стал финансово обеспечен благодаря пожалованной ему Георгом III пенсии. Тем не менее, на основании каталога можно выявить несколько ключевых тем, на которые распадается книжный каталог и которые определяют сложившийся в зрелые годы Джонсона круг чтения.

С. Джонсон был глубоко религиозным человеком, для которого, как отмечает исследователь Ч. Пирс, «религия не была мягким и солнечным элементом, а скрещивалась с душевными бурями и борьбой»¹⁵⁹. По этой причине значительную часть библиотеки моралиста составляла религиозная литература. Она была представлена 12 изданиями Библии в основном на английском, греческом и латинском языках, а также на французском. Как свидетельствует дневник С. Джонсона, библейские тексты перечитывались литератором регулярно. Так, дневниковая запись от 27 ноября 1774 г. гласит, что Джонсон «начал читать Новый Завет на греческом, по 160 строк каждое воскресенье»¹⁶⁰. В библиотеке литератора имелись два издания Нового Завета 1620 и 1703 гг. на греческом языке¹⁶¹. Кроме того, особый интерес у Джонсона вызывали пропо-

¹⁵⁷ *Boswell J. Life of Johnson. P. 52–53.*

¹⁵⁸ *Piozzi H. L. Anecdotes of the late Samuel Johnson. P. 259.*

¹⁵⁹ *Pierce Ch. E. The Religious Life of Samuel Johnson. P. 11.*

¹⁶⁰ *Johnson S. Subsection of Annals, 1774 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson / ed. by E. L. McAdam, D. and M. Hyde. New Haven ; London : Yale University Press, 1958. P. 223.*

¹⁶¹ См.: *Christie J. A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the Late Learned Samuel Johnson. P. 21, 24.*

веди англиканских священников и теологическая литература. Например, как свидетельствует каталог, в результате аукциона из библиотеки Джонсона были проданы «Проповеди Эндрюса» 1632 г., «Проповеди Фиддса» 1720 г., «История английских переводов Библии» Льюиса, «Жизнеописание епископа Эйлмера», «Проповеди Кларка» и др.¹⁶² Также литератор был хорошо знаком с известными английскому читателю XVIII в. нравоучительными религиозными произведениями. К примеру, как отмечал Босуэлл¹⁶³, в детстве мать читала ему «Долг человека»¹⁶⁴. С особым почтением Джонсон относился к труду англиканского священнослужителя Уильяма Лоу «Серьезный призыв к благочестивой жизни»¹⁶⁵, с трудом которого он ознакомился, будучи студентом Пемброк-колледжа. Джонсон вспоминал: «Я взялся за “Серьезный призыв к благочестивой жизни”, надеясь на скучную книгу, чтобы, вероятно, посмеяться над ней. Но я обнаружил, что Лоу превосходит меня; это был первый случай, когда я всерьез задумался о религии»¹⁶⁶. Впоследствии Джонсон цитировал труд Лоу в «Словаре английского языка» наравне с произведениями Шекспира, Мильтона, Аддисона и др.

Основу библиотеки С. Джонсона составляли труды латинских и греческих авторов, недаром в ранние годы жизни он желал стать «искусным и признанным представителем традиции классического гуманизма»¹⁶⁷. Так, согласно каталогу, доктор Джонсон был обладателем собственных экземпляров трудов Вергилия, Гомера, Ксенофонта, Лукреция, Платона, Сократа, Софокла, Тацита, Цицерона, Еврипида и многих других. Однако, как признавался Джонсон Босуэллу в одной из бесед, больше всего из классической литературы он предпочитал «Одиссею» Гомера¹⁶⁸. Помимо эпоса Гомера, он особо любил произведения Вергилия. В разговоре с Босуэллом 2 мая 1783 г. он сообщил,

¹⁶² См.: *Christie J. A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the Late Learned Samuel Johnson.* P. 3–28.

¹⁶³ См.: *Boswell J. Life of Johnson.* P. 50.

¹⁶⁴ См.: *Allestree R. The Whole Duty of Man.* London : W. Norton, 1704.

¹⁶⁵ См.: *Law W. A Serious Call to a Devout and Holy Life.* London : W. Innys, 1729.

¹⁶⁶ *Boswell J. Life of Johnson.* P. 50–51.

¹⁶⁷ *Clark J. C. D. Samuel Johnson : Literature, Religion and English Cultural Politics from the Restoration to Romanticism.* P. 3.

¹⁶⁸ *Boswell J. Life of Johnson.* P. 1234.

что «в этом году перечитал Вергилия. Я читал “Энеиду” каждую ночь, так что завершил ее за двенадцать ночей и был весьма очарован»¹⁶⁹. Таким образом, воображая себя частью «сообщества неолатинских авторов»¹⁷⁰, или августинцев, он стремился подражать ведущим гуманистам – Жозефу Скалигеру и Анжело Полициано, непреклонно изучая античное наследие.

Присущий С. Джонсону интерес к прошлому не только Эллады и Рима, но и к истории других стран, также отразился на наличии в его библиотеке внушительного числа исторических произведений. Так, среди книг, распроданных 16–19 февраля 1785 г., были следующие исторические труды: «История Франции» в 3 томах Франсуа Эд де Мезере (1641–1651); «История моего собственного времени» Гилберта Барнета (1724–1734); первый том «Истории Англии» Кэтрин Маколей (1763); «История Америки» (1777) и «История Шотландии» (1759) Уильяма Робертсона; «Римская история» (1772) Оливера Голдсмита; «Пограничная история Англии и Шотландии» (1776) Джорджа Ритпата и др. Широкий круг интересов Джонсона заметен по его отношению к церковной истории: в его библиотеке присутствовали работы Евсевия Кесарийского, в том числе «Церковная история»¹⁷¹.

Будучи человеком эпохи Просвещения, С. Джонсон уделял большое внимание энциклопедическим трудам. Например, он был обладателем первых семи томов французской «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751)¹⁷², а также множества словарей, в том числе: «Исторического словаря» (1670) Николаса Ллойда, «Британского словаря» (1702) Натана Бейля, «Универсального словаря» (1741) Ифрема Чемберса, «Словаря» (1675) Френсиса Холиока и др. Небезынтересно, что в коллекции доктора Джонсона также находились работы просветителей, среди которых можно выделить труд Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии», трехтомное собрание сочинений Джона Локка и перевод Томаса Гоббса «Истории» Фукидида.

¹⁶⁹ *Boswell J. Life of Johnson. P. 1234.*

¹⁷⁰ *DeMaria R. Samuel Johnson and the Life of Reading. P. 8.*

¹⁷¹ См.: *Christie J. A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the Late Learned Samuel Johnson. P. 7, 27.*

¹⁷² См.: *Ibid. P. 22.*

Важное место в круге чтения литератора также занимали художественные произведения. Среди них особенно выделяются труды Уильяма Шекспира, многотомные собрания сочинений которого имелись в библиотеке Джонсона в семи разных изданиях. Жемчужиной коллекции было первое фолио работ Шекспира 1623 г., проданное на аукционе в третий день торгов – 18 февраля 1785 г.¹⁷³ Будучи одним из редакторов собрания сочинений Шекспира, вышедшего в свет в 1765 г., доктор Джонсон знал труды барда в совершенстве. Известно, что его знакомство с творчеством Шекспира произошло в возрасте 9 лет, когда он, читая в одиночестве «Гамлета», был напуган сценой появления призрака¹⁷⁴. Высокого мнения литератор был и о трагедии «Отелло». Так, когда однажды Босуэлл сказал, что главным недостатком этой трагедии является отсутствие морали, Джонсон не согласился: «Нет, сэр, я думаю, что Отелло имеет больше морали чем любая другая пьеса»¹⁷⁵.

Однако С. Джонсон, помимо Шекспира и его драматургии, выделял еще несколько любимых авторов и произведений. Среди работ современников он особенно тепло отзывался об «Амелии» Г. Филдинга и «Векфильдском священнике» О. Голдсмита¹⁷⁶. К примеру, лексикограф утверждал, что прочитал «Амелию» на одном дыхании¹⁷⁷. Однако самыми любимыми книгами стали работы его предшественников. Миссис Трейл в «Анекдотах покойного Сэмюэла Джонсона» сообщала историю о том, как Джонсон, вынужденный читать рукопись пьесы неизвестного джентльмена, сказал: «Увы, мадам! <...> как мало тех книг, которые каждый может прочесть до последней страницы! Были ли вещи, желанные читателями больше, чем Дон Кихот, Робинзон Крузо и Путешествие Пилигрима?»¹⁷⁸ Каждая из этих книг М. де Сервантеса, Д. Дефо и Дж. Баньяна была дорога литератору и составляла часть его библиотечной коллекции. Но настольной книгой, как призна-

¹⁷³ См.: *Christie J. A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the Late Learned Samuel Johnson*. P. 21.

¹⁷⁴ См.: *Boswell J. Life of Johnson*. P. 52.

¹⁷⁵ *Ibid.* P. 745.

¹⁷⁶ См.: *DeMaria R. Samuel Johnson and the Life of Reading*. P. 190.

¹⁷⁷ См.: *Boswell J. Life of Johnson*. P. 747.

¹⁷⁸ *Piozzi H. L. Anecdotes of the late Samuel Johnson*. P. 281.

вался Джонсон в беседах с Босуэллом, была «Анатомия меланхолии» Роберта Бертона, проданная на аукционе 18 февраля¹⁷⁹. Так, С. Джонсон говорил, что это «единственная книга, которая может заставить меня подняться с кровати на два часа раньше, чем я сам желал встать»¹⁸⁰. Для него, склонного к приступам меланхолии, труд Бертона был ценен не только из-за многочисленных цитат из трудов античных авторов, но и благодаря наличию практических советов по тому, как рассеять меланхолию.

В каталоге также встречаются упоминания книг, которым, казалось бы, не было места на книжных полках литератора. В библиотеке Джонсона имелся труд по арифметике, составленный Эдвардом Хаттоном, «Элементарная математика» Виллема Грейвсанде, «Химические эссе» Ричарда Уотсона, анонимная «История медицины» (1723), «Медицинский словарь» (1743) Роберта Джеймса и множество других трудов по медицине. О медицинском словаре Р. Джеймса (1703–1776) упоминал в «Жизни Сэмюэла Джонсона» Босуэлл, сообщая, что литературный «диктатор» помогал в написании предисловия к этому словарю¹⁸¹. Наличие данных работ в составе домашней библиотеки С. Джонсона демонстрирует разнородность литературы, которая была предметом интереса выдающегося английского интеллектуала.

Однако информационный потенциал каталога Дж. Кристи неограничен. Каталог не охватывает все виды книжной продукции, прочитываемой Джонсоном ежедневно, будь то газеты, журналы или материалы корреспонденции. Едва ли анализ каталога позволяет воссоздать атмосферу, в которой литератор читал, или то, как он читал. Напротив, наиболее ярко манера чтения доктора Джонсона представлена на картине, написанной Джошуа Рейнольдсом в 1775 г. (рис. 1). На полотне изображен почти ослепший лексикограф, сосредоточенно взглядывающийся в страницы книги, близко поднесенной к лицу. Именно таким читателем, всецело погруженным в книгу, литературный «диктатор» Англии предстал перед современниками.

¹⁷⁹ См.: *Christie J. A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the Late Learned Samuel Johnson*. P. 21.

¹⁸⁰ *Boswell J. Life of Johnson*. P. 438.

¹⁸¹ См.: *Ibidem*.

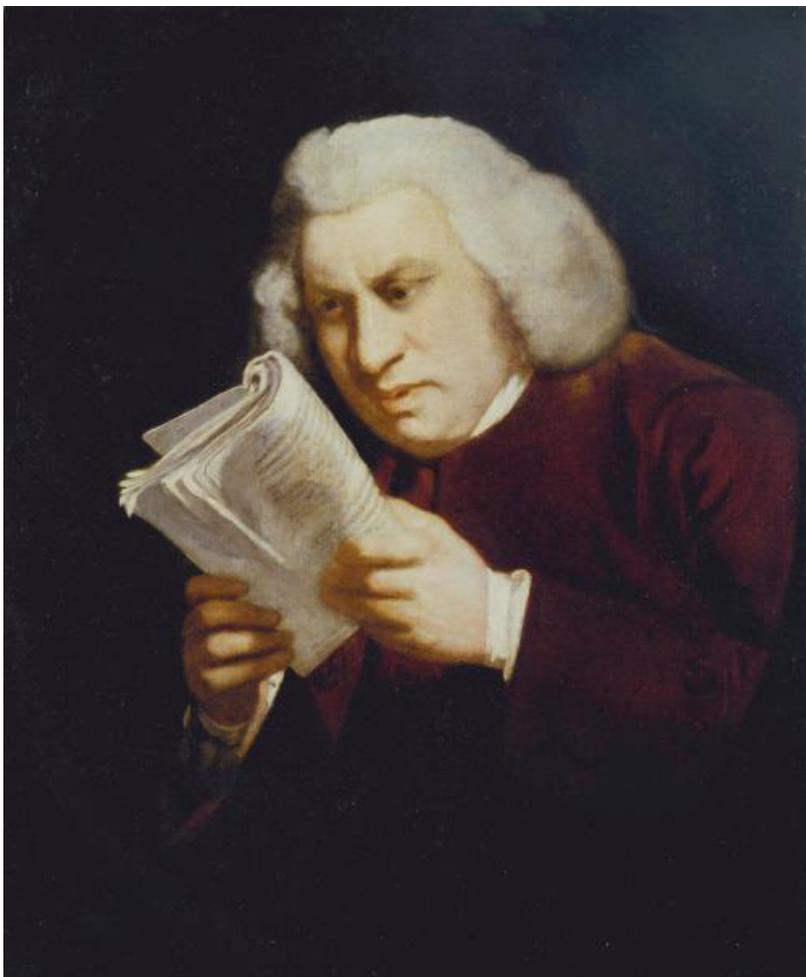

Рис. 1. Портрет Сэмюэла Джонсона,
выполненный Джошуа Рейнольдсом (1775).

The Huntington Library. URL: emuseum.huntington.org/objects/48194/portrait-of-samuel-johnson-blinking-sam (data of access: 21.02.2022)

Предпринятый анализ состава библиотеки С. Джонсона позволяет судить о тематическом разнообразии книжной коллекции – от работ по литературе, истории, философии и теологии до трудов по медицине и математике. Основу библиотеки лексикографа составляли работы античных авторов, многочисленные издания Библии и религиозная литература, исторические и лексикографические сочинения. Однако его книжные интересы этим не ограничивались. Настольными книгами доктора Джонсона были литературные произведения Сервантеса, Дефо, Баньяна и Бертона наравне с трудами Гомера и Вергилия. Жизнь доктора Джонсона едва ли можно представить без книг, которые он читал по самым разным поводам и причинам. Пожалуй, его жизненным кредо стало высказывание из «Анатомии меланхолии» Бертона: «не быть одиноким; не бездельничать», которое Джонсон трансформировал в знаменитый афоризм: «если ты бездельничаешь, не будь одиноким; если ты одинок, не бездельничай»¹⁸². Если поводами для безделья лексикографа были заседания в литературном клубе, превращавшиеся в словесные дуэли, то его защитой от безделья в моменты одиночества всегда являлись книги.

1.3. «Вторая жизнь» Сэмюэла Джонсона, или «Джонсоноведение»

Еще при жизни Джонсона, в особенности после публикации «Словаря», его личность стала предметом оживленных дискуссий и бесед среди завсегдатаев английских клубов и кофеен. О нем говорили то с восхищением, то с иронией и насмешкой, но важнее всего то, что его беспрестанно обсуждали. Исследователи ранних биографий Джонсона О. Брэк и Р. Келлей справедливо отмечали, что «до смерти в декабре 1784 г. Джонсон уже был общественной собственностью»¹⁸³, публичной фигурой. Именно поэтому его смерть была воспринята как гибель «гордости английской литературы»¹⁸⁴ и вызвала появление множества биографий и очерков (рис. 2).

¹⁸² *Boswell J. Life of Johnson.* P. 1043.

¹⁸³ *Brack O. M., Kelley R. E. Samuel Johnson : Early Biographers.* Iowa City : University of Iowa Press, 1971. P. xi.

¹⁸⁴ *Deaths // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle.* 1784. Vol. 54, pt. 2. P. 957.

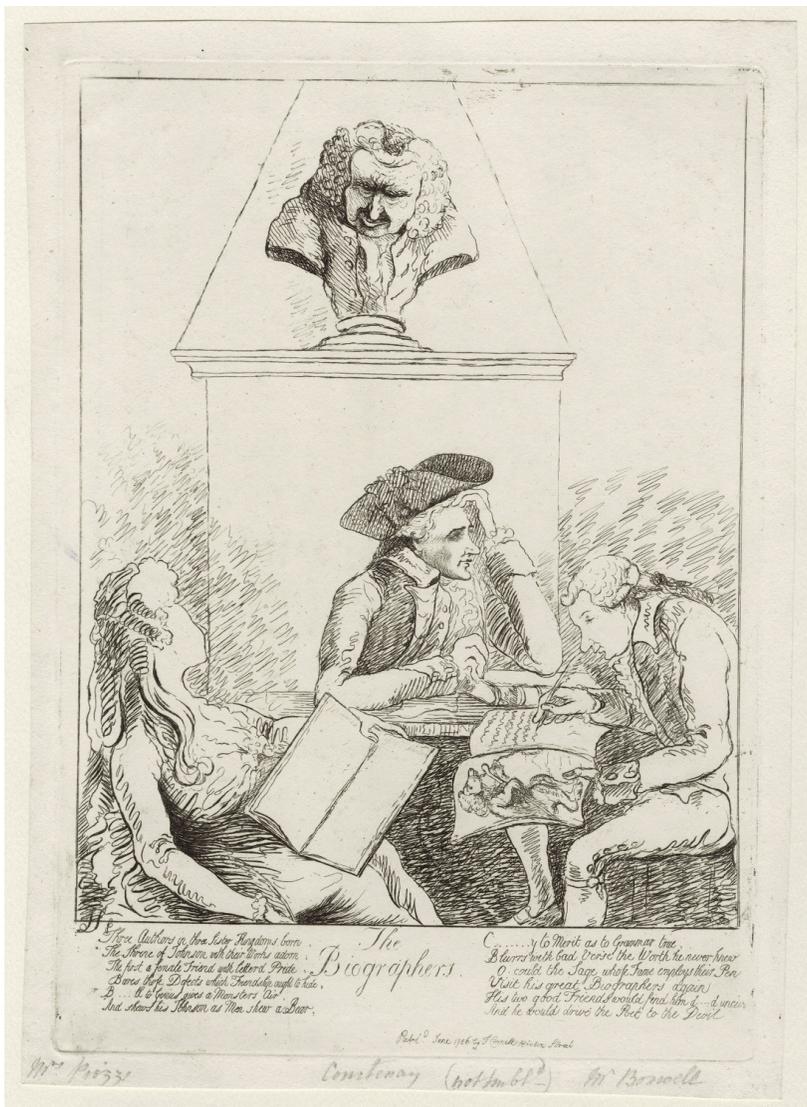

Рис. 2. «Биографы», художник – Джеймс Сайерс (1786).
 National Portrait Gallery, London. Лицензия № 53477 от 18.02.2022 г.

Особенностью первых биографий было то, что они в основном касались личности и литературной карьеры Джонсона с минимальным вниманием к его литературному наследию. Первым вышел очерк литератора Томаса Тайерса, опубликованный в декабре 1784 г. в журнале «Джентльменс мэгэзин»¹⁸⁵, в котором освещались наиболее интересные сюжеты из жизни интеллектуала. Босуэлл так прокомментировал данную работу: «этот очерк скорее похож на коллекцию небольших отрывков, что читают для развлечения»¹⁸⁶.

Если в статье Тайерса невозможно отыскать какое-либо определенное отношение к личности Джонсона, что вполне объяснимо необходимостью скорейшего выхода очерка в печать в связи с кончиной литератора, то в следующей работе о Джонсоне, напротив, предостаточно авторского субъективизма. Речь идет о сочинении Э. Л. Пиоцци (в первом браке – Трейл) «Анекдоты покойного Сэмюэла Джонсона», опубликованном в 1786 г. Будучи давним другом и частым собеседником Джонсона, миссис Пиоцци считала интеллектуала гениальным человеком. Она писала: «Мир стал свидетелем острого ума Джонсона, и мы, кто воспроизводит каждое его высказывание в качестве доказательства неисчерпаемого богатства его ума, похожи на путешественников, которые, посетив Дели или Голконду, привозят домой горстку жемчужин Востока, чтобы показать богатство Великих Моголов»¹⁸⁷. В «Анекдотах...» вырисовывается образ великого доктора Джонсона – блестящего оратора и выдающегося писателя.

Однако первой полноценной биографией интеллектуала стала вышедшая в 1787 г. «Жизнь Сэмюэла Джонсона» английского писателя Джона Хокинса, знакомство которого с Джонсоном состоялось в 1738 г., и они поддерживали дружеские отношения долгие годы. Казалось, что длительная дружба двух «людей письма» должна была обеспечить успех написанной Хокинсом «Жизни». Тем не менее, публикация Хокинса получила больше критических, чем положительных отзывов, а после выхода в свет

¹⁸⁵ См.: *Tyers T. A Biographical Sketch of Samuel Johnson // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1784. Vol. 54, pt. 2. P. 899–911.*

¹⁸⁶ *Boswell J. Life of Johnson. P. 960.*

¹⁸⁷ *Piozzi H. L. Anecdotes of the Late Samuel Johnson. P. 300.*

в 1791 г. одноименной работы Джеймса Босуэлла и вообще перестала быть востребованной. Одной из главных причин неудачи «Жизни» Хокинса стала личная неприязнь к нему большинства «клубных» друзей Джонсона. В отличие от Рейнольдса, Голдсмита, Босуэлла и многих других, Хокинс был *unclubbable* – в высшей степени неклубным человеком.

Многочисленные критические замечания к биографии, написанной Хокинсом, и относительно сухой стиль изложения текста сыграли не в ее пользу, хотя в биографии Хокинса есть «информация о ранних годах жизни Джонсона и его карьере, его семейной жизни и борьбе с превратностями судьбы и бедностью, его желании славы, его психическом и физическом здоровье, политической и религиозной жизни, все то, чего мы не найдем у Босуэлла»¹⁸⁸. Данный труд не получил известность.

Впоследствии Босуэлл активно использовал накопленный Хокинсом материал в своей «Жизни Сэмюэла Джонсона». Такое поведение Босуэлла было вполне объяснимо: перед смертью Джонсон назначил Хокинса душеприказчиком, и, следовательно, его дневниковые записи и письма достались первому биографу, а не шотландцу. Позднее Босуэлл получил эти бумаги.

«Жизнь Сэмюэла Джонсона» Босуэлла стала панегириком Джонсону, в котором нет места сдержанным оценкам. Дж. Босуэлл познакомился с Сэмюэлом Джонсоном спустя 25 лет после того, как между Хокинсом и Джонсоном завязалась дружба¹⁸⁹. В журнале, который Босуэлл вел после прибытия в Лондон в 1762–1763 гг., 14 июля 1763 г. он отметил: «Я получаю удовольствие, записывая каждое, даже самое незначительное, обстоятельство о таком великом человеке, как мистер Джонсон»¹⁹⁰. Заметки о докторе Джонсоне Босуэлл продолжал делать на протяжении всего их знакомства, и именно они стали основой «Жизни

¹⁸⁸ *Brack J. Attack and Masks: James Boswell's Indebtedness to Sir John Hawkins' «Life of Samuel Johnson» // The Interpretation of Samuel Johnson / ed. by J. C. D. Clark and H. Erskine-Hill. London : Palgrave, 2012. P. 50.*

¹⁸⁹ См.: *Brack J. Attack and Masks : James Boswell's Indebtedness to Sir John Hawkins' «Life of Samuel Johnson».* P. 54.

¹⁹⁰ *Boswell's London Journal 1762–1763 / ed. by F. A. Pottle. London ; Sydney : Macdonald and Co, 1982. P. 326.*

Сэмюэла Джонсона» 1791 г. Босуэлл был младше своего «великого друга» на 31 год, и это во многом объясняет его неподдельный восторг по поводу высказываний и поступков Джонсона. Подобное «преклонение» перед ним было свойственно его младшим современникам и потому не вызывало удивления у первых читателей «Жизни».

Начав работу над биографией в 1785 г., Босуэлл поставил перед собой задачу «представить, в меру своих способностей, хронологию жизни Джонсона, которую я год за годом постарался проследить, а там, где в моих силах, воспроизвести его собственные разговоры и письма, будучи убежденным, что это позволит моим читателям лучше познакомиться с ним»¹⁹¹. Тем не менее, ошибочно полагать, что Босуэллу удалось достоверно изложить жизненный путь Джонсона в последние 30 лет его жизни. По подсчетам современного британского историка Д. Грина, Босуэлл достоверно описывает лишь 250 дней из жизни Джонсона, в то время как остальная информация получена из вторичных источников¹⁹². В связи с этим Грин называет «Жизнь Сэмюэла Джонсона» не биографией, а «коллекцией дневниковых записей Босуэлла» или «сборником изречений»¹⁹³.

Казалось бы, что подобный «ревизионистский» подход к сочинению шотландца означает крах почти двухсотлетней «монополии» «Жизни» в джонсоноведении. Несомненно, это способствовало переоценке роли биографии Босуэлла. Однако его работа остается непревзойденным источником для анализа формирования мифа о Джонсоне. В «Жизни» Джонсон описывается как человек, чьи «таланты, знания и добродетели были столь выдающимися, что чем больше его личность изучается, тем больше к нему будут относиться с восхищением и благоговением как современники, так и потомки»¹⁹⁴. Джонсон предстает

¹⁹¹ *Boswell J. Life of Johnson. P. 22.*

¹⁹² *Greene D. Boswell's «Life» as «Literary Biography» // Boswell's «Life of Samuel Johnson» : New Questions, New Answers / ed. by J. Vance. Athens : University of Georgia Press, 1985. P. 161–170.*

¹⁹³ *Greene D. Do We Need a Biography of Johnson's «Boswell» Years? // Modern Language Studies. 1979. Vol. 9, Nr 3. P. 128–136.*

¹⁹⁴ *Ibid. P. 136.*

Колоссом, литературным Голиафом, великаном, великим «ханом» литературы. Босуэлл возвышает незаурядного друга над окружающими и считает его центральной фигурой своего времени, с чьим мнением необходимо считаться при рассмотрении любых вопросов эпохи. Труд Босуэлла стал главной биографией Джонсона, книгой, которую цитировал и продолжает цитировать каждый джонсоновец. «Жизнь Сэмюэла Джонсона» оказала влияние на формирование образа лексикографа и, по сути, породила представление о величавом Джонсоне, лишь отдаленно напоминающем реального человека.

Последним современником Джонсона, создавшим собственную биографию литератора, стал ирландский писатель Артур Мерфи. Его «Эссе о жизни и гении Сэмюэла Джонсона»¹⁹⁵ вышло в 1792 г. Стимулом к публикации очерка послужило издание «Жизни Джонсона» Хокинса, которое, по мнению Мерфи, противоречило истинному положению вещей. Впервые эссе вышло в свет в качестве предисловия к 12-томному собранию сочинений Джонсона. В статье Мерфи также с восхищением отзывается о заслугах доктора Джонсона: «его работы по-прежнему остаются памятником гениальности и учености»¹⁹⁶.

Тенденции к идеализации личности Джонсона находят отражение и в работах представителей романтического направления в британской историографии, в частности, в трудах историка Томаса Карлейля. Исходя из концепции «героев и толпы», Карлейль полагал, что только великие люди – пророки, поэты, пастыри, писатели и вожди – определяют ход истории человечества. Именно как писателя-героя Карлейль воспевает Сэмюэла Джонсона в произведении «Герои, почитание героев и героическое в истории» 1840 г. наравне с Данте, Шекспиром, Лютером, Ноксом, Руссо, Кромвелем и Наполеоном. Историк создает новый облик Джонсона: «Сильный и благородный человек! Какая масса дарований так и осталась в нем до конца под спудом! Чего бы только он ни сделал при обстановке более благоприятной: он мог бы быть поэтом,

¹⁹⁵ См.: *Murphy A. An Essay on Life and Genius of Samuel Johnson. London : T. Longman, 1792.*

¹⁹⁶ *Ibid.* P. 185.

священником, верховным правителем!»¹⁹⁷ Это человек, «ведущий тяжелую борьбу, человек с измученным сердцем, школяр, работающий без устали над тем, чтобы добыть себе честным образом жалкие средства существования в этом мире»¹⁹⁸. В конечном счете, Карлейль видит в Джонсоне «пророка для своего народа», который «проповедовал народу слово Божие»¹⁹⁹.

В ином свете предстает Джонсон в работах историков вигского направления. Присущая им политизированность в оценке исторических событий наложила отпечаток и на литературные этюды исследователей. И если Карлейль превозносит достижения Джонсона, то Томас Бабингтон Маколей, напротив, принижает его заслуги в статье, опубликованной в 1857 г. в восьмом издании Британской энциклопедии. И причина этого заключалась не только в политических предпочтениях Маколея, который был вигом и потому негативно оценивал лексикографа, сторонника тори. Историк обрушился на «Жизнь» Босуэлла, образ Джонсона в которой не соответствовал реальности. Маколей не считал нужным затушевывать недостатки литератора и писал, что Джонсон «от природы получил грубую наружность, болезненный организм и раздражительный темперамент»²⁰⁰. Признавая незаурядным ум интеллектуала, историк подчеркивал, что «характерной особенностью его ума было сочетание великих способностей с низкими предрассудками»²⁰¹.

Более того, Маколей осуждал труды Джонсона, которые, по его мнению, «написаны ученым языком, языком, который никто не слышит ни от своей матери, ни от своей кормилицы, языком, на котором никто никогда не спорит, не торгует, не объясняется в любви, языком, на котором никто никогда не думает»²⁰². Будучи вигом, Маколей критиковал консервативные на-

¹⁹⁷ Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / пер. В. И. Яковенко. М.: Эксмо, 2008. С. 181.

¹⁹⁸ Там же. С. 184.

¹⁹⁹ Там же. С. 185.

²⁰⁰ Маколей Т. Б. Самюэль Джонсон // Т. Б. Маколей. Полное собрание сочинений. Т. 1. Критические и исторические опыты / под ред. Н. Тиблена и Г. Думшина. СПб.: Н. Тиблен, 1860. С. 398.

²⁰¹ Там же. С. 401.

²⁰² Там же. С. 414.

строения литератора и доказывал, что политические статьи его слабы и не стоят внимательного изучения. Но больше всего историк не одобрял «идолопоклонство» Босуэлла, считая, что именно шотландец создал великого Джонсона, такого, каким тот никогда не был. Таким образом, Маколей в очерке о Сэмюэле Джонсоне стремится сорвать с него покровы величия и вернуть ему реальный образ, однако спорным остается вопрос, стал ли от этого Джонсон больше соответствовать действительности. Более того, работы Босуэлла и Маколея способствовали тому, что «большинство исследований конца XIX – начала XX в. сосредоточились на личных качествах Джонсона, его таланте собеседника, друзьях и окружении»²⁰³.

Вопреки критике Маколея, новый виток идеализации и героизации Джонсона пришелся на Викторианскую и Эдвардианскую эпохи. Его личность, в чем, несомненно, была заслуга Босуэлла, имела куда больший вес и значение, чем все его многотомное литературное наследие. Так, писатель и помощник редактора «Словаря национальной биографии» (1885–1900) Томас Секкомб (1866–1923) считал литератора примером «общего английского идеала»²⁰⁴. Английский литературовед, поэт и писатель Уолтер Рэли (1861–1922) драматизировал значение Джонсона еще больше: «он почти стал гением английского народа, он воплотил в себе то, чем мы восхищаемся. Когда мы смеемся над нашим национальным характером, мы именуем его Джоном Буллем, но когда мы хотим прославить его, то называем Сэмюэлом Джонсоном»²⁰⁵.

Для исследований конца XIX – начала XX в. характерно следование традициям, заложенным в ранних биографиях, – стремление к хронологическому изложению жизненного пути литератора и более углубленному исследованию обстоятельств его жизни. Подобными работами являются «Эссе Маколея и Карлейля

²⁰³ Щербакова Т. В. «Великий хан» английской литературы Сэмюэль Джонсон (1709–1784). Киров : Изд-во ВятГУ, 2009. С. 6.

²⁰⁴ *Seccombe Th. The Age of Johnson (1748–1798)*. London : George Bell and Sons, 1900. P. 2.

²⁰⁵ *Raleigh W. Six Essays on Johnson*. Oxford : Clarendon Press, 1910. P. 32.

о Сэмюэле Джонсоне» с предисловием У. Странка²⁰⁶, «История доктора Джонсона» С. К. Робертса²⁰⁷, «Сэмюэл Джонсон» Х. Кингсмила²⁰⁸ и др.²⁰⁹ В частности, опираясь на «Жизнь Сэмюэла Джонсона» как один из главных источников, кембриджский исследователь Сидней Робертс при написании «Истории Сэмюэла Джонсона» разделил весь имеющийся материал на отдельные блоки, такие как детство и юность литератора, его повседневная жизнь, круг общения, путешествия и литературное наследие. Работа Робертса особенно интересна тем, что она отходит от критического подхода к наследию Джонсона, выработанного Макколеем, и возвращается к изучению «Жизни Сэмюэла Джонсона» как к источнику, который может дать богатый материал по изучаемой теме.

Середина XX столетия стала важной вехой в изучении биографии и наследия С. Джонсона. С этого момента все больше джонсоноведческих исследований появляется за пределами Британии, в особенности в США. Причиной этого стало то, что в условиях Второй мировой войны рукописи и черновики Джонсона были вывезены в США американскими коллекционерами Дональдсом и Мэри Хайд в 1940 г. В настоящее время эти материалы составляют основу рукописного наследия Джонсона в Гарвардском университете²¹⁰. Еще одной причиной, объясняющей значимость середины XX в. для джонсоноведения, стало появление биографии Джонсона, опубликованной американским писателем

²⁰⁶ См.: Macaulay's and Carlyle's Essays on Samuel Johnson / ed. by W. J. Strunk. New York : Holt, 1895.

²⁰⁷ См.: Roberts S. C. The Story of Doctor Johnson: Being an Introduction to Boswell's Life. Cambridge : Cambridge University Press, 1919.

²⁰⁸ См.: Kingsmill H. Samuel Johnson. New York : Viking Press, 1934.

²⁰⁹ См., напр.: Stephen L. Samuel Johnson. New York : Harper and Brothers, 1878; Hay J. Johnson : His Characteristic and Aphorisms. London : A. Gardner, 1884; Hoste J. W. Johnson and his Circle : With Some Notices of Recent Johnsonian Literature. London : Jarrold, 1900; Bailey J. C. Dr. Johnson and his Circle. London : H. Holt, 1913; Christie O. F. Johnson the Essayist : his Opinions on Men, Morals and Manners. London : G. Richards, 1924; и др.

²¹⁰ См.: Donald and Mary Hyde Collection of Dr. Samuel Johnson. URL: <https://library.harvard.edu/sites/default/files/static/onlineexhibits/johnson/index.html> (date of access: 13.08.2021).

и литературным критиком Джозефом Кратчем²¹¹. Автор этой работы стал одним из первых литературоведов, предпринявших, помимо реконструкции биографии лексикографа, критический анализ его произведений.

Таким образом, период с конца XVIII до середины XX в. стал временем создания многочисленных биографий Джонсона. В подавляющем большинстве работ данного периода превалировало мнение Босуэлла о Джонсоне как о выдающемся герое своего времени (Мерфи, Карлейль, Мадфорд, Робертс). Противоположную точку зрения защищали Хокинс и затем Маколей, которые, признавая значительное литературное дарование Джонсона, были осторожнее в оценке его личности (Хокинс) или, напротив, критиковали его (Маколей). Тем не менее, к середине прошлого столетия, восторжествовало представление о Джонсоне как о литературном корифее эпохи Просвещения – об этом возможно судить по монографии Кратча.

Во второй половине XX столетия наступает новый этап джонсоноведческих исследований. Если для работ конца XVIII – середины XX в. было характерно стремление изучить биографию Джонсона, восстановить хронологию его жизни и творчества, а также оценить его роль в литературном мире Британии, то с середины прошлого столетия содержание исследований джонсоноведов существенно меняется. С этого времени вплоть до начала 2000-х гг. все чаще в центре внимания ученых оказываются отдельные периоды жизни литератора, его общественно-политические взгляды, представления об истории и национальном прошлом, изучаемые в контексте эпохи. Важно подчеркнуть, что с середины XX в. жизнь и творчество С. Джонсона стали предметом внимания не только литературоведов, но и англоязычных историков, что способствует рассмотрению жизни и творчества интеллектуала в качестве ключа к пониманию важнейших исторических процессов, происходивших в Ганноверскую эпоху.

Весь комплекс исследований джонсоноведов середины XX – начала XXI в. условно можно разделить на несколько групп: во-первых, это биографические работы, охватывающие про-

²¹¹ См.: *Krutch J. W. Samuel Johnson. New York : H. Hold and Company, 1944.*

блемы становления личности Джонсона или затрагивающие отдельные периоды его жизни; во-вторых, труды, в которых жизнь и взгляды литератора изучаются в историко-культурном контексте эпохи; в-третьих, исследования, акцентирующие внимание на истории джонсоноведения.

Обращаясь к исследованиям, освещающим перипетии жизненного пути Джонсона, стоит отметить, что подобные работы появляются на протяжении всего изучаемого периода. Тем не менее, каждая последующая работа отличается более полным изложением отдельных страниц биографии и литературной деятельности Джонсона. Ярким примером такого рода исследований является книга «Подвиг Сэмюэла Джонсона», изданная американским литературным критиком Уолтером Джексоном Бэйтом²¹². Автор описывает долгий путь Джонсона от нищеты к обеспеченности, от анонимности к всеобщему признанию, от поражений к победам на литературном поприще.

В том же году другой американский ученый, профессор Колумбийского университета Джеймс Клиффорд, выпускает книгу «Молодой Сэмюэл Джонсон»²¹³, в которой реконструирует жизнь Джонсона с момента рождения до сорокалетнего возраста, тем самым восполняя пробелы биографии Босуэлла. Исследователь становится первым, кто публикует малоизвестные записи Босуэлла и миссис Пиоцци, а также неопубликованные при жизни материалы Джонсона. Интересно, что Клиффорд восстанавливает канву ранних лет Джонсона в Личфилде по сохранившимся газетам того времени. Таким образом, монография американского ученого проливает свет на ранние годы жизни интеллектуала. Позднее выходит еще одно исследование Клиффорда – «Словарь Джонсона: зрелые годы Сэмюэла Джонсона»²¹⁴. Анализируя архивы литератора и его эпистолярное наследие, находящееся в фондах библиотеки Гарвардского университета,

²¹² См.: *Bate W. J. The Achievement of Samuel Johnson. New York : Oxford University Press Inc., 1955.*

²¹³ См.: *Clifford J. L. Young Samuel Johnson. London : William Heinemann LTD, 1955.*

²¹⁴ См.: *Clifford J. L. Dictionary Johnson : Samuel Johnson's Middle Years. New York : McGraw-Hill, 1979.*

исследователь также существенно продвигается вперед в изучении периода жизни Джонсона в 1749–1763 гг.

1970-е гг. были отмечены публикацией трех биографий Джонсона – это «Личная история Сэмюэла Джонсона» британского историка Кристофера Хибберта²¹⁵, «Сэмюэл Джонсон» английского писателя и критика Джона Уэйна²¹⁶ и «Сэмюэл Джонсон» американского литературного критика Уильяма Бэйта²¹⁷. Каждый из биографов по-своему рисует картину жизни Джонсона, используя уже известные опубликованные источники. Так, в своей работе Хибберт стремится наиболее полно изложить перипетии жизненного пути литератора, в то время как Уэйн пытается воссоздать социальный и интеллектуальный контекст каждого дня Джонсона, а Бэйт – проникнуть вглубь характера лексикографа и понять мотивы его действий.

Не меньший интерес представляет работа британского историка Томаса Камински «Ранняя карьера Сэмюэла Джонсона»²¹⁸, в которой исследователь анализирует первые «пробы пера» Джонсона в Лондоне в ходе работы в «Джентльменс мэгэзин». Историк реконструирует круг общения Джонсона на данном этапе и последовательно воссоздает его деятельность в контексте времени. Близкой по тематике является работа американского литературоведа, профессора Корнелльского университета Лоуренс Липкинг «Сэмюэл Джонсон: жизнь писателя»²¹⁹, где исследовательница продолжает, вслед за своим предшественником, идти по пути реконструкции писательской карьеры Джонсона.

Кроме того, стоит отметить биографическую работу американского профессора Роберта ДеМарии «Жизнь Сэмюэла Джонсона: критическая биография»²²⁰, которая является классическим приме-

²¹⁵ См.: *Hibbert C. Personal History of Samuel Johnson. London : Longman, 1971.*

²¹⁶ См.: *Wain J. Samuel Johnson : A Biography. New York : Viking Press, 1975.*

²¹⁷ См.: *Bate W. J. Samuel Johnson. London : Chatto and Windus, 1978.*

²¹⁸ См.: *Kaminski T. The Early Career of Samuel Johnson. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1987.*

²¹⁹ См.: *Lipking L. Samuel Johnson : The Life of an Author. Harvard : Harvard University Press, 1998.*

²²⁰ См.: *DeMaria R. The Life of Samuel Johnson : A Critical Biography. Oxford : Blackwell, 1994.*

ром пересмотра жизненного пути Джонсона. Исследователь считает, что исключительно благодаря незаурядным интеллектуальным способностям Джонсон поднялся вверх по социальной лестнице и получил признание. Его кумирами были люди эпохи Возрождения: Иосиф Юстус Скалигер, Эразм Роттердамский, Петрарка и др. Как утверждает исследователь, Джонсон видел себя в роли гуманиста и стремился следовать идеалам эпохи Возрождения.

В канун празднования 300-летия со дня рождения Сэмюэла Джонсона были изданы сразу две биографии литератора: «Сэмюэл Джонсон: борьба»²²¹ американского исследователя и члена Британского королевского литературного общества Джеффри Мейерса и «Сэмюэл Джонсон: биография»²²² специалиста по английской литературе Питера Мартина. Оба джонсоноведа используют в своих книгах источники, опубликованные в XX в., а также личные архивы таких известных исследователей, как Джеймс Клиффорд и Дональд Грин. Однако работа Мартина, в отличие от биографии Мейерса, акцентирует большее внимание на пересмотре подхода к «Жизни» Босуэлла и в связи с этим автор стремится реконструировать более «реальный» жизненный путь литератора, в то время как Мейерс следует за Босуэллом в восхвалении Джонсона. Вслед за Мартином и Мейерсом британский литературный критик Дэвид Нокс публикует книгу «Сэмюэл Джонсон: жизнь»²²³, продолжая тенденцию к пересмотру взгляда на «Жизнь» Босуэлла и пытаясь отказать от мифологизированного образа Джонсона, присущего ранним изысканиям джонсоноведа.

Вторую группу работ джонсоноведа составляют историко-культурные исследования, главной целью которых является «встраивание» жизненного пути Джонсона, его воззрений и текстов в контекст эпохи. Подобные тенденции начали проявляться еще в 60–70-е гг. XX в., когда выходят труды британских литературных критиков, такие как «Сэмюэл Джонсон и его времена» Мэттью Ходгарта²²⁴, «Сэмюэл Джонсон и его мир» Маргарет

²²¹ См.: *Meyers J. Samuel Johnson : The Struggle.* New York : Basic Books, 2008.

²²² См.: *Martin P. Samuel Johnson : A Biography.* Harvard : Harvard University Press, 2008.

²²³ См.: *Nokes D. Samuel Johnson : A Life.* London : Faber and Faber LTD, 2009.

²²⁴ См.: *Hodgart M. J. C. Samuel Johnson and His Times.* London : Batsford, 1962.

Киган²²⁵ и «Сэмюэл Джонсон: его друзья и враги» Питера Квеннелла²²⁶. Однако позднее, на рубеже XX–XXI вв., число подобных исследований увеличивается в разы, и, что важно, авторами этих монографий становятся профессиональные историки.

В конце XX в. среди историков разгорелась оживленная дискуссия о политических взглядах интеллектуала. Часть из них приводила тезисы в защиту аполитичности Джонсона (Джон Вэнс²²⁷, Дональд Грин²²⁸), другие, напротив, защищали тезис о том, что взгляды интеллектуала на политику отличались консервативностью и он был ревностным якобитом (Джонатан Кларк²²⁹, Мэттью Дэвис²³⁰, Говард Эрнскэйн-Хилл²³¹, Томас Камински²³²). Каждая из сторон выдвигала в свою пользу довольно весомые аргументы, подкрепляемые богатой источниковой базой. Полемический характер дискуссии нашел отражение в двух номерах журнала «Эпоха Джонсона» за 1996 и 1997 гг.²³³, а также в монографиях историков.

²²⁵ См.: *Keegan M. L. Samuel Johnson and His World*. London : Hamilton, 1975.

²²⁶ См.: *Quennell P. Samuel Johnson : His Friends and Enemies*. New York ; St. Louis ; San Francisco : American Heritage Press, 1973.

²²⁷ См.: *Vance J. A. Samuel Johnson and the Sense of History*. Athens : University of Georgia Press, 2009.

²²⁸ См.: *Greene D. The Politics of Samuel Johnson*. Athens : University of Georgia Press, 1990.

²²⁹ См.: *Samuel Johnson in Historical Context / ed. by J. C. D. Clark and H. Erskine-Hill*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2002.

²³⁰ См.: *Davis M. M. «Ask for the Old Path»: Johnson and the Nonjurors // The Politics of Samuel Johnson / ed. by J. C. D. Clark and H. Erskine-Hill*. New York : Springer, 1999. P. 112–168.

²³¹ См.: *The Politics of Samuel Johnson / ed. by J. C. D. Clark and H. Erskine-Hill*. New York : Springer, 1999.

²³² См.: *Kaminski T. The Nature of Johnson`s Toryism // The Politics of Samuel Johnson // ed. by J. C. D. Clark and H. Erskine-Hill*. New York : Springer, 1999. P. 9–37.

²³³ См.: *Erskine-Hill H. Johnson the Jacobite? A Response to the New Introduction to Donald Greene's The Politics of Samuel Johnson // The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. 1996. Vol. 7. P. 3–26; *Clark J. C. D. The Politics of Samuel Johnson // The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. 1996. Vol. 7. P. 27–56; *Greene D. Johnson : The Jacobite Legend Exhumed. A Rejoinder to Howard Erskine-Hill and J. C. D. Clark // The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. 1996. Vol. 7. P. 57–136; *Curley Th. M. Johnson No Jacobite; or, Treason Not Yet Unmasked // The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. 1996. Vol. 7. P. 137–162; *Weinbrot H. D. Johnson, Jacobitism, and the Historiography of Nostalgia // The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. 1996. Vol. 7. P. 163–212; *Erskine-Hill H.*

Так, американские исследователи Д. Вэнс и Д. Грин посвятили Джонсону несколько работ, в которых подвергли сомнению выводы предшествующей историографии. Профессор университета Флориды Д. Вэнс сначала в своей диссертации «Сэмюэл Джонсон и прошлое»²³⁴, а затем и в монографии «Сэмюэл Джонсон и чувство истории»²³⁵ писал о том, что Джонсон долгое время представлял в виде стереотипного реакционного тори, взятого со страниц «Жизни» Босуэлла. Однако историк уверен, что «пора оставить подобные предрассудки и попытаться посмотреть на интеллектуала с другой стороны»²³⁶, представляя его аполитичным.

Работа еще одного американского джонсоноведа, Д. Грина, также близка к позиции Вэнса. Книга 1960 г. «Политические взгляды Сэмюэла Джонсона» считается одним из примеров пересмотра отношения к литератору. Историк уверен, что между взглядами Джонсона на политику и мораль существует неразрывная связь²³⁷. По мнению Д. Грина, Джонсон был независимым от политических пристрастий, осведомленным о происходящем и реалистичным комментатором происходящих событий.

Обращаясь к сторонникам мнения о Джонсоне как реакционном тори, стоит уделить особое внимание коллективному сборнику «Политические взгляды Сэмюэла Джонсона», выпущенному под общей редакцией британского историка Джонатана Кларка²³⁸. В этой работе историки представляют иную точку зрения на Джонсона и его политические взгляды. Неопровержимым доказательством наличия у Джонсона крайне консервативных полити-

A Kind of Liking for Jacobitism // *The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. 1997. Vol. 8. P. 3–13; *Weinbrot H. D. Johnson and Jacobitism Redux : Evidence, Interpretation, and Intellectual History // The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. 1997. Vol. 8. P. 163–212; *Curley Th. M. Johnson No Jacobite ; or, Treason Not Yet Unmasked : Part II, a Quotable Rejoinder from A to C // The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. 1997. Vol. 8. P. 127–131.

²³⁴ См.: *Vance J. A. Samuel Johnson and the Past*. Tallahassee : Florida State University Press, 1979.

²³⁵ См.: *Vance J. A. Samuel Johnson and the Sense of History*. Athens : University of Georgia Press, 1984.

²³⁶ *Ibid.* P. 23.

²³⁷ См.: *Greene D. The Politics of Samuel Johnson*. P. xii.

²³⁸ *The Politics of Samuel Johnson / ed. by J. C. D. Clark and H. Erskine-Hill*. New York : Springer, 1999.

ческих позиций авторы сборника считают опубликованные после его смерти сочинения миссис Трейл, Д. Босуэлла и Д. Хоукинса.

Аналогичная точка зрения высказывается в труде Д. Кларка, где рассматривается вероятность отказа литератора присягать на верность Георгу II²³⁹. Исследователь убедительно доказывает, что интеллеktуал был в числе меньшинства, которое не признало власть Ганноверов. Кларк считает, что значительное влияние на С. Джонсона оказала атмосфера Оксфорда, отличавшегося неприятием чуждой Англии династии. Не случайно Оксфордский университет начала XVIII в. считался оплотом якобитства.

Тем не менее, на сегодняшний день эта полемика не завершена, и ученые продолжают изучать политические взгляды Джонсона. Определяющую роль в формировании подхода к исследованию политических воззрений лексикографа сыграл Д. Грин. В статье «Двойная традиция в изучении политических взглядов Сэмюэла Джонсона»²⁴⁰ историк выделил две традиции в изучении политических предпочтений литератора и его наследия в целом. Первая традиция опирается на «Жизнь» Босуэлла и характеризует личность и работы Джонсона в духе знаменитой биографии. К числу таких исследователей, по мнению ученого, следует относить Т. Б. Маколея, большинство литературоведов Викторианской Англии и Дж. Кларка. Представителями второй традиции, главным интересом которых стал не труд Босуэлла, а интеллектуальное наследие литератора, является большинство современных исследователей. Одним из продолжателей второй традиции, помимо Д. Грина и Дж. Вэнса, стал американский историк Джон Кэннон²⁴¹, использующий при анализе политических взглядов Джонсона его литературное наследие. По Кэннону, Джонсона не следует относить к якобитам и не стоит причислять к тори, поскольку его политические воззрения были неразрывно связаны с его мировоззрением в целом.

²³⁹ См.: *Clark J. C. D. Religion and Political Identity : Samuel Johnson as a Nonjuror // Samuel Johnson in Historical Context / ed. by J. C. D. Clark and H. Erskine-Hill. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2002. P. 79–146.*

²⁴⁰ См.: *Greene D. The Double Tradition of Samuel Johnson's Politics // Huntington Library Quarterly. 1996. Vol. 59, Nr 1. P. 105–123.*

²⁴¹ См.: *Cannon J. Samuel Johnson and the Politics of Hanoverian England. Oxford : Clarendon Press, 1994.*

Последней вышедшей на данный момент монографией по политическим воззрениям литератора можно считать работу «Политическая биография Сэмюэла Джонсона»²⁴² канадского исследователя Николаса Хадсона. Историк солидарен с Кэнноном и уверен, что нельзя говорить ни об ультраконсервативности, ни об аполитичности Джонсона: «Он надеялся, что нынешняя политическая система, хоть и созданная в основном силами ганноверского режима и сэром Робертом Уолполом, работала над созданием прочного политического фундамента для социального порядка в сочетании с экономическим прогрессом»²⁴³. Это объясняет неравнодушие Джонсона к общественно-политической борьбе, делу Уилкса, Войне за независимость североамериканских колоний Британии, Фолклендскому кризису.

Ко второй группе исследований также относятся труды о личности и воззрениях Джонсона в историко-культурном контексте эпохи. Одним из первых историков данного направления стал упомянутый ранее канадский исследователь Николас Хадсон. Его перу принадлежат такие работы, как «Сэмюэл Джонсон и мысль восемнадцатого столетия»²⁴⁴, «Сэмюэл Джонсон и становление современной Англии»²⁴⁵. Интерпретируя наследие интеллектуала в контексте происходящих в Георгианской Британии изменений, историк акцентирует внимание на проблемах социальной структуры общества, феминизма, партийной политики, публичной сферы, национализма и империализма, тем самым «погружая» жизнь Джонсона в историческую среду.

Обращаясь к историко-культурным исследованиям, посвященным Джонсону, нельзя обойти вниманием две работы: «Сэмюэл Джонсон и политики Ганноверской Англии»²⁴⁶ известного специалиста по английскому XVIII в. Джона Кэннона

²⁴² См.: *Hudson N. Political Biography of Samuel Johnson*. London : Routledge, 2013.

²⁴³ *Ibid.* P. 193.

²⁴⁴ См.: *Hudson N. Samuel Johnson and Eighteenth Century Thought*. Oxford : Oxford University Press, 1988.

²⁴⁵ См.: *Hudson N. Samuel Johnson and the Making of the Modern England*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.

²⁴⁶ См.: *Cannon J. Samuel Johnson and the Politics of Hanoverian England*. Oxford : Clarendon Press, 1994.

и «Сэмюэл Джонсон: литература, религия и английская культурная политика от Реставрации до Романтизма»²⁴⁷ британского историка Джонатана Кларка. Кэннон рассматривает карьеру Джонсона как ключ к пониманию Ганноверской Англии при исследовании вопросов образования, бедности, колониализма, веротерпимости и торизма, тем самым дополняя новыми штрихами образ Джонсона, а также проникая вглубь политических событий этого времени. В аналогичном контексте Кларк анализирует жизнь Джонсона и отказывается от представления о литераторе как об аполитичной и эксцентричной фигуре, считая, что Джонсон не мог находиться в стороне от происходящих в обществе событий. К числу подобных исследований можно отнести работы Р. ДеМарии, К. Харта, Ф. Джонстон, М. Броунелла, Ч. Пирса, Т. Керли, Л. Пикард и Р. Шварца²⁴⁸.

Исследования о Джонсоне в контексте современных ему процессов в британском обществе способствовали созданию значительных по масштабу трудов, в написании которых приняли участие целые коллективы авторов. Такие работы представляют собой руководство по миру Джонсона, раскрывая его жизнь и деятельность через литературные, общественные, культурные, социальные, политические и экономические условия эпохи. Значительный интерес представляют подобные исследования последних лет: «Кембриджская компания Сэмюэла Джонсона» под редакцией Грега Клингхама²⁴⁹, «Сэмюэл Джонсон в историче-

²⁴⁷ См.: *Clark J. C. D. Samuel Johnson : Literature, Religion, and English Cultural Politics from the Restoration to Romanticism.* Cambridge : Cambridge University Press, 1994.

²⁴⁸ См.: *DeMaria R. Samuel Johnson and the Life of Reading.* Baltimore : John Hopkins University Press, 2009; *Hart K. Samuel Johnson and the Culture of Property.* Cambridge : Cambridge University Press, 1999; *Johnston F. Samuel Johnson and the Art of Sinking.* Oxford : Oxford University Press, 2005; *Brownell M. R. Samuel Johnson's Attitude to the Arts.* Oxford : Oxford University Press, 1989; *Pierce C. E. The Religious Life of Samuel Johnson.* London : The Athlone Press, 1983; *Curley Th. M. Samuel Johnson and the Age of Travel.* Athens : University of Georgia Press, 2009; *Picard L. Dr. Johnson's. London: Everyday Life in London in the Mid 18th Century (1740–1770).* London : Weidenfeld and Nicolson, 2003; *Schwartz R. Samuel Johnson and New Science.* Madison : University of Wisconsin Press, 1971.

²⁴⁹ См.: *The Cambridge Companion to Samuel Johnson / ed. by G. Clingham.* Cambridge : Cambridge University Press, 1997.

ском контексте» под редакцией Дж. Кларка и Говарда Эрскайн-Хилла²⁵⁰ и «Сэмюэл Джонсон в контексте» под редакцией Джека Линча²⁵¹. «Сэмюэл Джонсон спустя 300 лет» под редакцией вышеупомянутого Г. Клингхама²⁵², «Пересмотр Джонсона: взгляд до и после» под редакцией профессора Бирмингемского университета Филиппа Смолвуда²⁵³, «Интерпретация Джонсона» под редакцией Дж. Кларка и Г. Эрскайн-Хилла²⁵⁴, а также «Сэмюэл Джонсон: новые контексты для нового века» под редакцией американского литературоведа Х. Д. Вайнброта²⁵⁵.

Отдельную подгруппу составляют работы по взглядам Джонсона на историю. В последние десятилетия начали появляться исследования, в которых предпринимаются попытки дать характеристику взглядам литератора на историю²⁵⁶. Особое внимание обращает на себя монография американского историка Дж. Вэнса «Сэмюэл Джонсон и чувство истории». В отличие от предшественников, вскользь затрагивающих вопрос о взглядах литератора на историю, исследователь напрямую заявляет, что «Джонсон был одним из лучших историков-мыслителей восемнадцатого столетия»²⁵⁷. По мнению Вэнса, литературному «диктатору» было знакомо множество исторических сочинений, а его собственные труды зачастую содержали суждения о событиях прошлого. Кроме того, в данном контексте небезынтересна монография американского исследователя

²⁵⁰ См.: Samuel Johnson in Historical Context / ed. by J. C. D. Clark and H. Erskine-Hill.

²⁵¹ См.: Samuel Johnson in Context / ed. by J. Lynch. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.

²⁵² См.: Samuel Johnson after 300 years / ed. by G. Clingham. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.

²⁵³ См.: Johnson Re-Visioned: Looking Before and After / ed. by Ph. Smallwood. Lewisburg : Bucknell University Press, 2009.

²⁵⁴ См.: The Interpretation of Samuel Johnson / ed. by J. C. D. Clark and H. Erskine-Hill. London : Palgrave, 2012.

²⁵⁵ См.: Samuel Johnson : New Contexts for a New Century / ed. by H. W. Weinbrot. San Marino : Huntington Library, 2014.

²⁵⁶ См.: Clark J. C. D. Samuel Johnson : Literature, Religion and the English Cultural Politics from Restoration to Romanticism; Samuel Johnson in Context / ed. by J. Lynch. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.

²⁵⁷ См.: Vance J. Samuel Johnson and the Sense of History. P. 3.

Дж. Линча²⁵⁸. В этой работе, выполненной на стыке истории, литературоведения и философии, автор обратился к тому, как одна эпоха (время Елизаветы) влияет на формирование идентичности другой (эпохи Джонсона). К числу историков, сочинения которых цитируются Линчем, относится и литературный «диктатор».

Сохраняется пробел в исследованиях взаимосвязи наследия С. Джонсона и процессов конструирования национальной идентичности в Британии XVIII столетия. Так, хотя о значимости роли Джонсона в складывании национальной идентичности пишут Дж. Линч, Н. Хадсон, Дж. Соренсен²⁵⁹, эта проблема по-прежнему представлена в исторических исследованиях весьма фрагментарно.

Последняя группа джонсоноведческих исследований носит историографический характер и представлена работами по реинтерпретации ранних биографий Джонсона и общему изучению историографического наследия о литераторе. Так, стоит особо выделить изыскания джонсоноведов, занимающихся пересмотром «Жизни» Босуэлла, а именно работы «“Жизнь Джонсона” Босуэлла: новые вопросы, новые ответы» под редакцией Джона Вэнса 1985 г.²⁶⁰, «Новый взгляд на Босуэлла. Критические и исторические очерки по случаю двухсотлетия “Жизни” Джонсона» под редакцией Грега Клингхама²⁶¹, «Самонадеянная попытка Босуэлла: создание “Жизни” доктора Джонсона» британского историка Адама Сисмана²⁶², «Кон-

²⁵⁸ См.: *Lynch J. The Age of Elizabeth in the Age of Johnson. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.*

²⁵⁹ См.: *Ibid.*; *Hudson N. Samuel Johnson and the Making of the Modern England. Cambridge : Cambridge University Press, 2003*; *Sorensen J. «A Grammarian’s Regard to the Genius of Our Tongue» : Johnson’s Dictionary, Imperial Grammar, and the Customary National Language // The Grammar of Empire in Eighteenth-century British Writing. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 63–103.*

²⁶⁰ См.: *Boswell’s «Life of Johnson»: New Questions, New Answers / ed. by J. Vance. Athens : University of Georgia Press, 2009.*

²⁶¹ См.: *New Light on Boswell : Critical and Historical Essays on the Occasion of the Bicentenary of «Life» of Johnson / ed. by G. Clingham. Cambridge : Cambridge University Press, 1991.*

²⁶² См.: *Sisman A. Boswell’s Presumptuous Task : The Making of the Life of Doctor Johnson. London : Penguin Books, 2002.*

струируя жизнь Джонсона» британского исследователя Брюса Рэдфорда²⁶³. В каждой из упомянутых работ авторы стремятся исследовать процесс написания «Жизни» и превращение Джонсона из «дикаря» в «мудреца». Аналогичной работой по «Жизни Джонсона» Хокинса является сборник «Пересматривая биографию: контексты, полемики и “Жизнь Джонсона” сэра Джона Хокинса»²⁶⁴.

С середины XX в. усилиями специалистов по Джонсону выпускаются библиографии джонсоноведческих работ. Начало этому процессу положили Дж. Клиффорд и Д. Грин, опубликовав труд «Сэмюэл Джонсон: обзор и библиография критических исследований»²⁶⁵. Позднее, в 1987 г., библиографию продолжают Д. Грин и Д. Вэнс²⁶⁶, а вслед за ними Д. Линч²⁶⁷.

К настоящему времени можно говорить о следующих тенденциях в *Johnsonian's studies*. Во-первых, это постепенное уменьшение числа биографических работ, которые больше не доминируют в количественном отношении. Во-вторых, появление все большего числа историко-культурных исследований, освещающих жизненный путь интеллектуала в контексте основных общественно-политических и социокультурных процессов Георгианской эпохи. В-третьих, стремление реинтерпретировать, пересмотреть ранние биографии Джонсона, а также проследить историю изучения Джонсона на протяжении двух с лишним столетий.

Наиболее перспективным представляется продолжение историко-культурных изысканий по «встраиванию» интеллектуального наследия С. Джонсона в исторический контекст эпохи. Отход от его идеализированного образа, господствовавшего

²⁶³ См.: *Redford B. Designing the Life of Johnson*. Oxford : Oxford University Press, 2005.

²⁶⁴ См.: *Reconsidering Biography : Contexts, Controversies, and Sir John Hawkins's Life of Johnson / ed. by M. W. Brownley*. Lewisburg : Bucknell University Press, 2012.

²⁶⁵ См.: *Clifford J., Greene D. Samuel Johnson: A Survey and Bibliography of Critical Studies*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1970.

²⁶⁶ См.: *Greene D., Vance J. A. A Bibliography of Johnsonian's Studies*. University of Victoria : English Literary Studies, 1987.

²⁶⁷ См.: *Lynch D. Bibliography of Johnsonian's Studies*. New York : AMS Press, 2000.

в историографии с конца XVIII до середины XX в., позволяет связать биографию и работы Джонсона с происходящими в Британии XVIII в. изменениями интеллектуального климата. Сосредоточение непосредственно на литературном наследии доктора Джонсона, в чем можно солидаризироваться с Д. Грином, и более осторожное обращение с «Жизнью» Босуэлла открывают новые горизонты как в джонсоноведении, так и в британской истории эпохи Просвещения.

1.4. «Из самых лучших Аглинских Писателей»: Сэмюэл Джонсон в России

Впервые работы Сэмюэла Джонсона появились в России в середине XVIII в. Вряд ли Джонсон, едва к тому времени сводивший концы с концами, мог себе это вообразить. Уже спустя десятилетия новость о том, что отдельные тексты литератора добрались до России, вызвала неподдельный восторг у Джонсона и его соратников. Дж. Хокинс писал: «В то время он мало думал, до чего дойдет справедливость человечества; что он станет свидетелем публикации десятого переиздания “Рэмблера” или что его сердце будет учащенно биться, как могут засвидетельствовать его друзья, от новости о его переводе на русский язык»²⁶⁸. Босуэлл также вспоминал, что 15 мая 1784 г. лексикограф с воодушевлением сообщил ему об этом известии: «Он окликнул нас с ликующим видом, словно в его голове зародилась внезапная мысль: “О! Джентльмены, я должен сообщить вам великую вещь. Российская императрица поручила перевести «Рэмблер» на русский язык: меня будут читать на берегах Волги”»²⁶⁹. Конечно, у нас нет доказательств того, что Екатерина II наказывала подготовить перевод всего «Рэмблера», поскольку подобное издание так и не появилось на свет на русском языке, однако обращение к русской переводной периодике второй половины XVIII в. демонстрирует, что труды литератора все же добрались до берегов Волги.

²⁶⁸ *Hawkins J. The Life of Samuel Johnson. P. 258.*

²⁶⁹ *Boswell J. Life of Johnson. P. 1279.*

В 1755 г. было переведено на русский язык и опубликовано эссе № 102 из «Рэмблера» под названием «Путешествие жизни человеческия» в издании «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащая»²⁷⁰. Автором перевода был Семен Андреевич Порошин, будущий воспитатель цесаревича Павла Петровича²⁷¹. Позднее в этом журнале неоднократно выходили переводы эссе Джонсона. Так, в выпусках за 1759 и 1762 гг. были опубликованы статьи «О разности благочестия и суеверия», «О напрасном желании того, что не нужно». В дальнейшем тексты Джонсона из «Рэмблера» и «Айдлера» публиковались в таких журналах, как «Праздное время, в пользу употребленное» (Санкт-Петербург, 1759), «Собрания лучших сочинений к распространению знания и произведению удовольствия» (Москва, 1762), «Утренний свет» (Санкт-Петербург, 1778), «Новые ежемесячные сочинения» (Санкт-Петербург, 1792, 1795, 1796), «Приятное и полезное препровождение времени» (Москва, 1794, 1796, 1798) и др.²⁷² По подсчетам Ю. Д. Левина из «Рэмблера» было переведено около 15 номеров, часть из которых повторно переиздавалась²⁷³. Наибольшей популярностью среди российской публики пользовалась притча под названием «Обида и пустынный», вышедшая в № 65 «Рэмблера».

Большинство эссе Джонсона, опубликованных в России, переводились на русский с французского и немецкого языков. К примеру, переводчиком с немецкого был Пармен Лепехин, работавший в «Новых ежемесячных сочинениях» в Санкт-Петербурге и неоднократно переводивший работы литератора на русский язык. Автором переводов текстов Джонсона в «Собрании лучших сочинений к распространению знания» был философ и правовед

²⁷⁰ См.: Путешествие жизни человеческия // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащая. СПб. : Имп. Академия наук, 1755. Май. С. 403–413.

²⁷¹ Левин Ю. Д. Известность Сэмюэла Джонсона в России XVIII века // Национальные традиции и европеизм в русской культуре. Ульяновск : УлГПУ, 1999. С. 89.

²⁷² Подробнее см.: Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России : исследования и материалы. Л. : Наука, 1990. С. 78–96.

²⁷³ См.: Левин Ю. Д. Известность Сэмюэла Джонсона в России XVIII века. С. 89.

Владимир Золотницкий²⁷⁴. Тем не менее, ряд произведений был переведен с английского языка. Так, в журнале «Доброе намерение» за 1764 г. вышел пересказ содержания «Истории Расселаса, принца абиссинского», выполненный Михаилом Пермским на основании текста из английского журнала²⁷⁵.

Известно имя еще одного переводчика с английского языка, Луки Ивановича Сичкарева, подготовившего издание «Зритель мира и деяний человеческих» 1784 г. «Зритель мира» был издан в честь великого князя Александра Павловича, будущего Александра I. Сам Л. И. Сичкарев так объяснял значимость своей работы: «Предлагаемые в книге сей разсуждения выбраны из самых лучших Аглинских Писателей, каковы были: Адиссон, Тилочсон, Женсен (Джонсон. – Т. К.), Свифт, Стиль и пр. Сии по учености своей столь знаменитые мужи споспешествуя добронравию и благоденствию человеческого рода, приняли на себя труд писать при других своих важных упражнениях и о некоторых нравоучительных истинах»²⁷⁶. Переводчик был убежден, что знакомство великого князя с нравоучительными произведениями английских авторов пойдет ему на пользу.

Причины, по которым были выбраны те или иные статьи Джонсона для перевода и публикации в отечественных журналах, становятся ясны при рассмотрении всего массива переведенной английской периодики. Помимо журналов Джонсона активно переводились статьи из журналов Р. Стила, Д. Аддисона («Болтун», «Зритель», «Опекун») и Д. Хоксуорта («Искатель приключений»). Все эти журналы были достаточно схожи между собой по тематике статей и затрагиваемым проблемам. Были популярны такие работы, как «восточные» повести, в которых проповедовались нравственные принципы. Отличает переведенные

²⁷⁴ См.: О излишнемъ желаніи // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешанная Библиотека о разных Физических, Экономических також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах. М. : Имп. Московский ун-тъ, 1762. Ч. 2. С. 289.

²⁷⁵ См.: Описание истории Абиссинскаго Принца Расселия // Доброе намерение. М. : Имп. Московский ун-тъ, 1764. Апрель. С. 192.

²⁷⁶ Зритель мира и деяний человеческих / пер. с англ. Л. Сичкарев. СПб. : печатано въ типографіи у Шнора, 1784. Б. с.

статьи именно их нравоучительность и направленность на преодоление трудностей через стоицизм и религию. Неудивительно, что подобные сюжеты стали созвучны настроениям многих русских читателей.

В XIX столетии отдельные работы Джонсона продолжали привлекать внимание не только российской читающей публики, но и литературоведов. Первым «джонсоноведом» России стал писатель, переводчик и литературный критик Александр Васильевич Дружинин (1824–1864)²⁷⁷. А. В. Дружинин, будучи членом редколлегии журнала «Современник» в 40–60-е гг. XIX в., стал одним из немногих отечественных исследователей, обратившихся к личности С. Джонсона.

Критик взял за основу своего очерка «Жизнь Сэмюэла Джонсона» Д. Босуэлла и с помощью этой биографии попытался нарисовать картину британских литературных нравов середины XVIII столетия. По мнению Дружинина, «главным помощником за славу и существование был не он сам, а всемогущее время, изменяющее мир и общество»²⁷⁸. Влияние «Жизни» Босуэлла на оценки Дружинина очевидны, поскольку в своем очерке литературовед чаще обращается к уникальности и эксцентричности Джонсона, чем к анализу его литературного наследия. Дружинин писал: «Джонсон добыл себе славу за качества, способные дать человеку славу временную и преходящую. Знаменитость сочинений, которые, как считал лексикограф, готовы предоставить автору бессмертие, угасает с каждым днем, между тем как картина странностей Джонсона, изложение его бесконечных застольных бесед – бесед, о которых воспоминание, по-видимому, должно было исчезнуть с ним вместе, будет славиться до тех пор, пока английский язык будет в употреблении между обитателями той или другой части света!»²⁷⁹

Очерк А. В. Дружинина отличают живой литературный язык и стремление интерпретировать события, соизмеряя их

²⁷⁷ См.: Дружинин А. В. Этюды об английских писателях // А. Н. Дружинин. Собрание сочинений : в 8 т. / под ред. Н. В. Гербеля. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1865. Т. 4. С. 7–246.

²⁷⁸ Дружинин А. В. Этюды об английских писателях. С. 12.

²⁷⁹ Там же. С. 245.

со временем, в которое они происходили. Однако очевидным недостатком работы критика было то, что все его умозаключения основывались исключительно на биографии, написанной Босуэллом, а зачастую сводились к переводу отрывков из «Жизни Сэмюэла Джонсона». Таковыми, к примеру, были описания знакомства Джонсона и Босуэлла, их совместного путешествия на Гебридские острова, заседания «Литературного клуба», встречи Джонсона и Уилкса и др.

Другой русский ученый и литературовед XIX в., создатель «кружка любителей западноевропейской литературы» при Московском университете в 1894 г., Н. И. Стороженко (1836–1906) также обратил внимание на личность Джонсона. В «Очерке истории западноевропейской литературы»²⁸⁰ профессор Стороженко назвал интеллектуала литературным «диктатором» Англии, объясняя это тем, что «к критическим приговорам Джонсона внимательно прислушивались такие люди, как Берк, Голдсмит и Гаррик»²⁸¹.

Самым значительным достижением интеллектуала, по мнению Н. И. Стороженко, было составление «Словаря английского языка», над которым тот трудился в одиночку более восьми лет. Николай Ильич также отмечал, что написание Босуэллом «Жизни Сэмюэла Джонсона» оказало литератору плохую услугу, так как, обессмертив интеллектуала как человека и собеседника, Босуэлл способствовал тому, что интерес к личности Джонсона в последующие десятилетия был значительно выше, чем интерес к его творчеству. Эти слова Н. И. Стороженко оказались пророческими, поскольку вплоть до середины XX в. данная тенденция сохранялась.

По сути, работы А. В. Дружинина и Н. И. Стороженко перекликались со статьями британцев, писавших о своем соотечественнике (Т. Карлейль, Т. Б. Маколей). Очерки Дружинина и Стороженко были направлены на изучение жизни Джонсона, его роли в литературном Лондоне середины XVIII в., и оба исследователя делают вывод о том, что Джонсон занимал исключительное положение в нем, будучи великим литературным «диктатором» XVIII в.

²⁸⁰ См.: Стороженко Н. И. Очерк истории западноевропейской литературы. М. : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1908.

²⁸¹ Там же. С. 295.

В 1875 г. произошло еще одно важное событие для истории наследия С. Джонсона в России: впервые был опубликован полный перевод с английского на русский язык восточной повести «История Расселаса»²⁸². Имя переводчицы, к сожалению, осталось скрыто за инициалами «Л-ы Б-вой».

Следующий шаг в изучении наследия С. Джонсона был сделан сотрудниками Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) уже в 50–60-е гг. XX в. Именно представители Отдела взаимосвязей Пушкинского Дома продвинули вперед отечественное «джонсоноведение». Такие исследователи, как М. П. Алексеев и Ю. Д. Левин, выпустили совместный сборник «Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы»²⁸³, в котором отдельная глава была посвящена английской просветительской журналистике в русской литературе XVIII столетия. Работа выделяется тем, что в ней впервые была проанализирована вся переведенная на русский язык английская литература эпохи Просвещения, включая некоторые эссе и восточные повести С. Джонсона.

Наметившиеся тенденции в исследовании эссеистики литературного «диктатора» были продолжены в монографии Ю. Д. Левина²⁸⁴. Автор сумел собрать весь комплекс материалов, которые использовали отечественные переводчики для публикации английских периодических статей и отдельно охарактеризовал статьи С. Джонсона. Исследователь отметил, что нравоучительность эссеистики Джонсона и проповедь стоицизма, отраженная в его «восточных» повестях, способствовали тому, что эти статьи были положительно встречены российской публикой. В своих журнальных эссе Джонсон, как Стил и Аддисон, старался не касаться политических вопросов, что вполне устраивало издателей отечественных журналов XVIII в.

Не менее интересным исследованием, в котором освещаются перипетии жизненного пути Джонсона и особенности его ли-

²⁸² См.: *Джонсон С. История Расселаса, принца Абиссинского* / пер. с англ. Л-ы Б-вой. СПб. : Д. В. Федоров, 1875.

²⁸³ См.: *Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы* / под ред. М. П. Алексеева. Л. : Наука, 1967.

²⁸⁴ См.: *Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России : исследование и материалы*. Л. : Наука, 1990.

тературной карьеры, является книга российского культуролога и филолога Л. А. Алябьевой «Литературная профессия в Англии в XVI–XIX вв.»²⁸⁵ Исследовательница акцентирует внимание на важной роли С. Джонсона в процессе формирования современного образа писателя. Джонсон стал одним из первых литераторов, заработавших имя и, пусть достаточно скромное, состояние исключительно с помощью литературного труда. Работа Алябьевой значима также тем, что в ней С. Джонсон рассматривается в контексте современного ему времени. Подобная тенденция сближает монографию с зарубежными исследованиями конца XX – начала XXI в., посвященными Джонсону. В настоящее время возрождение в России интереса к личности и наследию Джонсона можно проследить по появлению ряда монографий, статей и диссертаций²⁸⁶.

Единственным монографическим исследованием на русском языке, в котором бы освещалась как биография, так и литературное наследие С. Джонсона, является работа вятского филолога Т. В. Щербаковой²⁸⁷. Особенностью данной работы стало рассмотрение Джонсона в трех ипостасях: как моралиста, издателя, а также теоретика и критика литературы. Исследование Щербаковой – важный шаг вперед для российского литературоведения, в котором до начала XXI в. Джонсону не было места.

Увеличение интереса к личности Джонсона привело к появлению новых переводов его работ. Некоторые из текстов переводятся отрывочно²⁸⁸. Так, даже перевод «Жизни Сэмюэла

²⁸⁵ См.: Алябьева Л. А. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX вв. М. : Нов. лит. обозрение, 2004.

²⁸⁶ См., напр.: Щербакова Т. В. Сэмюэль Джонсон (1709–1784) – писатель и литературный критик : Дис. ... канд. филол. наук. Киров : ВятГПУ, 2001; Зыкова Е. П. Сэмюэль Джонсон: последний «августинец» // Литературный быт и литературные нравы в XVIII веке : искусство жизни в зеркале писем, дневников и мемуаров. М. : ИМЛИ РАН, 2013; Иванова Н. А. «О чем говорят мужчины» : Сэмюэль Джонсон и его «Клуб» // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1, № 4. С. 87–90; и др.

²⁸⁷ См.: Щербакова Т. В. «Великий хан» английской литературы : Сэмюэль Джонсон (1709–1784). Киров : Изд-во ВятГГУ, 2009.

²⁸⁸ См.: Джонсон С. Афоризмы, эссе, письма, словарь английского языка // Отечество карикатуры и пародии. Английская сатирическая проза XVIII века / пер. с англ. А. Ливерганта. М. : Нов. лит. обозрение, 2009. С. 245–295.

Джонсона» Дж. Босуэлла, осуществленный А. Ливергантом²⁸⁹, составляет не более четверти всего жизнеописания. Впрочем, в последние годы издаются все новые переводы текстов, принадлежащих перу Джонсона.

Недавно вышел в свет перевод работы С. Джонсона «Путешествие в Абиссинию» 1735 г.²⁹⁰, выполненный африканистом М. Л. Вольпе. Стоит отметить, что сам текст Джонсона также представлял собой вольное изложение французского варианта записок португальского миссионера Иеронима Лобо об Абиссинии, о чем, пусть и вскользь, но упоминается в тексте М. Л. Вольпе. Значение первого перевода «Путешествия в Абиссинию» на русский язык трудно переоценить, однако во вступлении к тексту присутствуют погрешности. К примеру, переводчик сообщает, что труд Джонсона имел успех у читателей²⁹¹, что едва ли верно. Перевод «Путешествия в Абиссинию» не принес Джонсону ни славы, ни денег, более того, он ни разу не был переиздан при жизни Джонсона.

В 2018 г. произошло еще одно важное событие для истории наследия Джонсона в России: был опубликован перевод «Жизнеописания Свифта» из «Жизнеописаний важнейших английских поэтов»²⁹². Автор перевода – профессор РГГУ Наталья Игоревна Рейнгольд, справедливо отметившая, что «Жизнеописания» Джонсона являются «одной из главных опор английской литературы и культуры в целом»²⁹³, несправедливо позабытой в России. Готовящийся полнотекстовый комментированный перевод всех «Жизнеописаний» дает основания полагать, что у наследия С. Джонсона в России начнется «новая жизнь».

Переводы работ Джонсона на русский язык начинают выходить и в философских сборниках последних лет. Так, в 2019 г. был опубликован ряд переводов эссеистики Джонсона («Пред-

²⁸⁹ См.: *Босуэлл Дж. Жизнь Сэмюэля Джонсона* / пер. с англ. А. Ливерганта. М.: Текст, 2003.

²⁹⁰ См.: *Иероним Лобо. Путешествие в Абиссинию* / пер. с англ. М. Л. Вольпе. М.: Галактика, 2018.

²⁹¹ См.: Там же. С. 4.

²⁹² См.: *Рейнгольд Н. И. Lumières английской критики* // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 3. С. 304–354.

²⁹³ Там же. С. 312.

мет эссе часто подсказывает случай. Случай также преобладает в других делах», «Самоограничение необходимо», «О характере Софрона», «Что же вы сделали?»), выполненный Е. П. Зыковой, в собрании философских эссе «Своеволие философии»²⁹⁴.

Таким образом, С. Джонсон был известен «на берегах Волги» с середины XVIII столетия, однако анализ истории переводов его произведений на русский язык и исследований, касающихся его личности и биографии, демонстрирует, что вплоть до начала XXI в. знание о Джонсоне в России было отрывочным и весьма фрагментарным. Пожалуй, русские читатели XVIII в. были знакомы с переводами отдельных работ литератора даже лучше, чем читатели XX в. Однако в первые десятилетия XXI столетия все чаще начинают появляться работы литературоведческого и исторического характера, посвященные доктору Джонсону, а также переводы его важнейших сочинений. Это позволяет надеяться, что история Джонсона в России только начинается и Сэмюэл Джонсон перестанет быть «подобен привидению: его упоминают во всех разговорах, но никто его не видел»²⁹⁵.

²⁹⁴ См.: Сэмюэль Джонсон // Своеволие философии : собрание философских эссе / сост. и отв. редактор О. П. Зубец. М. : Изд. дом ЯСК, 2019. С. 133–142.

²⁹⁵ Рейнгольд Н. И. Lumières английской критики. С. 308–309.

Глава 2 СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ

2.1. «Патриотизм – последнее прибежище негодяя»?

Высказывание «патриотизм – последнее прибежище негодяя» широко известно как в России, так и за рубежом. Однако игнорирование контекста, в котором эти слова были произнесены доктором Джонсоном, приводит к самым разным интерпретациям того, что же имел он в виду, называя патриотов негодяями. Первое появление термина «патриот» (в значении «земляк», «соотечественник») в Англии относится к концу XVI столетия. Тем не менее, на протяжении всего XVII в. это понятие не было широко распространено в английском языке, а в дальнейшем слово «патриот» продолжает обрывать новыми смыслами, поскольку в следующем столетии развернулась настоящая дискуссия о том, кто является «истинным» и «мнимым» патриотом. Ведущую роль в данной полемике сыграли интеллектуалы, чьи произведения, ставшие ответом на вызовы эпохи, привели к появлению детальных характеристик патриотизма. Одним из таких интеллектуалов стал доктор Джонсон. О том, какую роль литератор сыграл в формировании определения патриотизма в Британии XVIII в., пойдет речь в данном подразделе.

В Британии XVIII в. понятия «патриот» и «патриотизм» начали повсеместно употребляться в литературных и публицистических сочинениях, материалах прессы и газет. Поэтические произведения А. Поупа, У. Купера, У. Коллинза и О. Голдсмита были наполнены патриотическими воззваниями, что подтверждает призыв автора знаменитых строк «Правь, Британия, морями!» Уильяма Томсона «соединить патриотизм с пламенем поэзии»²⁹⁶. Непростой процесс формирования единого Британского государства

²⁹⁶ *Thomson J.* The four seasons, and other poems. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ecco/004810089.0001.000/1:16?rgn=div1;view=fulltext> (date of access: 10.07.2021).

после подписания Акта об унии 1707 г., многочисленные военные конфликты за пределами Туманного Альбиона, такие как Война за испанское наследство (1702–1713), Война за австрийское наследство (1743–1748), Семилетняя война (1756–1763), Война за независимость североамериканских колоний (1776–1783), участие во Французских революционных войнах (1793–1802), а также якобитские восстания 1715 и 1745–1746 гг. не могли не повлиять на общественно-политическую ситуацию в стране. Это способствовало активизации споров о содержании понятия «патриот» и послужило толчком к появлению обвинений в «мнимом» патриотизме.

Как справедливо отмечает британский исследователь Х. Каннингхем, в XVIII в. «патриотизм стал инструментом легитимации оппозиции»²⁹⁷. Особенно ярко эта тенденция проявилась в первой половине столетия, о чем можно судить на основании работы «Идея о Короле-Патриоте» 1738 г. 1-го виконта Болингброка. Будучи сторонником тори, лорд Болингброк был враждебно настроен по отношению к главе британского правительства Роберту Уолполу и в 20–30-е гг. возглавлял внепарламентскую оппозицию²⁹⁸. Однако к концу 30-х гг. стало заметно разочарование Болингброка в оппозиции, которую он ранее столь отчаянно поддерживал, даже находясь в ссылке во Франции. Так, английский философ начинает понимать, что «не только Уолпол, но и все экономические и политические инновации с 1688 г. были причиной беспорядков» в Англии²⁹⁹. Это приводит его к решению изложить свое политическое кредо и взгляды на патриотизм в тексте «Идеи о Короле-Патриоте».

Суть воззрений Болингброка состояла в выстраивании политического равновесия между королем, палатой лордов и палатой общин, гарантом которого должен стать король. «Едва

²⁹⁷ *Cunningham H.* The Language of Patriotism, 1750–1914 // *History Workshop*. 1981. № 12 (1) P. 9.

²⁹⁸ См.: *Барг М. А.* Болингброк и английское Просвещение // *Болингброк. Письма об изучении и пользе истории / пер. с англ. С. М. Берковской, А. Т. Парфенова, А. С. Розенцвейга ; под общ. ред. М. А. Барга. М. : Наука, 1978. С. 286; Kramnick I.* Bolingbroke and His Circle : The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole. Ithaca ; London : Cornell University Press, 1992. P. 29–30.

²⁹⁹ *Kramnick I.* Bolingbroke and His Circle. P. 30.

Король-Патриот взойдет на престол, – писал Болингброк, – это будет целительной панацеей: естественным образом возродится дух конституции, а по мере его возрождения будут восстанавливаться в своей первоизданной целостности порядки и формы конституции, которые станут тем, чем им предназначено быть, то есть подлинными преградами произволу власти, а не ширмами и не масками, под которыми будет скрывать свой лик тирания»³⁰⁰. По мнению лорда Болингброка, патриотизм «должен быть основан на высоких принципах и подкреплен высокими добродетелями», лишь в этом случае патриот может считаться «истинным сыном Отечества»³⁰¹. Кроме того, король-патриот должен быть беспристрастен и не может защищать интересы той или иной политической группировки: «Не обручаться ни с единой партией в отдельности, но править в качестве отца всего своего народа – столь важная черта в характере Короля-Патриота, что тот, кто поступает иначе, утрачивает право на сей титул»³⁰². В конце 30-х – 40-е гг. XVIII в. представления лорда Болингброка о короле-патриоте определяли содержание патриотической риторики в Британии XVIII столетия.

С началом конфликта, получившего название «Война за ухо Дженкинса» 1739–1742 гг., ситуация в Королевстве Великобритания все больше обостряется. Одним из ключевых событий, оказавших значительное влияние на оформление новых интерпретаций патриотизма, становится восстание якобитов, начавшееся в условиях вступления Британии в Войну за австрийское наследство в 1743 г. Высадка «Молодого Претендента» Карла Эдуарда Стюарта на Британских островах в августе 1745 г. усугубила положение в стране, и без того находящейся в затруднительном положении. Якобитская угроза разделила британское общество и активизировала споры о том, на чьей стороне должны быть «истинные» патриоты. В этих непростых условиях английский писатель и адвокат Генри Филдинг, ранее активно поддерживавший оппозиционных Уолполу «патриотов», выступил с основа-

³⁰⁰ Болингброк. Идея о Короле-Патриоте // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. С. 221.

³⁰¹ Там же. С. 209.

³⁰² Там же. С. 226.

нием нового периодического издания «Истинный патриот» (англ. *The True Patriot*). Первый выпуск газеты пришелся на 5 ноября 1745 г., когда успех сопутствовал продвигавшимся к английской границе якобитам. Каждый номер состоял из четырех страниц и выходил по вторникам вплоть до 10 июня 1746 г. Всего за полгода из печати вышло 32 номера, каждый из которых стоил три пенса. Издателем газеты была Мэри Купер, вдова владельца типографии Томаса Купера, продолжившая его дело³⁰³.

Филдинг стал первым английским интеллектуалом, заявившим о существовании «истинного» и «мнимого» патриотизма. Во втором номере газеты, вышедшем 12 ноября 1745 г. в условиях приближения якобитской армии к английскому городу Карлайл, он дал характеристику «истинного» патриота: «Поскольку сохранение нынешней Королевской Семьи на троне – это единственный способ сохранить саму сущность этой Нации, настоящий Патриот будет использовать все свои возможности, даже ставя под угрозу собственную жизнь, чтобы подавить Восстание, посягнувшее на уничтожение власти короля и истребление всего государства; ничто не может убедить такого Человека смутить или огорчить Короля, когда требуется абсолютное единодушие для победы над злыми умыслами тех могущественных врагов, которые объединены против нас»³⁰⁴. Таким образом, «истинный» патриот в представлении Филдинга – сторонник Ганноверской династии, готовый встать на защиту власти Георга II от посягательств якобитских повстанцев.

«Мнимый» патриот изображается в газете иначе. По мнению писателя, такой «патриот» использует любовь к стране как прикрытие для «Честолюбия, Алчности, Зависти, Зломыслия, любой дурной Страсти в Человеческом Разуме». Филдинг утверждал, что «теперь среди нас есть люди, которые называли себя патриотами, в то время как они продвигали свои интересы и изводили своих врагов накануне явной опасности гибели их собственной страны»³⁰⁵. В данной статье «мнимыми» патри-

³⁰³ См.: *Henry Fielding. The True Patriot : and The History of Our Own Times / ed. by M. A. Locke. Tuscaloosa : University of Alabama Press, 1964. P. 14.*

³⁰⁴ *Ibid.* P. 46.

³⁰⁵ *Ibidem.*

отами оказываются не соратники «Молодого Претендента», а те, кто стал причиной невзгод, постигших Британию. К их числу Филдинг относил сторонников курса Р. Уолпола.

В 25-м номере газеты, вышедшем 22 апреля вслед за сражением при Каллодене 16 апреля 1745 г., Филдинг вносит уточнения в определение «истинного» и «мнимого» патриота. По мнению писателя, «только тот является настоящим патриотом, кто делает все, что в его силах, ради служения своей стране без каких-либо своекорыстных интересов»³⁰⁶. Таким патриотом Филдинг считал герцога Камберлендского, разгромившего якобитов при Каллодене. В то же время, с точки зрения автора, «мнимый» патриотизм подразумевает популистов, громко заявляющих о свободах англичан, но легко меняющих собственные политические предпочтения. «Почему так много наших современников, претендующих быть Патриотами, – вопрошал Филдинг, – красноречиво выступали с речами в Парламенте и, казалось, глубоко заботились о благополучии своей страны, были громкими и упорными защитниками ее прав и поборниками ее свобод; почему многие из них часто внезапно и почти мгновенно меняли свои речи и становились раболепными просителями при дворе?»³⁰⁷ Подобный человек, казалось бы, защищающий исконные права англичан, но готовый поступиться принципами ради личной выгоды, не мог считаться «истинным» патриотом.

Интересно, что у определений патриотизма, данных Болингброком и Филдингом, есть определенные параллели с терминами, встречающимися в английской лексикографической традиции второй трети XVIII в. В словаре Натана Бейля под патриотом понимается «отец своей страны, общественный благодетель»³⁰⁸, что возвращает нас к представлениям Болингброка о короле-патриоте. Несколько иначе понятие «патриот» интерпретировал Сэмюэл Джонсон в первом издании «Словаря английского языка» 1755 г. По его мнению, патриот – это «тот, чьей главной страстью является любовь к своей стра-

³⁰⁶ *Henry Fielding*. *The True Patriot*. P. 203.

³⁰⁷ *Ibidem*.

³⁰⁸ *Bailey N.* *Dictionarium Britannicum*. P. 303.

не»³⁰⁹. Такое определение близко взглядам Филдинга. Однако уже в четвертом издании (1773) «Словаря» Джонсона, помимо этого определения термина «патриот», появляется пояснение, что иногда данное слово используется для характеристики «фракционного возмутителя спокойствия в правительстве»³¹⁰. Причины появления второго определения, которое явно подразумевает «мнимый» патриотизм, кроются в общественно-политической ситуации в Англии 60–70-х гг. XVIII в.

Первое десятилетие правления Георга III оказалось отмеченным острейшими политическими дискуссиями по поводу «внутренних» и «внешних» врагов и, как следствие, чехардой кабинетов и борьбой за свободу слова. В спорах о завершении Семилетней войны со всей остротой проявилось новое качество общественной реакции на внешнеполитические события. Считалось, что Георг III поступил «непатриотично», отправив главного героя этой войны – Уильяма Питта – в отставку осенью 1761 г., а тем более «сдав» по Парижскому миру от 10 февраля 1763 г. завоеванные британцами территории – отнятые у Франции острова в Вест-Индии (Мартинику и Гваделупу) и у Испании (Гавану и Манилу). Большинство общества это рассматривалось не просто как проявление слабости правительства Георга III, а как прямое предательство национальных интересов. Шлюзом, открывшим публичное выражение общественного негодования, стала тронная речь Георга III от 23 апреля 1763 г. на первом заседании парламента нового созыва. Самым дерзким и откровенным оказался выпад в этот же день английского «друга свободы» Джона Уилкса в 45-м номере «Северного британца» (рис. 3),

³⁰⁹ *Johnson S. A Dictionary of the English Language : in which the Words are deduced from their Originals, and Illustrated in their Different Significations by Examples from the best Writers. To which are prefixed, A History of the Language, and An English Grammar : in 2 Vol. London : J. and P. Knapton, T. and T. Longman, C. Hitch and L. Hawes, A. Millar, R. and J. Dodsley, 1755. Vol. 2. P. 315.*

³¹⁰ *Johnson S. A Dictionary of the English Language : in which the Words are deduced from their Originals, and Illustrated in their Different Significations by Examples from the best Writers. To which are prefixed, A History of the Language, and An English Grammar : in 2 Vol. London : W. Strahan, 1773. Vol 2. URL: <https://johnsonsdictionaryonline.com/1773page/patriarch?zoom=1575> (date of access: 03.06.2021).*

Рис. 3. Карикатура Уильяма Хогарта на Джона Уилкса (1763).
National Portrait Gallery, London. Лицензия № 53503 от 21.02.2022 г.

посчитавшим выступление короля прямым свидетельством попрания свобод английского народа. Эти обстоятельства и открывают период 1763–1774 гг., получивший в историографии устойчивое наименование «патриотического апогея», или уилксовского радикализма³¹¹.

С начала 1760-х гг. патриотическая риторика все активнее начинает использоваться в проправительственной и оппозиционной прессе. Окончание Семилетней войны не принесло британскому обществу долгожданного спокойствия. Первое десятилетие правления Георга III стало временем «памфлетной войны» на страницах журналов и газет. Недаром, выступая в парламенте, лорд Норт сетовал: «первое, что мы берем в руки утром – это пасквиль; последнее, что мы берем в руки вечером – это пасквиль»³¹². Как уже было сказано, зачинателем «памфлетной войны» явился Джон Уилкс (1725–1797). Также он воспринимается исследователями как один из первых представителей радикального движения. Напомним, что ключевым лозунгом английских радикальных публицистов Дж. Бурга и Дж. Картрайта было достижение политического равенства путем введения всеобщего избирательного права. Главной опорой формирующегося радикального движения стали горожане, по-прежнему в подавляющей массе лишенные избирательных прав. На городское население и были сориентированы речи и статьи Джона Уилкса.

Уилкс начал свою политическую карьеру как сторонник У. Питта в 1757 г., когда был избран в состав палаты общин от избирательного округа Эйлсбери (*Aylesbury*), графство Бэкингемшир. Оказавшись в оппозиции к власти после отставки кабинета Питта в октябре 1761 г., эсквайр Уилкс в разгромных статьях основанного им журнала «Северный британец» обрушился на правительство, сформированное лордом Бьютом при поддержке Георга III. По его мнению, оно стремилось отобрать у английского народа его исконные свободы. «Прерогативой короны, – писал

³¹¹ *Wilson K. The Sense of the People : Politics, Culture and Imperialism in England 1715–1785. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. P. 206.*

³¹² *The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803. Vol. 16. 1765–1771 / ed. by W. Cobbett, J. Wright. London : T. C. Hansard, 1813. P. 1165–1166.*

Уилкс в уже упомянутом 45-м номере «Северного британца», – являются конституционные полномочия, возложенные на нее не в пользу чьего-либо интереса или пристрастности, но в пользу мудрости и рассудительности. Это дух нашей Конституции. Народ тоже имеет свои prerogatives и, я надеюсь, что прекрасные слова Драйдена будут выгравированы в наших сердцах: Свобода – это prerogative англичанина»³¹³. Будучи острым на язык и талантливым журналистом, именно «патриотизм» Уилкс избрал в качестве главного орудия разоблачения власти.

Уилкс позиционировал себя патриотом – борцом против коррупции и тирании власти³¹⁴, представители которой вовсе не думают о народе. Заключение Парижского мира в 1763 г. – яркий тому пример и явно непатриотичный акт. Мирный договор предусматривал ряд унижительных территориальных уступок. Именно вест-индские колонии считались среди британцев наиболее ценными колониальными владениями. Колонии становились очевидным фактором процветания английской нации. Недаром однажды «в разгар Семилетней войны, в 1759 г., Питт-старший воскликнул в палате общин: “Сахар, м-р спикер, кто сейчас станет смеяться над сахаром!”»³¹⁵ Кроме того, Уилкс играл на «инородности» шотландца Бьюта. Уилкс-патриот считал англичан избранным народом, а правительство и окружение Георга III – находящимися под властью иностранцев, далеких от понимания истинных «традиционных прав и свобод» английского народа³¹⁶.

Нарастающую волну негодования и патриотизма отражает другой памфлет – «Министерский патриотизм разоблачен»³¹⁷. Анонимный автор отрицал наличие каких-либо признаков патриотизма у лорда Бьюта. Достойными называться «патриотами» автор считал «лорда Темпла, Питта и Уилкса, людей с пре-

³¹³ *Wilkes J. The North Briton. Dublin : J. Potts, 1763. Vol. 2. P. 172.*

³¹⁴ См.: *Sainsbury J. John Wilkes, Debt, and Patriotism // J. of British Studies. 1995. Nr 34 (2). P. 176.*

³¹⁵ *Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии по вопросам внешней и колониальной политики. СПб. : Алетей, 2012. С. 121.*

³¹⁶ *Colley L. Britons : Forging the Nation. P. 106.*

³¹⁷ *Ministreal Patriotism Detected ; or the Present Opposition Proved to be Founded on Truly, just and laudable Principles, by the Evidence of Facts. London : J. Cooke, 1763.*

красной репутацией»³¹⁸. Памфлетист пишет, что, если бы «этот министр (Бьют. – Т. К.), хотя бы в глубине души, желал принести благо нации», то он бы не заключил столь невыгодный для Британии Парижский мир³¹⁹. Неизвестный памфлетист убеждал читателей, что истинные патриоты являются оппозиционерами двора Георга III. В этой интерпретации патриотизма можно увидеть отголоски общественно-политической борьбы в 20–30-х гг. XVIII в., когда принадлежность к оппозиции Р. Уолпола также означала приверженность патриотизму.

Таким образом, стоит выделить следующие характерные черты «уилковского патриотизма». Во-первых, истинные патриоты, по мнению Уилкса и его сторонников, радуют за «древнюю конституцию» и сохранение «естественных» прав английского народа. Потому патриотам следует быть в оппозиции к власти до тех пор, пока не будут восстановлены права и свободы англичан. Во-вторых, патриотизм Уилкса зиждился на идее об англичанах как избранной нации, поскольку Англия есть не что иное, как «дом свободы и конституции». Однако и то, и другое, как полагал Уилкс, патриоты должны были вернуть английскому народу.

Последующее отношение к «патриотам» и «истинным друзьям свободы» определялось реакцией самого Уилкса на обвинения в мятежной клевете (англ. *sedition libel*). Вместе с еще 49 «подстрекателями к мятежу» он был заключен под стражу 30 апреля 1763 г. Первое, к чему апеллировал Уилкс в этой ситуации – к своей парламентской неприкосновенности. Он был отпущен по решению лорда главного судьи до суда. В то время его сочинения стали предметом обсуждения в обеих палатах парламента. В палате лордов было зачитано скабрёзное стихотворение Уилкса «Эссе о женщине» (пародия на «Эссе о человеке» А. Поупа). Сочинение было признано непристойным, а Уилкс – аморальным человеком, что повлекло за собой решение о лишении его парламентского мандата. Несмотря на то, что по всей стране прошла волна в его поддержку под лозунгом «Уилкс, свобода и 45 номер!», он позорно бежал в Париж, не дождавшись решения суда.

³¹⁸ Ibid. P. 25.

³¹⁹ Ibid. P. 33.

Суд прошел без обвиняемого. Уилкс был признан виновным заочно в написании «непристойного пасквиля» и «мятежной клевете» и объявлен вне закона 19 января 1764 г. А когда в 1768 г. он был вынужден вернуться в Англию, скрываясь от французских кредиторов, на решение суда власти прикрыли глаза, дабы не нарушать общественного спокойствия.

Восьмого февраля 1768 г. он, скрываясь от французских кредиторов, возвращается в Англию и вскоре выдвигает свою кандидатуру на выборы в парламент от Мидлсекса. Вопреки скандальной репутации Уилкс был избран в палату общин 28 марта 1768 г., однако это привело к ожесточенным парламентским дебатам. На протяжении двух лет в стенах парламента решался вопрос о законности избрания Уилкса и назначались повторные выборы в Мидлсексе (14 декабря 1768 г., 16 февраля, 16 марта и 13 апреля 1769 г.), на которых Уилкс уверенно одерживал победу. Казус Уилкса в глазах широкой общественности предстал как патриотическая борьба за исконные права и свободы англичан.

Все это заставило взяться за перо несогласных с итогом выборов. Анонимный автор «Эссе о патриотизме» 1768 г.³²⁰ с негодованием отзывался о так называемых популярных джентльменах, которые изображают себя патриотами, хотя на деле такими не являются. Подобный джентльмен – Джон Уилкс, настоящий «мошенник», обманувший доверчивую публику своей патриотической риторикой: «он только притворяется Патриотом, чтобы исписывать бумагу и кричать ради Свободы и Независимости, а все его распутство и расточительность позабыты и никем не припоминаются»³²¹.

Самая глубокая критика уилксовского «патриотизма» принадлежит упомянутому ранее литературному гению английского Просвещения – доктору Джонсону, который не смог остаться в стороне. По итогам прений о судьбе Уилкса 17 апреля 1770 г. обвинения с «друга свободы» были сняты, и избранник Мидлсекса стал парламентарием. Несогласный с этим итогом Джонсон взял на себя роль разоблачителя «патриотизма» Уилкса.

³²⁰ См.: Essay on Patriotism and on the Character and Conduct of some late famous pretenders to that virtue, particularity of the present Popular Gentleman. London : Fleet-street, 1768.

³²¹ Ibid. P. 3.

В январе 1770 г. Джонсон опубликовал памфлет «Ложная тревога», в котором стремился развенчать подобного рода «патриотизм», его смысл виделся ему в подстрекательстве к мятежу: «Любая уловка используется для подстрекательства к мятежу, чтобы пробудить недовольство и разжечь возмущение. Каждый день статьи наполнены призывами и угрозами. Безумие охватывает все ранги и представителей обоих полов, женщины и дети ратуют за мистера Уилкса»³²². Эта попытка Джонсона разоблачить «патриотизм» Уилкса не увенчалась успехом. Памфлет был воспринят большей частью публицистов и журналистов резко отрицательно. Джонсона с насмешкой именовали автором «Ворчуна», а не «Бродяги» (*The Grumbler*, что созвучно названию журнала *The Rambler*, издаваемого литератором в 50-е гг. XVIII в.). На страницах *The London Evening Post* и вовсе с иронией сообщалось о вероятном увеличении размера королевской пенсии Джонсона после публикации памфлета³²³.

Памфлет Джонсона привлек внимание Уилкса, и вскоре, в феврале 1770 г., «друг свободы» ответил лексикографу в «Письме к Джонсону», полагая, что народ имеет «право выбирать так, как ему заблагорассудится»³²⁴. Уилкс выступил в качестве борца за всеобщее право: «слово “Избиратель” имеет такое же отношение к палате общин, как Творец к созданному им. Права народа не то, что палата общин уступила им, а то, что они сохранили себе»³²⁵. Популизм Уилкса сделал свое дело: в 1771 г. жители Лондона избирают его шерифом, а в 1774 г. – лорд-мэром Лондона.

Новым предостережением от «уилксовского патриотизма» становится следующий памфлет литератора – «Патриот. Обращение к избирателям Великобритании». Судьбу этого памфлета едва ли можно считать прозаичной. Все началось с того, что путешествие Джонсона в Северный Уэльс, предпринятое им летом 1774 г. совместно с семьей пивовара Генри Трейла, члена британского парламента с 1765 г., было неожиданно прервано. Во время тура стало известно о решении Георга III распустить парламент

³²² Johnson S. The False Alarm. London : T. Cadell, 1770. P. 16.

³²³ McGuffie M. C. Samuel Johnson in the British Press. P. 69.

³²⁴ См.: Wilkes J. The Letter to Samuel Johnson. London : J. Almon, 1770. P. 28.

³²⁵ Ibid. P. 23.

и досрочно провести выборы³²⁶. В пятницу 30 сентября путешественники спешно возвращаются в Лондон и сразу же погружаются в перипетии предвыборной кампании, целью которой в данном случае стало сохранение мистером Трейлом места в палате общин от Саутворка. В этот же день было объявлено о роспуске парламента. Данный шаг можно объяснить стремлением короля предотвратить усиление парламентской оппозиции, выступавшей за уступки восставшим колонистам в 13 колониях. Речь идет о группировке, которую возглавляли Уильям Питт-старший, граф Чэтэм, и Чарльз Уотсон-Уэнтурт, второй маркиз Рокингем. Граф Чэтэм с большим сочувствием смотрел на американцев, предпочитающих «бедность и свободу позолоченным цепям и жалкому изобилию»³²⁷, и выступал за примирение и вывод войск из Бостона для «успокоения колоний»³²⁸. Из сподвижников маркиза Рокингема стоит выделить Эдмунда Берка, предупреждавшего, что «сохранение единства империи требует осторожных и взвешенных решений»³²⁹. Таким образом, целью очередных выборов стало увеличение количества сторонников политической линии Фредерика Нортона в парламенте, что позволило бы Георгу III и премьер-министру продолжить жесткую политику «усмирения» североамериканских колоний.

Доктор Джонсон не остался в стороне от происходивших событий. В среду 12 октября 1774 г. в газете *London Chronicle* было опубликовано объявление о выходе в свет памфлета Джонсона под заголовком «Патриот. Обращение к избирателям Великобритании». Текст, направленный против мнимых патриотов и оппозиционеров, не повлиял на общий ход выборов в Саутворке, итог которых был предрешен в пользу мистера Трейла. Главным объектом критики оказались Уилкс и его сторонники. Джонсон, имевший давние счёты с вновь избранным лорд-мэром, считал

³²⁶ Cash A. John Wilkes : The Scandalous Father of British Liberty. New Haven ; London : Yale University Press, 2006. P. 309.

³²⁷ The Parliamentary History of England From the Earliest Period to the Year 1803 / ed. by W. Cobbett and J. Wright. London : T. C. Hansard, 1813. Vol. 18. P. 154.

³²⁸ Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? С. 220.

³²⁹ Чудинов А. В. Размышления англичан о Французской революции : Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М. : Памятники исторической мысли, 1996. С. 30.

своим долгом разоблачить популистские лозунги Уилкса, рядящегося в тогу истинного патриота своей страны, и предотвратить его избрание в палату общин от Мидлсекса.

Первое издание «Патриота», опубликованное типографией Т. Каделла, было распродано по цене в 6 пенсов столь быстро, что уже 5 ноября последовало его переиздание³³⁰. В дальнейшем, 8 мая 1775 г., памфлет был опубликован в третий раз. Автор «Жизни Сэмюэла Джонсона» шотландский биограф Джеймс Босуэлл, упоминая памфлет, отмечал, что он написан «энергично и живо» и содержит «демонстрацию свойств настоящего патриота в подлинном смысле этого слова – искреннего, разумного и беспристрастного сторонника процветания короля и своей страны»³³¹.

Вслед за Филдингом Джонсон также выделяет «истинных» и «мнимых» патриотов. Лексикограф считал, что «места в парламенте достоин лишь тот, кто является патриотом»³³². В определении «истинного» патриота он развивает идеи предшественников: «Патриот – тот, чье общественное поведение определяется одним-единственным чувством – любовью к своей стране; тот, кто как представитель парламента ни надежду, ни страх, ни одобрение, ни праведный гнев своих сторонников не использует в личных интересах, но направляет все это во имя общей цели»³³³. Более того, литератор был убежден, что признаком истинного патриота является и то, что «патриот всегда готов поддерживать справедливые требования и оживить разумные надежды людей; он беспрестанно напоминает им об их законных правах, побуждает их негодовать против посягательств и обеспечивать порядок»³³⁴. Однако настоящий патриот никогда не будет так действовать ради игры на публику и сиюминутных целей.

³³⁰ См.: The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. Political Writings / ed. by J. Greene. New Haven ; London : Yale University Press, 1977. P. 387.

³³¹ *Boswell J. Life of Johnson*. P. 568.

³³² Патриот. Обращение к избирателям Великобритании // *Косых Т. А., Шипицына Ю. С.* Дискуссия об «истинных» и «мнимых» патриотах в памфлете Сэмюэла Джонсона // *Imagines Mundi : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 10. Сер. Альбионика. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2019. С. 45.

³³³ Там же. С. 45–46.

³³⁴ Там же. С. 49.

Таким образом, по мнению Джонсона, может поступать лишь человек, притворяющийся патриотом. Именно Уилкс стал причиной, по которой Джонсон добавил новое определение термина «патриот» в четвертом издании «Словаря».

Джонсон подчеркивал, что Уилкс и его сторонники вовсе не являются патриотами. Таких «патриотов» стоит остерегаться избирателям, поскольку большинство из них «рвет и мечет, выведывает и строит козни, забывая о народе вовсе, не опасаясь народа, не заботясь о благе народа, но надеясь силой проложить дорогу к собственному процветанию при помощи злобы и брани»³³⁵. Поэтому памфлет Джонсона заканчивается призывом к народу объединиться против «мнимого патриотизма»: «исцелиться от своего заблуждения и объединиться в отвращении к тем, кто, обманывая легковых небывальными выдумками, подавляя слабых дерзкой ложью, обращаясь к суждениям, полным невежества и тщеславного бахвальства, клеветца на честность и оскорбляя достоинство, собрал вокруг себя все низменное и вызывающее в королевстве, чтобы... присвоить себе имя патриотов»³³⁶. Подобный притворный патриотизм, как полагал Джонсон, оказывался «последним прибежищем негодяя»³³⁷. Таким негодяем и был, по мнению Джонсона и многих других, Джон Уилкс.

В целом «Патриот» Джонсона был воспринят публикой положительно. Судить об этом можно по британской прессе. Так, в общей сложности во второй половине октября в британских газетах и журналах памфлет был упомянут 17 раз (в таких изданиях, как *London Chronicle*, *General Evening Post*, *Whitehall Evening Post*, *Caledonian Mercury*, *Weekly Magazine*, *Edinburgh Advertiser*, *Gentleman's Magazine*, *Scots Magazine* и др.)³³⁸. Любопытно, что критика памфлета содержалась только в одной статье, опубликованной на страницах *London Magazine*. Впрочем, негативная оценка «Патриота» Джонсона в данном журнале вполне объяснима политической направленностью *London Magazine* – журнал с момента его основания в 1732 г. отличался оппозиционными

³³⁵ Патриот. Обращение к избирателям Великобритании. С. 46.

³³⁶ Там же. С. 54.

³³⁷ *Boswell J. Life of Johnson*. P. 543.

³³⁸ *McGuffie M. C. Samuel Johnson in the British Press*. P. 132–133.

настроениями по отношению к сторонникам тори, к которым мы можем причислить доктора Джонсона. Автор заметки о «Патриоте» осудил продажность литератора, именуя его «известным королевским пенсионером» и предполагая очередное увеличение размера пенсии Джонсона, однако признал, что «стиль (памфлета. – Т. К.) приятен и многие его (Джонсона. – Т. К.) суждения справедливы»³³⁹.

После 1775 г. основной темой общественных дискуссий в Британии становится Война за независимость США. Споры о природе патриотизма, «истинных» и «мнимых» патриотах уступили место полемике о будущем английских североамериканских колоний. Как известно, во время военных действий в Северной Америке «патриотами стали называть себя сторонники независимости от английской короны»³⁴⁰.

Таким образом, обращение к истории понятий «патриот» и «патриотизм» в Британии XVIII в. позволяет говорить об их многозначности. Конечно, труды «властителей умов», в которых раскрывались основные характеристики патриота, были реакцией на происходящие события и военные действия и стали попыткой дать ответ на то, каким должен быть настоящий патриот, либо разоблачить, под какими лозунгами может быть сокрыт притворный патриотизм. По этой причине знаменитое высказывание Джонсона о том, что «патриотизм – это последнее прибежище негодяя», стоит относить к определению «мнимого» патриотизма.

Большинство интеллектуалов сходились во мнении о том, что патриота отличает такое качество, как любовь к своей Отчизне. Этой точки зрения придерживался и С. Джонсон. Однако другие характеристики патриота различаются. Так, «Король-Патриот» Болингброка должен заботиться о благе подданных, невзирая на собственные пристрастия и убеждения. Аналогично патриот должен поступать и по мнению Г. Филдинга, хотя важнейшей чертой его определения патриотизма является готовность патриота встать на защиту Ганноверской династии перед угрозой армии якобитов. Нередко патриоту приписыва-

³³⁹ Ibidem.

³⁴⁰ Кром М. М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 39.

лось такое свойство, как нахождение в оппозиции к власти. Этой характеристикой патриотизма не преминул воспользоваться Дж. Уилкс, полагавший, что истинный патриот должен выступать против власти, предавшей национальные интересы заключением Парижского мира в 1763 г. Действительно, определению патриотизма Уилкса был присущ национализм, выражавшийся в желании низвергнуть шотландского премьер-министра лорда Бьюта. Против этой точки зрения категорически выступал доктор Джонсон, по мнению которого «патриотизм» внепарламентской оппозиции был лишь средством достижения корыстных интересов «мнимых» патриотов. Представления Джонсона о необходимости поддержания соответствующего морального облика для человека, желающего носить гордое имя патриота, повлияли на будущие дефиниции патриотизма, и понятие «патриотизм» начало приобретать нравственно-этическую окраску.

2.2. «Отец» словаря английского языка

«Словарь английского языка» 1755 г. (рис. 4) доктора Джонсона стал не только выдающимся лексикографическим памятником эпохи Просвещения, но и определил дальнейшую судьбу его автора. В XVIII столетии, нередко называемом современными исследователями «эпохой словарей»³⁴¹, именно «Словарь» Джонсона оказался самым известным среди прочих. Создание «Словаря» стало ключевым событием в жизни Джонсона. Значимость труда литератора была оценена едва вступившим на престол в 1760 г. королем Георгом III. Через содействие премьер-министра лорда Бьюта король в качестве «награды за выдающиеся литературные заслуги»³⁴² даровал лексикографу в 1762 г. пожизненную пенсию в размере 300 фунтов. Позднее Джонсон и вовсе был прозван «отцом английского словаря»³⁴³.

³⁴¹ *Mugglestone L. Dictionaries // Samuel Johnson in Context / ed. by J. Lynch. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 157; Sorensen J. «A Grammarian's Regard to the Genius of Our Tongue» : Johnson's Dictionary, Imperial Grammar, and the Customary National Language. P. 63.*

³⁴² *Boswell J. Life of Johnson. P. 264.*

³⁴³ *Mugglestone L. Dictionaries. P. 157.*

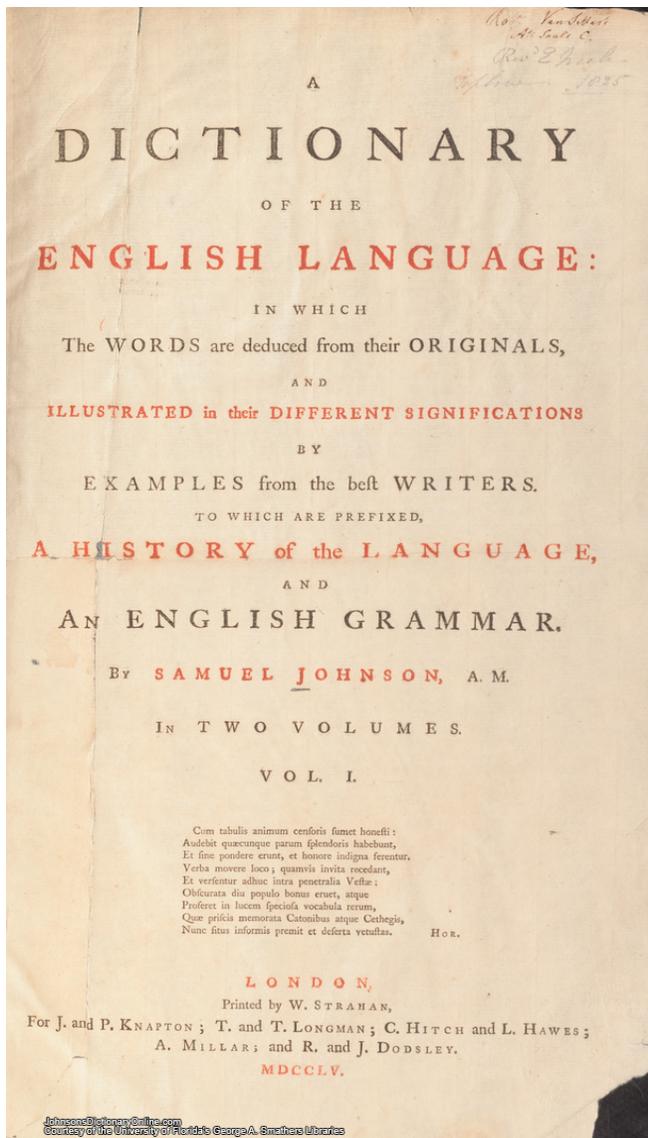

Рис. 4. Титульная страница первого издания
«Словаря английского языка» С. Джонсона (1755)

Однако принимая во внимание столь значительную роль «Словаря» в жизни доктора Джонсона, нельзя забывать, что он был не первым английским лексикографом, кто взялся за это дело. Число словарей, издаваемых в эпоху Просвещения, было огромно. Каждая из работ имела свою особенность. Небольшие словари, помещающиеся в кармане, соперничали за внимание публики с объемными многотомными компендиумами. Словари писались для школы и для дома, для самообразования или изучения наук³⁴⁴. Когда Джонсон начал составление своего словаря в 1746 г., наиболее авторитетным был «Британский словарь» 1730 г. Натана Бейля, который включал более 42 тыс. слов³⁴⁵. Новое издание словаря Бейля, появившееся в 1755 г., уже включало 65 тыс. слов и активно конкурировало со «Словарем английского языка» С. Джонсона, опубликованным в апреле того же года. Тем не менее, именно словарь Джонсона послужил основой литературного английского языка и, по сути, определил его дальнейшее развитие.

Мнение о важной роли языка, в особенности «национального печатного языка», в складывании нации подчеркивается в работах исследователя национализма Б. Андерсона. По его мнению, «соединение капитализма и техники книгопечатания в точке фатальной разнородности человеческого языка сделало возможной новую форму воображаемого сообщества, базисная морфология которого подготовила почву для современной нации»³⁴⁶. Таким образом, «печатный капитализм» выступил в роли связующего звена между языком и единой нацией. В эпоху, когда «в моде было организовывать, структурировать

³⁴⁴ См.: *Muggleston L. Dictionaries*. P. 157.

³⁴⁵ См.: *Bailey N. Dictionarium Britannicum : or, A More Compleat Universal Etymological Dictionary Than Any Extant. Containing Not Only the Words, and Their Explication; But Their Etymologies from the Antient British, Teutonic, Low and High Dutch, Saxon, Danish, Norman and Modern French, Italian, Spanish, Latin, Greek, Hebrew, Chaldee, &c. Each in Its Proper Character. Also Explaining Hard and Technical Words, Or Terms of Art, in All the Arts, Sciences, and Mysteries Following. Together with Accents Directing to Their Proper Pronunciation, Shewing Both the Orthography and Orthoepeia of the English Tongue*. London : T. Cox, 1730.

³⁴⁶ *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева ; под ред. С. Б. Баньковской. М. : Кучково поле, 2016. С. 103–104.*

и приводить в порядок»³⁴⁷ весь окружающий мир, возникла аналогичная потребность в структурировании языка. С. Джонсон ставил прямой своей задачей создание унифицированного национального английского языка³⁴⁸. Стремление к такой унификации способствовало тому, что читающая публика впоследствии начала идентифицировать себя как часть единого «воображаемого сообщества». Однако, как отмечал лексикограф начала XX в. Дж. Мюррей, «английский словарь, подобно английской конституции, является творением не одного человека и не одной эпохи, а является результатом длительного многовекового процесса»³⁴⁹. И потому вполне закономерными являются вопросы, учитывая десятки известных работ по английской лексикографии Нового времени: насколько «Словарь английского языка» является уникальным проектом и чем обусловлена слава труда доктора Джонсона?

В Англии первые словари появляются еще в XV в. Так, анонимный англо-латинский словарь был выпущен в 1483 г.³⁵⁰, а корни одноязычного английского словаря уходят в начало XVII в., когда в 1604 г. был издан «Перечень алфавитный» Р. Кодри³⁵¹. Работа Кодри содержала около 2,5 тыс. сложных, но часто употребляемых слов³⁵². Позднее создаются «Английский словарь» Г. Кокерема³⁵³,

³⁴⁷ *Hitchings H.* Dr Johnson's Dictionary : The Book that Defined the World. London : John Murray, 2006. P. 46.

³⁴⁸ См.: *Sorensen J.* Grammar of Empire in the Eighteenth-Century British Writing. P. 66.

³⁴⁹ *Murray J. A. H.* The Evolution of English Lexicography // The Romanes Lecture. Oxford : Clarendon Press, 1900. URL: <http://www.gutenberg.org/files/11694/11694-h/11694-h.htm> (date of access: 25.08.2021).

³⁵⁰ См.: *Карпова О. М.* Роль писательских словарей в формировании английской национальной лексикографии // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 10–14.

³⁵¹ См.: *Cawdrey R.* A Table Alphabetical or Hard Usual English Words / ed. by R. A. Peters. London : H. R. Warfel, 1966.

³⁵² См.: *Mugglestone L.* Dictionaries. P. 158.

³⁵³ См.: *Cockeram H.* The English Dictionarie : or, An Interpreter of Hard English Words : Enabling as well Ladies and Gentlewomen, Young Schollers, Clarkes, Merchants, as Also Strangers of Any Nation, to the Understanding of the more Difficult Authors Already Printed in Our Language, and the More Speedy Attaining of an Elegant Perfection of the English Tongue, both in Reading, Speaking and Writing. Being a Collection of the Choisest Words Contained in the Table Alphabeticall

и во второй половине XVII в. «Глоссография» Т. Блаунта³⁵⁴ и «Новый мир английских слов» Э. Филиппса³⁵⁵. Главный акцент в этих работах был сделан на заимствованные и малоизвестные слова. Особенностью данных словарей было то, что объем лексики в них не превышал 5 тыс. слов, и в основном в этих работах авторы стремились объяснить значения трудных слов, сопровождая их цитатами из Библии.

Но наибольший вклад в дело лексикографии был внесен уже в эпоху Просвещения. В 1702 г. британский лексикограф Джон Керси публикует «Новый английский словарь»³⁵⁶, включивший более 28 тыс. слов. Керси критиковал первых лексикографов за то, что в ходе составления словарей они ориентировались по большей части на малопонятные для англичанина слова, заимствованные из других языков. По его мнению, словарь должен включать только «подлинные и чистые слова английского языка»³⁵⁷. Собственная работа Керси была нацелена на краткое, но многозначное толкование всех сложных слов наравне с общепотребительными и незнакомыми словами.

Н. Бейли также сделал значительные успехи в этом направлении, составив «Британский словарь» в 1730 г. В его представлении идеальный словарь должен быть сокровищницей, в которой хранится информация о сущности слов³⁵⁸. Интерес представляет и полное название работы: «Британский словарь: или наиболее

and English Expositor, and of Some Thousands of Words Never Published by Any Heretofore. London : T. Harper, 1623.

³⁵⁴ См.: *Blount T.* Glossographia : or, a Dictionary Interpreting All Such Hard Words of Whether Hebrew, Greek, Latin, Italian, Spanish, French, Teutonic, Belgick, British Or Saxon, as are Now Used in Our Refined English Tongue With Etymologies, Definitions and Historical Observations on the Same : Also the Terms of Divinity, Law, Physick, Mathematicks and Other Arts and Sciences Explicated. London : T. Newcomb, 1656.

³⁵⁵ См.: *Phillips E.* New World of English Words : Or, a General Dictionary; Containing the Interpretations of Such Hard Words as are Derived from Other Languages. London : s. l., 1658.

³⁵⁶ См.: *Kersey J.* A New English Dictionary : or, a Complete Collection of the Most Proper and Significant Words, Commonly Used in the Language. London : T. Cox, 1702.

³⁵⁷ *Muggleston L.* Dictionaries. P. 158.

³⁵⁸ Ibidem.

полный универсальный этимологический английский словарь, что когда-либо существовал, содержащий не только перечень слов и их значения, но и их этимологию из древнего британского, тевтонского, голландского, саксонского, датского, норманнского и современного французского, итальянского, испанского, латинского, греческого, еврейского, халдейского (языков. – Т. К.) и т. д., а также объясняющий термины из науки, техники и искусства, дающий правильное произношение и содержащий орфографию и орфоэпию английского языка»³⁵⁹. В отличие от Джонсона, начавшего писать «Словарь английского языка» спустя 17 лет, Бейли выпустил работу с латинским заголовком и обозначил, таким образом, цель своей работы как создание *британского* словаря английского языка. Это в полной мере соответствовало политическому контексту времени, еще не столь отдаленного от Унии 1707 г. Однако не «Британский словарь» Бейля стал главным событием в английской лексикографии XVIII столетия, а труд его младшего современника С. Джонсона.

История «Словаря английского языка» С. Джонсона началась в 1746 г., когда консорциум книготорговцев во главе с Р. Додсли, Ч. Хитчем и другими заключил с Джонсоном контракт написание словаря английского языка³⁶⁰. Изначально «План» словаря, опубликованный в этом же году, был адресован Филиппу Дормеру, графу Честерфилду. В плане Джонсон делает прямую отсылку к словарю Французской академии и подчеркивает значительную роль словарей для поддержания «чистоты языка»³⁶¹.

В течение девяти лет, как писал сам Джонсон, он, словно «ломовая лошадь, отыскивал происхождение слов и определял их значение»³⁶², он составлял словарь «без надежды на похвалу и готовый к наказанию пренебрежением»³⁶³. Единственными его помощниками были несколько ассистентов, которые отыскивали все известные слова. Однажды доктор Адамс, старый знако-

³⁵⁹ Bailey N. *Dictionarium Britannicum*. P. 1.

³⁶⁰ См.: Boswell J. *Life of Johnson*. P. 132.

³⁶¹ Mugglestone L. *Dictionaries*. P. 164.

³⁶² См.: Johnson S. *Preface to Dictionary of the English Language* // Samuel Johnson. *The Major Works* / ed. by D. Greene. Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 307.

³⁶³ *Ibidem*.

мый литератора, заглянул к нему, когда тот был занят работой над словарем, и между ними состоялся диалог:

– «Адамс: Это огромная работа, сэр. Как вы получите этимологии всех слов?»

– Джонсон: Сэр, вот полка с Юниусом, Скиннером и другими. Здесь же есть валлийский джентльмен, который опубликовал собрание валлийских пословиц, что поможет мне разобраться с валлийским языком.

– Адамс: Но, сэр, как вы сможете это сделать за три года?»

– Джонсон: Сэр, я не сомневаюсь, что смогу это сделать в течение трех лет.

– Адамс: Но Французской академии, которая состоит из сорока человек, потребовалось сорок лет, чтобы собрать словарь.

– Джонсон: Сэр, это так. Но посмотрите на это соотношение, сорок на сорок – тысяча шестьсот. Три к тысяче шестистам – это и есть соотношение англичан и французов»³⁶⁴.

Хотя в обозначенный срок словарь не был готов, Джонсон продолжал свою «работу, несмотря на трудности, на которые бесполезно жаловаться и которые привели, наконец, к моменту публикации, без какой-либо помощи, слова ободрения или благосклонной улыбки покровителя»³⁶⁵.

Патронаж лорда Честерфилда не оправдал надежд Джонсона: в качестве поощрения за составление словаря лексикограф получил 10 фунтов от своего благодетеля за все время работы над монументальным трудом³⁶⁶. Лишенный поддержки, на которую он рассчитывал, поскольку средства, предоставленные на словарь от консорциума книготорговцев стали иссякать, Джонсон явился одним из первых интеллектуалов, кто без поддержки патрона смог воплотить план своей работы в реальность. Накануне выхода словаря в свет Честерфилд написал свою запоздалую похвалу в журнале «Мир» (англ. *The World*), лестно именуя литератора «диктатором» языка, которому сам граф готов подчиниться³⁶⁷.

³⁶⁴ Boswell J. Life of Johnson. P. 134–135.

³⁶⁵ Ibid. P. 185.

³⁶⁶ См.: *Hitchings H. Dr Johnson's Dictionary: The Book that Defined the World.* P. 168.

³⁶⁷ См.: *Hudson N. A Political Biography of Samuel Johnson.* P. 83.

Однако раздосадованный Джонсон ответил графу: «Покровитель ли, мой господин, тот, кто смотрит с безразличием на человека, борющегося за жизнь в воде, и когда он достиг земли, обременяет его помощью? Было бы любезно с вашей стороны, если бы вы раньше обратили внимание на мои труды... но теперь мне уже это безразлично»³⁶⁸. Желание графа Честерфилда прослыть покровителем «Словаря» не было реализовано.

Первое издание «Словаря английского языка», вышедшее из печати 15 апреля 1755 г., включало более 40 тыс. слов, значение которых иллюстрировалось литературными цитатами (всего около 114 тыс. цитат). Одновременно, как уже упоминалось ранее, был переиздан «Универсальный словарь английского языка» Н. Бейли, включающий 65 тыс. слов. Тем не менее, именно словарь Джонсона вызвал резонанс в обществе и стал прообразом современного английского словаря.

Английская словарная традиция времени Джонсона была значительно усовершенствована в сравнении с предыдущим столетием. Это были, чаще всего, значительные по масштабу структурированные работы. Словарь Н. Бейли был разделен на такие тематические блоки, как теогония, теология, иероглифика, мифология египтян, греков и римлян и др. «Новый английский словарь» 1749 г. Бенджамина Мартина состоял из слов и терминов по географии, математике, астрономии, оптике «в соответствии с последними открытиями и достижениями, сделанными в этих областях»³⁶⁹. Еще один британский лексикограф Джон Бевис, автор «Карманного словаря» 1753 г., отказался от четкого структурирования и рассматривал словарь как «способ постоянного совершенствования, с помощью которого можно избавиться от ошибочных знаний, заменяя их более правильными и точными»³⁷⁰. Каждый автор самостоятельно определял правильность и точность определений.

³⁶⁸ *Boswell J.* Life of Johnson. P. 185.

³⁶⁹ *Martin M.* Lingua Britannica Reformata, or, A New English Dictionary. London : J. Hodges, 1749. P. 1.

³⁷⁰ *Bevis J.* Pocket Dictionary, or Complete English Expositor : To Which is Prefix'd an Introduction, Containing an History of the English Language, with a Compendious Grammar : and a Recommendation of the Manuscript Copy, in a Letter from Dr. Bevis. London : J. Bevis, 1753. P. 3.

Словарь Джонсона состоял из предисловия, истории английского языка, грамматики английского языка и алфавитного перечня слов. Особенность «Словаря» состояла в том, что литератор не претендовал на уникальность каждого определения и старался объяснять значение слов несколькими вариантами, тем самым предоставляя читателю возможность выбрать необходимое ему. Впоследствии это привело к тому, что словарь «помимо основного назначения стал антологией английской прозы и поэзии, книгой для обыкновенного читателя, а не только ученого-филолога»³⁷¹.

Интересно то, как Джонсон в «Предисловии» словаря определяет место лексикографа: «среди несчастных смертных находятся составители словарей; те, кого человечество рассматривает не в качестве ученика, а раба науки, пионера литературы, обреченного только удалять мусор и очищать от препятствий пути ученого и гения, которые стремятся вперед к покорению славы без дарования улыбки униженной ломовой лошади, что способствовала этому рывку. Любой другой автор может стремиться к похвале; лексикограф может только надеяться избежать упрека»³⁷². Джонсон сознательно принижает значение лексикографа, в то же время показывая, сколь важен и необходим этот труд для общества и процветания в нем литературы и искусств.

«Словарь английского языка» Джонсона был щедро проиллюстрирован цитатами писателей, таких как Шекспир, Милтон и Драйден. Лексикограф был первым из современников, кто стал помещать после определений слов конкретные примеры из литературных произведений³⁷³. К примеру, Джонсон определяет слово «патрон» следующим образом: «человек, который поддерживает или защищает», «адвокат», «защитник», «поборник», «святой покровитель» и др. В подтверждение этого он приводит цитаты: «Я умоляю вас, как моего патрона» (Шекспир),

³⁷¹ Щербакова Т. В. «Великий хан» английской литературы Сэмюэль Джонсон (1709–1784). С. 74.

³⁷² Johnson S. A Dictionary of the English Language // Samuel Johnson. The Major Works. P. 307.

³⁷³ См.: Mugglestone L. Dictionaries. P. 159.

«Святой Михаил упоминается как патрон евреев, а в настоящее время и всех христиан» (Драйден)³⁷⁴.

Но в чем же состоял секрет успеха «Словаря» Джонсона и почему «Словарь» Бейля или «Словарь» Мартина, в конечном счете, уступили пальму первенства проекту доктора Джонсона? Как нам представляется, литературный «диктатор» Англии яснее всего осознавал актуальную проблему современного ему общества.

Стремление унифицировать английский язык стало главной целью многолетней работы С. Джонсона. По мнению современного американского исследователя Джеффа Страбона, языковая концепция Джонсона базировалась на «борьбе чистого английского языка со стихийно возникшими варварскими диалектами, которые, он надеялся, скоро исчезнут»³⁷⁵. Еще в «Плане» 1747 г., обращаясь к патрону, Джонсон пишет: «Таков, милорд, план моего словаря, в котором должно быть утверждено произношение нашего языка, а его изучение будет облегчено; с помощью которого должна быть сохранена чистота нашего языка, установлены образцы его использования, и тем самым жизнь нашего языка будет продлена»³⁷⁶. Поскольку английский язык первой половины XVIII столетия представлял собой «мозаику локальных и региональных диалектов без каких-либо кодифицированных стандартов грамматики, произношения и синтаксиса»³⁷⁷, его стандартизация виделась лексикографу необходимой для создания «чистой» английской речи³⁷⁸. Таким образом, единый национальный язык должен стать средством коммуникации для нового единого британского сообщества. И Джонсон становится

³⁷⁴ Johnson S. Dictionary of the English Language... London : J. and P. Knapton, T. and T. Longman, C. Hitch and L. Hawes, A. Millar, R. and J. Dodsley, 1755. Vol. 2. P. 1465.

³⁷⁵ Strabone J. Samuel Johnson : Standardizer of English, Preserver of Gaelic // English Literary History (ELH). 2010. Vol 77, Nr 1. P. 244.

³⁷⁶ Johnson S. The Plan of the English Dictionary : addressed to the Right Honourable Philip Dormer, Earl of Chesterfield. London : J. and P. Knapton, T. Longman, and T. Shewell, 1747. P. 32.

³⁷⁷ Strabone J. Samuel Johnson : Standardizer of English, Preserver of Gaelic. P. 237.

³⁷⁸ См.: Sorensen J. Grammar of Empire in the Eighteenth-Century British Writing. P. 67.

первым лексикографом, который осознает это. Если в «Словаре» 1730 г. Бейли определяет нацию как «всех жителей одной страны»³⁷⁹, то в «Словаре» 1755 г. Джонсон устанавливает для нации следующее значение: «группа людей, говорящая на одном языке и имеющая одно правительство»³⁸⁰.

Кроме того, при создании единого национального языка в представлении литератора не было и не могло быть места диалектам, так как это противоречило бы самой идее «стандартизации» английского языка. Потому в «Словаре» доктора Джонсона нет ни единого упоминания об отдельных частях Британского государства. В то время как Н. Бейли выводит отдельное слово «Англия», давая ему определение с использованием цитаты священнослужителя и писателя Роберта Бертона: «Англия – это рай для женщин, чистилище для мужчин и ад для лошадей»³⁸¹, Джонсон использует лишь прилагательное «английский», давая простое определение, как «1. Принадлежащий Англии; 2. Английский язык»³⁸². Отличие подходов между двумя словарями заметно и при обращении к шотландской тематике. Бейли определяет «шотландский язык» как «измененный английский, смешанный с немецким, французским и голландским языками»³⁸³. Джонсон же вовсе не стремился акцентировать внимание на шотландском языке или самой Шотландии. Но, очевидно, негативное отношение к шотландцам возможно проследить при обращении к определению слова «овес» (англ. *oats*). Лексикограф определяет «овес» как «зерно, которым в Англии в основном питаются лошади, а в Шотландии – люди»³⁸⁴.

Более того, Джонсон был уверен, что у «чистого» английского языка должны быть английские корни и словам шотландского, уэльского или ирландского происхождения не предназначалось место в совершенном национальном языке. Так, в «Предисловии» литератор пишет, что любой язык возникает

³⁷⁹ *Bailey N. Dictionarium Britannicum. P. 502.*

³⁸⁰ *Johnson S. Dictionary of the English Language... Vol. 2. P. 1379.*

³⁸¹ *Bailey N. Dictionarium Britannicum. P. 277.*

³⁸² *Johnson S. Dictionary of the English Language... Vol. 1. P. 701.*

³⁸³ *Bailey N. Dictionarium Britannicum. P. 654.*

³⁸⁴ *Johnson S. Dictionary of the English Language... Vol. 2. P. 1382.*

в ходе общения внутри узкой локальной группы и потому наличие диалектов на ранней стадии развития языка вполне закономерное. Однако подобные диалекты рано или поздно должны быть искоренены из языка: «количество диалектов со временем будет становиться все меньше и меньше по мере преумножения книг; произвольное переложение устного языка на письмо неизбежно приводит к различию в правописании, которое можно наблюдать в саксонском языке, и, я полагаю, это присутствует в первых книгах каждого народа, что сбивает с толку и создает аномалии, которые, будучи однажды объединенными, впоследствии уже никогда нельзя будет отменить или изменить»³⁸⁵. Поэтому английскому языку требовалось скорейшее «очищение», в чем Джонсон видел большое благо.

В данном контексте интересно мнение современного канадского исследователя Николаса Хадсона о том, что английский язык, созданный доктором Джонсоном, скорее был новым языком для среднего образованного класса. Так, историк отмечает, что Джонсон не стремился себя позиционировать как представитель «высшего» или «низшего» класса и «видел себя в роли независимого интеллектуала, раба науки и пионера литературы»³⁸⁶. Такая позиция литератора и его кропотливый труд над «Словарем» при отсутствии патронажа со стороны аристократа стали примером для «воодушевления образованных англичан, чье мнение становилось все более и более весомым среди рядовых соотечественников»³⁸⁷. Унификация диалектов в «Словаре», создававшая новый государственный стандарт языка, закладывала основы нового общества, значительную роль в функционировании которого сыграли представители «средних рангов». К ним можно отнести и доктора Джонсона.

Стоит отметить тот факт, что лексикограф видел будущее английского языка в качестве универсального, наднационального

³⁸⁵ *Johnson S.* Preface // *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson*. Vol. 18. *Johnson on the English Language* / ed. by G. J. Kolb. New Haven ; London : Yale University Press, 2005. P. 75–76.

³⁸⁶ *Hudson N.* Johnson's Dictionary and the politics of Standard English // *The Yearbook of English Studies*. Vol. 28. Eighteenth-Century lexis and lexicography. 1998. P. 93.

³⁸⁷ *DeMaria R.* The Politics of Johnson's Dictionary // *Publications of the Modern Language Association of America (PMLA)*. 1989. Vol. 104, Nr 1. P. 72.

средства общения. Английский язык «Словаря» Джонсона отличался от повседневного языка его современников и должен был стать новым официальным языком формирующейся Британской империи. Важную роль в этом процессе сыграла Шотландия, которая после поражения восстания якобитов 1745 г. в полной мере ощутила на себе влияние южного соседа. В новом британском государстве, порожденном Унией 1707 г., Шотландия оказалась стороной, вынужденной принимать навязываемое английское, касалось ли это политики, экономики, культуры или языка. Для Джонсона шотландцы были народом, который необходимо приобщить к цивилизации подобно любой другой «terra incognita». Унификация английского языка и приобщение к нему всего населения государства «позволили бы усилить англоязычное сообщество и, таким образом, союз в целом»³⁸⁸.

При обращении к «Словарю» следует иметь в виду то, что он был написан в эпоху становления Британской империи, вследствие чего важно подчеркнуть особую роль имперской риторики, нашедшей свое отражение в «Предисловии». «В надежде дать долготелетие тому (языку. – Т. К.), что сама природа воспрещает быть бессмертным, – пишет Джонсон, – я написал эту книгу, труд долгих лет, в честь моей страны, потому что мы не можем больше уступать пальму первенства в филологии народам континента»³⁸⁹. По сути, стремление во всем превосходить своих континентальных соседей отражало претензии Британии как «владычицы морей». Но куда более очевидной становится имперская риторика в другом пассаже лексикографа: «Торговля – дело необходимое и в то же время прибыльное, но развращает нравы и загрязняет язык; поскольку она невозможна без постоянных контактов с местными жителями, к которым следует приспособиться, она порождает жаргонный диалект, который служит языком общения среди коммерсантов в Средиземном море и на индийских берегах»³⁹⁰. Новый стандартизированный язык

³⁸⁸ *Strabone J.* Samuel Johnson : Standardizer of English, Preserver of Gaelic // *ELH.* 2010. Vol. 77, Nr 1. P. 238.

³⁸⁹ *Johnson S.* Preface // *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson.* Vol. 18. P. 109.

³⁹⁰ *Ibid.* P. 106.

в глазах Джонсона является единственным спасением от подобного рода загрязнений.

Более того, усовершенствованный английский язык должен был стать удобным инструментом колонизации, поскольку упрощал возможность изучить его, с одной стороны, и знакомил чужеземцев с новым культурным наследием – с другой. Подтверждением тому служат слова Джонсона в одном из последних абзацев «Плана» 1747 г.: «Подобно солдатам Цезаря, посмотрите на Британию как часть нового мира, которая до вторжения находилась на грани безумия. Так, хотя я полагаю, что я не смогу завершить завоевание, я открою берега нового мира и приобщу к цивилизации часть местных жителей, чтобы в дальнейшем облегчить их существование»³⁹¹. Несмотря на то, что в этом отрывке речь идет о завоевании Британии римскими легионерами, подобный пассаж оказывается легко применим и к современной Джонсону эпохе имперских завоеваний.

«Словарь» доктора Джонсона также является ярким примером антифранцузских настроений, столь характерных для английского общества XVIII столетия. Современная британская исследовательница из Кембриджского университета Джоан Соренсен считает показательным факт, что грандиозный «Словарь» Джонсона появился именно в период, когда в Британии, охваченной войнами за новые колонии, усиливается интерес к патриотизму и возникают первые вопросы о национальной идентичности»³⁹². Противостояние с Францией сыграло важную роль в складывании британской нации, поскольку в противостоянии с врагом выковывались конструкты собственной исключительности и самодостаточности. Секрет успеха практически любого труда середины XVIII столетия зависел от того, насколько в нем были отражены политические претензии Британии на мировую гегемонию. И именно в эту «повестку дня» Джонсону удалось вписать «Словарь». Если в «Словаре» Бейля присутствуют слова французского происхождения, то в «Словаре» Джонсона

³⁹¹ *Johnson S.* The Plan of a Dictionary of the English Language. P. 33.

³⁹² *Sorensen J.* The Grammar of Empire in Eighteenth-century British Writing. P. 65.

для них уже нет места. Так, словам, казалось бы, французского происхождения литератор приписывал исключительно латинское происхождение.

Джонсон считал, что в противостоянии с Францией победительницей должна выйти Британия. Если французские академики потратили «почти 50 лет»³⁹³ для составления работы, равной «Словарю английского языка», то сам Джонсон в одиночку написал столь же масштабный труд чуть более, чем за 9 лет.

Итак, «Словарь английского языка» С. Джонсона является тенденциозной работой. Во-первых, в нем отражены стремления к унификации языка, что проявилось в стандартизации языка и создании почвы для его наднационального распространения. Во-вторых, в попытках показать превосходство британской, по сути – английской, культуры над культурой континента. В-третьих, готовность избавиться от какого-либо французского языкового влияния, чтобы тем самым укрепить независимость и самодостаточность британской нации. Но каковы же были основы нового «очищенного» английского языка? Обращение к написанной доктором Джонсоном истории английского языка позволяет разобраться в этом.

В «Словаре» особое место отведено истории возникновения английского языка. В своих изысканиях Джонсон следует за «Англосаксонской грамматикой» доктора Хикса, трудом, опубликованным в 1689 г. Так, лексикограф пишет о том, что «основой для английского языка стал готский, или тевтонский, который был распространен во всех странах Северной Европы»³⁹⁴. Под тевтонским языком понимался «саксонский, немецкий и родственные им диалекты»³⁹⁵. Таким образом, подлинным прародителем английского языка литератор считает древнегерманский язык, из которого уже выделился саксонский. На вопрос о том, насколько было сильно влияние на древнеанглийский язык ко-

³⁹³ Johnson S. Preface // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 18. P. 112.

³⁹⁴ Johnson S. The History of English language // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 18. P. 125.

³⁹⁵ Johnson S. Preface // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 18. P. 80.

ренного бриттского элемента, Джонсон дает определенный ответ: «Хотя бритты, или валлийцы, были первыми поселенцами на этом острове, – утверждает литератор, – мы имеем очень мало слов, возможно, имеющих бриттские корни»³⁹⁶. Лексикограф сообщает, что после нашествия саксов около 450 г. древний язык был сохранен жителями окраин, поскольку «те, кто не укрылся в горах, были поработаны или погибли от меча завоевателей»³⁹⁷.

По мнению С. Джонсона, прибывшие в Британию саксы не знали письменности. Лишь в конце VI в. вместе с христианством, проповедником которого стал святой Августин, будущий архиепископ Кентерберийский, к ним пришли римская письменность и культура. И в результате за три столетия англосаксами был сформирован язык, «способный выразить все чувства цивилизованных людей»³⁹⁸. Примером являются литературные труды эпохи Альфреда Великого. Нормандское завоевание Англии, в представлении литератора, незначительно повлияло на язык, хотя и способствовало тому, что появилось большое количество французских слов. До XIII столетия, как полагал Джонсон, «язык, используемый на острове, может быть назван саксонским»³⁹⁹. Лишь в XIII столетии проявляются первые элементы английского языка. Указывая на «Путешествие» Джона Мандевиля, написанное в XIV в., Джонсон полагает, что можно говорить об английском языке. Однако среди первых авторов, действительно писавших на английском, лексикограф выделяет Джона Гауэра и его ученика, отца английской поэзии, Джеффри Чосера.

Следующий этап в истории английского языка, по мнению доктора Джонсона, относится к рубежу XV–XVI столетий, когда выдающимся автором и политическим деятелем был Томас Мор, произведения которого явились образцом «чистого и элегантно-го стиля»⁴⁰⁰. Но временем истинного расцвета английского язы-

³⁹⁶ *Johnson S. The History of English language // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 18. P. 125.*

³⁹⁷ *Ibid. P. 127.*

³⁹⁸ *Ibid. P. 128.*

³⁹⁹ *Ibid. P. 162.*

⁴⁰⁰ *Ibid. P. 210.*

ка стала эпоха Елизаветы Тюдор, когда и появляются блестящие произведения английских драматургов.

Уделяя особое внимание истории английского языка, Джонсон тем самым направляет внимание читателей в прошлое, конструируя его через историю языка. Кроме того, связь с прошлым показывается лексикографом через обращение к английскому золотому веку – Елизаветинской эпохе. В «Словаре» это проявилось через постоянное цитирование произведений выдающихся английских авторов Елизаветинской эпохи – У. Шекспира, Ф. Сидни, Ф. Бэкона, Э. Спенсера. Именно язык XVI в. казался лексикографу образцом, к которому необходимо возвратиться. Используя труды «всех авторов времен Елизаветы, – пишет Джонсон в «Предисловии», – можно воссоздать изысканную речь для любого случая. Так, язык богословия следует брать у Хукера из перевода Библии, язык естественных наук – у Бэкона, фразы о политике, войне и навигации – у Рэли, язык поэзии и прозы – у Спенсера и Сидни, мотивы повседневной жизни – у Шекспира»⁴⁰¹. В результате «Словарь» оказался наполнен фразами и цитатами елизаветинцев. Однако едва ли можно встретить цитаты из сочинений интеллектуалов валлийцев, шотландцев и ирландцев, что демонстрирует стремление Джонсона к сохранению внутри Британии лишь английского культурного наследия.

По сути, вся Елизаветинская Англия для Джонсона – «ностальгическая фантазия о былом национальном единстве и идиллии, об утраченном величии абсолютной монархии и непобедимой армии»⁴⁰². Возрождение интереса к английскому золотому веку в конечном счете позволило читающей публике связывать свое прошлое с великими елизаветинцами.

«Словарь английского языка» следует считать работой, отразившей в полной мере национальные искания британского общества XVIII в. Разумеется, проект Джонсона имеет прямую связь с трудами его предшественников. Литератор во многом позаимствовал у Н. Бейли структуру описания слов и исполь-

⁴⁰¹ *Johnson S. Preface // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 18. P. 96.*

⁴⁰² *Sudan R. Lost in Lexicography : Legitimizing Cultural Identity in Johnson's «Preface» to Dictionary // The Eighteenth-Century. 1998. Vol. 39, Nr 2. P. 135.*

зовал для создания полного алфавитного перечня слов труды более ранних авторов (Р. Кодри, Дж. Керси). Но вместе с тем «Словарь» Джонсона – это яркий индивидуальный подход и результат работы незаурядного ума и блестящей эрудиции его автора. Способность видеть дальше других своих современников позволила лексикографу сотворить ожидаемый и в то же время необыкновенно актуальный национальный «продукт». Осознавая потребность Британского государства в большем внутреннем единстве, Джонсон видел залог этого в создании единого унифицированного английского языка, поскольку речь и письменная культура должны стать объединяющим фактором для жителей самых отдаленных частей страны. Кроме того, литератор считал необходимым создание почвы для наднационального распространения языка, что отражало имперские амбиции Британии середины XVIII столетия. Особенно важным также было создание нового образца английского языка без какого-либо французского языкового влияния. Вместе с тем апелляция Джонсона к Елизаветинской эпохе способствовала созданию конструкта общего прошлого Британии с помощью обращения к литературному наследию английского золотого века. Таким образом, анализ «Словаря английского языка» С. Джонсона показывает, что в его основу литератор заложил программу британского национального культурного кода, ядро которого было английским. «Словарь» представлял собой масштабный проект нациестроительства, позволяющий исследовать основы формирующейся модели идентичности Соединенного королевства. Язык как зеркало нации стал залогом единства всей Британии.

2.3. «Сотворение» Шекспира

«Спросите имя писателя, которого повсеместно считают гением, и ответом наверняка будет Шекспир. Два слова – “Уильям Шекспир” – стали синонимом “великой литературы”. <...> В британской жизни он, кажется, повсюду. Его ежедневно цитируют и используют в заголовках газет и рекламных материалах», – так начинается свою книгу под названием «Гений Шекспира» англий-

ский литературовед Джонатан Бейт⁴⁰³, и его слова невозможно оспорить. Создается впечатление, что с момента постановки первых пьес Шекспир, или человек, скрывавшийся под этим именем, стал знаменитостью. Однако это не совсем так. Признание гениальности Шекспира произошло несколько позднее. Именно о том, кто «сотворил» Шекспира, превратил его в классика, над которым не властно время, пойдет речь в данном подразделе.

Первое фолио пьес Шекспира, изданное в 1623 г., выдержало в XVII в. три переиздания – в 1632, 1663 и 1685 гг., однако не принесло барду из Стратфорд-на-Эйвоне настоящей славы. Хвалебные отзывы о творчестве великого барда были малочисленны. Так, одним из восторженных читателей Шекспира был Драйден⁴⁰⁴, но его голос тогда не был услышан. Популярность пришла к поэту в следующем столетии, когда он был признан гением, «который сам устанавливает законы искусства»⁴⁰⁵. А британскими мыслителями эпохи Просвещения был создан культ Шекспира. В числе интеллектуалов, внесших вклад в возвеличивание барда, был доктор Джонсон.

В 1709 г., в год рождения Сэмюэла Джонсона, т. е. спустя почти 100 лет после смерти драматурга, вышла первая его биография вместе с новым изданием его работ в шести томах. Собрание сочинений было опубликовано драматургом и поэтом Николасом Роу (1674–1718). Особенностью этого труда стало то, что в нем впервые появилось деление шекспировских пьес на акты и сцены, было отмечено место действия и создан список действующих лиц для каждой пьесы. В то же время Роу существенно модернизировал тексты, исправив в них орфографию и пунктуацию по своему усмотрению. Вслед за Роу свое издание пьес Шекспира осуществил знаменитый поэт и литератор Александр Поуп. Анонс в «Уикли джорнел» за 18 ноября 1721 г. общал читателей: «Знаменитый м-р Поуп готовит правильное

⁴⁰³ *Bate J.* The Genius of Shakespeare. London ; Basingstoke ; Oxford : Picador, 1998. P. ix.

⁴⁰⁴ *Ibid.* P. 166; *Holland P.* William Shakespeare. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 78.

⁴⁰⁵ *Луков В. А., Захаров Н. В.* Культ Шекспира // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 134.

издание работ Шекспира, поскольку (публикация. – Т. К.) покойного м-ра Роу имеет множество недостатков»⁴⁰⁶.

Тем не менее, Поуп продолжил дело предшественника по «исправлению» пьес Шекспира. Подобно Роу, Поуп был убежден, что множество ошибок в тексте были «несправедливо приписаны Шекспиру из-за произвольных дополнений, исключений и перестановки сцен и строк»⁴⁰⁷, сделанных редакторами первого фолио. Как отмечает современный британский исследователь А. Мерфи, Поуп поставил перед собой задачу «спасти текст от того искаженного состояния, в котором он оказался»⁴⁰⁸. В итоге в опубликованном в 1723–1725 гг. издании сочинений Шекспира в шести томах Поуп переписал ряд мест, а где-то, посчитав строки слишком «несерьезными, неуместными и плохо подобранными»⁴⁰⁹ и вовсе исключил целые отрывки.

Труд, изданный Поупом, вызвал негодование в литературных кругах. Главным критиком Поупа стал Льюис Теобальд (1688–1744), британский писатель, выпустивший в свет свое издание сочинений Шекспира в семи томах⁴¹⁰. В отличие от Поупа, Теобальд не пытался модернизировать пьесы барда, используя английский язык эпохи Просвещения, напротив, для редакции шекспировских работ он пользовался сочинениями XVI столетия, пытаясь таким образом сохранить аутентичность шекспировских текстов. В 1740-е гг. вышло еще два издания сочинений Шекспира: под редакцией Томаса Ханмера в 1744 г. и Уильяма Уорбертона в 1747 г. Оба издания продолжили дело, начатое Теобальдом, исправляя ошибки и спорные места в пьесах.

Не только благодаря книгоиздателям в британском обществе начинает складываться культ Шекспира. Важную роль в его популяризации сыграло театральное искусство. В частности, в этом контексте нельзя не упомянуть одного из известнейших английских актеров

⁴⁰⁶ Цит. по: *Murphy A. Shakespeare in Print : A History and Chronology of Shakespeare Publishing.* Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 91.

⁴⁰⁷ *Ibid.* P. 92.

⁴⁰⁸ *Ibidem.*

⁴⁰⁹ *The Works of Shakespear : in 6 Vol. / ed. by A. Pope.* London : Printed for J. Tonson, 1725. Vol. 1. P. xxiv.

⁴¹⁰ См.: *The Works of Shakespeare : in 7 Vol. / ed. by L. Theobald.* London : A. Bettesworth and others, 1733.

XVIII столетия, ученика Джонсона, Дэвида Гаррика. Конечно, Д. Гаррик не был единственным театральным деятелем, внесшим вклад в увеличение количества постановок шекспировских работ, однако его роль в этом процессе сложно переоценить. С 1747 г., с момента, когда Гаррик стал директором театра Друри-Лейн, пьесы Шекспира были неотъемлемой частью репертуара театра. Уже в 1751 г. Гаррик именовал свой театр «домом Уильяма Шекспира»⁴¹¹. Более того, ряд исследователей считают, что интерес Д. Гаррика к Шекспиру был на грани одержимости: он устраивал постановки пьес, посвящал великому барду стихи, имел статую Шекспира в собственном саду, организовал первое празднование юбилея со дня рождения Шекспира в Стратфорде-на-Эйвоне⁴¹². Впрочем, обожание Шекспира среди драматургов и актеров часто сводилось к тому, что они не знали произведений барда либо искажали их, исходя из интересов посетителей театра. Так, в угоду публике последняя сцена из «Ромео и Джульетты» разыгрывалась как счастливое «воссоединение Ромео и Джульетты в гробнице Капулетти»⁴¹³.

Проблема текстов Шекспира и вольности их интерпретации драматургами середины XVIII в. возвращает нас к истории собрания сочинений барда. Следующим издателем и редактором работ Шекспира стал доктор Джонсон. С ранних лет он читал произведения великого барда и обратился к его творчеству вновь, уже приобретя мастерство литературного критика. В 1745 г. Джонсон опубликовал брошюру под названием «Разнообразные замечания о трагедии Макбета»⁴¹⁴, где критиковал исправления, предпринятые Теобальдом, за то, что в тексте не указывались причины внесения каких-либо правок и запросто устранялись спорные моменты, смущавшие ранее читателей Шекспира⁴¹⁵.

⁴¹¹ *Shaughmesy R. Shakespeare and the London Stage // Shakespeare in the Eighteenth Century / ed. by F. Richie, P. Sabor. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 163.*

⁴¹² См.: *Stern T. Shakespeare in Drama // Shakespeare in the Eighteenth Century / ed. by F. Richie, P. Sabor. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 141.*

⁴¹³ *Shaughmesy R. Shakespeare and the London Stage. P. 164.*

⁴¹⁴ *Johnson S. Miscellaneous Observations on the Tragedy of Macbeth. London : E. Cave, 1745.*

⁴¹⁵ См.: *Johnson S. Miscellaneous Observations on the Tragedy of Macbeth // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 7. Johnson on Shakespeare / ed. by*

Тем не менее, литератор не сразу взялся за издание собственной версии собрания сочинений Шекспира. Лишь спустя годы, после долгой и кропотливой работы над «Словарем английского языка» возвращение к творчеству барда стало неминуемо. В 1756 г. лексикограф решился начать подготовку своей редакции сочинений Шекспира. В «Предложениях для печати по подписке драматических работ Уильяма Шекспира»⁴¹⁶ литератор отмечал, что одной из важнейших особенностей наследия Шекспира является то, что бард «продавал свои работы не для публикации, а для игры на сцене»⁴¹⁷. Однако дальнейшая судьба работ Шекспира, по мнению литератора, была крайне непроста: «Ни один другой автор никогда не отдавал свои произведения на произвол судьбы с такой неосторожностью. <...> Никакие другие переписчики, вероятно, не были столь плохо подготовлены для своей задачи, как те, кто переписывал для сцены. <...> Никакие другие издания не были сделаны из фрагментов, столь тщательно разорванных и случайно соединенных; ни в какое другое время искусство печати не было в таких неумелых руках»⁴¹⁸.

В «Предложениях» лексикограф также объяснял, почему предыдущие издания сочинений Шекспира содержат много ошибок и необходимо подготовить другое издание: «Все прежние критики были настолько заняты исправлением текста, что не уделяли должного внимания прояснению отрывков, затемненных случайно или по проществу времени. Редактор постарается прочесть книги, которые читал автор, чтобы выявить его знания. <...> По правде говоря, мистер Роу и мистер Поуп совершенно ничего не знали о древнеанглийской литературе; доктор Уорбертон был занят более важными исследованиями; а господин Теобальд, если слава будет справедлива к его памяти, рассматривал ученость только как средство наживы»⁴¹⁹.

A. Sherbo, B. H. Bronson. New Haven ; London : Yale University Press, 1968. P. 45.

⁴¹⁶ Johnson S. Proposals for Printing, by Subscription, the Dramatick Works of William Shakespeare // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 7. P. 51–58.

⁴¹⁷ Ibid. P. 52.

⁴¹⁸ Ibidem.

⁴¹⁹ Ibid. P. 56.

Причины, побудившие Джонсона выпустить новый труд, были понятны, но для проведения работы были нужны средства. В «Предложениях» объявлялся сбор средств по подписке с обещанием критика, что восемь томов собрания сочинений Шекспира «будут опубликованы не позднее Рождества 1757 г.»⁴²⁰

Однако новый способ публикации по подписке в дальнейшем не вызывал у Джонсона особого энтузиазма, так как за столь длительный промежуток времени он успел потратить все деньги подписчиков и потерять список их имен. Недаром поэт Чарльз Черчилль писал: «Он насаживает на свой крючок приманку для подписчиков и забирает вашу наличность; но где же книга?»⁴²¹ Издание сочинений Шекспира появилось только спустя девять лет после публикации «Предложений».

В редакторской работе литератор пошел по пути Теобальда, тщательно анализируя первое фолио драматурга⁴²². Однако издание Джонсона стало широко известно не благодаря кропотливой работе над исправлением шекспировских текстов, но из-за предисловия к ним, утвердившего культ шекспировского гения в XVIII столетии.

Джонсон писал в предисловии к пьесам Шекспира: «Шекспир стоит выше всех писателей, как минимум, всех современных авторов, он – настоящий поэт, отразивший, словно в зеркале, истинные нравы своей эпохи»⁴²³. Столь лестное высказывание о поэте подчеркивает восхищение литературного «диктатора» Англии XVIII в., известного скорее своими критическими высказываниями в адрес литературных деятелей. Превосходство барда над остальными писателями и поэтами заметно и в «Словаре английского языка». В первом томе «Словаря» пьесы Шекспира цитируются 8 694 раза, что намного превосходит цитацию других «людей письма»: работы Драйдена используются 5 627 раз, а произведения Мильтона – 2 733 раза⁴²⁴.

⁴²⁰ *Bronson B. H. Introduction // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 7. P. xvi.*

⁴²¹ Цит. по.: *Boswell J. Life of Johnson. P. 227.*

⁴²² *Ritchie F. Shakespeare // Samuel Johnson in Context / ed. by J. Lynch. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 345.*

⁴²³ *Johnson S. Preface to the Plays of William Shakespeare // Samuel Johnson. Major Works / ed. by D. Greene. Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 421.*

⁴²⁴ См.: *Willinsky J. Empire of Words : The Reign of the OED. Princeton :*

В чем же состояла уникальность Шекспира, его гениальность, по мнению доктора Джонсона? Во первых, шекспировский гений виделся лексикографу в «естественности», тесной связи с человеческой природой: «его герои действуют и говорят под влиянием тех страстей и принципов, которыми обеспокоены все человеческие умы»⁴²⁵. Как отмечает профессор Йельского университета Гарольд Блум, «задача Джонсона состояла в том, чтобы показать, как верно Шекспир подражал природе, и никто так не преуспел в этом начинании»⁴²⁶. Действительно, литератор полагал, что ничто «не может радовать многих и радовать долго, кроме простого изображения всеобщей природы»⁴²⁷, и в этом заключается одно из важных достижений Шекспира. Впрочем, Джонсон не был оригинален в этом утверждении. В 1709 г. англиканский священнослужитель Генри Фелтон (1679–1740) писал в «Размышлении о чтении классики и формировании стиля»: «Шекспир – это удивительный гений, уникальный образчик силы природы и могущества ума»⁴²⁸.

Еще один признак гениальности Шекспира Джонсон видел в том, что Шекспир стал создателем уникальной традиции: «не унаследовав никаких условий, Шекспир-созидатель сам создал условия, выполнять которые должны все писатели после него»⁴²⁹. Литератор пишет в «Предисловии»: «Произведение обычного писателя – это аккуратно оформленный сад, старательно засаженный растениями разнообразных оттенков и благоухающими цветами; композиция Шекспира – это лес, в котором дубы простирают свои ветви, а сосны взмывают в небо, иногда перемежаясь с бурьяном и ежевикой, а иногда давая приют миртам и розам. <...> Другие поэты выставляют напоказ сундуки с драгоценностями, тщательно обработанными и отполи-

Princeton University Press, 1994. P. 212.

⁴²⁵ Johnson S. Preface to the Plays of William Shakespeare // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 7. P. 62.

⁴²⁶ Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонов. М. : Нов. лит. обозрение, 2017. С. 222.

⁴²⁷ Johnson S. Preface to the Plays of William Shakespeare // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 7. P. 61.

⁴²⁸ Цит. по: Bate J. The Genius of Shakespeare. P. 168.

⁴²⁹ Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен. С. 226.

рованными до блеска. Шекспир разверзает рудник, содержащий бесчисленное множество золота и алмазов, пусть и с затемненными корками, испорченными примесями с массой более посредственных минералов»⁴³⁰.

Способность создать огромную галерею образов персонажей с индивидуальной речью, соответствующей каждому характеру, лексикограф также относил к особенностям шекспировского гения. Ранее «театр был заполнен персонажами, которых никто никогда не видел, беседующими на языке, который никто никогда не слышал, на темы, которые никогда не поднимаются при общении в обществе»⁴³¹. Это изменил Шекспир: «хотя ему повстречалось столь много препятствий и столь мало подмоги в их преодолении, он умел обрести точное знание множества укладов жизни и множества складов врожденных черт; изобильно их разнообразить; отметить их тонкими отличиями; и показать их как на ладони в должных сочетаниях. В этой части его деятельности ему было некому подражать, зато все последующие сочинители подражали ему»⁴³².

Более того, именно Шекспир стал для Джонсона символом подъема Англии в Елизаветинскую эпоху: «английская нация во времена Шекспира еще пыталась выйти из состояния варварства. Итальянская филология была перенесена сюда во времена Генриха VIII. <...> Греческий язык теперь преподавали мальчикам в школах; а те, кто сочтала в себе утонченность и эрудицию, с большим усердием читали итальянских и испанских поэтов. Но литература все еще была обращена к признанным ученым или мужчинам и женщинам высокого ранга. Публика была неотесанной и темной; умение читать и писать было достижением»⁴³³. Естественность языка Шекспира, его обращенность к публике стали поворотными моментами, после которых, как полагает Джонсон, стоит говорить о начале формирования подлинно английской литературы.

⁴³⁰ *Johnson S. Preface to the Plays of William Shakespeare // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 7. P. 84.*

⁴³¹ *Ibid. P. 63.*

⁴³² *Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен. С. 225.*

⁴³³ *Johnson S. Preface to the Plays of William Shakespeare // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 7. P. 81–82.*

По сути, лексикограф был убежден, что «славу нации составляют ее авторы, и козырем английской нации стал Уильям Шекспир»⁴³⁴. Шекспир казался ему подлинно народным писателем: «Аддисон говорит на языке поэтов, а Шекспир – на языке простых людей»⁴³⁵, поскольку творчество барда свидетельствует о понимании им подлинных человеческих чувств и реальных человеческих поступков. Подготовка Джонсоном собрания сочинений Шекспира происходила в период Семилетней войны, в условиях борьбы за преодоление галломании, а потому провозглашение «национального поэта» было принципиальным моментом. Как справедливо отмечает Дж. Бейт, «благоговение перед Шекспиром как английским национальным поэтом было, в первую очередь, реакцией на покровительственное и пренебрежительное отношение к его произведениям со стороны французских критиков и франкофильского придворного вкуса»⁴³⁶.

По окончании Семилетней войны антифранцузские настроения стали особенно сильны в английском обществе и привели к желанию отстаивать самодостаточность английской культуры и литературы. Имя Шекспира предстало для английских критиков в качестве символа, знамени, под которым они готовы были сражаться против французского влияния на Британских островах. Одним из таких критиков был доктор Джонсон.

Конечно, в «Предисловии» Джонсон указывал и на существование определенных недостатков в творчестве Шекспира, как, например, «отсутствие у него моральной цели»⁴³⁷. Но эти недостатки меркли перед образом шекспировского гения, почитание которого в Англии к середине XVIII в. превратилось практически в «идолопоклонство»⁴³⁸.

Первое издание работ Шекспира, осуществленное Джонсоном, увидело свет 10 октября 1765 г. тиражом 1 000 экз. Меньше

⁴³⁴ Cannon J. Samuel Johnson and the Politics of Hanoverian England. P. 240.

⁴³⁵ Johnson S. Preface to the Plays of William Shakespeare // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 7. P. 84.

⁴³⁶ Bate J. The Genius of Shakespeare. P. 169.

⁴³⁷ Щербачева Т. В. «Великий хан» английской литературы Сэмюэль Джонсон (1709–1784). С. 91.

⁴³⁸ Bate J. The Genius of Shakespeare. P. 185.

чем за три месяца в британской прессе появилось более 40 заметок, отзывов и критических статей на этот труд⁴³⁹, что свидетельствует о значительном интересе читающей публики. Издание Джонсона было воспринято публикой по большей части положительно, хотя в «Жизни Сэмюэла Джонсона» Босуэлл сетовал: «то, что он сделал как комментатор, имеет немалую долю заслуг, хотя его исследования были не столь обширны и точны, как могли бы быть, о чем мы теперь знаем из трудов других способных и искусных критиков, последовавших за ним. Он обогатил свое издание кратким описанием каждой пьесы и их превосходными характеристиками»⁴⁴⁰.

Пожалуй, одним из самых строгих критиков издания стал писатель и автор обзоров для «Мансли Ревью» Уильям Кенрик (1725–1779). Уже к 1765 г. он был известен дискредитирующими отзывами на произведения Г. Филдинга, Т. Смоллетта и О. Голдсмита. Слава, пришедшая к лексикографу после публикации Шекспира, не осталась без внимания Кенрика, испытывавшего зависть к репутации Джонсона как первого литературного критика страны⁴⁴¹. Поэтому в обзоре на издание сочинений Шекспира, вышедшее под редакцией Джонсона, Кенрик сообщал, что лексикограф сопоставим с Шекспиром так же, как «поганка с дубом»⁴⁴². Тем не менее, публика не разделяла суждения Кенрика о проделанном Джонсоном труде. В 1773 и 1778 гг. собрание сочинений Шекспира под редакцией Джонсона было переиздано. Впрочем, среди литературоведов по-прежнему ведутся споры о том, насколько уникальными являются мысли, высказанные Джонсоном по поводу великого барда, либо его «Предисловие» – «обобщенная сумма идей, высказанных предшественниками Джонсона, а Джонсон не внес в него ничего нового»⁴⁴³, хотя чаша весов склоняется к тому, что идеи лексикографа стали новым словом в шекспироведении.

⁴³⁹ *McGuffie H. L.* Samuel Johnson in the British Press, 1749–1784. P. 37–45.

⁴⁴⁰ *Boswell J.* Life of Johnson. P. 351.

⁴⁴¹ *Turner K.* Critical Reception to 1900 // Samuel Johnson in Context. P. 47.

⁴⁴² *Kenrick W.* A Review of Doctor Johnson's New Edition of Shakespeare, in which the Ignorance, or Inattention of That Editor is Exposed. London : Printed for J. Payne. 1765. P. v.

⁴⁴³ *Щербакова Т. В.* «Великий хан» английской литературы Сэмюэль Джонсон (1709–1784). С. 95.

Как бы то ни было, можно с уверенностью утверждать, что делом рук Джонсона, как и других его современников, было формирование образа Шекспира как национального барда Англии. Споры о недостатках шекспировских пьес, противоречивости отдельных мест в произведениях были вытеснены похвалой в адрес поэта, создавшего собственную традицию, сумевшего лучше других предшественников раскрыть природу человека. Не менее важно учитывать то, в каких исторических условиях создавались новые издания сочинений Шекспира. Англо-французское соперничество сыграло важную роль в стремлении английских интеллектуалов противостоять культурному доминированию континентального гегемона. В извечном шекспировском вопросе – «быть или не быть» – для интеллектуалов Георгинской эпохи был возможен лишь один ответ: «быть». «Быть» корифею английской литературы, национальному поэту, гению Британских островов. Ни Джонсон, ни его современники, нисколько не сомневаясь в гении Шекспира, сотворили один из главных национальных символов английского прошлого.

2.4. «Славное прошлое» Англии

Образ прошлого формируется у человека соответственно духу его времени. Вглядываясь в зеркало ушедшей эпохи, каждому видится прошлое, «окруженное оболочкой (настоящего. – Т. К.) и данное в контексте мыслей настоящего»⁴⁴⁴. Потому особый интерес вызывает процесс познания отдельных периодов и исторических событий мыслителями XVIII столетия. Самосознание эпохи зачастую определяется «отобранным» интеллектуалами набором исторических символов и мифов, обеспечивающим связь настоящего с прошлым. Выявление подобных связующих нитей становится возможным при исследовании представлений об истории и прошлом, отраженных не только в широко известных исторических сочинениях, но и в биографических, и в литературных нарративах. В центре внимания данного подраздела

⁴⁴⁴ Коллингвуд Р. Д. Идея истории. Автобиография / пер. и коммент. Ю. А. Асеева. М.: Наука, 1980. С. 288.

будет изучение представлений доктора Джонсона о прошлом Британских островов, а именно об английской истории.

Устоявшийся в современной историографии новый взгляд на Джонсона позволяет увидеть в нем прежде всего ученого и энциклопедиста, нежели остролова и заядлого спорщика, сошедшего со страниц «Жизни...» Босуэлла. Спустя 200 с лишним лет исследователи перестали видеть в нем непоколебимого, крайне консервативного тори с внушительным перечнем предрассудков. Действительно, сочинения доктора Джонсона свидетельствуют не только о его недюжинных интеллектуальных способностях и литературном таланте, но и о блестящем знании истории и собственных оригинальных воззрениях на прошлое. К примеру, книжный аукцион, проведенный душеприказчиками после смерти литератора, позволяет судить о круге его чтения. Так, среди книг, распроданных 16–19 февраля 1785 г., были следующие исторические труды: «История Франции» 1641–1651 гг. в 3 томах Франсуа Эд де Мезере, «История моего собственного времени» 1724–1734 гг. Гилберта Барнета, первый том «Истории Англии» 1763 г. Кэтрин Маколей, «История Америки» 1777 г. и «История Шотландии» 1759 г. Уильяма Робертсона, «Римская история» 1772 г. Голдсмита, «Пограничная история Англии и Шотландии» 1776 г. Джорджа Ритпата и др.⁴⁴⁵

Литератор не только высказывал свои суждения касательно исторических событий и персонажей при написании сочинений, но и рассуждал о ремесле историка. В «Словаре английского языка» литературный «диктатор» Англии дал следующие определения истории: 1) «повествование о событиях и фактах, сделанное с достоинством»; 2) рассказ; связь; 3) «знание фактов и событий»⁴⁴⁶. По мнению Джонсона, «историк не должен обладать выдающимися способностями, ибо в историческом сочинении истинная мощь человеческого рассудка бездействует. Все факты у него в руках, потому в его сочинениях нет места изобретательности ума». Если историк возьмется за дело должным образом, то ему необходимы лишь «проницательность, аккуратность и чувство

⁴⁴⁵ См.: *Christie J.* A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the late learned Samuel Johnson. P. 3–28.

⁴⁴⁶ *Johnson S.* A Dictionary of the English Language... Vol. 1. P. 1002.

стиля»⁴⁴⁷. Джонсон был категорически не согласен с воззрениями на историю Д. Юма, создавшего «ясную, непротиворечивую, доступную для массового читателя версию национального прошлого»⁴⁴⁸. В беседах с Босуэллом Джонсон уверял, что Юм «никогда не взялся бы за исторические труды, если б Вольтер не подал ему пример. Он – эхо Вольтера»⁴⁴⁹. По сути, литератор выступал против традиций шотландской исторической школы, представленной упомянутым Д. Юмом, У. Робертсоном и др., превративших исторические сочинения в занимательное «чтиво» для «воспитания в “неоримском” духе гражданских добродетелей подданных английского короля»⁴⁵⁰. Таким образом, представления Джонсона о ремесле историка были ближе к антикварной традиции. Но можно ли причислить его к антикварам?

В начатом на английских берегах сэром Уильямом Темплом «споре о древних и новых» литературный «диктатор» выступил на стороне «новых». Преимущество «древних» перед современниками, по Джонсону, было лишь в том, что они жили раньше. Рассуждая в «Жизнеописаниях английских поэтов» о «Потерянном рае», литератор пишет: «Труд Мильтона вполне мог бы стать величайшей героической поэмой, будь он первым в своем роде»⁴⁵¹. Превзойти «древних», по мнению Джонсона, удалось лишь Александру Поупу. Лексикограф назвал перевод «Илиады» Поупа «подвигом, который ни одна эпоха или нация не смогли осуществить»⁴⁵², трудом, оказавшимся лучше сочинения самого Гомера: «Многие читатели английской “Илиады”, соприкоснувшись с этой неожиданной красотой легкого стиля, попытаются насладиться ею в оригинале, где – увы! – не найдут ничего подобного»⁴⁵³.

⁴⁴⁷ *Boswell J. Life of Johnson. P. 301.*

⁴⁴⁸ *Высокова В. В. Историографический и социальный контекст формирования концепции истории Дэвида Юма // Диалог со временем. 2003. № 45. С. 70.*

⁴⁴⁹ *Boswell J. Life of Johnson. P. 392.*

⁴⁵⁰ *Высокова В. В. Национальная история в британской традиции историописания эпохи Просвещения : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 305.*

⁴⁵¹ *Johnson S. Lives of the Most Eminent English Poets : with Critical Observations on their Works. London ; New York : Frederick Warne and Co, s. a. P. 77.*

⁴⁵² *Ibid. P. 426.*

⁴⁵³ *Ibid. P. 427.*

Хотя литератор выступает сторонником антикварной традиции, он подшучивает над собирателями древностей в эссе № 82 «Рэмблера». В заметке Джонсон пишет от имени анонимного антиквара, имеющего в своей коллекции следующие бесценные сокровища: «...прядь волос Кромвеля <...> песок, скобленный с гроба короля Ричарда, <...> воротник Елизаветы, башмак Марии Шотландской, <...> наперсток королевы Марии, <...> сапоги Карла Шведского»⁴⁵⁴. Сатира на антиквара, тратащего все свои накопления на покупку сомнительных древностей, так же, как и нападки на шотландских историков, свидетельствует о наличии у Джонсона собственного видения смысла истории и методов историописания.

Особенно интересно в этой связи эссе, опубликованное в журнале «Рэмблер» № 122 от 18 мая 1751 г. В нем Джонсон с прискорбием сообщает, что «нация, породившая столь много выдающихся авторов всех видов литературного мастерства, до сих пор удивительно бесплодна на гениев истории»⁴⁵⁵. Тем не менее, литератор называет имена трех лучших, по его мнению, английских историков – это Уолтер Рэли, автор незавершенной «Истории мира», Эдвард Гайд, лорд Кларендон, автор «Истории мятежа» и Ричард Ноллс, автор «Истории турок». Их заслуга виделась Джонсону в умении организовать материал, попавший в их руки, и преподнести его читателю, не исказив исторические факты.

Многогранное наследие лексикографа позволяет не только выявить взгляды на историю и исследователей прошлого, но и реконструировать собственно исторические взгляды британского интеллектуала. В данном случае в роли ключевых источников выступают: «Словарь английского языка» 1755 г., эссе «Введение в современное состояние Великобритании» 1756 г., предисловие к сочинениям Шекспира, «Жизнеописания важнейших английских поэтов» 1779–1781 гг., а также эссе из журналов «Рэмблер» и «Айдлер» и др.

⁴⁵⁴ Johnson S. The Rambler, Nr 82 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 4. The Rambler / ed. by W. J. Bate and A. B. Strauss. New Haven ; London : Yale University Press, 1969. P. 69.

⁴⁵⁵ Johnson S. The Rambler, Nr 122 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 4. P. 288–289.

На основании работ литератора едва ли можно сформировать концепцию ранней истории Англии. Вопросы кельтской истории, норманнского завоевания или «древней конституции» не стали предметом повышенного внимания лексикографа. И это понятно уже из его концепции истории английского языка. Наибольший интерес у доктора Джонсона вызывала история Англии с конца XV до начала XVIII в.

Будучи людьми эпохи Просвещения, английские мыслители XVIII в. сравнивали историю народа с историей человека. Нация, как человек, рождается, вырастает из детства и вступает во взрослую жизнь – так звучала одна из излюбленных метафор Джонсона и его современников. По этой причине средневековая история Англии была для них подобна играм ребенка. Недаром Драйден писал, что «Чосер жил в детство нашей поэзии»⁴⁵⁶. Временем «юности» Англии стала эпоха Ренессанса. Джонсон определял ее как «возрождение изящной словесности», «возрождение письма», «реставрацию изящной литературы»⁴⁵⁷ и др. По большей части весь XVI в. ассоциировался с правлением Елизаветы Тюдор. Так, наиболее общим понятием для английского XVI в. была «эпоха Елизаветы», или английский золотой век, поскольку именно в этот период Англия вышла из «хаоса Средневековья» и начала развиваться в «порядке эпохи Ренессанса»⁴⁵⁸.

Тем не менее, начало «времени возрождения изящной литературы» британские мыслители связывали со всем XVI столетием. Как отмечает американский исследователь Дж. Линч, одной из причин культурного подъема, произошедшего в XVI в., стала гибель Византийской империи⁴⁵⁹. Это подтверждает и доктор Джонсон: «гибель Константинопольской империи» привела к миграции интеллектуалов вглубь Европы, и «греческий теперь стали

⁴⁵⁶ *Dryden J. Essays of John Dryden / ed. by W. P. Ker. Oxford : Clarendon Press, 1900. Vol. 2. P. 259.*

⁴⁵⁷ *Johnson S. The Rambler, Nr 158 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 5. The Rambler / ed. by W. J. Bate and A. B. Strauss. New Haven ; London : Yale University Press, 1969. P. 75–76.*

⁴⁵⁸ См.: *Lynch J. The Age of Elizabeth in the Age of Johnson. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 65.*

⁴⁵⁹ *Ibid. P. 49.*

преподавать в Англии»⁴⁶⁰. Ему вторит Томас Уортон (1728–1790), автор «Истории английской поэзии» (1774–1781), друг и главный конкурент С. Джонсона в области истории литературы. Он пишет, что с 1453 г. кардинально изменилось положение дел. Так, в «Правление Генриха VII в Англии начала изучаться и восприниматься классическая литература; сочинения древних культивировались с истинным вкусом и эрудицией сэром Томасом Мором, Колетом, Эшемом и др.»⁴⁶¹ Упомянутые Уортоном мыслители также были кумирами доктора Джонсона. В частности, лексикограф пишет об «образованном и остроумном Томасе Море»⁴⁶². Другим фаворитом Джонсона был Роджер Эшем (1515–1568), наставник подрастающей Елизаветы Тюдор. Литературный «диктатор» Англии XVIII в. не только написал биографию Эшема, но и подготовил к изданию его сочинения⁴⁶³. Эшем, еще до начала Реформации в Англии ставший протестантом, был известен при жизни в двух ипостасях: как автор произведений на латыни, а также как преподаватель греческого и латинского языков. Главный его труд – «Наставник» (англ. *The Schoolmaster*), вышедший в свет уже после смерти автора, впоследствии стал популярным пособием по воспитанию детей аристократических семейств. Кроме того, признание ума и образованности Эшема нашло отражение в «Словаре английского языка» 1755 г. Сочинения наставника Елизаветы цитируются в словаре 122 раза⁴⁶⁴. Таким образом, по мнению Джонсона, как и многих других просветителей, уже с начала XVI в. начинается период «возрождения учености».

Современники Джонсона подчеркивали стабильность, наступившую вместе с восшествием на престол Генриха VII. «В конце XV и начале XVI в., – пишет Адам Смит, – большая часть

⁴⁶⁰ Johnson S. Life of Roger Ascham // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 19. Biographical Writings: Soldiers, Scholars and Friends / ed. by O. M. Brack, R. DeMaria. New Haven ; London : Yale University Press, 2016. P. 428.

⁴⁶¹ Warton T. Observations of the Fairy Queen of Spenser. London : C. Stower, 1820. Vol. 2. P. 99.

⁴⁶² Johnson S. The Rambler, Nr 114 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 4. P. 247.

⁴⁶³ The English Works of Roger Ascham, Preceptor to Queen Elizabeth / ed. by S. Johnson. London : R. and J. Dodsley, and J. Newbery, 1761.

⁴⁶⁴ Lynch J. The Age of Elizabeth in the Age of Johnson. P. 55.

Европы приближалась к более стабильной форме правления, чем несколько веков ранее»⁴⁶⁵. Он противопоставляет «беспорядочное состояние Англии Плантагенетов» «энергичному правлению Тюдоров»⁴⁶⁶. Другие историки идут дальше, провозглашая начало нового «золотого века». «Общая революция, – утверждает Юм, – была сделана в человеческих делах по всему миру, и люди постепенно достигли такого положения, в каком торговля, искусства, науки, правительства, полиция и хозяйство до сих пор находятся»⁴⁶⁷. Он продолжает эту тему в письме к шотландскому философу Джону Миллару серией коротких комментариев на царствование первых Тюдоров: «Начинается современная история. Была открыта Америка. Расширена торговля. Развиваются искусства. Изобретено печатное дело. Реформирована религия. И почти все правительства Европы были изменены»⁴⁶⁸. Аналогичны суждения лорда Болингброка в «Письмах о пользе и изучении истории»: «Наш храм Януса был закрыт Генрихом Седьмым. Мы больше не опустошали ни свою собственную, ни другие страны, а мудрые законы и мудрое правление незаметно изменили нравы и повлияли на дух нашего времени»⁴⁶⁹. Тем не менее, по мнению Джонсона, Генрих VII хотя и «положил конец гражданской войне двух домов, но не был отмечен никакими другими добродетелями»⁴⁷⁰.

От Генриха VII власть перешла к его сыну, которого английские мыслители эпохи Просвещения находили более интересным персонажем. Два наибольших достижения Генриха VIII – покровительство гуманистам и разрыв с Римом – сделали его если не героем, то королем, достойным упоминания во всех светских историях XVIII столетия. Однако просветители не смогли простить ему жестокость и склонность к тирании. Линдсей сетует,

⁴⁶⁵ *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* / ed. by E. Cannan. Chicago : University of Chicago Press, 1976. P. 201–202.

⁴⁶⁶ *Ibid.* P. 205–206.

⁴⁶⁷ *Lynch J. The Age of Elizabeth in the Age of Johnson.* P. 65.

⁴⁶⁸ *The Letters of David Hume* / ed. J. Y. T. Greig. Oxford : Clarendon Press, 1932. Vol. 2. P. 249.

⁴⁶⁹ *Болингброк Г. С. Дж. Письма о пользе и изучении истории.* С. 80.

⁴⁷⁰ *Henry VI // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson.* Vol. 8. *Johnson on Shakespeare* / ed. by A. Sherbo, B. H. Bronson. New Haven ; London : Yale University Press, 1968. P. 607.

что хотя Генрих VIII был «великим любителем и покровителем знаний... его правление по-прежнему продолжало серию жестокостей, алчности и даже святотатства»⁴⁷¹. Так, властвование Генриха VIII переросло в «капризную тиранию». После него английский трон был унаследован Эдуардом VI, а затем Марией Тюдор. Обращаясь к сочинениям Джонсона и его современников, освещающих историю Тюдоров, иногда трудно поверить, что Эдуард и Мария вообще существовали – настолько редко упоминается история их царствований. Правление Марии Тюдор именовалось в XVIII столетии не иначе, как «пагубное и позорное»⁴⁷². К примеру, шотландский биограф Роберт Андерсон писал: «При Марии Тюдор вся Англия была загрязнена убийствами, более зверскими, чем в годы самой кровопролитной гражданской войны»⁴⁷³. Их правления затмевает преемница – Елизавета I.

В представлении британских интеллектуалов XVIII столетия в английской истории не было периода более славного и блистательного, чем эпоха Елизаветы Тюдор. Анализ литературного наследия С. Джонсона позволяет выявить ключевые образы Елизаветинской эпохи. Джонсон полагал, что правление королевы Елизаветы заложило основы для дальнейшего развития страны⁴⁷⁴. Укрепление протестантизма, расширение торговых путей, основание колоний в Америке и внешнеполитические победы на Европейском континенте – все это послужило на благо Английского государства. Аналогично высказывался о политике Елизаветы I и Д. Юм. В «Истории Англии» он пишет: «Правлению этой королевы сопутствовали победы за границей и мир внутри страны, а потому она оставила государство в столь цветущем состоянии, что ее преемник, вступив на английский престол, получил все мыслимые преимущества»⁴⁷⁵.

⁴⁷¹ *Lindsay J.* Brief History of England. London : Printed for the Author, 1748. P. 184–185.

⁴⁷² *Lynch J.* The Age of Elizabeth in the Age of Johnson. P. 81.

⁴⁷³ *Anderson R.* Works of the British Poets. Edinburgh : Mundell and son, 1792. Vol. 1. P. 651.

⁴⁷⁴ *Johnson S.* An Introduction to the Political State of Great Britain // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. P. 130.

⁴⁷⁵ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов / пер. с англ. А. А. Васильева ; под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб. : Алетей, 2001. Т. 1. С. 6.

Однако не только политические успехи были поводом для восхваления эпохи Елизаветы Тюдор. Зачастую похвала относилась к личности самой королевы. В этом смысле нельзя не согласиться с точкой зрения британской исследовательницы К. Джеррард: «Если мы попытаемся объяснить ностальгию по Елизаветинской эпохе чисто с социально-экономической точки зрения, мы будем игнорировать то, что лежало в самом центре – фигуру самой королевы»⁴⁷⁶. Действительно, Елизавета воплощала эталон женщины и самодержицы. Джонсон отмечал: «Она знала достаточно, чтобы получить сан епископа»⁴⁷⁷. Тем не менее, преклонение британских мыслителей XVIII столетия перед Елизаветой не было абсолютным. Многие из них так и не простили ей смерть Марии Стюарт. К примеру, Т. Смоллетт, относившейся к Марии с несомненным уважением, писал о Елизавете: «...несмотря на все ее замечательные качества, мы не можем отрицать того, что она была тщеславной, гордой, властной, а в некоторых случаях и жестокой»⁴⁷⁸.

Доктор Джонсон высоко ценил заслуги елизаветинцев. Одной из ключевых фигур английского «золотого века» был для лексикографа Ричард Хукер (1554–1600). Сочинения выдающегося богослова эпохи Реформации – «Трактат об оправдании» и «О законах церковной организации» – внесли значительный вклад в формирование англиканской богословской доктрины. Работы Хукера литератор знал досконально. Свидетельства этому легко отыскать в «Словаре английского языка», где труды Хукера цитируются 2 108 раз⁴⁷⁹, в особенности под такими словами, как «церковь», «доктрина», «канон». Богослов оказывается десятым среди наиболее цитируемых авторов, после Шекспира, Поупа, Мильтона, Драйдена и др.

⁴⁷⁶ *Gerrard C.* The Patriot Opposition to Walpole : Poetry, Politics and the National Myth, 1725–1742. Oxford : Oxford University Press, 1994. P. 151.

⁴⁷⁷ Цит. по: *Lynch J.* The Age of Elizabeth in the Age of Johnson. P. 70.

⁴⁷⁸ *Smollett T.* A Complete History of England: Deduced from the Descent of Julius Cæsar, to the Treaty of Aix la Chapelle, 1748. Containing the Transactions of One Thousand Eight Hundred and Three Years. London : J. Rivington and J. Fletcher, 1757. Vol. 3. P. 132.

⁴⁷⁹ См.: *Osborn J. M.* Johnson on the Sanctity of an Author's Text // PMLA. 1935. Nr 35. P. 929.

Таким образом, для мыслителей эпохи Просвещения Елизаветинская эпоха стала эталоном. Они сравнивали написанные в эпоху золотого века работы с трудами Петrarки и Полициана. Когда они восхваляли британскую стабильность, то вспоминали достижения Елизаветы. Когда они пытались защитить англиканскую церковь от нападков католиков, диссентеров и евангелистов, то обращались к работам Хукера. Когда они работали над определением стандартов языка, брались за сочинения Эразма и У. Кемдена. Когда они разыскивали модели поэтической формы и структуры, использовали труды Спенсера и Шекспира. Время правления последней королевы из династии Тюдоров в Георгианскую эпоху превозносили все, вне зависимости от политических убеждений, будь то сторонники вигов, тори или якобиты.

В работах С. Джонсона эпоха Елизаветы идеализировалась и прославлялась, равно как и в трудах многих современников литератора. Такая оценка затушевывала ряд фактов, игнорировала правления Эдуарда VI и Марии Тюдор, судьбы леди Джейн Грей и Марии Стюарт, королевы Шотландии, жестокость и капризность даже самых знаменитых Тюдоров. Но она служила британскому XVIII в. в качестве национального мифа, конструкта, в дальнейшем господствовавшего в британской историографии вплоть до 60-х гг. XX в.

Концепция истории XVII – начала XVIII в. нашла отражение в последнем сочинении доктора Джонсона – «Жизнеописаниях важнейших английских поэтов». Среди историков нет устоявшегося мнения в оценках этого монументального труда. К примеру, Дж. Кэннон считал, что целью «Жизнеописаний» было создание «литературной биографии этой страны»⁴⁸⁰. Иной точки зрения придерживался британский историк Дж. Кларк, который видел исключительно политическую направленность издания: «Вся ориентация этой работы была, с самого начала, патрицианской: наивысшие достижения английской литературы связывались с Реставрацией режима в 1660 г., с несколькими исключениями в случае Мильтона или Аддисона»⁴⁸¹. Другой исследователь,

⁴⁸⁰ Cannon J. Samuel Johnson and the Politics of Hanoverian England. P. 243.

⁴⁸¹ Clark J. C. D. Samuel Johnson : Literature, Religion and English Cultural Politics from the Restoration to Romanticism. P. 233.

Говард Эрскайн-Хилл, полагает, что Джонсон написал не биографии выдающихся поэтов, а повествование о том, как «его поэты жили в условиях политических кризисов и революций»⁴⁸². Наиболее точно о важности «Жизнеописаний» высказался Дж. Вэнс: «Мы не обращали достаточного внимания на значимость его (Джонсона. – Т. К.) исторического чувства, в конце 1770-х гг. его знание исторических фактов, движений, персоналий, проблем и конфликтов было фундаментальным»⁴⁸³.

Пожалуй, все исследователи сходятся в одном: «Жизнеописания» следует относить к разряду исторических сочинений. Причина этого состоит в размытости жанра исторического повествования в Британии эпохи Просвещения. Как отмечает американский исследователь М. С. Филлипс, в историописании XVIII столетия не было того водораздела между биографией и историей, что появился в XIX в. История и биография в представлении современников Джонсона были одной «семьей родственных жанров»⁴⁸⁴, в связи с чем биографии в XVIII в. зачастую стоит рассматривать как форму исторического повествования.

Предпосылки для появления монументального труда Джонсона появились в начале 70-х гг. XVIII столетия, когда между издательствами Эдинбурга и Лондона разразилась настоящая «битва книг». Поводом для нее стала публикация эдинбургским издателем Александром Кинсайдом 43-томного издания «Британских поэтов» в 1773 г. Английские книгопродавцы объявили бойкот шотландскому изданию, «и оно не разошлось за пределами Шотландии»⁴⁸⁵. Соперничество между лондонскими и эдинбургскими книгоиздателями в 1774 г. достигло такого накала, что с парламентских трибун звучали обвинения в адрес шотландцев: «Шотландские издания, вообще говоря, неправильны, и не подходят для библиотеки

⁴⁸² *Erskine-Hill H.* Fires under the Ashes: Johnson's Lives of the Poets as Narratives of History // *The Interpretation of Samuel Johnson*. P. 157.

⁴⁸³ *Vance J.* Samuel Johnson and the Sense of History. P. 93.

⁴⁸⁴ *Phillips M. S.* Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 343.

⁴⁸⁵ *Мазур Н.* Как продавались рукописи и вдохновение в Англии эпохи романтизма // *Нов. лит. обозрение*. 2008. № 90. С. 346.

джентльмена»⁴⁸⁶. Национальная гордость английских книгоиздателей была задета. По этой причине консорциум книготорговцев в лице Тома Дэвиса, Уильяма Стрэхэна и Томаса Каделла предложил именитому доктору Джонсону написать предисловия к «Английским поэтам».

Работу над предисловиями лексикограф начал в 1777 г. и, как ни странно, «Жизнеописания важнейших английских поэтов» вышли из-под пера Джонсона относительно быстро, в сравнении с тем, как долго готовились к печати «Словарь» или издание сочинений Шекспира. Пожалуй, причиной тому была работа шотландского издателя Джона Белла «Поэты Великобритании», опубликованная в Лондоне в 1778 г. Дешевое шотландское издание грозило лишить труд Джонсона читателей. Однако английское издание с предисловиями Джонсона также было раскуплено мгновенно. В 1779 г. вышли первые четыре тома жизнеописаний, а в 1781 г. – следующие шесть⁴⁸⁷. Уже в 1781 г. было опубликовано общее четырехтомное издание «Жизнеописаний» Джонсона.

«Жизнеописания важнейших английских поэтов» охватывают литературную историю Англии XVII – середины XVIII в., от Абрахама Коули до Джорджа Литтлтона. В издание вошло 52 биографии, в том числе таких известных литераторов, как Джон Мильтон, Джон Драйден, Джозеф Аддисон, Джонатан Свифт и Александр Поуп (рис. 5). Среди них были не только англичане, но поэты валлийского, ирландского и шотландского происхождения. Таким образом, лексикограф «вписывал» национальные «окраины» в общую историю английской литературы. Интересно, что Джонсон отказался вести историю английской поэзии от Чосера или Шекспира. Как полагает Дж. Кларк, причина этого кроется в желании лексикографа показать преемственность между античной и английской поэзией⁴⁸⁸. Однако нам

⁴⁸⁶ The Parliamentary History of England From the Earliest Period to the Year 1803 / ed. by W. Cobbett. London : T. C. Hansard, 1813. Vol. 18. P. 1087.

⁴⁸⁷ См.: *Johnson S.* The Lives of the Most Eminent English Poets : With Critical Observations of Their Works : in 10 Vol. London : C. Bathurst, J. Buckland, W. Strahan, etc., 1779–1781.

⁴⁸⁸ См.: *Clark J. C. D.* Samuel Johnson : Literature, Religion and English Cultural Politics from the Restoration to Romanticism. P. 24.

Рис. 5. Карикатура Джеймса Гиллрея на Сэмюэла Джонсона (1782). National Portrait Gallery, London. Лицензия № 53505 от 21.02.2022 г.

представляется, что литератор обошел стороной барда лишь постольку, поскольку подробно осветил биографию Шекспира и свои взгляды на его творчество в издании работ Шекспира 1765 г. Он не коснулся биографий и творчества более ранних поэтов, потому что считал время их жизни «детством» английской поэзии, в то время как период «зрелости» английской поэзии настал в XVII столетии.

Взгляды доктора Джонсона на историю Англии прослеживаются сквозь биографии знаменитых поэтов. Литератор стремился подробно показать жизненный путь поэтов, их происхождение, место обучения и политические взгляды. Более того, зачастую Джонсон проявлял антипатию к поэтам, чьи политические взгляды были далеки от его собственных. Например, несмотря на высокие оценки творческих дарований Джона Мильтона, он всячески критиковал его политические памфлеты.

В «Жизнеописаниях» практически не упоминается Яков I Стюарт, однако мнение о нем литератор выразил во «Введении в современное состояние Великобритании». По его мнению, Яков I «был умен, однако не имел никакой практической мудрости: он был в состоянии отличить свои интересы от интересов своего королевства и потомков, но жертвовал ими при любом удобном случае ради сиюминутных удовольствий и праздности»⁴⁸⁹. Англия в его правление слабела, в то время как на континенте усиливали свое влияние Франция и Голландия.

Иначе литератор отзывался о Карле I. «Пришедший к власти несчастный Карл, – пишет Джонсон, – видел ошибки своего отца, однако не был способен предотвратить их»⁴⁹⁰. Хотя лексикограф явно симпатизировал королю, он не восхищался его личностью или политикой. Скорее, как отмечает Дж. Вэнс, «несчастный Карл» был для Джонсона «символом порядка и стабильности»⁴⁹¹. Такая точка зрения отличалась от мнения Д. Юма, полагавшего, что «конфликт между парламентом и короной был закономер-

⁴⁸⁹ *Johnson S. An Introduction to the Political State of Great Britain // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. Political Writings. P. 133.*

⁴⁹⁰ *Ibid. P. 134.*

⁴⁹¹ *Vance J. Samuel Johnson and the Sense of History. P. 48.*

ным»⁴⁹². Однако, как и Джонсон, Юм полагал, что «революция представляла собой противоестественное явление, поскольку англичане осмелились поднять руку на законного монарха и тем самым ввергли страну в пучину многих кровавых событий»⁴⁹³.

Большее внимание в «Жизнеописаниях» уделено последующему периоду в истории Англии – протекторату Кромвеля и Реставрации. Жизнеописание Джона Мильтона, пожалуй, отразило наиболее ярко взгляды доктора Джонсона на события середины XVII столетия. Так, он с воодушевлением начинает биографию поэта, писавшего «на латыни с классическим изяществом»⁴⁹⁴. Казалось бы, жизнь готовила Мильтона к карьере выдающегося ученого, знатока древних авторов. В 1638 г. он покидает Англию и отправляется в путешествие по Франции и Италии, которое неожиданно прерывается в Риме. «Теперь его целью было посещение Сицилии и Греции – писал Джонсон в «Жизнеописаниях», – но, услышав о разногласиях между королем и парламентом, он решил отправиться скорее домой, чем потратить свою жизнь на иностранные развлечения, пока его соотечественники боролись за свои права»⁴⁹⁵. С этого момента жизненного пути Мильтона отношение Джонсона к поэту становится резко критическим. Оценивая его политические памфлеты, Джонсон лишь упоминает об их «грубом стиле». Но в конечном итоге, словно не сдержавшись, лексикограф обрушивает все свое негодование на Мильтона и его политические пристрастия: «Он, кто оправдал казнь своего короля, казавшегося ему незаконным, отныне продавал свои услуги, свою лесть тирану, в действиях которого не было ничего законного»⁴⁹⁶.

Особое внимание стоит уделить джонсоновской характеристике «тирана» Оливера Кромвеля. Мнение о нем подробно изложено в биографии Мильтона: «Кромвель распустил парла-

⁴⁹² Аксенова Е. Ю. Общественно-политические и исторические взгляды Кэтрин Маколей (1731–1791) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003. С. 21.

⁴⁹³ Там же.

⁴⁹⁴ Johnson S. Lives of the Most Eminent Poets : With Critical Observations on Their Works. London ; New York : Frederick Warne and Co, s. a. P. 38.

⁴⁹⁵ Ibid. P. 41.

⁴⁹⁶ Ibid. P. 48.

мент с помощью той же власти, которой он разрушил монархию, и сам стал монархом, под именем протектора, но с королевской и даже более чем королевской властью. Его власть никогда не претендовала на законность»⁴⁹⁷. Кромвель и его сторонники однозначно описываются Джонсоном как «повстанцы», «узурпаторы власти», «ответственные за смерть Карла I “убийцы”». Режим Оливера и Ричарда Кромвелей был «системой временного правительства, державшейся на одной только силе», однако она «естественным образом распалась на части, стоило этой силе удалиться»⁴⁹⁸. В данном случае мнение Джонсона оказывается близким к представлению лорда Кларендона, который изображает Кромвеля в виде «человека злонамеренного, но обладавшего сильным духом»⁴⁹⁹. В то же время Юм, также называвший правление Кромвеля «узурпацией», видел куда больше достоинств в деятельности протектора. Если Юм пишет об успехах Кромвеля на международной арене, то доктор Джонсон с неудовольствием пишет о «тиране», у которого, «пожалуй, не было времени на то, чтобы вникать в международные дела»⁵⁰⁰. В представлении литературного «диктатора» лишь после смуты Кромвеля наступает период спокойствия.

Совершенно иначе описывается история периода Реставрации Стюартов, отраженная в жизнеописаниях Мильтона и Драйдена. Карл II был для Джонсона олицетворением идеального монарха. Так, однажды в разговоре с Босуэллом, он отметил, что «Карл II знал свой народ и вознаграждал по заслугам. Церковь не знала лучшего времени за всю свою историю. Он был лучшим королем за всю историю Англии вплоть до правления Его Величества (Георга III. – Т. К.)»⁵⁰¹. Более того, лексикограф высоко оценивал личные качества монарха: «Король, милосер-

⁴⁹⁷ *Johnson S. Lives of the Most Eminent Poets : With Critical Observations on Their Works.*

⁴⁹⁸ *Ibid.* P. 52.

⁴⁹⁹ Соколов А. Б. Кларендон как историк // Диалог со временем. 2013. № 45. С. 55.

⁵⁰⁰ *Johnson S. An Introduction to the Political State of Great Britain // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. P. 138.*

⁵⁰¹ *Boswell J. Life of Johnson. P. 610–611.*

дию которого, пожалуй, нет равных во всем мире, отказался быть судьей или мстителем за ошибки отца, или свои собственные»⁵⁰². Пожалуй, единственными недостатками Карла II были несклонность к покровительству и «отсутствие щедрости»⁵⁰³.

Не столь высокого мнения о Карле II был О. Голдсмит, писавший, что королю свойственны «праздность и любовь к развлечениям»⁵⁰⁴, а его правление «представляло собой поразительный контраст легкомыслия и жестокости, веселости и мрачной подозрительности»⁵⁰⁵. Еще резче о Карле II Стюарте высказывался Д. Юм: «Карл своими действиями, хотя они и казались всякий раз не более чем легкомысленной забавой короля, подвергал ее (Англию. – Т. К.) опасности гражданской войны и даже иностранного вторжения, позорного и губительно для Англии»⁵⁰⁶.

Интересно мнение лексикографа о «Славной революции». Как утверждает Дж. Кларк, «о революции 1688 г. Джонсон писал с точки зрения научной беспристрастности, подразумевающей отказ от одобрения» событий⁵⁰⁷. Вместо восторженного повествования об освобождении Англии, он просто сообщил, что «король Яков в страхе бежал, было установлено новое правительство»⁵⁰⁸. В «Жизнеописаниях» нет ни намека на симпатии к Якову II Стюарту, разве что в диалогах с Босуэллом литератор высказывался, что «Яков II был бы хорошим королем, если бы не верил, что спасением для его подданных должно быть католичество»⁵⁰⁹.

Английская история после 1688 г. находит отражение в жизнеописаниях Джозефа Аддисона и Джонатана Свифта. Доктор

⁵⁰² *Johnson S. Lives of the Most Eminent Poets: With Critical Observations on Their Works.* P. 53.

⁵⁰³ *Vance J. Samuel Johnson and the Sense of History.* P. 49.

⁵⁰⁴ *Goldsmith O. The History of England: from the earliest times to the death of George II.* Boston : C. Stebbens, 1814. Vol. 2. P. 29.

⁵⁰⁵ *Ibid.* P. 46.

⁵⁰⁶ *Юм Д. Англия под властью дома Стюартов.* Т. 2. С. 404.

⁵⁰⁷ *Clark J. C. D. Samuel Johnson : Literature, Religion and English Cultural Politics from the Restoration to Romanticism.* P. 234.

⁵⁰⁸ *Johnson S. Lives of the Most Eminent Poets: With Critical Observations on Their Works.* P. 208.

⁵⁰⁹ *Boswell J. Life of Johnson.* P. 611.

Джонсон с удовлетворением отмечал склонность нового короля Вильгельма к патронажу: «...король Вильгельм не имел никакого отношения к утонченности или литературе; его занятием была только война, но по выбору министров... он был, без особого желаяния, очень либерален к покровительству поэзии»⁵¹⁰. Тем не менее, вигская направленность политики короля не устраивала лексикографа, недаром он отмечал, что в правительстве Вильгельма было «наибольшее количество никчемных негодяев, что когда-либо существовали»⁵¹¹.

Правление королевы Анны стало временем расцвета наук и искусств: целая плеяда поэтов и драматургов творила в начале XVIII столетия. Однако в первые годы у власти королева продолжала политику своего предшественника, пока в 1711 г. не решила избавиться от вигского большинства в палате лордов, поскольку, как пишет литератор, англичане устали от «войны, и королева устала от своих министров. Война была обременительной, министры – высокомерны»⁵¹². Особое внимание Джонсон уделяет роли Свифта на политической арене: «В правление королевы Анны он обратил голос народа против вигов и, стоит признаться, диктовал некоторое время политическое мнение английской нации»⁵¹³. Со смертью королевы Анны пришел конец политической деятельности Свифта и наступил закат кратковременного периода власти тори.

Литературная история Англии описывается Джонсоном вплоть до 1770-х гг., однако на основании последних жизнеописаний (Александра Поупа, Ричарда Сэвиджа и др.) едва ли можно проследить историю Британии Георгианской эпохи, жизненный путь поэтов-современников литератор описывает менее детально, чем биографии предшествующего поколения поэтов. Таким образом, последний монументальный труд Джонсона следует рассматривать не только как одно из первых масштабных изда-

⁵¹⁰ *Johnson S. Lives of the Most Eminent Poets : With Critical Observations on Their Works.* P. 223.

⁵¹¹ *Boswell J. Life of Johnson.* P. 611.

⁵¹² *Johnson S. Lives of the Most Eminent Poets : With Critical Observations on Their Works.* P. 257.

⁵¹³ *Ibid.* P. 367.

ний, освещающих историю английской поэзии в биографиях ее творцов, но и как историческое сочинение. Доктор Джонсон небезосновательно считал, что биографии поэтов неразрывно связаны с историческим контекстом, и потому история присутствует на страницах «Жизнеописаний» повсеместно. «Жизнеописания важнейших английских поэтов» С. Джонсона позволяют реконструировать взгляды интеллектуала на британскую историю XVII – начала XVIII в. Как и в политике, симпатии литератора в истории оказались на стороне консерваторов. Его оценки исторических событий близки к воззрениям лорда Кларендона, однако лексикографу чужд провиденциализм Эдварда Гайда.

Джонсон испытал на себе влияние антикварной традиции, а потому полагал, что историки должны писать настоящую историю, какой она была на самом деле, используя лишь проникаемость, точность и чувство стиля. Поэтому литератор осуждал склонность представителей шотландской традиции историописания писать историю в виде увлекательного рассказа.

В то же время монументальные труды литератора: «Словарь английского языка», издание сочинений Шекспира и «Жизнеописания важнейших английских поэтов» позволяют реконструировать исторические воззрения литературного «диктатора» Англии. Золотым веком английской истории стало правление Елизаветы Тюдор. По мнению доктора Джонсона, вторая половина XVI в. была временем подлинного английского величия, периодом, когда политическая стабильность способствовала многочисленным внешнеполитическим победам и культурному возрождению. Сконструированный британскими интеллектуалами миф о золотом веке стал основой для формирующейся единой британской идентичности в эпоху Просвещения. Важную роль в оформлении национальных символов прошлого сыграло предисловие Джонсона к сочинениям Уильяма Шекспира, где поэт был представлен национальным героем. Более того, издание «Жизнеописаний важнейших английских поэтов» позволило ему изложить собственную точку зрения на события гражданской войны XVII в. Таким образом, анализ интеллектуального наследия доктора Джонсона свидетельствует не только о его интересе к истории, но также о его

собственной концепции национальной истории Англии XVI – начала XVIII в.

Интерес к прошлому своей страны был присущ многим интеллектуалам эпохи Джонсона. Литературный «диктатор» не стал исключением. Как и другие просветители – Д. Юм, О. Голдсмит, Т. Смоллетт – Джонсон писал об истории Англии, а не всей Британии. Тем не менее, непреднамеренно он выступил создателем ключевых национальных мифов, объединивших всех британцев XVIII столетия: представлений о елизаветинском золотом веке, шекспировском гении и триумфе английской литературы на рубеже XVII–XVIII вв.

Глава 3 «БИТВЫ» ЗА БРИТАНИЮ

3.1. Джонсон vs Юм

Шотландия и ее жители оставались для англичан XVIII столетия одним из главных поводов для многочисленных шуток и насмешек. Недаром в жизнеописаниях Джонсона то и дело встречаются выразительные высказывания о шотландцах. Так, он иронично отмечал: что «назойливость шотландцев подобна назойливости пиявки»⁵¹⁴, для шотландца нет лучше «дороги, чем та, что ведет в Англию»⁵¹⁵, и «какой враг будет вторгаться в Шотландию, если там ничего нет?»⁵¹⁶ Джонсону вторил и член партии вигов Уильям Петти-Фицморис, второй граф Шелберн. В беседе с Ричардом Прайсом, валлийским философом и проповедником, граф Шелберн с осуждением высказался о шотландцах: «...эта нация с рождения состоит из печального сборища бессердечных, бесстыдных мошенников»⁵¹⁷.

Современный британский исследователь М. Питток отмечает, что представление о негативных взглядах Джонсона на шотландцев было сформировано на страницах «Жизни Сэмюэла Джонсона» Дж. Босуэлла, который создал образ лексикографа, чьи суждения были ограничены и полны предрассудков против северных соседей англичан⁵¹⁸. Несмотря на стремление Босуэлла изображать Джонсона человеком со множеством предрассудков,

⁵¹⁴ *Murphy A.* An Essay on the Life and Genius of Samuel Johnson. London : T. Longman, 1792. P. 106.

⁵¹⁵ *Boswell J.* Life of Johnson. P. 302.

⁵¹⁶ *Ibid.* P. 684.

⁵¹⁷ The Price Letters, 1767–1790 // Proceedings of Massachusetts Historical Society. Ser. 17. Boston : Published by the Society, 1903. P. 359.

⁵¹⁸ См.: *Pittock M.* Scotland // Samuel Johnson in Context. P. 329.

его друг вовсе не был таким. Более того, круг чтения литератора демонстрирует его интерес к истории, обществу и религии Шотландии. К примеру, в библиотеке Джонсона хранились книги У. Робертсона «История Шотландии» 1759 г., Дж. Стюарта «История Шотландии» 1784 г. и Д. Далримпла «Анналы Шотландии» 1775 г.⁵¹⁹ Для большинства англичан, неприязненно относившихся к шотландцам, такой интерес к Шотландии был несвойствен: они мало знали о северных соседях и не стремились узнать больше.

В Англии XVIII в. существовал архетипичный образ шотландца-«простофили» (англ. *Sawney*), отражавший всю сущность шотландского национального характера. В представлении англичан их северные соседи были «грубы, воинственны, прожорливы и алчны»⁵²⁰. Антишотландские настроения были особенно сильны в Англии в середине XVIII столетия после поражения якобитов при Каллодене в 1745 г. и, в особенности, после 1762 г., когда лорд Бьют был назначен премьер-министром. Данное назначение было неоднозначно воспринято английской прессой. На страницах журналов и газет начали писать о «шотландском нашествии» на Лондон⁵²¹. В частности, анонимный автор «писем Юниуса» с негодованием писал о короле Георге III, с гордостью назвавшим себя британцем, а не англичанином: «Вы манерно отреклись от имени англичанина»⁵²². Не меньшее неприятие шотландского «нашествия» высказывал создатель журнала «Норт Бритон» Дж. Уилкс. Кроме того, причина неприятия англичанами шотландцев заключалась в росте конкуренции в области коммерции, медицины и книготорговли в связи с не прекращающейся миграцией в Лондон жителей севера Британии.

Представление доктора Джонсона о шотландцах было не столь предвзятым, как может показаться на первый взгляд. Разумеется, как и многие современники, он всегда находил по-

⁵¹⁹ См.: *Christie J.* A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the late learned Samuel Johnson. P. 3–28.

⁵²⁰ *Pittock M. G. H.* Celtic Identity and the British Image. Manchester : Manchester University Press, 1999. P. 32.

⁵²¹ *Langford P.* A Polite and Commercial People : England 1727–1783. P. 327.

⁵²² *The Letters of Junius* / ed. by J. Cannon. Oxford : Clarendon Press, 1978. P. 161.

вод пошутить по поводу своих северных соседей, о чем свидетельствует «Жизнь» Босуэлла. Более того, миссис Трейл отмечала: «Ненависть мистера Джонсона к шотландцам столь хорошо известна, что его остроты по их поводу постоянно повторяются в памфлетах и книгах»⁵²³. Чаще всего знаменитые высказывания Джонсона о шотландцах были насмешкой над устоявшимся в английском обществе карикатурным образом шотландцев. В круг общения литератора входило множество шотландских интеллектуалов, с которыми он активно переписывался и поддерживал дружеские отношения. К их числу стоит отнести, помимо Босуэлла, историка Уильяма Робертсона, писателя и историка Тобайаса Смоллетта, философа и основателя политэкономии Адама Смита. Более того, литератор был лично знаком с философом и историком Адамом Фергюссоном, с которым встретился в Эдинбурге 16 августа 1773 г.⁵²⁴, а также историком Дэвидом Далримплом, знакомство с которым состоялось в начале 1780-х гг.⁵²⁵

Суждения лексикографа о Шотландии и ее жителях в целом были неразрывно связаны с его представлениями о религии, истории и культуре «мятежного края». Наибольшую антипатию литератор проявлял к пресвитерианской церкви Шотландии. Шотландская Реформация, в отличие от английской, не была инициирована короной. Напротив, она стала идейным фундаментом для представителей оппозиции, выступавших против католических правлений регента Марии де Гиз в 1554–1560-е гг. и королевы Марии Стюарт в 1561–1567 гг. Именно поэтому Джонсон считал, что пресвитерианская церковь виновна в низвержении королей (Марии I Стюарт и Карла I Стюарта), а также в безжалостном разграблении церквей. Во время путешествия на Гебриды доктор Джонсон, прогуливаясь среди руин собора Сент-Эндрюса, пришел к мысли, что хотя город «страдал ранее от более чудовищных и серьезных разрушений, но недавние бедствия влияют на него

⁵²³ Piozzi H. L. *Anecdotes of the Late Samuel Johnson*. P. 171.

⁵²⁴ См.: *Boswell J.* *The Journal of a Tour to the Hebrides with Samuel Johnson*, LL. D. London : H. Baldwin, 1785. P. 39.

⁵²⁵ См.: *O'Brien K.* *Johnson's View of the Scottish Enlightenment in a Journey to the Western Islands of Scotland // The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. 1991. № 4. P. 61.

с большей силой. Насилие Нокса и его последователей подобно вторжению Алариха и готов»⁵²⁶. О личности лидера шотландской Реформации Джона Нокса (1510–1572) литератор высказывался с особым негодованием, полагая, что тот «подстрекал толпу» к действиям, «не представляя, к чему это приведет»⁵²⁷.

Литератор также винил пресвитериан в разрушении церквей. Он с укоризной припоминал, как «во время Реформации, чтобы снарядить шотландскую армию, были разграблены две церкви, и свинец был отправлен на продажу в Голландию»⁵²⁸. В представлении Джонсона пресвитериане отличались «жадностью, лицемерием и глупостью»⁵²⁹. По мнению литератора, их приверженцы привели Шотландию в упадок. Поэтому оценки Джонсоном Шотландии были негативны: он с разочарованием наблюдал за тем, во что превратилась когда-то процветающая страна. Он видел в истории Шотландии пример того, что могло бы произойти в Англии, если бы протестантский фанатизм возобладал в ходе гражданских войн XVII столетия.

В этой связи весьма интересны взгляды Джонсона на Унию 1707 г. Признавая плачевное состояние Шотландии в начале XVIII в., он полагал, что жители Лоуленда⁵³⁰, выступавшие за Унию, продали свою страну ради собственного процветания, прибыльных должностей и сомнительных богатств. Действительно, Уния способствовала развитию шотландской экономики и, как считал Джонсон, стала лучом света для бедных шотландцев, в особенности жителей Хайленда⁵³¹. Так, Джонсон писал: «Пока Уния не вынудила их познакомиться с английскими манерами, обработка земель была неумелой, а их домашняя

⁵²⁶ *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. A Journey to the Western Islands of Scotland / ed. by M. Lascelles. New Haven ; London : Yale University Press, 1971. P. 10.*

⁵²⁷ *Boswell J. The Life of Samuel Johnson, LL. D. London : J. Murray, 1835. Vol. 4. P. 58.*

⁵²⁸ *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 25.*

⁵²⁹ *Pittock M. Scotland // Samuel Johnson in Context. P. 335.*

⁵³⁰ Лоуленд (англ. *Lowlands*) – южная, равнинная часть Шотландии.

⁵³¹ Хайленд (англ. *Highland*) – северная, гористая часть Шотландии, в литературе также часто обозначается как «Высокогорье», или «Горная Шотландия».

жизнь – бесформенной, их пища была груба, как на пирах эскимосов, и дома грязны, как хижины готтентотов»⁵³². В то же время литератор осуждал алчность шотландцев, особенно ярко проявившуюся после объединения королевств. В письме к миссис Трейл литератор сообщал, что шотландцы жадны до получения «немедленной прибыли, и вовсе не думают выращивать или производить что-то, что нельзя почти сразу съесть или продать»⁵³³.

Хотя в круг общения литератора входили многие выдающиеся шотландские просветители, он не считал, что середина XVIII столетия стала временем расцвета шотландской интеллектуальной мысли. Порой литературный «диктатор» Англии не желал признавать равенство интеллектуальных достижений английских и шотландских литераторов. Это особенно ярко проявляется при сопоставлении взглядов Джонсона и Юма.

Имена этих двух современников неизбежно ассоциируются с когортой британских интеллектуалов, писателей и философов XVIII столетия: Бернардом Мандевилем, Оливером Голдсмитом, Эдмундом Берком, Адамом Смитом, Хью Блэром, Адамом Фергюсоном и многими другими. Тем не менее, при первом приближении сопоставление взглядов Джонсона и Юма кажется парадоксальным и в какой-то степени неуместным, поскольку едва ли найдется среди британских просветителей XVIII в. два гения, чьи воззрения подчас были абсолютно противоположны. Как справедливо замечает современный американский исследователь У. Поткай, «есть ли два других интеллектуала XVIII столетия, столь непохожие друг на друга? Религиозный доктор и неверующий скептик; почтенный старец и несносное дитя; блестящий остролов и солидный философ»⁵³⁴. Впрочем, обращение к сочинениям двух просветителей свидетельствует о длительной дискуссии и интеллектуальном противостоянии между английским литератором и шотландским философом и позволяет вы-

⁵³² *Johnson S.* A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 28.

⁵³³ *Johnson S.* Letter to Hester Thrale, 6 September 1773 // The Letters of Samuel Johnson. Vol. 2. 1773–1776 / ed. by B. Redford. Oxford : Clarendon Press, 1992. P. 64.

⁵³⁴ *Potkay A.* The Passion for Happiness : Samuel Johnson and David Hume. Itaka ; London : Cornell University Press, 2000. P. 1.

явить взгляды и «предубеждения» С. Джонсона в отношении шотландского Просвещения.

Дэвид Юм (рис. 6) является одним из самых выдающихся мыслителей эпохи Просвещения вне зависимости от того, о какой просветительской традиции идет речь – шотландской, британской или общеевропейской. По мнению канадского исследователя Д. Ф. Нортон, в большей степени он известен своим вкладом «в эпистемологию, метафизику и философию религии», в меньшей – достижениями в области «моральной психологии, политической и экономической теории, истории»⁵³⁵. Тем не менее, едва ли найдется труд по философской, исторической или общественно-политической мысли XVIII столетия, в котором не будет уделено внимание характеристике сочинений Юма. Несмотря на исследовательские дискуссии о месте шотландского Просвещения в общеевропейском интеллектуальном пространстве XVIII в.⁵³⁶, авторитет Юма на Олимпе деятелей эпохи Просвещения остается незыблем.

Иная судьба постигла Сэмюэла Джонсона. Образ остроумца и заядлого спорщика с внушительным перечнем предрассудков, созданный на страницах «Жизни» Босуэлла, привел к тому, что на протяжении двух столетий Джонсон оказывался вычеркнут из числа ведущих деятелей эпохи Просвещения, поскольку считалось, что его суждения не соответствовали духу времени. Как пишет канадский исследователь Н. Хадсон, «для историков, убежденных, что философская мысль XVIII в. стала вызовом для христианства, Джонсон представляет собой пример ревностной защиты религии и предрассудков в просвещенную эпоху»⁵³⁷. Более того, стоит согласиться с утверждением У. Поткая о том, что вплоть до настоящего времени Джонсон нередко остается в забвении у исследователей эпохи Просвещения, не занимающихся изучением наследия знаменитого английского литератора⁵³⁸.

⁵³⁵ Norton D. F. Introduction to Hume's Thought // The Cambridge Companion to David Hume / ed. by D. F. Norton. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. P. 25.

⁵³⁶ См.: Высокова В. В. Шотландские просветители : круг идей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3(117). С. 78–80.

⁵³⁷ Hudson N. Samuel Johnson and Eighteenth-century Thought. P. 7.

⁵³⁸ См.: Potkay A. The Passion for Happiness : Samuel Johnson and David Hume. P. 6.

Рис. 6. Портрет Дэвида Юма, выполненный Дэвидом Мартином с оригинала Аллана Рэмси (1766).
National Portrait Gallery, London. Лицензия № 53506 от 21.02.2022 г.

Однако поворот в изучении просветительской мысли, который пришелся на 80-е гг. XX в., привел к признанию фрагментарности и многоликости европейского Просвещения, его неразрывной связи с интеллектуальным климатом предшествующей эпохи и национальным контекстом⁵³⁹. В этой связи воззрения С. Джонсона стоит рассматривать не как пример «Контрпросвещения», а как подтверждение континуитета между «культурой духа» и «культурой разума», религиозной и просветительской традициями в Британии XVIII в.: «творческая мысль Джонсона ищет компромисс между просветительскими и христианскими устремлениями, пытается скорректировать просветительскую мысль, поставив ее на христианскую основу»⁵⁴⁰. Кроме того, ряд произведений Джонсона, как, например, эссе из «Рамблера» и «Айдлера» или проповеди, представляют собой ответ на сочинения других просветителей и пример «диалога» литератора с моралистами и философами XVIII в. Одним из таких «адресантов» Джонсона был Дэвид Юм.

Джонсон и Юм – представители одного поколения. Первый родился в 1709 г., второй – в 1711 г. Юм был третьим сыном шотландского юриста, принадлежавшего к дворянскому роду и владевшего поместьем в Бервикшире, Джонсон – сыном английского книготорговца из Личфилда. Финансовое положение семьи Юма было выше, чем семьи Джонсона, однако Дэвид Юм, будучи младшим сыном в семье джентри, был вынужден самостоятельно зарабатывать средства на жизнь наравне с Сэмюэлом Джонсоном. Конечно, нельзя не отметить, что образование будущего шотландского философа более основательное: он обучался дома, после чего поступил в 1723 г. в Эдинбургский университет⁵⁴¹. Джонсон, как мы знаем, постигал азы латинского и, частично, греческого языков в грамматической школе Личфилда,

⁵³⁹ См.: *The Enlightenment in National Context* / ed. by R. Porter and M. Teich. Cambridge : Cambridge University Press, 1981.

⁵⁴⁰ *Зыкова Е. П.* Англиканство и Просвещение в творческом сознании Сэмюэла Джонсона // *Английская литература XVIII века : поэтика жанров, диалог традиций, межкультурные взаимодействия : межвуз. сб. науч. тр. к 300-летию со дня рождения С. Джонсона.* Киров : Изд-во ВятГУ, 2009. С. 21.

⁵⁴¹ *Лабутина Т. Л., Ильин Д. В.* Английское Просвещение : общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб. : Алетей, 2012. С. 227.

и лишь счастливый случай позволил ему в 1728 г. отправиться в Пемброк-колледж. Впрочем, оба интеллектуала оставили университеты без получения степени: Юм покинул университет после трех лет обучения для того, чтобы по настоянию семьи связать свою жизнь с юриспруденцией (что оказалось безуспешным), в то время как Джонсон вынужден был прервать образование из-за финансовых проблем.

Парадоксальным образом перекликается в биографиях двух гениев еще один факт: в период между 1729 и 1734 гг. и Джонсон, и Юм находились в состоянии депрессии. Недуг, поразивший Юма в эти годы, его лечащий врач назвал «болезнью образованных», которая проявлялась в таких симптомах, как «равнодушие и лень»⁵⁴². Если Джонсона депрессия привела к религиозным исканиям и ревностному англиканству, то Юма – к сомнениям в вере и скептицизму.

В дальнейшем жизненные пути Юма и Джонсона были также схожи. Первых успехов на избранной стезе интеллектуалы добиваются в конце 30–40-х гг. XVIII в.: для Юма это были годы активной публицистической деятельности, которая привела к созданию «Трактата о человеческой природе» в 1739–1740 гг. и «Исследования о принципах морали» в 1749 г. Всеобщего признания оба гения достигают в 50–60-х гг. XVIII в. Юм становится знаменитым некоторое время спустя после издания «Естественной истории религии» 1752 г. – всеобщий успех и признание приходят к нему после публикации «Истории Англии» в 1754–1761 гг. В 60-е гг. XVIII в. Юм получает известность во Франции, где он сводит знакомство с такими философами и энциклопедистами, как Дидро, Д'Аламбер и Гольбах.

Наличие определенных параллелей в судьбах интеллектуалов не привело к их близкому знакомству или открытой полемике между ними. Известно, что Дж. Босуэлл находился в дружеских отношениях с Юмом. Однако Босуэллу, вопреки всем его стараниям, не удалось добиться встречи английского лексикографа с шотландским философом. Несмотря на общий круг общения – оба были знакомы и состояли в переписке

⁵⁴² Potkay A. The Passion for Happiness : Samuel Johnson and David Hume. P. 32.

с А. Смитом, У. Робертсоном, Т. Смоллеттом – пути интеллектуалов практически не пересекались, и лишь благодаря мемуарам книготорговца Дж. Лэкингтона нам известен анекдот, в котором описывается мимолетное знакомство Юма и Джонсона, состоявшееся в лодке на переправе через Темзу. По словам Лэкингтона, доктор Джонсон, обнаружив, что он находится рядом с «деистом Юмом», будто бы сказал, что, если бы узнал об этом ранее, «его ноги не было бы в этой лодке»⁵⁴³. Нельзя не отметить, что подобные истории о Джонсоне, порой отличавшегося эксцентричными поступками и резкими высказываниями, нередко встречаются в мемуарах современников и знакомых литератора, однако вопрос, насколько можно доверять подобному рассказу Лэкингтона, остается открытым.

Главным источником, позволяющим судить о неприязни Джонсоном и Юмом друг друга, являются сочинения и корреспонденция Дж. Босуэлла. Так, о враждебном отношении английского литератора к шотландскому философу хорошо известно по его сочинению «Жизнь Сэмюэла Джонсона». К примеру, Джонсон неоднократно высказывался о Юме как о человеке, который «никогда не читал внимательно Новый Завет»⁵⁴⁴. Или: «Юм и другие скептики – тщеславные люди, потакающие себе любой ценой. Правда – непозволительная пища для их тщеславия, поэтому они прибегают ко лжи»⁵⁴⁵. Кроме того, в «Журнале путешествия по Гебридам» 1785 г. был записан следующий разговор с Джонсоном: «Я (Босуэлл. – Т. К.) заметил, что мистер Юм, в некоторых произведениях которого были весьма нелицеприятные высказывания о религии, был тори. Джонсон: “Сэр, Юм, будучи шотландцем, случайно стал тори; но не из принципа или чувства долга, у него нет принципов. Если он и является кем-то, то Гоббсианцем”»⁵⁴⁶. Порой неприязнь интеллектуалов была обоюдна. Дж. Босуэлл утверждал, что Юм часто говорил о Джонсоне «в весьма нелестной

⁵⁴³ *Lackington J. Memoirs of the First Forty-Five Years of the Life of James Lackington. London: Printed for the Author, 1792. P. 439.*

⁵⁴⁴ *Boswell J. Life of Johnson. P. 357.*

⁵⁴⁵ *Ibid. P. 314.*

⁵⁴⁶ *Boswell J. The Journal of a Tour to the Hebrides, with Samuel Johnson. P. 335.*

манере»⁵⁴⁷. Тем не менее, именно Джонсон выступал с критикой сочинений Юма, в то время как шотландский философ был более сдержан в своих оценках творчества английского моралиста. Так, в письме к издателю Уильяму Стрэхэну от 11 марта 1771 г., Юм писал, что памфлет Джонсона «Размышления о последних операциях на Фолклендских островах» 1771 г. «неплох и весьма забавен из-за своеобразия и помпезности стиля»⁵⁴⁸.

Камнем преткновения между двумя интеллектуалами стало отношение к религии. Одной из целей философии Юма было стремление «опровергнуть притязания христианской метафизики и этики и создать светское моральное и политическое видение мира»⁵⁴⁹. Юм весьма критически относился к ревностной религиозности и вере в чудеса, которая составляла одну из основ мирозерцания Джонсона. В «Эссе о чудесах» 1748 г. Юм утверждал, что «чудо есть нарушение законов природы, а так как эти законы установил твердый и неизменный опыт, то доказательство, направленное против чуда, по самой природе факта настолько же полно, насколько может быть полным аргумент, основанный на опыте. <...> Всякому чудесному явлению должен быть противопоставлен единообразный опыт, иначе это явление не может заслуживать подобного названия»⁵⁵⁰.

Юм опровергал чудеса по причине того, что «во всей истории нельзя найти ни одного чуда, засвидетельствованного достаточным количеством людей, столь неоспоримо здравомыслящих, хорошо воспитанных и образованных, чтобы мы могли не подозревать их в самообольщении»⁵⁵¹. Вера, по Юму, сама по себе является чудом, побуждающим «верить в то, что совершенно противоречит привычке и опыту»⁵⁵², что не могло не вызвать реакцию со стороны общественности. На Юма обруши-

⁵⁴⁷ Цит. по : *Russell P. A Hobbist Tory: Johnson on Hume // Hume Studies. 1990. Vol. 16, Nr 1 (Apr.). P. 75.*

⁵⁴⁸ *The Letters of David Hume / ed. by J. Y. T. Greig. Oxford : Clarendon Press, 1932. Vol. 2. P. 240.*

⁵⁴⁹ *Russell P. A Hobbist Tory: Johnson on Hume. P. 78.*

⁵⁵⁰ *Юм Давид. Собрание сочинений : в 2 т. / пер. с англ. С. И. Церетели, В. С. Швырева и др. М. : Мысль, 1996. Т. 2. С. 97–98.*

⁵⁵¹ Там же. С. 99.

⁵⁵² Там же. С. 114.

лись обвинения. Магистр Оксфордского университета Уильям Адамс утверждал, что шотландский философ не только сражается с религиозными предрассудками, но и угрожает общественным устоям: «непростительно оскорблять то общество, в котором позволено вести дискуссии и свободные исследования»⁵⁵³. О сочинении Адамса положительно высказывался Джонсон. В письме к Сэмюэлу Ричардсону он утверждал, что Адамс «зарекомендовал себя принадлежащим лучшей части человечества опровержением “Чудес” Юма»⁵⁵⁴.

Английский литератор неоднократно обвинял Юма в склонности к деизму, скептицизму и святотатству, что ярко иллюстрирует одна из его проповедей. В тексте проповеди, вошедшей в собрание сочинений Джонсона под № 20, «литературный диктатор» Англии стремится разоблачить лицемерие и ограниченность вольнодумцев, к числу которых причисляется Дэвид Юм: «эти люди, кажется, открыли кратчайший путь к познанию. Они решают важнейшие вопросы посреди празднеств и беспорядков. Они обнаружили, что противника легче заставить замолчать, чем пытаться опровергнуть. Они оскорбляют своих соперников вместо того, чтобы сразить их, и отказываются от битвы, торопясь одержать победу. У них есть устоявшееся правило: тот, кто высмеивает мнение, уже опровергает его. По этой причине они без угрызения совести нарушают все правила приличия и с величайшим пренебрежением относятся ко всему, что считается священным»⁵⁵⁵.

По мнению литератора, подобные упомянутому эссе Юма «О чудесах» сочинения могли быть написаны только теми, кто «не осведомлен о собственной слабости и самонадеянно убежден в своих силах», теми, кто научился «не только пренебрегать религией, но и оскорблять ее, не только быть порочным, но и на-

⁵⁵³ Adams W. An Essay in Answer to Mr. Hume's Essay on Miracles. London : Printed by E. Say, 1754. P. 103.

⁵⁵⁴ Johnson S. Letter to Samuel Richardson, 28 March 1754 // The Letters of Samuel Johnson. Vol. 1. 1731–1772 / ed. by B. Redford. Oxford : Clarendon Press, 1992. P. 80.

⁵⁵⁵ Johnson S. Sermon 20 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 14. Sermons / ed. by J. Hagstrum, J. Gray. New Haven ; London : Yale University Press, 1978. P. 220.

смеяться над добродетелью»⁵⁵⁶. Несмотря на последовательное разоблачение взглядов Юма, Джонсон не касается болезненного для церкви XVIII в. вопроса – защищают ли апологеты основы христианского вероучения ««вследствие фанатизма и предубеждения или, скорее, при помощи разума»⁵⁵⁷. Таким образом, сам Джонсон отказывается принять позицию соперника, хотя в других проповедях, напротив, выступает за необходимость «вести споры без неподобающей горячности и нечестных уловок»⁵⁵⁸. Во многом такая позиция литератора объясняется жанровыми особенностями текста проповеди. В беседе с Босуэллом Джонсон сообщал, что «свободу мысли не следует путать со свободой разговора, тем более со свободой вероисповедания»⁵⁵⁹: «каждый человек имеет физическое право думать, как ему заблагорассудится, потому что нет возможности узнать его мысли. Он не имеет на это морального права, так как он обязан быть осознанным и мыслить истинно. Но, сэр, ни один член общества не имеет права проповедовать учение, противоречащее тому, что общество считает истинным»⁵⁶⁰. По сути, когда дело касалось религии, Джонсон готов был защищать ее от любого посягательства наравне с другими глубоко верующими моралистами и теологами конца XVII – середины XVIII в., такими как Питер Браун (1665–1735), Джон Роджерс (1679–1729), Сэмюэл Кларк (1675–1729) и Уильям Лоу (1686–1761).

Другим важным вопросом, который занимал умы обоих интеллектуалов, была проблема достижения человеком счастья. Как отмечает британский историк Р. Портер, одной из особенностей эпохи Просвещения стало признание того, что «счастье – это единственная существующая ценность»⁵⁶¹. Впрочем, среди британских просветителей не было единого мнения по поводу

⁵⁵⁶ Ibid. P. 217–218.

⁵⁵⁷ Hudson N. Samuel Johnson and Eighteenth-century Thought. P. 35.

⁵⁵⁸ Johnson S. Sermon 7 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 14. Sermons. P. 78.

⁵⁵⁹ Зыкова Е. П. Англиканство и Просвещение в творческом сознании Сэмюэля Джонсона. С. 22.

⁵⁶⁰ Boswell J. Life of Johnson. P. 539.

⁵⁶¹ Porter R. Enlightenment : Britain and the Creation of the Modern World. London : Penguin Books, 2001. P. 264.

того, как стать счастливым. К примеру, Р. Стиль «полагал, что свобода и собственность являются необходимыми компонентами существования человека. На его взгляд, свобода и собственность – это составляющие счастья»⁵⁶².

Позиция Джонсона, утверждавшего тщетность поисков абсолютного счастья в земной жизни, не была популярна среди философов XVIII в. Одно из его самых известных сочинений – восточная повесть «История Расселаса, принца Абиссинского» 1759 г. – нередко рассматривается как антитеза знаменитой повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм». Современные исследователи признают, что хотя «на первый взгляд Вольтер и д-р Джонсон могут показаться столь же далекими друг от друга, как шампанское и ростбиф, их объединяют общие взгляды на многие вопросы»⁵⁶³. В данном случае оба писателя стремились представить свой взгляд на общую проблему – возможность достижения счастья. В то время как Вольтер убеждал читателей, что единственным делом, позволяющим познать счастье, является возделывание сада, Джонсон доказывал, что в мире вовсе нет наилучшего образа жизни и нет возможности познать абсолютное счастье. Впрочем, вывод Джонсона двойственен: «все человеческие надежды беспочвенны и не могут быть реализованы, но, несмотря на такую безысходность, необходимо использовать каждый шанс»⁵⁶⁴.

Во взглядах Джонсона и Юма есть некоторое сходство в определении счастья и путей его достижения. В «Исследовании о принципах морали» Юм отмечает, что всем людям свойственен поиск счастья, однако преуспеть в осуществлении этого стремления весьма непросто: «Внутренний покой духа, сознание своей честности, удовлетворенность, возникающая, когда окидываешь взором собственное поведение, – эти условия крайне необходимы для счастья»⁵⁶⁵. В то же время взгляды Юма со-

⁵⁶² *Лабутина Т. Л., Ильин Д. В.* Английское Просвещение : общественно-политическая и педагогическая мысль. С. 89.

⁵⁶³ *The Enlightenment in National Context.* P. 47.

⁵⁶⁴ *Щербакова Т. В.* «Великий хан» английской литературы Сэмюэль Джонсон (1709–1784). С. 52.

⁵⁶⁵ *Юм Давид.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 279.

впадают со взглядом Джонсона в том случае, когда речь идет о сложности и, порой, недостижимости счастья: «Повсюду переплетены и смешаны добро и зло, счастье и несчастье, мудрость и глупость, добродетель и порок; нет ничего чистого и безусловно цельного. Все преимущества сопровождаются недостатками, всеобщее возмездие господствует при всех условиях жизни и существования»⁵⁶⁶. Однако в вопросе о недостижимости счастья в земной жизни Джонсон более категоричен: «Каждому чего-то не хватает для счастья, а когда он получает то, чего ему первоначально хотелось, ему хочется чего-то еще; он растрчивает свою жизнь в погоне и усилиях и, умирая, возможно, сожалеет, что ему приходится оставить этот мир как раз тогда, когда он предполагал насладиться им»⁵⁶⁷.

Таким образом, воззрения Джонсона и Юма на счастье во многом совпадают. Оба рассматривали счастье не как мимолетное блаженство, но, напротив, по аналогии с Т. Гоббсом, как постоянное движение и процесс, направленный на достижение счастья⁵⁶⁸. Оба интеллектуала были убеждены, что стремление к счастью свойственно человеку и определяет смысл человеческого существования, однако достижение счастья не всегда возможно. Более того, и Джонсон, и Юм сходятся в общей для английских просветителей формуле счастья: «будьте добродетельны, и вы будете счастливы»⁵⁶⁹. Правда, доктор Джонсон в соответствии с христианским мирозерцанием верил, что добродетельный человек познает счастье в жизни вечной.

Сэмюэл Джонсон и Дэвид Юм – представители одного поколения, появившиеся на свет в Соединенном Королевстве, единство которого было подтверждено Актом об Унии 1707 г. Каждый из интеллектуалов олицетворяет две ветви британской просветительской мысли – «культуры духа» и «культуры

⁵⁶⁶ Там же. С. 376.

⁵⁶⁷ *Johnson S. Sermon 12 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 14. P. 127.*

⁵⁶⁸ *Potkay A. The Passion for Happiness : Samuel Johnson and David Hume. P. 65.*

⁵⁶⁹ *Зыкова Е. П. Англиканство и Просвещение в творческом сознании Сэмюэля Джонсона. С. 20.*

разума», две части нового Британского государства – Англии и Шотландии. Poleмика между английским лексикографом и шотландским философом определялась традициями английского и шотландского Просвещения. Джонсон и Юм оказались по разные стороны баррикад в споре о «духовном» и «чудесном» во многом из-за различий в английской и шотландской интерпретациях религиозного вопроса. Характерная для шотландской и французской просветительской мысли рационализация выражалась в стремлении Юма выступить против религиозных предрассудков и суеверий и попытаться понять религию при помощи разума. С точки зрения Джонсона, воплощающего англиканские интеллектуальные традиции, подобное вольнодумство было неприемлемо по отношению к религии.

Несмотря на то, что на протяжении всего периода активной творческой деятельности просветители не вступали в открытую дискуссию друг с другом, диалог между ними состоялся – история интеллектуального противостояния английского лексикографа и шотландского философа, английского литератора и шотландского историка, доктора Джонсона и мистера Юма сохранилась на страницах их произведений, ставших фундаментом британской интеллектуальной мысли XVIII столетия.

В целом представления Джонсона о Шотландии и шотландцах отличались англоцентричностью. Литератор неприязненно относился к жителям Лоуленда из-за собственной антипатии к пресвитерианской церкви, поскольку считал пресвитериан виновными в разграблении церкви и радикализации Реформации. Еще одним поводом для осуждения Лоуленда стало то, что Джонсон считал заключение Унии 1707 г. показателем шотландской алчности. Именно она довела северных соседей до потери независимости. В то же время Джонсон был убежден, что Шотландия после Унии 1707 г. никогда не сможет добиться культурного превосходства над Англией, а потому она должна гордиться тем, что является британской провинцией и младшим партнером Англии в Королевстве Великобритания. Посвягательство шотландских просветителей на равенство в объединенном королевстве казалось Джонсону неприемлемым, что не может не свидетельствовать о его «предубеждении» в отношении шотландцев.

3.2. Джонсон vs Макферсон

Шотландские интеллектуалы готовы были признать политическое и экономическое превосходство Англии над Шотландией и статус младшего партнера в британском союзе после Унии 1707 г. Однако угроза полной культурной ассимиляции, ставшая вполне реальной после начала политики «умиротворения» Хайленда и попыток «стирания его исторической самобытности»⁵⁷⁰, приводит к желанию шотландцев обратиться к древнему прошлому, отыскать в нем то, что позволило бы противостоять если не политическому, то культурному доминированию Англии. Таким средством стали «Поэмы Оссиана», продемонстрировавшие хрупкость культурной интеграции Англии и Шотландии во второй половине XVIII в.

«Поэмы Оссиана», опубликованные шотландским поэтом Джеймсом Макферсоном (1736–1796) в 1761–1763 гг., были представлены на суд британской читающей публики в качестве аутентичного перевода сохранившихся рукописных фрагментов поэм и устных преданий жителей Хайленда. Макферсон именовал автором сохранившихся поэм легендарного каледонского барда Оссиана, сына кельтского героя Фингала (или Финна Маккула), жившего в III в. н. э. Тексты имели сенсационный успех в европейских литературных кругах: «их переводили, ими зачитывались, их прославляли. Молодой Гете упивался Оссианом, ставил его выше Гомера и вложил свои восторги в уста Вертера. <...> На сюжеты его поэм художники писали картины, композиторы сочиняли балеты и оперы. <...> Эти поэмы вдохновляли Державина и Жуковского, Озерова и Гнедича, Рылеева и Кюхельбекера, Пушкина и Лермонтова»⁵⁷¹. «Оссианизм» стал особым явлением в европейской литературе второй половины XVIII – начала XIX в. Однако чем большую популярность приобретали поэмы Оссиана на Британских островах и в Европе, тем ожесточеннее становилась дискуссия о подлинности переводов Джеймса Мак-

⁵⁷⁰ *Womack P. Improvement and Romance : Constructing the Myth of the Highlands. Basingstoke : Macmillan, 1989. P. 4.*

⁵⁷¹ *Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII – первая треть XIX века). Л. : Наука, 1980. С. 3–4.*

ферсона, разросшаяся в Британии до масштаба «национальной культурной войны»⁵⁷². Поэмы воспринимались как вызов для англичан, оскорбление их гордости и национального превосходства над шотландцами. В защиту поруганной гордости выступил Джонсон, принявший активное участие в «оссиановской полемике» – споре о подлинности поэм Оссиана.

Современные исследователи признают авторство поэм за Макферсоном: «почти три четверти его работ не имеют идентифицируемых аналогов в гэльской традиции. <...> Он никогда не переводил буквально и, за исключением нескольких случаев, никогда не пересказывал по существу»⁵⁷³. Тем не менее, сам переводчик настаивал на аутентичности произведений, благодаря обнаружению которых к нему пришла слава. Впервые о блестящих переводческих талантах шотландского поэта литературные круги Эдинбурга заговорили после публикации сочинения «Отрывки старинной поэзии, собранные в горной Шотландии и переведенные с гэльского или эрского языка» в 1760 г. Это привело к тому, что в конце августа того же года «Макферсон отправился в шестинедельное путешествие по Северной Шотландии и Западным островам, чтобы начать поиски уцелевшего гэльского эпоса»⁵⁷⁴. Итогом непродолжительного путешествия и последовавшей за ним краткой поездки зимой 1760/61 г. в Хайленд стало обнаружение переводчиком поэм Оссиана, которые были опубликованы в Лондоне весной 1761 г. под названием «Фингал, древняя эпическая поэма в шести книгах, вместе с несколькими другими поэмами Оссиана, сына Фингала». Успех поэм был ошеломляющим, однако последнее сочинение, приписываемое Оссиану и переведенное Макферсоном, выходит в 1763 г. – поэма «Темора» завершила оссиановский цикл Макферсона. В дальнейшем поэт больше не предпринимал попыток отыскать новые поэмы в шотландском Высокогорье, а его литературная карьера была завершена

⁵⁷² *Curley Th. M. Samuel Johnson, the Ossian Fraud, and the Celtic Revival in Great Britain and Ireland. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 1.*

⁵⁷³ *Ibid. P. 27.*

⁵⁷⁴ *Макферсон Дж. Поэмы Оссиана / под ред. Ю. Д. Левина. Л. : Наука, 1983. С. 465.*

в 1773 г. после неудачной попытки осуществить перевод «Илиады» в оссиановском стиле⁵⁷⁵.

Возможно, что ожесточенная полемика о подлинности и мнимости творений Оссиана могла бы не состояться, если бы не стремления Макферсона сознательно «удревнить» время происхождения поэм и продемонстрировать их значимость для гэльской культуры. В тексте «Рассуждений о древности и других особенностях поэм Оссиана», который предварял публикацию перевода текстов Оссиана в 1761 г., поэт утверждал, что действие поэм относится к III в. н. э. и они описывают время, когда «некоторые искатели приключений из тех частей Британии, что находятся в пределах видимости от Ирландии, переправились туда и стали родоначальниками ирландской нации»⁵⁷⁶. История об этом, согласно Макферсону, дошла до нас благодаря бардам. Древние шотландцы – народ, «не смешивавшийся с чужестранцами и столь приверженный к памяти предков», сохранил «в великой чистоте сочинения бардов»⁵⁷⁷, в том числе поэмы Оссиана. Кроме того, нельзя не отметить, что обнаруженные поэмы по своему величию и масштабу сопоставлялись с другим эпическим творением далекого прошлого – поэмами Гомера, что нередко подчеркивалось как самим переводчиком, так и другими его современниками.

В работах, посвященных оссиановской тематике, также нередко проводятся параллели между Оссианом и Гомером. К примеру, американский историк К. Дуэ подчеркивает, что «изобретение Оссиана» позволило Макферсону создать кельтского Гомера, чьи творения могут быть соизмеримы с гением древнего поэта⁵⁷⁸. Каледонский бард оказывается подобен Гомеру – ослепшему сказителю, создателю поэм, не скованных предшествующими традициями, но отражающих естественную простоту поэзии. Гений Оссиана приравнивался к гению Гомера и демонстрировал величие древней гэльской культуры, которая была сокрыта столь долгое время в отдаленных уголках Хайленда. Впрочем,

⁵⁷⁵ См.: Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. С. 466.

⁵⁷⁶ Там же. С. 7.

⁵⁷⁷ Там же. С. 14.

⁵⁷⁸ См.: *Dié C.* Invention of Ossian // *Classics*. 2005. Nr 3. P. 1–46.

поэмы Оссиана едва ли были написаны исключительно с опорой на гомеровскую традицию – сюжет поэм разворачивался в величественных пейзажах Горной Шотландии и подразумевал постоянное обращение к деяниям шотландских героев и воинов из далекого прошлого, а также содержал меланхолические воспоминания барда о былых подвигах его отца – Фингала.

Практически сразу после публикации поэмы Оссиана стали предметом национальной гордости в Северной Британии. С восторженными отзывами на поэмы выступил профессор Эдинбургского университета и священник Хью Блэр (1718–1800), опубликовавший «Критическое размышление о поэмах Оссиана, сына Фингала» в 1763 г. Автор «Критических размышлений» с воодушевлением писал о поэмах Оссиана и блестящей работе Макферсона: «перевести такие пылкие и одухотворенные мысли с одного языка на другой; перевести дословно, но с таким поэтическим запалом; передать столько страсти и сохранить величие и достоинство текста – нелегкий труд, доказывающий, что переводчик был поистине вдохновлен Оссианом»⁵⁷⁹.

Блэр занимал исключительное место в литературном мире Эдинбурга и нередко именовался как «литературный диктатор севера»⁵⁸⁰ в противовес доктору Джонсону – «литературному диктатору Англии» и впоследствии одному из самых жестких критиков труда Макферсона. К мнению Блэра о поэмах как о блестящих образцах гэльской поэзии прислушались представители «избранного кружка» Эдинбурга – просветители, литераторы и историки Дэвид Юм, Генри Хоум, Уильям Робертсон и Адам Смит. К примеру, Юм в письме к Блэру сообщал о том, что у него есть «свои особые причины верить в подлинность поэм»⁵⁸¹.

И все же легендарный Оссиан нарушил мир среди британских антикваров и историописателей, отказав Ирландии в праве

⁵⁷⁹ *Blair H.* A Critical Dissertation on the Poems of Ossian, the Son of Fingal. London : T. Becket and P. A. De Hondt, 1763. P. 75.

⁵⁸⁰ *Saunders B.* Life and Letters of J. Macpherson. London : Swan Sonnenschein and Co ; New York : Macmillan and Co, 1894. P. 73.

⁵⁸¹ Copy of a Letter from David Hume, Esq. to the Reverend Dr Hugh Blair, on the subject of Ossian's Poems, 19th Septem. 1763 // Report of the Committee of the Highland Society of Scotland Appointed to Inquire Into the Nature and Authenticity of the Poems of Ossian. Edinburgh : Printed at the University Press, 1805. P. 5.

считать себя родиной гэлов. Отныне на это звание претендовала Шотландия. Макферсон «спровоцировал» начало «кельтского возрождения», поскольку вынудил ирландцев выступить против спекуляций о преимуществе Хайленда в формировании гэльской культуры Британских островов. Переводчик попытался «удревнить» поэмы Оссиана, упоминая в них о крещении Ирландии св. Патриком. Чтобы унижить Ирландию еще больше, он высказал предположение, что кельты Шотландии «были предками ирландцев»⁵⁸².

Первым критиком «создателя» «Оссиана» стал преподобный Фердинандо Уорнер (1703–1768), англичанин по происхождению, опубликовавший 2 февраля 1762 г. «Замечания относительно истории Фингала и других поэм Оссиана»⁵⁸³. Автор был убежден, что поэмы были всего лишь переложением ирландского литературного наследия на шотландский манер. Вслед за Уорнером поэмы Макферсона осудили ирландцы. Историк Чарльз О'Конор (1710–1791) высказал свое мнение о них, опубликовав «Рассуждения об истории Ирландии, к которым добавлено рассуждение об ирландских колониях, основанных в Британии, с некоторыми замечаниями о переводе Фингала и Теморы мистером Макферсоном» 24 марта 1766 г.⁵⁸⁴ Историк видел основную проблему сочинений Макферсона не в подлоге, о чем впоследствии откровенно говорил Джонсон, а в неправильном понимании переводчиком истории. В то же время О'Конор иронически подметил, что бесписьменное общество Хайленда просто не могло сохранить изначальную чистоту «оссиановского гэльского языка, диалекта, удержавшегося от загрязнений только благодаря устной традиции и, к счастью, оберегавшегося от оплошностей переписчиков, создавших бы в течение тысячи лет такие ошиб-

⁵⁸² *Macpherson J. A Dissertation Concerning the Antiquity of the Poems of Ossian the Son of Fingal // Fingal, an Ancient Epic Poem. In Six Books : Together with Several Other Poems, Composed by Ossian the Son of Fingal. Dublin : R. Fitzsimons, 1762. P. iii.*

⁵⁸³ См.: *Warner F. Remarks on the History of Fingal, and other Poems of Ossian. London : H. Payne, W. Cropley, and J. Walter, 1762.*

⁵⁸⁴ См.: *O'Connor Ch. Dissertations on the History of Ireland, to Which is Subjoined a Dissertation on the Irish Colonies Established in Britain with Some Remarks on Mr. MacPherson's Translation of Fingal and Temora. Dublin : G. Faulkner, 1766.*

ки, которые ученый с трудом мог бы исправить»⁵⁸⁵. Данный аргумент стал важным шагом вперед по развенчанию фальсификации поэм Оссиана. Впервые была высказана идея о том, что собиратель поэм, Макферсон, является их автором.

Доктор Джонсон был куда строже к оссиановским творениям, полагая, что написать такие поэмы «могут многие мужчины, многие женщины и многие дети»⁵⁸⁶. Осознавая масштабы литературной мистификации, литератор с презрением смотрел на всех «чувствительных» участников спора о подлинности поэм. Хотя и О'Конор, и Джонсон не доверяли устной традиции, очевидно, что последний оценивал достоинства труда Макферсона намного ниже.

Спор о подлинности поэм разгорелся с новой силой, когда работа шотландского антиквара Джона Макферсона (1710–1765) была опубликована его сыном Джоном Макферсоном (1745–1821) под названием «Критические рассуждения о происхождении, древностях, языке, политическом строе, нравах и религии древних каледонцев, их потомков пиктов и британских, и ирландских шотландцев»⁵⁸⁷. В этом трактате антиквар ругал О'Конора и его единомышленников-антикваров за то, что они осмелились отказать Шотландии в праве называться гэльской родиной. Вдохновившись примером, Джеймс Макферсон, автор «Оссиана», опубликовал «Введение в историю Великобритании и Ирландии»⁵⁸⁸, где подвергались сомнению любые доказательства того, что в Ирландии вообще существовала дохристианская цивилизация.

О'Конор прокомментировал «Критические размышления» Джона Макферсона в работе, опубликованной в качестве предисловия к сочинениям ирландского историка XVII столетия

⁵⁸⁵ *O'Conor Ch. Dissertations on the History of Ireland, to Which is Subjoined a Dissertation on the Irish Colonies Established in Britain with Some Remarks on Mr. MacPherson's Translation of Fingal and Temora. P. 42–43.*

⁵⁸⁶ *Boswell J. Life of Johnson. P. 280.*

⁵⁸⁷ См.: *Macpherson J. Critical Dissertations on the Origin, Antiquities, Language, Government, Manners and Religion, of the Ancient Caledonians, Their Posterity the Picts, and the British and Irish Scots. London : T. Becket and P. A. De Hondt, 1768.*

⁵⁸⁸ См.: *Macpherson J. An Introduction to the History of Great Britain. London : T. Becket and P. A. De Hondt, 1771.*

Родерика О'Флаэрти⁵⁸⁹. О'Конор все так же иронично относился к попыткам шотландцев возвысить свое национальное прошлое. Более того, историк всецело выступил на стороне литературного «диктатора» Англии, написав, что «некоторые наблюдения доктора Джонсона во время его путешествия по Западным островам Шотландии пролили свет на происхождение поэм, приписываемых Оссиану»⁵⁹⁰.

Действительно, с самой яростной критикой на поэмы Оссиана обрушился доктор Джонсон. Он назвал труд Джеймса Макферсона заурядным сочинением «лжеца и очернителя»⁵⁹¹, а литераторов – защитников поэм – шотландцами, для которых «Шотландия дороже правды»⁵⁹². Желая убедиться в правильности своего вердикта в отношении поэм, Джонсон отправился в 1773 г. в путешествие по Хайленду, чтобы собственными глазами взглянуть на потомков древнего барда и описать их.

Свой окончательный вердикт Джонсон вынес в 1775 г. в тексте «Путешествия по Западным островам Шотландии»: «...я полагаю, что мое мнение о поэмах Оссиана уже известно. Я считаю, что они никогда не предстанут перед нами в какой-либо иной форме, кроме как в той, что мы видим сейчас. Редактор, или автор, он никогда не сможет предъявить нам оригинал, как не может показать его кто-либо другой. <...> Было бы легко показать его, если он имелся, но откуда ему взяться? Прошло слишком много времени, чтобы что-то могло дойти до нас в неизменном виде на языке, на котором никогда ничего не записывалось. Без сомнения, он использовал в своих работах распространенные в историях имена легендарных личностей и, возможно, перевел

⁵⁸⁹ *O'Conor Ch. A Dissertation on the Origin and Antiquities of the Ancient Scots of Ireland and Britain // Ogygia Vindicated : Against the Objections of Sir George Mac Kenzie, King's Advocate for Scotland in the Reign of King James II. (A Posthumous Work) by Roderic O' Flaherty, Esq; to which is annexed an Epistle from John Lynch, D.D. to M. Boileau, the Historian of the University of Paris, on the Subject of Scottish Antiquities. With Notes, critical and explanatory, on Mr. O'Flaherty's Text. Dublin : G. Faulkner, 1775. P. 25–48.*

⁵⁹⁰ *Ibid.* P. xiv.

⁵⁹¹ *Saunders B. Life and Letters of J. Macpherson. P. 249.*

⁵⁹² *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 119.*

несколько баллад, если они нашлись. А имена и некоторые ранее запомнившиеся образы позволяют невнимательному слушателю при помощи каледонского фанатизма вообразить, будто он уже слышал эту поэму. <...> Быть невежественными неприятно, но куда более опасно утешать себя опиумом поспешных заблуждений. <...> Если мы мало знаем о древних горцах, давайте не будем заполнять пустоту Оссианом»⁵⁹³.

Таким образом, лексикограф утверждал, что поэмы являются подделкой, поскольку Оссиан был никем иным, как «варваром среди варваров»⁵⁹⁴, а гэльский язык является «грубой речью варварского народа»⁵⁹⁵. Обвинения в подложности «Оссиана» Макферсон воспринял как личное оскорбление, и потому стремился не допустить выхода в свет «Путешествия...» со столь негативной оценкой поэм. Он неоднократно писал издателю сочинения Уильяму Стрэхэну, что, впрочем, не послужило поводом для внесения поправок. Уязвленный Макферсон написал публичное письмо о том, что «возраст и недуги (Джонсона. – Т. К.) – единственное, что защищает от обращения к нему как к бесславному лжецу и очернителю»⁵⁹⁶. На столь дерзостный выпад Джонсон ответил, что считает нужным обращать внимание не на то, что Макферсон говорит, а на то, что он докажет⁵⁹⁷. Подлинные образцы поэм так и не были предоставлены шотландским поэтом, что убеждало Джонсона в истинности его собственных утверждений.

Подводя итог, стоит отметить, что разгоревшаяся во второй половине XVIII в. «оссиановская полемика» стала одним из факторов начала движения за возрождение кельтской культуры, происходившего в условиях формирования национальной идентичности народов Британских островов. Принятие в 1707 г. Акта об унии между Англией и Шотландией положило конец независимости шотландцев. Это травматическое в восприятии жителей Каледонии событие подстегнуло шотландских интеллекту-

⁵⁹³ *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. P. 118–119.*

⁵⁹⁴ *Ibid. P. 116.*

⁵⁹⁵ *Ibid. P. 114.*

⁵⁹⁶ *Saunders B. Life and Letters of J. Macpherson. P. 249.*

⁵⁹⁷ *См.: Boswell J. Life of Johnson. P. 579.*

алов во что бы то ни стало подчеркнуть величие своего народа и сохранить самобытность его культуры.

Таким образом, дискуссия об аутентичности поэм Оссиана переросла в полемику о национальной чести и гордости англичан, ирландцев, валлийцев и шотландцев, а также о роли каждого этноса в составе Британии. Как отмечает К. Кидд, поэмы Макферсона – наиболее яркий пример «этнологической путаницы», позволившей шотландцам гордиться своим кельтским прошлым⁵⁹⁸. Такая интерпретация шотландского прошлого дала возможность продемонстрировать превосходство над ирландской гэльской традицией. Попытка переписать шотландскую историю, принижая ирландскую, привела к ожесточенной полемике британских интеллектуалов и положила начало «битве» окраин Британии за кельтское прошлое.

И все же, несмотря на то, что Дж. Макферсон считается мистификатором, при написании стихов он частично опирался на фольклор Высокогорья. Собранные им в ходе экспедиций по Шотландии отрывки или сюжеты из народных песен и сказаний были им творчески переработаны и представлены в поэмах Оссиана, ставших особым явлением в европейской культуре второй половины XVIII – начала XIX в. Поэтому, вне зависимости от того, подлинны эти поэмы или мнимы, очевидно, что в такой «кельтской окраине» Британии, как Шотландия, во второй половине XVIII в. появился свой «каледонский Гомер», и, может быть, не столь важно, был ли это придуманный Макферсоном Оссиан или сам Макферсон. Именно против существования подобного «каледонского Гомера» выступал доктор Джонсон.

Английские интеллектуалы не были готовы признать равенство англичан и шотландцев в едином государстве. Так, доктор Джонсон был убежден, что шотландцы получили множество преимуществ, присоединившись к Англии, и должны по праву гордиться этим. Подобная точка зрения проявилась как в отрицании достижений шотландских просветителей, так и в готовности сражаться пером против мнимых «поэм Оссиана».

⁵⁹⁸ См.: *Kidd C. British Identities Before Nationalism : Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. P. 200.*

3.3. Кельтские «окраины»:

«нет дороги лучше, чем та, что ведет в Лондон...»

Чем большую популярность приобретали поэмы Оссиана на Британских островах и в Европе, тем ожесточеннее становилась дискуссия о подлинности переводов Джеймса Макферсона. Сэмюэл Джонсон одним из первых заявил о поддельности поэмы, написанных вовсе не гэльским бардом V столетия, а самим Макферсоном. Это может ошибочно привести к мысли о том, что литератор был противником «кельтского возрождения», набравшего силу с середины XVIII столетия. Обращение к образам «кельтских окраин» Британии, таким как Хайленд, Ирландия и Уэльс, нашедшее отражение в корреспонденции, дневниках и сочинениях литератора, позволяет продемонстрировать неоднозначность его взглядов на составные части единой Британии.

На протяжении всего XVIII столетия представления англичан о Хайленде, или Горной Шотландии, претерпели значительные изменения. Эволюция этнических стереотипов англичан была тесно связана с процессом «умиротворения» Хайленда после 1707 г. Этот край, поражающий своей могучей природой, стал популярным направлением вояжей английских путешественников. Наибольший интерес вызывают первые опыты серьезного изучения Хайленда – попытки переосмыслить уже имевшиеся общие представления о жителях гор как «плутоватых, ленивых, хищных горцах»⁵⁹⁹. Речь идет о дневниках путешествий англичан 70-х гг. XVIII в.

Второе кругосветное плавание Джеймса Кука, экспедиция Константина Фиппса к Северному полюсу, исследование Британских островов и Исландии Джозефом Бэнксом – это лишь небольшой перечень путешествий, предпринятых англичанами в 70-е гг. XVIII столетия. Не меньшую известность получил тур еще одного англичанина, а именно поездка по Горной Шотландии 1773 г. С. Джонсона. Дневник вояжа был опубликован под названием «Путешествие по Западным островам Шотландии» в 1775 г., полу-

⁵⁹⁹ *Trevor-Roper H. The Invention of Tradition : The Highland Tradition of Scotland // The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 15.*

чил широкое распространение и дает возможность реконструировать представления литератора о Горной Шотландии.

Горная Шотландия со времен Средневековья представлялась редким путешественникам, посетившим ее, «страной мифов и чудес»⁶⁰⁰. Даже появление подробных описаний горного края в конце XVII – середине XVIII в. не привело к существенному пересмотру образа британской окраины. Доказательством тому служат следующие сочинения: «Описание Западных островов Шотландии» М. Мартина (1703), «Путешествие по всему острову Великобритания» Д. Дефо (1724–1727) и «Письма джентльмена с севера Шотландии» Э. Барта (1724–1728). Хайленд по-прежнему оставался в глазах англичан таинственной «неизвестной землей», с «образом жизни, совершенно отличным от своего собственного»⁶⁰¹. Одним из первых английских первооткрывателей Хайленда стал доктор Джонсон (рис. 7). В 1773 г. он вместе с Дж. Босуэллом совершил вояж в эти земли. «Я желал посетить Гебриды, или Западные острова Шотландии, так давно, что я едва ли вспомню, когда это желание впервые возникло»⁶⁰², – данными словами доктор Джонсон начал дневник путешествия. Как писал Босуэлл, его и Джонсона на поездку вдохновило сочинение шотландца М. Мартина⁶⁰³. Их путешествие в Горную Шотландию длилось с августа по ноябрь 1773 г. Практически одновременно с Джонсоном Хайленд посетили валлийский натуралист Томас Пеннант в 1769 и 1772 гг., и английская писательница Мэри Энн Хэнзуэй в 1776 г.

Литератор прибыл в Эдинбург 14 августа 1773 г. Этот день следует считать началом путешествия. Маршрут пролегал по Юго-Западной Шотландии. 28 августа Джонсон и Босуэлл прибыли в Форт-Джордж, первую крепость на территории Горной Шотландии. Джонсон описывает дорогу в Хайленд следующим образом: «...от берега Твида до Сент-Эндрюса я ни разу

⁶⁰⁰ *Rackwitz M.* Travels to terra incognita : The Scottish Highlands and Hebrides in early modern travelers' accounts c. 1600–1800. New York ; München ; Berlin : Waxmann, 2007. P. 17.

⁶⁰¹ *Boswell J.* The Journal of a Tour to the Hebrides with Samuel Johnson. P. 1.

⁶⁰² *Johnson S.* A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 2.

⁶⁰³ *Boswell J.* The Journal of a Tour to the Hebrides with Samuel Johnson. P. 1.

Dr JOHNSON in his Travelling Dress as described in BOSWELL'S TOUR.

The Dr^r reply to MR L on the loss of his Oak Stick in the Hebrides.

No, no, my Friend it is not to be expected that any Man in Mail who has got it will part with it, Consider the value of such a piece of Timber Here!"

Page 7. 2

Рис. 7. Доктор Джонсон в дорожном костюме. Художник – Томас Троттер (1786).

National Portrait Gallery, London. Лицензия № 53478 от 18.02.2022 г.

не увидел дерево, которое, я был бы уверен, выросло не в нынешнем веке»⁶⁰⁴. «Дерево – такая же редкость в Шотландии, как и лошадь в Венеции»⁶⁰⁵, – с иронией подмечает он. Чем дальше Джонсон и Босуэлл продвигались на север, тем более литератора поражала «оголенность» страны и обширные просторы бесплодных земель. При этом он не без иронии подмечает преимущества поездки по Шотландии: «Ночь и день мы проводили в одинаковом уединении и одинаковой безопасности, ибо там, где так мало путешественников, откуда взяться грабителям»⁶⁰⁶. Английская путешественница Мэри Хэнуэй, описывая путь, напротив, обращала внимание на горный ландшафт: «Дорога простиралась в долине между настолько безмерными горами, что их черные и оголенные вершины были намного выше облаков»⁶⁰⁷.

Прибыв 2 сентября 1773 г. на остров Скай, Джонсон делает в дневнике такое пояснение: «Под наименованием “хайлендеры” понимаются в Шотландии все, кто говорит на гэльском языке и сохраняет примитивные обычаи, проживая в горах или на островах»⁶⁰⁸. Литературный «диктатор» Англии с разочарованием отмечает упадок их жизненного уклада. «Немного прошло времени с тех пор, когда кланы не знали никакого закона, кроме воли лэрда»⁶⁰⁹, – пишет Джонсон. Однако после 1745 г. «кланы едва сохраняют свой оригинальный характер, их жестокий нрав смягчен, их военный пыл погашен, их независимость подавлена, их презрение к правительству приглушено, их благоговение перед вождями ослаблено. Из всего, что они имели до завоевания их страны, остаются лишь их язык и бедность»⁶¹⁰. Таким образом, доктор Джонсон и мистер Босуэлл сочли, что встретились с обществом, выходящим из состояния варварства. Как отме-

⁶⁰⁴ *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 9.*

⁶⁰⁵ *Ibid. P. 10.*

⁶⁰⁶ *Ibid. P. 13.*

⁶⁰⁷ *Hanway M. A. A Journey to the Highlands of Scotland : with occasional remarks on Dr. Johnson's Tour. London : Fielding and Walker, 1777. P. 64.*

⁶⁰⁸ *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 50.*

⁶⁰⁹ *Ibid. P. 86.*

⁶¹⁰ *Ibid. P. 57.*

чает исследователь Т. Керли, Джонсон относится к горцам так, словно «они были эскимосами, сибирскими кочевниками, американскими индейцами и тихоокеанскими дикарями»⁶¹¹.

После 1745–1746 гг. одной из первоочередных задач для британского правительства были «улучшения» в Горной Шотландии, направленные на окончательное решение проблемы устранения угрозы мятежа и иностранного вторжения, что нашло отражение как в интеллектуальной колонизации Хайленда, так и в политических и экономических преобразованиях на севере Британии⁶¹². Джонсон стал свидетелем последствий этих процессов для Горной Шотландии.

По сути, литератор застал процесс трансформации клановой системы Хайленда⁶¹³. Стремясь «как можно тщательнее задокументировать пережитки клановой культуры»⁶¹⁴, он фактически застал ее распад. Изменения отношений внутри клана были связаны с превращением лэрда из главы клана в держателя земли. Политика «умиротворения» привела вождей кланов к мысли, что в таксменах (арендаторах клановой земли, получавших право распоряжаться ей в обмен на обязанность военной службы или лояльности), как военной прослойке, больше нет необходимости⁶¹⁵. Вследствие этого был ликвидирован институт таксменов и начинаются прямые контакты между лэрдами и крестьянами-арендаторами. Однако лэрды, пытаясь «встроиться» в новую систему товарно-денежных отношений, превратились из «патриархальных правителей в алчных землевладельцев»⁶¹⁶. Стремясь получить наибольшую прибыль, они повышали арендную плату, что вызывало недовольство прежних мелких арендаторов, не способных оплачивать новые налоги.

⁶¹¹ *Curley Th. Samuel Johnson and the Age of Travel. P. 184.*

⁶¹² *Малкин С. Г. Лаборатория империи : мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения. М. : Нов. лит. обозрение, 2016. С. 556.*

⁶¹³ *Апрыщенко В. Ю. Клановая система горной Шотландии : традиции и модернизация. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 2006. С. 86.*

⁶¹⁴ *Curley Th. Samuel Johnson and the Age of Travel. P. 207.*

⁶¹⁵ *См.: Апрыщенко В. Ю. Клановая система горной Шотландии : традиции и модернизация. С. 76.*

⁶¹⁶ *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 89.*

Плачевным итогом «умиротворения» горного края стало массовое выселение хайлендеров, не нашедших себе места в новом общественном устройстве⁶¹⁷. Кроме того, доктор Джонсон оказался свидетелем безуспешных попыток кланов встроиться в новую систему. Он пишет: «Я с грустью наблюдал, как лэрд очень древнего рода, владелец острова по закону, должен был продать его для удовлетворения кредиторов»⁶¹⁸.

Как отмечает австралийский исследователь Э. Ричардс, дневник путешествия Джонсона отличают «трезвые суждения о размывании культуры горцев, нелояльности лэрдов и таксменов, миграционной лихорадке» в среде жителей Хайленда⁶¹⁹. Т. Керли также разделяет мнение о проницательности Джонсона, обеспокоенного будущим горного края⁶²⁰. «Острова, однажды обезлюдившие, навсегда останутся пустынями»⁶²¹, – с тревогой отмечает автор «Путешествия...». Политика «умиротворения» Хайленда делала жизнь горцев невыносимой, прозябание вынуждало их отправляться в Америку. Цифры говорят сами за себя: около 20–25 тыс. горцев покинули Хайленд в течение 1763–1777 гг.⁶²², в то время как население всей Горной Шотландии составляло на 1755 г. около 194 тыс. человек⁶²³.

Прямым следствием политики «приобщения» Хайленда к цивилизации стало появление в горном крае приходских школ, упоминание о которых встречается в «Путешествии...» Джонсона. К примеру, на острове Скай имелись две грамматические школы. В них учили читать на английском языке –

⁶¹⁷ См.: *Houston R. A., White I. D.* Scottish Society, 1500–1800. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. P. 152.

⁶¹⁸ *Johnson S.* A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 85.

⁶¹⁹ *Richards E.* Debating the Highland Clearances. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2007. P. 9–10.

⁶²⁰ См.: *Curley Th.* Samuel Johnson and the Age of Travel. P. 202.

⁶²¹ *Johnson S.* A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 96.

⁶²² См.: *Bumpsted J. M.* The People's Clearance : Highland Emigration to British North America, 1770–1815. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1982. P. 9.

⁶²³ *Withers Ch. W. J.* Gaelic Scotland : The Transformation of a Culture Region. New York : Routledge, 2015. P. 178.

языке, который на островах «никто не использует и не понимает»⁶²⁴, а обучение на родном языке не было предусмотрено. Лишь молодой джентльмен, обучающийся в Абердине, по возвращении за небольшую плату мог учить читать и писать на гэльском языке. Образование юных девиц, как правило, было домашним, поскольку единственная школа-интернат располагалась в Инвернесе.

Подобно этнографу, доктор Джонсон стремился записывать мельчайшие подробности повседневной жизни горцев. Посетив дом на берегу озера Лох-Несс, он с интересом рассказывает о жилище горцев: «Хижина сложена из камней, тяготеющих своими очертаниями к округлости, <...> камни не скреплены цементом; а вода спокойно уходит в почву, потому что полом служит голая земля. <...> Света внутри нет, поскольку нет окон, а дырка в вереске служит для отвода дыма из очага, <...> дым, вполне естественно, сперва заполняет весь дом, а уже потом выходит наружу»⁶²⁵.

Кроме того, в «Путешествии...» встречаются описания жилья знатных семей Хайленда. К примеру, в дневнике путешественника изображен дом клана Маклаудов на острове Скай: «Дом, являющийся основным местом пребывания Маклаудов, является частично старым и частично современным; он построен на скале и смотрит на воду»⁶²⁶. Неподалеку от дома располагаются руины замка, предположительно бывшей норвежской крепости. На протяжении многих веков жители Гебридских островов жили в постоянном ожидании военных вторжений. Дом главы клана был долгое время окружен крепостью, и вход в дом был доступен исключительно по воде. Только последний представитель клана открыл проход из замка по лестнице на землю, поскольку вторжение извне почти не грозило Маклаудам.

Небезынтересны обращения доктора Джонсона к рациону питания жителей Хайленда. В частности, литератор отмечает,

⁶²⁴ *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 103.*

⁶²⁵ *Ibid. P. 32.*

⁶²⁶ *Ibid. P. 68.*

что «обед на западных островах мало чем отличается от обеда в Англии»⁶²⁷. Тем не менее, еда небогатого горца имеет свои особенности: хлеб печется из овса и ячменя, популярны «лепешки из овсяной муки, грубые и жесткие»⁶²⁸. По сути, Джонсон подтвердил данное им еще в Словаре английского языка 1755 г. определение: «овес – зерно, которым обычно в Англии кормят лошадей, а в Шотландии – людей»⁶²⁹. Другой путешественник, Томас Пеннант, также сообщает читателю, что жители Гебридских островов в основном питаются картофелем и хлебом, изготовленным из овсяной муки⁶³⁰. Это подтверждается современными исследованиями. Как отмечают Р. Хьюстон и И. Уайт, специалисты по истории шотландского общества Нового времени, в рационе горцев преобладала «овсяная мука, завозимая из равнинной Шотландии и Ирландии, дополняемая в значительной степени блюдами из рыбы и моллюсков и постепенно, после 1750 г., картофелем»⁶³¹.

Обращение к дневнику путешествия доктора Джонсона также позволяет реконструировать общие представления англичан о жителях Хайленда. В частности, среди путешественников были широко распространены представления о любопытности, общительности и гостеприимности горцев⁶³². Подтверждение этому встречается и на страницах «Путешествия...». Джонсон отмечает гостеприимство и любопытство жителей Горной Шотландии, а вежливость считает «чертой национального характера горцев»⁶³³. После прибытия в тот или иной населенный пункт Джонсон и Босуэлл постоянно находились в окружении местных жителей, надеявшихся получить табак и узнать новости. Заглянув в дом, расположенный вблизи озера Лох-Несс, путешественники

⁶²⁷ Ibid. P. 56.

⁶²⁸ Ibid. P. 55.

⁶²⁹ Johnson S. Dictionary of the English Language... Vol. 2. P. 1382.

⁶³⁰ См.: Pennant T. A Tour in Scotland. London : B. White, 1776. P. 121.

⁶³¹ Houston R. A., White I. D. Scottish Society, 1500–1800. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. P. 75.

⁶³² Rackwitz M. Travels to terra incognita : The Scottish Highlands and Hebrides in early modern travelers' accounts c. 1600–1800. P. 473.

⁶³³ Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 29.

были удивлены, с каким радушием пожилая женщина встретила незваных гостей, и «с истинным пастушеским гостеприимством она предложила нам присесть и выпить виски»⁶³⁴. Кроме того, по мнению Джонсона, «качеством самого высокого достоинства» для горцев «является личная храбрость», выражающаяся в драчливости и вспыльчивости. Литератор отмечает, что до принятия Акта о разоружении 1746 г. каждую процессию или церемонию сопровождала толпа мальчишек, ожидавших столкновения между мужчинами, прежде чем толпа разоидется⁶³⁵.

К общему портрету горца Джонсон добавляет пристрастие к алкоголю и табаку. Мужчины, «как только просыпаются утром, глотают стакан виски»⁶³⁶, – пишет Джонсон. Очевидно, что о пристрастии горцев к табакокурению литератор был наслышан еще на равнинах. Так, на пути вперед 30 августа 1773 г. в Форте-Огустус они с Босуэллом закупили табак для горцев, способных оказать им какую-либо услугу в горах или на островах.

В «Путешествии...» отмечается религиозность шотландцев, которые каждое воскресенье проходят восемь английских миль ради церковной службы⁶³⁷. Тем не менее, среди горцев по-прежнему распространены обожествление сил природы и вера в ясновидение, а также популярны амулеты для лечения различных недугов. В то же время литератор отмечает: «различные виды суеверий, господствовавшие здесь, как и в других невежественных регионах, усердием священников почти искоренены»⁶³⁸.

Еще одну примечательную особенность жителей Хайленда отмечает Джонсон: женщины и дети ходят босиком. Так, литератору рассказали в Абердине, что только от солдат Кромвеля шотландцы узнали, как изготавливать обувь и выращивать капусту. Находясь в Инвернесе 28–29 августа 1773 г., литератор с иронией отмечал: «как они жили без капусты, не так легко догадаться»,

⁶³⁴ *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 22.*

⁶³⁵ *Ibid. P. 46.*

⁶³⁶ *Ibid. P. 55.*

⁶³⁷ *См.: Ibid. P. 33.*

⁶³⁸ *Ibid. P. 106.*

однако «число тех, кто ходит босиком, по-прежнему достаточно <...>. На островах даже сыновья джентльменов ходят первые годы своей жизни босиком»⁶³⁹. Миссис Хэнуэй также отмечает, что для жительницы Хайленда «наибольшим наказанием будет принуждение носить обувь»⁶⁴⁰.

В результате принятия Акта о разоружении 1746 г. волынки были запрещены как «оружие войны»⁶⁴¹. И, тем не менее, в дневнике путешественника встречаются упоминания об этих сохранившихся элементах гэльской культуры. «Мы отдыхали, в соответствии с древними обычаями Севера, под мелодию волынки»⁶⁴², – отмечает Джонсон на страницах дневника. Литератор с симпатией отзывается об обычаях горцев: «...после ужина дамы пели гэльские песни, которые я слушал, как слушает английская публика итальянскую оперу, в восторге от звуков непонятных для меня слов»⁶⁴³. Однако не всем англичанам нравилось звучание волынки. К примеру, миссис Хэнуэй с негодованием писала: «Они по-прежнему сохранили обычай слушать волынщиков на протяжении всего ужина <...>, для меня это было убийственнее повизгивания свиней, уханья сов и мяуканья кошек»⁶⁴⁴. Таким образом, дневник путешествия свидетельствует о том, что волынка в 70-е гг. XVIII в. была в ходу, несмотря на запреты.

Вопреки стремлению беспристрастно описывать жизненный уклад шотландцев, Джонсон постоянно подчеркивает пользу контактов северных соседей с англичанами. Так, даже Оливер Кромвель, о котором литератор никогда не был высокого мнения, выглядел спасителем шотландцев. «То, что римляне сделали для других народов, то в значительной степени сделано Кромвелем для шотландцев, завоевывая, он дал им цивилизацию и путем на-

⁶³⁹ Ibid. P. 28.

⁶⁴⁰ *Hanway M. A. A Journey to the Highlands of Scotland : with occasional remarks on Dr. Johnson's Tour.* P. 10.

⁶⁴¹ *Апрыщенко В. Ю. Клановая система горной Шотландии : традиции и модернизация.* С. 217.

⁶⁴² *Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson.* Vol. 9. P. 49.

⁶⁴³ Ibid. P. 59.

⁶⁴⁴ *Hanway M. A. A Journey to the Highlands of Scotland : with occasional remarks on Dr. Johnson's Tour.* P. 132.

силія научил искусству мира»⁶⁴⁵, – считал автор «Путешествия». Таким образом, литератор остался убежден, что жители Хайленда – это «народ, едва вышедший из состояния варварства»⁶⁴⁶ и ступивший на путь цивилизации благодаря англичанам.

Тур доктора Джонсона по Шотландии завершился 9 ноября 1773 г. возвращением в Эдинбург, откуда литератор отправился обратно в Англию. Таким образом, «Путешествие по Западным островам Шотландии» С. Джонсона дает возможность реконструировать представления английского путешественника о Горной Шотландии и ее жителях в эпоху «умиротворения» британской окраины. Доктор Джонсон был убежден в превосходстве англичан над жителями Хайленда. В то же время путевые заметки демонстрируют стремление путешественника скрупулезно описать быт и нравы жителей Хайленда, зафиксировать специфику уклада жизни горцев, столь непохожих на англичан. Так, путевые заметки позволяют проследить процесс модернизации Хайленда и «приобщения» горцев к «цивилизации», которую можно понимать как англизацию. Немаловажно и то, что записки путешественника дают возможность выявить устоявшиеся представления о жителях Горной Шотландии как о гостеприимных и любознательных людях, отмеченных личной храбростью, пристрастием к табаку и виски, привычкой ходить босиком и играть на волынке.

Меньше чем через год после путешествия по Гебридским островам литератор вновь отправляется в тур «за поиском кельтских древностей»⁶⁴⁷, на этот раз в Северный Уэльс, в компании Генри Трейла и его семейства. Поводом к поездке стало желание миссис Эстер Трейл навестить родственников в Денбишире и место своего рождения в Карнарвоншире.

Путешествие в Уэльс началось 5 июля 1774 г., когда компания покинула дом семейства Трейлов в Стритэм Парк⁶⁴⁸. Путешествен-

⁶⁴⁵ Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. P. 27.

⁶⁴⁶ Clark J. C. D. Samuel Johnson : Literature, Religion and the English Cultural Politics from the Restoration to Romanticism. P. 220.

⁶⁴⁷ Hudson N. Samuel Johnson and the Making of Modern England. P. 163.

⁶⁴⁸ Johnson S. Subsection of Annals, 1774 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 1. Diaries, Prayers and Annals / ed. by E. L. McAdam. New Haven ; London : Yale University Press, 1958. P. 163.

ники отправились на северо-запад страны через графства Стаффордшир, Дербишир и Чешир и 28 июля прибыли в Денбишир. Тур по Уэльсу обернулся для Джонсона разочарованием. Рассчитывая лицезреть «новую часть острова», литератор увидел территорию, «столь мало отличающуюся от Англии, что она ничем не может удивить путешественника»⁶⁴⁹. В письме к своему другу Джону Тайлеру (1711–1788) он с неудовольствием писал: «Уэльс не имеет ничего, что могло сильно взволновать или удовлетворить любознательность. Образ жизни полностью английский»⁶⁵⁰. Пожалуй, именно поэтому валлийский дневник Джонсона не столь информативен, как его путевые заметки по Горной Шотландии.

Первое, на что он обращает внимание при путешествии по Уэльсу – то, насколько часто используется валлийский язык в повседневном общении местных жителей. Так, по свидетельствам Джонсона, в приходской церкви города Денби «воскресная служба ведется трижды, лишь вторая служба проводится на английском, первая и третья – на валлийском»⁶⁵¹. Хотя литератор то и дело пишет о валлийцах, продолжающих говорить на родном языке, он отмечает их немногочисленность. Однако он ошибался: по подсчетам современных исследователей, почти 90 % населения Уэльса в середине XVIII столетия говорило на валлийском⁶⁵². Причиной искажения представлений литератора о распространенности валлийского языка можно считать тот факт, что литературный «диктатор» Англии гостил и посещал с визитом дома «англизированных» валлийцев, занимающих наиболее высокое положение в обществе. Поэтому, описывая встречу, произошедшую 5 августа 1774 г. у мистера Миддлтона из местечка Гуэниног (англ. *Gwynnog*), Джонсон писал: «После ужина зашла речь о сохранении валлийского языка. Я предложил свой план»⁶⁵³.

⁶⁴⁹ Johnson S. Letter to James Boswell, 1 October 1774 // Letters of Samuel Johnson. Vol. 2. 1773–1776 / ed. by B. Redford. Oxford : Clarendon Press, 1992. P. 149.

⁶⁵⁰ Johnson S. Letter to John Taylor, 20 October 1774 // Letters of Samuel Johnson. Vol. 2. 1773–1776 / ed. by B. Redford. P. 151.

⁶⁵¹ Johnson S. Subsection of Annals, 1774. P. 182.

⁶⁵² The Remaking of Modern Wales / ed. by T. Herbert, G. E. Jones. Cardiff : University of Wales Press, 1988. P. 6.

⁶⁵³ Johnson S. Subsection of Annals, 1774. P. 190.

Очевидно, что, по мнению Джонсона, валлийская литература нуждалась в поддержке и распространении. Ранее он пытался оказать ей посильную помощь, выступив подписчиком на издание «Достижений бардов Уэльса» (валл. *Gorchestion Beirdd Cymru*), антологии валлийской поэзии XIV–XV вв., изданной в Шрусбери в 1773 г.⁶⁵⁴ Однако литератор никак не упоминает достижения валлийских антикваров и лексикографов по сохранению и изучению валлийского языка. Так, одним из наиболее ярких представителей антикварного движения в Уэльсе был лексикограф и собиратель древностей Эдвард Ллуйд (1660–1709). Именно он стал отцом-основателем практики изучения кельтских языков⁶⁵⁵.

В то же время в дневнике практически не встречаются описания особенностей быта и культуры валлийцев, поскольку Джонсон не видел существенной разницы между Англией и Уэльсом. Он то и дело отмечал, что «в этой стране полно весьма красивых домов»⁶⁵⁶ или, напротив, называл Абергеле «посредственным городом»⁶⁵⁷, а некоторые церкви – «жалкими и заброшенными»⁶⁵⁸. Особого интереса литератора удостоены лишь замки Уэльса. Посетив Карнарвон, он охарактеризовал его как «здание огромной величины и силы»⁶⁵⁹: «Осмотр этого места требует много времени. Я и не думал, что существовали такие здания. Это превзошло мои ожидания»⁶⁶⁰. С аналогичным восторгом о замке отзывалась и миссис Трейл, писавшая в своем дневнике, что замок «затмил все наши мысли и отвечал всем нашим чаяниям»⁶⁶¹. Однако сами валлийцы описывали замок

⁶⁵⁴ Parry J. J. Doctor Johnson's Interest in Welsh // *Modern Languages Notes*. 1921. Vol. 36, Nr 6. P. 374–375.

⁶⁵⁵ Высокова В. В. Национальная история в британской традиции исторического писания эпохи Просвещения. С. 227.

⁶⁵⁶ Johnson S. Subsection of Annals, 1774. P. 189.

⁶⁵⁷ Ibid. P. 198.

⁶⁵⁸ Ibid. P. 206.

⁶⁵⁹ Ibid. P. 203.

⁶⁶⁰ Ibid. P. 204.

⁶⁶¹ Mrs. Thrale's Unpublished Journal of her Tour in Wales with Dr. Johnson // *Doctor Johnson and Mrs. Thrale* / ed. by A. M. Broadley. London ; New York : John Lane, 1995. P. 198.

совсем иначе. К примеру, уже упомянутый нами валлийский натуралист и путешественник Томас Пеннант в «Путешествии в Уэльс» 1778 г. описывал Карварнон «как огромный и великолепный символ валлийского рабства»⁶⁶².

Валлийский тур не оправдал надежд доктора Джонсона. Проблемы со здоровьем, то и дело возникавшие в пути, не оставили ему достаточно времени, чтобы успеть познакомиться с валлийской историей и культурой. Напротив, он чувствовал себя оставленным без внимания «невоспитанными местными жителями»⁶⁶³, не столь радушными и гостеприимными, как те же шотландские горцы. Как отмечал Босуэлл, «тур в Уэльс... не стал поводом к такой тренировке его (Джонсона. – Т. К.) ума, как это было во время нашего тура на Гебриды», однако Джонсон отметил, что «любой из замков Уэльса вместил бы все замки, которые он увидел в Шотландии»⁶⁶⁴.

Дневник литератора свидетельствует о незначительности различий между валлийцами и англичанами в XVIII столетии. В путевых заметках едва ли можно отыскать какие-либо характеристики валлийцев, отличающие их от восточных соседей. Современные исследования подтверждают это. Так, П. Лэнгфорд пишет, что отношения англичан с валлийцами были достаточно «вежливыми», поскольку «нашествия» из Уэльса на восток, в Англию, «казались наиболее безвинными»⁶⁶⁵. Миграции валлийцев в Лондон в XVIII в. были не столь заметны для английского общества, в особенности потому, что «валлийцы выглядели менее угрожающе в сравнении с многочисленными и агрессивно настроенными шотландцами»⁶⁶⁶. Поэтому присутствие валлийцев в Лондоне казалось само собой разумеющимся и не вызывало особенного раздражения. К примеру, валлийское происхождение миссис Трейл никак не помешало ей собрать вокруг себя круг

⁶⁶² Цит. по: *Шестакова Н. Ф.* «Охота за прошлым»: историческая память Уэльса на рубеже XVIII–XIX вв. и изобретение традиций и символов // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 302.

⁶⁶³ *Curley Th.* Samuel Johnson, and the Age of Travel. P. 97.

⁶⁶⁴ *Boswell J.* Life of Johnson. P. 568.

⁶⁶⁵ *Langford P.* A Polite and Commercial People: England 1727–1783. P. 324.

⁶⁶⁶ *Colley L.* Britons: Forging the Nation. P. 13.

видных английских интеллектуалов, в то время как ирландские корни Эдмунда Берка, хоть и не воспрепятствовали карьерному взлету политика, но дали английской прессе повод прозвать его «Эдмундом Простоквашей» (англ. *Edmund Bonnyclubber*) из-за провинциального ирландского акцента⁶⁶⁷.

Иначе складывались взаимоотношения англичан и ирландцев. Путь любого ирландца в Англии был тернист, в первую очередь из-за антикатолических настроений большинства англичан. Джонсон жил в эпоху, когда жители Ирландии болезненно переосмысливали свою национальную идентичность. Договор в Лимерике 1691 г. подтвердил примат Церкви Ирландии, подавив «католическое большинство ирландских подданных серьезными религиозными и гражданскими ограничениями»⁶⁶⁸. Для англичан эти подданные составляли невидимый низший класс без прав и достоинств. Ирландцы были столь незначительной частью британского истеблишмента, что ведущий профессор права, сэр Уильям Блэкстон (1723–1780), едва упоминал о них в классическом сочинении «Комментарии к законам Англии»: «Жители Ирландии, по большей части, произошли от англичан, которые заселили (Ирландию. – Т. К.) как некую колонию после ее завоевания королем Генрихом II»⁶⁶⁹.

Распространенный стереотип «об ирландской дикости, неопрятности и невежестве, которым жалили ирландцев для утверждения собственного британского превосходства»⁶⁷⁰, не влиял на мнение Джонсона. Напротив, он выступал против негативных оценок жителей Ирландии, страдающих от угнетения. В его представлении британская власть в Ирландии олицетворяла жестокость и несправедливость: «Пусть власть английского правительства лучше погибнет, чем будет поддерживать это беззаконие... Лучше... повесить или утопить

⁶⁶⁷ *Langford P.* A Polite and Commercial People : England 1727–1783. P. 326.

⁶⁶⁸ *Curley Th.* Samuel Johnson, Ossian Fraud, and the Celtic Revival in Great Britain and Ireland. P. 128.

⁶⁶⁹ *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England : in 4 Vol. Oxford : Clarendon Press, 1769. Vol. 4. P. 100.

⁶⁷⁰ *Curley Th.* Samuel Johnson, Ossian Fraud, and the Celtic Revival in Great Britain and Ireland. P. 129.

людей, чем морить их голодом и нищетой»⁶⁷¹. То, что другие называли особым статусом Ирландии, приводило литератора в ярость: «...ирландцы находятся в наиболее неестественном положении; ибо мы видим здесь, как меньшинство господствует над большинством»⁶⁷². Даже в беседах с Босуэллом Джонсон не считал нужным шутить над ирландцами, видимо, не находил ничего смешного в том, что католическое большинство Ирландии подчинялось британским законам, не имея никаких прав британских подданных. По свидетельству Босуэлла, однажды в разговоре с ирландским гостем, спросившим о возможности заключения унии между Британией и Ирландией, Джонсон ответил: «Сэр, не заключайте с нами унию. Нам следует объединиться с вами, только чтобы грабить вас. Нам следовало бы грабить шотландцев, если бы они имели хоть что-нибудь, что мы могли бы отнять у них»⁶⁷³.

И все же Ирландия казалась слишком бедной в сравнении с процветающей Англией для того, чтобы Джонсон, несмотря на всю свою тягу к путешествиям, захотел бы туда отправиться. В 1750-е гг. он даже раздумывал поехать в Исландию, чтобы сопровождать туда жену Кристофера Смарта, помогая тем самым ей бежать от тоскливой жизни в Дублине: «Я не удивлен, услышав, что Вы не в восторге от Ирландии. Для того, кто прожил столько лет в удовольствиях и роскоши Лондона, найдется едва ли несколько мест, где он мог бы получить больше отрады. <...> Дублин, хотя место намного хуже Лондона, не так уж плох, как Исландия»⁶⁷⁴.

Когда бы Босуэлл не упоминал о сравнениях, сделанных Джонсоном между Шотландией и Ирландией, преимущество всегда оставалось за ирландцами. Казалось, что ирландцы и шотландцы были для Джонсона «абсолютно разными нациями, без какого-либо общего этнического прошлого»⁶⁷⁵. Даже

⁶⁷¹ *Boswell J.* Life of Johnson. P. 439.

⁶⁷² *Ibid.* P. 544.

⁶⁷³ *Ibid.* P. 1038.

⁶⁷⁴ *Johnson S.* Letter to Anna Maria Smart, late 1758 // *Letters of Samuel Johnson.* Vol. 1. 1731–1772 / ed. by B. Redford. P. 170.

⁶⁷⁵ *Brunstörn C.* «No Worth Going to See»: The Place of Ireland in Samuel Johnson's Imagination // *Eighteenth-Century Ireland.* 2001. Nr 16. P. 75.

известное выражение – «ирландцы очень честный народ, они никогда не говорят хорошо друг о друге»⁶⁷⁶ – было произнесено в ответ на осуждение шотландцев, которые предпочитают скорее славное шотландское прошлое в виде поэм Оссиана, чем правду о поддельности поэм. Литератор, всегда скупой на похвалы другим народам, хвалил ирландцев, поскольку «они не находятся в заговоре с целью обмануть мир ложными представлениями о достоинствах своих соотечественников»⁶⁷⁷.

Интерес к ирландской истории возник у литератора еще до начала оссиановской полемики. Важную роль в поддержании этого внимания к ирландскому языку и истории, пожалуй, сыграл книготорговец и издатель ирландского происхождения Джордж Фолкнер (1703–1775), первым опубликовавший полное собрание трудов Свифта. Фолкнер всегда был готов защищать интересы своей страны. Так, он убедил Джонсона, что Англия опустошила ирландскую казну на 50 тыс. фунтов за последние полвека. «Но как, сэръ! – проговорил Джонсон, – Откуда... берутся эти деньги?», на что Фолкнер ответил: «...из крови и пота бедных людей Ирландии!»⁶⁷⁸

На одной из встреч двух друзей зимой 1757 г. Фолкнер сообщил литератору об известном католическом ирландском интеллектуале Чарльзе О'Коноре (1710–1791) из Белланагэра. Впоследствии О'Конор оказался для Джонсона единственным знакомым ирландским католиком, возглавившим ирландскую гальскую оппозицию Макферсону и его «Оссиану». В один из зимних вечеров Фолкнер передал литературному «диктатору» Англии экземпляр трактата О'Конора «Рассуждения о древней истории Ирландии, в котором излагается происхождение, политический строй, литература, науки, религия, нравы и обычаи древних жителей»⁶⁷⁹.

⁶⁷⁶ *Boswell J. Life of Johnson. P. 586.*

⁶⁷⁷ *Ibidem.*

⁶⁷⁸ *Boswell J. The Life of Samuel Johnson, LL. D. London : J. Murray, 1835. Vol. 4. P. 36.*

⁶⁷⁹ См.: *O'Conor Ch. Dissertations on the Ancient History of Ireland Wherein an Account is Given of the Origin, Government, Letters, Sciences, Religion, Manners and Customs, of the Ancient Inhabitants. Dublin : J. Hoey, 1753.*

«Рассуждения» О'Конора представляли собой скорее лекцию эссе, чем хронологически последовательный исторический нарратив. Намерением историка была реабилитация образа Ирландии с помощью концепции славного дохристианского прошлого, разрушенного внешней английской агрессией и внутриплеменной войной. Его работа содержала множество домыслов, «анахронизмов, наивности, беспорядка и неточностей», а исследование ранней гэльской истории, как отмечает историк Т. Керли, превратилось в грубую идеализацию⁶⁸⁰. В то время как Макферсон описывал «благородных дикарей» в «Оссиане», О'Конор занял противоположную позицию и писал о процветающем обществе древних гэлов.

После прочтения книги 9 апреля 1757 г. Джонсон написал О'Конору восторженное письмо с увещеваниями продолжать исследования о литературе и языке Ирландии. Письмо литератора стало манифестом кельтских исследований в Ирландии. «Я уже давно желал, – писал Джонсон, – чтобы ирландская литература развивалась. Однажды Ирландия уже была известна своей традицией быть местом благочестия и учености; и, конечно, это было бы желанно для тех, кто интересуется происхождением наций, или родством языков, узнать о прогрессе людей столь древних и когда-то столь прославленных. Связь между валлийским и ирландским языками <...> требует изучения. Эти провинциальные и нераспространенные языки редко случается, что может понять любой человек и поэтому редко бывает, что эти сравнения могут быть сделаны. Я надеюсь, что Вы продолжите изучать эту область знаний, которая долгое время была позабыта»⁶⁸¹.

Джонсон просил О'Конора написать историю благочестивого и просвещенного периода в истории Ирландии, когда произошло крещение ирландцев св. Патриком. Когда Фолкнер отправил хвалебный ответ Джонсона на «Рассуждения», О'Конор с восторгом принял новость о возможности переписки со знаме-

⁶⁸⁰ *Curley Th.* Samuel Johnson, Ossian Fraud, and the Celtic Revival in Great Britain and Ireland. P. 137.

⁶⁸¹ *Johnson S.* Letter to Charles O'Conor, 9 April 1757 // *Letters of Samuel Johnson* Vol. 1. 1731–1772 / ed. by B. Redford. P. 151–152.

нитым английским литератором. Об этом свидетельствует письмо историка Фолкнеру от 4 мая 1757 г., где он с благодарностью пишет о подобном подарке судьбы: «Общение с такими (как доктор Джонсон. – Т. К.) людьми составляет одно из наиболее приятных обстоятельств частной жизни... Я буду просить позволения, милостивый государь, побеспокоить Вас в ближайшее время пересылкой письма г-ну Джонсону. В этот день меня целиком поглотили мысли о собственном счастье»⁶⁸².

К сожалению, письмо О'Конора к Джонсону не сохранилось. О'Конор рассчитывал вовлечь Джонсона в борьбу за права ирландских католиков, полагая, что голос литератора будет услышан англичанами⁶⁸³. Как сообщают издатели писем О'Конора, есть основания предполагать, что в письме Джонсону интеллектуал из Белланагэра высказал просьбу написать памфлеты в защиту поправленных прав ирландцев и предлагал за это 50 гиней⁶⁸⁴. В какой-то степени следствием переписки двух интеллектуалов стало то, что в Ирландии распространились слухи о сердечном сочувствии Джонсона к судьбе угнетаемых ирландских католиков.

Однако никакого ответа от Джонсона не было получено, что вполне объяснимо. В конце 1750-х гг. у литератора по-прежнему не было финансовой независимости, поэтому он был вынужден продолжать заниматься литературной поденщиной и не был готов рискнуть именем в защиту ирландцев. Мы не знаем, насколько ирландский историк был огорчен отсутствием ответа от Джонсона. Конечно, в его глазах, прекрасное письмо Джонсона с выражением всяческой поддержки исследований Ирландии уже было наградой. Как отмечает историк Т. Керли, «купаясь в лучах похвалы от Джонсона, О'Конор стал считать себя учеником великого писателя и постарался улучшить второе издание

⁶⁸² *O'Conor Ch. Letter to George Faulkner, 4 May 1757 // The Letters of Charles O'Conor of Belanagare. Vol 1. 1731–1771 / ed. by C. C. Ward and R. E. Ward. Ann Arbor : University Microfilms International, 1980. P. 31.*

⁶⁸³ См.: *Curley Th. Samuel Johnson, Ossian Fraud, and the Celtic Revival in Great Britain and Ireland. P. 143.*

⁶⁸⁴ См.: *O'Conor Ch. Letter to George Faulkner, 10 May 1757 // The Letters of Charles O'Conor of Belanagare. Vol 1. 1731–1771. P. 32.*

«“Рассуждений о древней истории Ирландии” 1766 г., значительно изменив и расширив первоначальный текст»⁶⁸⁵.

Впоследствии общение Джонсона с ирландским историком было прервано вплоть до 1777 г., когда Джонсон выступил инициатором возрождения переписки. Литератор написал письмо историку, где извинялся за то, что в прошлом не помог в борьбе за религиозную терпимость в Ирландии, а также журил ирландского историка за отсутствие каких-либо новых основательных работ по истории. «Даже если я когда-либо разочаровал Вас, – писал доктор Джонсон, – позвольте мне сказать, что Вы также разочаровали меня. Я ожидал великие открытия ирландских древностей и крупные издания на ирландском языке... Если бы Вы могли написать историю, хоть и несовершенную, ирландского народа от его обращения в христианство и до английского вторжения, Вы бы дополнили знания новыми взглядами и новым содержанием»⁶⁸⁶. О’Конор ничего не ответил своему кумиру, по-видимому, намереваясь в будущем порадовать Джонсона новым исследованием. Впоследствии, уже после смерти лексикографа, ирландский интеллектуал с восторгом вспоминал о письме Джонсона к нему: «Письмо одного из лучших писателей своей эпохи или любой эпохи такому, как я, делает честь его сердцу»⁶⁸⁷.

В самый разгар оссиановских споров произошло важное событие, продемонстрировавшее, насколько крепкими были связи между Джонсоном и ирландскими интеллектуалами: 8 июля 1765 г. литератору была присуждена высшая академическая степень доктора Тринити-колледжа Дублинского университета. Благодаря ирландцам появился знаменитый «доктор Джонсон», беспрестанно именуемый таким образом на страницах «Жизни...» Джеймса Босуэлла. Симпатии ирландцев к лексикографу не были безответными. Он знал огромное количество ирландцев, будь то аристократы, клирики, литераторы, историки, политики и кни-

⁶⁸⁵ *Curley Th.* Samuel Johnson, Ossian Fraud, and the Celtic Revival in Great Britain and Ireland. P. 144.

⁶⁸⁶ *Johnson S.* To O’Conor, 19 May 1777 // *Letters of Samuel Johnson*. Vol. 3. 1777–1781 / ed. by B. Redford. Oxford : Clarendon Press, 1992. P. 23–4.

⁶⁸⁷ *O’Conor Ch.* Letter to J. C. Walker, 14 June 1786 // *The Letters of Charles O’Conor of Belanagare*. Vol. 2. 1772–1790. P. 249.

готорговцы. Большинство из них представляли протестантское меньшинство Ирландии. Его ирландскими друзьями были политик и публицист Э. Берк, прозаик и драматург О. Голдсмит, журналист и драматург А. Мерфи, издатель и шекспировед Эдмунд Мэлоун, драматург и поэт Ричард Бринсли и др.

Наиболее крепкая дружба связывала Джонсона с О. Голдсмитом и Э. Берком. Так, литератор высоко оценивал таланты Голдсмита, называя его первую поэму «Путешественник» равной трудам Поупа⁶⁸⁸. Более того, зная о затруднениях ирландского драматурга завершать работы, Джонсон неоднократно помогал ему дописывать поэмы. Но самых восторженных оценок лексикографа был удостоен Э. Берк, которого Джонсон ценил за «его эрудированность, его гений, его многословие и красноречие»⁶⁸⁹. Литератор называл его «от природы великим человеком»⁶⁹⁰. По словам миссис Трейл, литератора всегда отличало «особое личное расположение и особая любовь к мистеру Берку»⁶⁹¹.

Вследствие симпатий к ирландцам Джонсон с особым негодованием обрушивался на ущемление прав их соотечественников-католиков. Глубокая религиозность поощряла его склонность сочувствовать угнетенным ирландским католикам, которых он считал жертвами колониального произвола. Принятие парламентом Британии в 1778 г. Акта об облегчении положения католиков отразило чаяния Джонсона. Однако большинством англиканского населения акт, расширяющий права католиков, был воспринят негативно, что послужило поводом «к созданию Протестантской ассоциации, начавшей антикатолическую петиционную кампанию 1780 г.»⁶⁹² Нерешительность и бездействие властей привели к Гордоновскому бунту, «самому масштабному, смертоносному и длительному городскому восстанию в британской истории»⁶⁹³ XVIII столетия.

⁶⁸⁸ См.: *Boswell J. Life of Johnson*. P. 355.

⁶⁸⁹ *Ibid.* P. 485.

⁶⁹⁰ *Ibid.* P. 363.

⁶⁹¹ *Piozzi H. L. Anecdotes of the Late Samuel Johnson*. P. 242.

⁶⁹² *Макаров Е. П. Гордоновский бунт и религиозно-политическая борьба в Великобритании в 1778–1780 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. С. 13.*

⁶⁹³ *Colley L. Britons : Forging the Nation*. P. 332.

Доктор Джонсон оказался очевидцем беспорядков, произошедших на улицах Лондона 2–7 июня 1780 г. В письме от 10 июня к миссис Трейл он описывал данные события, называя их «нашими бедами и ужасами»⁶⁹⁴. Захват Ньюгейтской тюрьмы, грабежи домов католиков и многочисленные пожары превратили город в хаос, что, по свидетельству литератора, представляло «страшное зрелище»⁶⁹⁵. Подавление бунта восстановило привычный ход лондонской жизни. Однако восстание продемонстрировало устойчивость предрассудков английской толпы против католиков.

Защищая Ирландию от нападок и притеснений, Джонсон так и не посетил страну, в которой он был бы желанным гостем. В беседах с Босуэлом при обсуждении возможного путешествия в Ирландию он отмечал, что «Дублин, сэр, всего лишь худшая столица», а на вопрос шотландского друга: «Неужели не стоит увидеть Дорогу гигантов?»⁶⁹⁶, он лишь ответил: «Стоит увидеть? Да; но не стоит ехать, чтобы увидеть»⁶⁹⁷. Тем не менее, мнение моралиста об Ирландии и ее жителях во многом не соответствовало стереотипному образу ирландцев среди коренных англичан. Джонсон не относился к числу тех англичан, для которых «ирландская эксцентричность и ирландский темперамент были неиссякаемым источником для разговоров»⁶⁹⁸.

Таким образом, исследование представлений литератора о кельтских «окраинах» Британии позволяет сделать выводы не только об интересе Джонсона к отдаленным частям его Родины, но также и о том, что он нередко был сторонником сохранения существующих языков и культур жителей Британских островов. Именно поэтому лексикограф отправился в Уэльс, рассчитывая увидеть особый образ жизни, отличный от английского. Такое путешествие на запад обернулось для доктора Джонсона

⁶⁹⁴ *Johnson S. Letter To Mrs. Thrale, 10 June 1780 // Letters of Samuel Johnson / ed. by G. B. Hill. New York : The Brooklyn Public Library, 1892. Vol. 2. P. 172.*

⁶⁹⁵ *Johnson S. Letter To Mrs. Thrale, 9 June 1780 // Letters of Samuel Johnson / ed. by G. B. Hill. Vol. 2. P. 170.*

⁶⁹⁶ Дорога гигантов, или Мостовая гигантов – памятник природы, состоящий из нескольких тысяч базальтовых колонн. Располагается на северо-востоке Ирландии.

⁶⁹⁷ *Boswell J. Life of Johnson. P. 1038.*

⁶⁹⁸ *Langford P. A Polite and Commercial People : England 1727–1783. P. 326.*

разочарованием лишь потому, что он желал отыскать больше, чем было возможно. Скорее, литератор смог убедиться в близости валлийцев и англичан, давний союз которых позволил валлийскому нобилитету успешно ассимилироваться в английском обществе, а потому различия двух народов не были в глазах Джонсона столь существенны, как в случае с жителями Хайленда.

Особое место в сочинениях лексикографа занимала Ирландия. Он восхищался ирландским народом, почитал его дохристианское прошлое, уважал культуру и историю и, пусть не делом, но словом, пытался бороться против несправедливости в отношении ирландцев-католиков. Несмотря на критическое отношение к работе Дж. Макферсона и стремление шотландцев «удревнить» свое прошлое, доктор Джонсон всячески поддерживал ирландский патриотизм. Подтверждением тому является поощрение кельтских исследований Чарльза О'Конора. Более того, абсолютная убежденность в поддельности поэм Оссиана неразрывно сплотила Джонсона и ирландцев. Шотландскому пресвитерианству он предпочитал ирландский католицизм. По сути, к числу кельтских «окраин» Британии литератор относил только Уэльс и Ирландию с их общим кельтским прошлым. И хотя Уэльс казался доктору Джонсону неотъемлемой частью Британии, Ирландия оставалась для него страной с особой историей и культурой.

3.4. «Любить все человечество, кроме американцев»

Превращение Британии после окончания Семилетней войны в доминирующую колониальную державу привело к значительным проблемам в управлении обширными отдаленными владениями. В результате в метрополии «возникли планы введения в колониях налогов, которые пойдут на содержание колониальной администрации и армии, а также, возможно, обогатят и казну Великобритании»⁶⁹⁹. Сахарный (1764), денежный (1764), квартирный (1765) и гербовый (1765) сборы, принятые кабинетом Дж. Грен-

⁶⁹⁹ Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. С. 208.

вилла, вызвали недовольство среди американских колонистов. Страхи по поводу возможного вторжения французов исчезли после завоевания Канады в 1759–1760 гг., а потому многие колонисты вопрошали, «почему теперь, когда Франция им не угрожает, они должны платить больше налогов для содержания армии?»⁷⁰⁰ Противники Акта о гербовом сборе провели в октябре 1765 г. в Нью-Йорке конгресс, на котором приняли резолюцию о том, что «акт подрывает права и свободы колонистов», и провозгласили лозунг, ставший одним из основных требований американских патриотов: «никаких налогов без представительства» в английском парламенте⁷⁰¹. Как только вести о массовых демонстрациях и бунтах в 13 колониях достигли Лондона, гербовый сбор был отменен. Одновременно в Британии разгорелась дискуссия о способах разрешения американского вопроса.

Хотя американский вопрос занимал центральное место в политических дискуссиях Британии в середине 70-х – начале 80-х гг. XVIII столетия, в джонсоноведческих исследованиях эта проблема удивительным образом отсутствовала вплоть до 1960-х гг., когда начинает развиваться ревизионистское направление в американской и британской историографии. Американский исследователь Дональд Грин стал первым историком, «включившим» Джонсона в политический контекст эпохи. В опубликованной в 1960 г. монографии «Политические взгляды Сэмюэла Джонсона» историк ввел в научный оборот памфлет «Налогообложение – это не тирания» – основной текст, проливающий свет на взгляды Джонсона о восставших колониях. Д. Грин писал о памфлете: «Те, кто восхищался Джонсоном, как правило, со смущенной улыбкой обходили памфлет стороной, те же, кто недолюбливал Джонсона, объявляли памфлет наиболее позорной и изобличающей уликой против его слепого торизма»⁷⁰².

⁷⁰⁰ Макарова Е. А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время : Очерки истории. М. : ИДК «Зерцало-М», 2005. С. 73.

⁷⁰¹ Акт о гербовом сборе // Словарь американской истории с колониальных времен до Первой мировой войны / под ред. А. А. Фурсенко. СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997. С. 21.

⁷⁰² Greene D. Politics of Samuel Johnson. P. 212.

Признавая враждебность Джонсона в отношении американских колонистов, историк не исследует истоки такой неприязни к соотечественникам в британской Америке.

Изучению этого вопроса посвящены более поздние статьи другого американского исследователя – Т. Керли⁷⁰³. В отличие от предшественника, работы Керли охватывают весь период творческого пути лексикографа, от его ранних работ в «Джентльменс мэгэзин» до упомянутого памфлета «Налогообложение – это не тирания». По мнению исследователя, взгляд Джонсона «на охваченное войной западное полушарие в XVIII столетии определялся: 1) патриотической любовью к своему отечеству; 2) его инстинктивным отвращением к расизму; 3) храбрым противостоянием империализму»⁷⁰⁴.

Современные исследования продолжают традиции Грина и Керли, «углубляя» понимание текстов Джонсона в зависимости от исследуемого контекста. Примером подобного рода является анализ взглядов Джонсона на американскую революцию, предпринятый британским историком Дж. Кларком. Исследователь признал, что памфлет «Налогообложение – это не тирания» был написан не в угоду правительству Норта, а являлся отражением реального мнения доктора Джонсона о событиях в Америке⁷⁰⁵. Недавнее исследование Николаса Хадсона⁷⁰⁶ также акцентирует внимание на последнем памфлете Джонсона. По мнению историка, «Налогообложение – это не тирания» отразило взгляды консервативно настроенной части общественности. Литератор же не только выступил с реакцией на происходящие события, но и настаивал на более решительных действиях⁷⁰⁷.

Никем из исследователей не оспаривается откровенная враждебность доктора Джонсона к американским колонистам,

⁷⁰³ См.: *Curley Th. Johnson and America // The Age of Johnson : A Scholarly Annual. 1994. Nr 6. P. 31–73; Curley Th. America // Samuel Johnson in Context. P. 93–100.*

⁷⁰⁴ *Curley Th. Johnson and America. P. 36.*

⁷⁰⁵ *Clark J. C. D. Samuel Johnson : Literature, Religion and English Cultural Politics from the Restoration to Romanticism. P. 226.*

⁷⁰⁶ См.: *Hudson N. A Political Biography of Samuel Johnson. London ; New York : Routledge, 2013.*

⁷⁰⁷ См.: *Ibid. P. 169.*

однако по-прежнему существует пробел в изучении его воззрений на Войну за независимость североамериканских колоний в соответствии с идеями английского Просвещения. Во-первых, антипатия Джонсона к колонистам была вызвана неприятием им колониальных захватов в Америке. Первые осуждения колониальной политики 29-летний Джонсон изложил великолепным сатирическим языком в подражание Свифту в журнальной статье «Дебаты в сенате Великой Лилипутии», опубликованной в «Джентльменс мэгэзин» еще в 1738 г. В тексте литератор описывал злодеяния Испании, главного проводника политики колониализма. «Самая богатая и плодородная четверть земного шара, которую она (Испания. – Т. К.) прикрепила к себе с помощью самых кошмарных кровавых расправ и разорений»⁷⁰⁸, – так писал литератор о жестокости первых колонистов. Осуждение им колониальной политики сохранялось на протяжении всей жизни, поскольку он был убежден, что заселение и освоение Америки осуществлялось путем попрания естественных прав американских аборигенов и африканских рабов.

Другой причиной для осуждения жителей британской Америки, по Джонсону, было то, что американские колонисты добровольно покинули Отечество, которое нуждается в каждом, кто может принести ему пользу. В тот короткий срок, пока лексикограф являлся издателем «Литерари мэгэзин» в 1756 г., он критиковал эмиграцию в колонии. «То, что каждый житель дает колонии, – писал Джонсон, – теряет его отечество. Эти люди, отправленные в отдаленные регионы, <...> менее полезны и менее счастливы, чем у себя дома. <...> Освобождать себя от нищих и бродяг, отправляя их Америку, – все равно, что лечить язву, отрезая конечность»⁷⁰⁹.

Еще одним поводом для порицания американских колонистов было то, что, по его предположению, они все вышли из социальных низов английского общества, вынужденные из-за пресуплений или злключения покинуть родину. Свидетельством

⁷⁰⁸ Johnson S. Debates in the Senate of Magna Lilliputia // Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1738. Vol. 8. P. 286.

⁷⁰⁹ Johnson S. Observation on a Letter from a French Refugee in America // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. Political Writings. P. 176.

тому является произнесенная в беседе с Босуэллом фраза литератора: «Сэр, они (американцы. – Т. К.) – нация каторжников, которой следует быть благодарной нам за то, что мы их всех не перевешали»⁷¹⁰. Таким образом, колонии представлялись Джонсону непослушными детьми его самодостаточной родины. Поэтому, в представлении литератора, колонисты должны держаться в тени своих английских соотечественников, не смея роптать на британское правительство: «Эти поселения, некогда основанные, должны сохранять непрерывную связь с родиной, которой они подчиняются, от которой зависит их защита от опасностей и снабжение при необходимости»⁷¹¹.

Начало дискуссий о 13 колониях было положено спором между У. Питтом и Дж. Гренвиллом о гербовом сборе в 1765 г. Питт выступал категорически против сбора и советовал относиться к американцам как к провинившимся детям, поступая «как мягкий и любящий родитель с ребенком, которого он нежно любит»⁷¹². Он с большим сочувствием смотрел на американцев, предпочитающих «бедность и свободу позолоченным цепям и жалкому изобилию»⁷¹³, и выступал за примирение и вывод войск из Бостона для «успокоения колоний»⁷¹⁴.

Совершенно иначе рассуждал Дж. Гренвилл, инициатор введения новых сборов по окончании Семилетней войны. «Когда (американские колонисты. – Т. К.) нуждаются в защите королевства, они всегда готовы просить ее, – писал он в 1766 г., – нация увязла в огромном долге, чтобы предоставить им эту защиту; и теперь, когда их призвали внести свой небольшой вклад для возмещения общественных расходов... они выступают, я бы

⁷¹⁰ *Boswell J. Life of Johnson. P. 574.*

⁷¹¹ *Johnson S. Introduction to the political state of Great Britain // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. P. 141.*

⁷¹² *The Parliamentary History of England From the Earliest Period to the Year 1803. Vol. 17. P. 1356.*

⁷¹³ *The Parliamentary History of England From the Earliest Period to the Year 1803. Vol. 18. P. 154.*

⁷¹⁴ *Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. С. 220.*

сказал, с открытым неповиновением... неблагодарные люди Америки!»⁷¹⁵ В споре победил Питт, занимавший пост премьер-министра Британии с 30 июля 1766 г. по 14 октября 1768 г. Именно он отменил Акт о гербовом сборе и «принял Акт о верховенстве, в котором подчеркивалась зависимость колоний от короны и парламента Великобритании»⁷¹⁶.

Однако победа Питта была пирровой, и спор о правах и свободах жителей 13 колоний продолжился с новой силой в премьерство Норта в 1770–1782 гг. Действия его кабинета, выступавшего за жесткую политику в отношении бунтующих колоний, привели к волне протестов и созданию Первого континентального конгресса, созванного 5 сентября 1774 г. в Филадельфии. Одним из важнейших его итогов стала «Декларация прав» от 14 октября 1774 г., в которой, помимо прав американских колонистов, были выдвинуты требования к британскому парламенту отменить «репрессивные акты» для восстановления отношений между метрополией и колониями.

Доктор Джонсон, долгое время остававшийся в стороне от дискуссии о 13 колониях, после публикации «Декларации прав» вновь взялся за перо, чтобы написать последний свой политический памфлет – «Налогообложение – это не тирания: ответ на резолюции и выступления американского конгресса». В письме Джеймсу Босуэлли от 21 января 1775 г. литератор сообщал: «Я собираюсь писать об американцах. Прошу сообщить мне, если у Вас есть на примете кто-либо из юристов, являющихся большими мастерами в праве народов. <...> А пока никому ни слова»⁷¹⁷. Памфлет Джонсона был опубликован 8 марта того же года и стал ответом консервативно настроенных англичан на заявления Первого континентального конгресса.

«Налогообложение – это не тирания» – документ, заслуживающий занять достойное место в литературе об Американской

⁷¹⁵ Grenville G. The Celebrated Speech of a Celebrated Commoner. London : S. Austin, 1766. P. 9–10.

⁷¹⁶ Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. С. 211.

⁷¹⁷ Johnson S. Letter to James Boswell, 21 January 1775 // The Letters of Samuel Jonson. Vol. 2. 1773–1776 / ed. by B. Redford. P. 170.

революции. На страницах памфлета Джонсон вопрошает: имеет ли право метрополия, т. е. Британия, облагать налогом свои колонии. Разумеется, ответ литератора на это был утвердительным. Однако особый интерес представляет его аргументация, исследование которой позволяет реконструировать представления Джонсона о правах и привилегиях американских колонистов. В тексте, следуя теории общественного договора Дж. Локка, автор пишет, что «высшая власть каждого сообщества имеет право требовать от всех своих подданных таких взносов, которые необходимы для обеспечения общественной безопасности и общественного процветания»⁷¹⁸. В сопротивлении американцев устоявшемуся порядку Джонсон видел происки «ревнителей анархии», отрицающих право британского парламента облагать налогом американские колонии.

Джонсон определяет налог как «плату, взыскиваемую властью с населения на благо всех»⁷¹⁹. По его мнению, все подданные империи подлежат налогообложению, поскольку все они пользуются благами от правительства. Однако американцы, в чем, несомненно, проявляется их лицемерие, готовы пользоваться благами правительства и оплачивать расходы ради собственной безопасности, но они готовы также разделять «это общественное бремя в очень неопределенной степени, считая эту обязанность несовершенной, а потому временной и иногда необязательной»⁷²⁰.

Более того, по мнению литератора, «тот, кто отрицает право английского парламента облагать налогом, также отрицает право применения любых других законов, гражданских или уголовных»⁷²¹. Поскольку колонии являются «неотъемлемой частью Британской империи», рассуждает литератор на страницах памфлета, «их обитателям предоставляются все права англичан. Они живут по английским законам, имеют право на англий-

⁷¹⁸ *Johnson S. Taxation No Tyranny : an Answer to the Resolutions and Address of the American Congress // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. P. 411.*

⁷¹⁹ *Ibid. P. 417.*

⁷²⁰ *Ibid. P. 418.*

⁷²¹ *Ibid. P. 427.*

ские привилегии, подконтрольны английским судам, защищены английским оружием; из чего, кажется, следует, что они подчинены английскому правительству и подлежат обложению английскими налогами»⁷²².

Тем не менее, покинув Британские острова, как полагает Джонсон, переселенцы лишились части прав, поскольку «тот, кто хочет наслаждаться яркостью солнечного света, должен покинуть прохладную тень. Тот, кто добровольно уезжает в Америку, не может жаловаться на то, что он оставляет в Европе»⁷²³. Пересекая Атлантику, колонист по своему выбору оставил отечество, «где у него было право голоса и немного имущества, ради другой страны, где он имеет больше собственности без права голоса»⁷²⁴. По мнению проповедника и одного из основателей методизма Джона Уэсли (1703–1791), американцы раньше «наследовали все привилегии, что имели их предки; но они не могут их больше наследовать»⁷²⁵.

Джонсон неоднократно упоминал о значимости американских территорий для Британии: «Колония для метрополии подобна части тела; <...> получающая от тела и передающая ему все преимущества и изъяны здоровья и болезней; <...> приводящая, если безнадежно заражена, к отсечению, из-за которого тело будет также искалечено»⁷²⁶. А потому, словно предчувствуя дальнейшее развитие событий в американских колониях, Джонсон предостерегал повстанцев о том, что «весьма неразумно прыгать в море с дырявого корабля»⁷²⁷, поддаваясь «безумию независимости», которое распространилось среди колоний и ведет лишь к «хаосу, шуму, насилию и замешательству»⁷²⁸.

⁷²² Ibid. P. 425.

⁷²³ Ibid. P. 430.

⁷²⁴ Ibidem.

⁷²⁵ *Wesley J.* A Calm Address to our American Colonies. Bristol : Bonner and Middleton, 1775. P. 9.

⁷²⁶ *Johnson S.* Taxation No Tyranny : an Answer to the Resolutions and Address of the American Congress // *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson.* Vol. 10. P. 425.

⁷²⁷ Ibid. P. 451.

⁷²⁸ Ibid. P. 438.

И все же в начале 1775 г. литератору казалось, что волнения в американских колониях можно унять угрозами и силой. Он никак не предполагал, что они могут привести к длительной войне. Он считал Британскую Америку неотъемлемой частью его родной страны, а не отдельным самостоятельным сообществом. Поэтому американцы виделись Джонсону упрямыми, непокорными колонистами, жаждущими больше, чем они на самом деле заслуживают, хотя «у них есть именно то, что их предки оставили им, не голос при принятии законов <...>, а счастье быть защищенными законом и обязанность подчиняться ему»⁷²⁹.

Но наибольшее недоумение у Джонсона вызывали опасения колонистов и их сторонников в Британии по поводу того, что «подчинение американцев» может привести к уменьшению собственно английских свобод. Ответом на сомнения американских патриотов стала знаменитая фраза: «Если рабство, таким образом, смертельно заразительно, как получилось так, что о свободе громче всего кричат надсмотрщики негров?»⁷³⁰

Непоколебимость Джонсона в вопросе о способе разрешения американского кризиса путем безропотного подчинения колонистов британской короне, столь ярко отразившаяся на страницах памфлета, сделала дискуссию о 13 колониях предметом широкого общественного обсуждения. В начале сентября 1775 г. «джентльмены, духовенство, промышленники и жители Манчестера представили обращение королю с обещанием поддержать войну»⁷³¹. Эта локальная инициатива переросла в настоящую «битву петиций». Так, традиционно роялистские графства Северной Англии, а также Шотландия выступили в поддержку войны, рассматривая «происходящее за океаном как новый мятеж диссентеров против короля»⁷³², в то время как жители Восточной Англии и Уэльса, сочувствовавшие американцам, напротив, представили петиции против войны.

⁷²⁹ *Johnson S.* Taxation No Tyranny : an Answer to the Resolutions and Address of the American Congress // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. P. 431.

⁷³⁰ *Ibid.* P. 454.

⁷³¹ *Colley L.* Britons : Forging the Nation. P. 138.

⁷³² *Макарова Е. А.* Национальная мысль и национальное сознание в Англии. С. 74.

Не остались в стороне от дискуссии британские интеллектуалы. Часть из них, например Дж. Уэсли, вторили Джонсону, полагая в духе Локка, что власть британской короны над колониями дана «ради достижения мира, безопасности и блага всех людей»⁷³³. Уэсли является автором опубликованного в сентябре 1775 г. памфлета «Мирное обращение к нашим американским колониям». Так, богослов писал, что «английский парламент имеет такое же право облагать налогом их (американцев. – Т. К.), как облагать налогом других английских подданных»⁷³⁴.

Иного мнения придерживался Э. Берк, бывший другом Джонсона до тех пор, пока споры о том, как стоит поступить с жителями 13 колоний, не развели их по разные стороны баррикад. Мнение Берка наиболее ярко отражено в знаменитой речи о примирении с колониями, произнесенной 22 марта 1775 г. в палате общин. В отличие от других парламентариев, Берк призывал рассматривать американцев как отдельный народ, со «своими ценностями и приоритетами»⁷³⁵. Поэтому он предупреждал, что «сохранение единства империи требует осторожных и взвешенных решений»⁷³⁶, и выступал против жесткой политики в отношении колоний. Исследуя обстоятельства американской жажды свободы, Берк также упомянул об удивительном взрослении Нового Света: «Америка, которая в наши дни может разве что позабавить вас историями о дикарях и грубых манерах, еще до того, как вы познаете смерть, покажет себя равной в коммерции, являющейся причиной зависти в мире»⁷³⁷.

Однако даже Берк полагал, что метрополия вправе требовать повиновения от колоний. Представитель радикального направления английского Просвещения, философ, естествоиспытатель и общественный деятель Джозеф Пристли, напротив,

⁷³³ Лабутина Т. Л., Ильин Д. В. Английское Просвещение : общественно-политическая и педагогическая мысль. С. 33.

⁷³⁴ Wesley J. A Calm Address to our American Colonies. P. 12.

⁷³⁵ Hudson N. Samuel Johnson and the Making of Modern England. P. 189.

⁷³⁶ Чудинов А. В. Размышления англичан о Французской революции : Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М. : Памятники исторической мысли, 1996. С. 30.

⁷³⁷ The Parliamentary History of England From the Earliest Period to the Year 1803. Vol. 18. P. 488.

поощрял стремление американских колонистов отстаивать свои права и свободы. «Очевидно, – писал Пристли в очерке 1768 г., – что в схеме обложения (налогами. – Т. К.) жителей Америки в британском парламенте должно было проявляться большое внимание... к настоящим основным принципам свободы»⁷³⁸. В представлении Пристли, чье мнение было прямо противоположным суждениям Джонсона, народ имеет право восстать против монарха, если тот не заботится о благе своих граждан.

Доктор Джонсон считал, что такие мысли крамольны и могут лишь усугубить ситуацию в колониях. Однажды он гневно сообщил свои мысли по этому поводу в разговоре миссис Трейл: «Я раскрою Вам перспективы будущего. Эти люди... ныне столь честные и приятные, в обмен на мир и защиту, отправят своих гнусных представителей в парламент, чтобы посеять там семена крамолы, преумножать смятение, замешательство и боль. ...Я обещаю Вам, что анархия, нищета и смерть... поселятся в самой Америке как естественные последствия нашего возлюбленного вигизма»⁷³⁹.

В дальнейшем Джонсон без воодушевления поддерживал попытки правительства отыскать мирное решение американской проблемы: «...если жизни будут сохранены, некоторые отклонения от жесткой политики простительны»⁷⁴⁰. Однако к концу жизни Джонсон приходил в ужас от неудач войны в Северной Америке и мыслей о слабости его страны. Как он признался в письме юристу сэру Роберту Чемберсу, «я не могу не испытывать некоторую боль, когда сравниваю положение королевства, бывшее столь триумфальным 20 лет назад. Я старался оберегать порядок и поддерживать монархию»⁷⁴¹. Однако он все меньше и меньше думал об этом, так как его здоровье пошатнулось

⁷³⁸ Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного управления и о природе политической и гражданской свободы // Джозеф Пристли. Избранные сочинения / под ред. А. А. Ческиса. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. С. 214.

⁷³⁹ Piozzi H. L. Anecdotes of the late Samuel Johnson. P. 43.

⁷⁴⁰ Johnson S. Letter to William Strahan, 3 March 1775 // Letters of Samuel Johnson. Vol. 2. 1773–1776 / ed. by B. Redford. P. 186.

⁷⁴¹ Johnson S. Letter to Sir Robert Chambers, 19 April 1783 // Letters of Samuel Johnson. Vol. 4. 1782–1784 / ed. by B. Redford. P. 129.

и начало ухудшаться. Литератор был, «как и его любимая родина, в упадке, предпочитая сосредоточиться на вопросе смертности, а не эфемерной политике»⁷⁴².

Таким образом, в представлении доктора Джонсона жители 13 колоний являлись подданными британской короны и должны были почитать это за счастье. Литератор относился к американским колонистам с презрением, поскольку они либо являлись потомками первых колонистов, угнетавших и порабощавших аборигенное население, либо выступали надсмотрщиками рабов, завезенных с Африканского континента. Кроме того, антипатия лексикографа основывалась на представлении о том, что большинство американских колонистов были выходцами из социальных низов, преступниками и нищими, нарушавшими спокойствие в Англии и зачастую бежавшими от правосудия в Новый Свет. Волнения в американских колониях в 1770-е гг. лишь усугубили эти представления Джонсона. Мировоззренческие установки не позволяли ему понять, почему американским колонистам недостаточно быть подданными британской короны, не имея права выбирать своих представителей в парламент. Поэтому колонисты казались ему сторонниками анархии, желающими поколебать устоявшийся в Англии порядок. Победа 13 колоний в Войне за независимость стала национальной трагедией и ознаменовала конец эпохи Джонсона и начало новой страницы в истории Британии.

⁷⁴² *Curley Th. Johnson and America // The Age of Johnson : A Scholarly Annual. 1994. Nr 6. P. 68.*

Глава 4 ОБРАЗ «ДРУГОГО»

4.1. Образ «врага»: католическая угроза

Взаимоотношения Британии со странами Европейского континента на протяжении XVIII в. неоднократно претерпевали кардинальные изменения и определялись итогами раздела «испанского наследства»⁷⁴³. Война за испанское наследство 1701–1713/14 гг. привела к обострению антикатолических настроений и формированию образов французов как извечных врагов англичан⁷⁴⁴. Так о «вероломных французах» писал английский драматург Джон Деннис (1658–1734)⁷⁴⁵. Основу национальных стереотипов о французах составила история о Джоне Булле, опубликованная сатириком и литератором Джоном Арбетнотом (1667–1735) в 1712 г. Согласно сочинению, Война за испанское наследство была бесконечным судебным процессом, а дядюшка Луи Бабун (Людовик XIV) был изображен «старым пройдохой или продувной бестией», расточавшей богатства «на рапиры, тесаки, дубинки, на каких он с наслаждением дрался, да еще и втянул в эти игры всю округу»⁷⁴⁶.

Тем не менее, не только Францию следует называть противником британцев в XVIII столетии. Начало литературной деятельности Сэмюэла Джонсона пришлось на 30-е гг. XVIII столетия, когда в отношениях между Британией и ее, по мнению бри-

⁷⁴³ Яковлев Н. Н. Дипломатическая революция накануне Семилетней войны // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 53–62.

⁷⁴⁴ См.: *Blanning T. C. W. The Culture of Power and the Power of Culture. Old Regime Europe 1660–1789.* Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 291.

⁷⁴⁵ *Dennis J. Liberty Asserted. A Tragedy.* London : G. Strahan, 1704. P. 6.

⁷⁴⁶ *Арбетнот Дж. История Джона Булла // Англия в памфлете : Английская публицистическая проза начала XVIII века.* С. 43.

танского историка Дж. Блэка, «естественным противником»⁷⁴⁷, Францией, наступило перемирие, продлившееся вплоть до вступления Англии в Войну за австрийское наследство в 1743 г. Однако «затишье» во внешней политике Британии, которое Роберт Уолпол считал заслугой своей дипломатии, было нарушено несколько ранее. С момента победы над Непобедимой армадой у Англии был еще один давний соперник – Испания. Противостояние двух держав на Американском континенте вылилось в так называемую Войну за ухо Дженкинса (1739–1742). Начало военного конфликта практически сразу вызвало появление в массовом порядке карикатур на испанцев в роли «естественных врагов»⁷⁴⁸ со времен Непобедимой армады. Чаще всего испанцы изображались тщеславными и жестокими, в облачении, напоминающем одеяния испанских грандов XVI столетия. Случай с капитаном Дженкинсом, чье отрезанное ухо стало поводом для объявления войны, казался британцам подтверждением безжалостности испанцев⁷⁴⁹.

Начинающий литератор и журналист С. Джонсон не остался в стороне от происходящего конфликта в американских колониях. Написанные им в эти годы жизнеописания адмирала Роберта Блейка и сэра Фрэнсиса Дрейка наиболее ярко демонстрируют позицию литератора по отношению к англо-испанскому противостоянию. В «Жизни Блейка», опубликованной в 1740 г. в «Джентльменс мэгэзин», Джонсон призывает не щадить врагов, «чи оскорбления, разрушения и бесчинства должны быть отмщены»⁷⁵⁰. Жизнеописание Дрейка также отмечено присутствием устоявшихся стереотипов о жестоких испанцах. По сути, как отмечает канадский исследователь Н. Хадсон,

⁷⁴⁷ См., напр.: *Black J. Natural and Necessary Enemies: Anglo-French Relations in the Eighteenth Century.* London: Duckworth, 1986.

⁷⁴⁸ *Conway S. War and National Identity in the Mid-Eighteenth Century British Isles // The English Historical Review.* 2001. Vol. 116, Nr 468. P. 884.

⁷⁴⁹ См.: *Haydon C. Anti-Catholicism and xenophobia // Protestantism and National Identity in Britain and Ireland, c. 1650 – c. 1850.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 44.

⁷⁵⁰ *Johnson S. The Life of Admiral Blake // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson.* Vol. 19. Biographical Writings: Soldiers, Scholars and Friends / ed. by O. M. Brack, R. DeMaria. New Haven; London: Yale University Press, 2016. P. 60.

«Дрейк Джонсона – это путешествующий между семи морями странник, то и дело являющийся свидетелем испанских захватов на каждом берегу и жестокости по отношению к дикарям»⁷⁵¹. Так, в представлении Джонсона испанцы, завоевывая все новые и новые территории, оставляли после себя окровавленные и опустошенные земли⁷⁵². В противовес жестоким испанцам, Дрейк, согласно жизнеописанию, обращался с местными аборигенами с поистине христианским терпением и благочестием, желая торговать, а не завоевывать.

Осуждение испанских завоеваний в Америке литератор продолжил в 1759 г., когда возросло опасение, что Испания вступит в войну на стороне Франции. В одном из эссе, повествуя о героизме и ужасах европейского экспансионизма, Джонсон отмечал, что в 1492 г. Колумб открыл для Нового Света «европейскую любознательность и европейскую жестокость»⁷⁵³. Он продолжает эту тематику в эссе № 81 журнала «Айidler» за 3 ноября 1759 г. Повествование ведется от имени индейца, рассказывающего своим детям об идиллической жизни до прибытия европейцев: «Было время, когда наши предки были полновластными хозяевами лесов, лугов и озер, повсюду, куда простирался взгляд или могли дойти ноги. Они ловили рыбу и охотились, пиршествовали и танцевали, а когда уставали – ложились в тени ближайшей чащи, не ведая опасности и страха»⁷⁵⁴. Представления Джонсона о безмятежной жизни индейцев до колонизации были близки его современникам. Как утверждает Л. Коллей, «британцы идеализировали Америку как второй Эдем, не затронутый испорченностью и роскошью Старого мира»⁷⁵⁵.

⁷⁵¹ *Hudson N.* Samuel Johnson and the Making of Modern England. P. 180.

⁷⁵² См.: *Johnson S.* The Life of Sir Francis Drake // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 19. P. 91.

⁷⁵³ *Johnson S.* Introduction [From the World Displayed] // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 20. Samuel Johnson : Johnson on Demand / ed. by O. M. Brack and R. DeMaria. New Haven ; London : Yale University Press, 2019. P. 454.

⁷⁵⁴ *Johnson S.* The Idler, Nr 81 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 2. The Idler and The Adventurer / ed. by W. J. Bate. New Haven ; London : Yale University Press, 1963. P. 252.

⁷⁵⁵ *Colley L.* Britons : Forging the Nation. P. 134.

Именно поэтому с явным негодованием Джонсон описывает то, как изменился Новый Свет с началом европейской колонизации и испанских захватов. «Многие века, – продолжал индеец свой рассказ, – проходили в изобилии и спокойствии, пока, наконец, новая раса людей из-за океана не вступила на нашу землю <...>. Эти захватчики расположились на континенте, убивая в порывах ярости тех, кто сопротивлялся, и используя для собственного увеселения тех, кто подчинился»⁷⁵⁶. Подобная характеристика итогов колониальных захватов испанцами Америки демонстрирует не только резкое неприятие лексикографом последствий колониальной экспансии, но и обвинение испанцев в плачевных для аборигенов Америки результатах «открытия» Нового Света.

Представления Джонсона о жестоких испанцах также коррелировалось с негативным образом французов. К числу таких ревностных католиков относились французы, перемирие с которыми было разорвано в начале 40-х гг. XVIII в. Хотя премьер-министр Англии Роберт Уолпол отказался от активного участия в европейских делах и «допускал возможность добрососедских отношений с Францией»⁷⁵⁷, среди представителей британского парламента не было единодушия, и часть депутатов оставалась уверена, «что балансу сил в Европе угрожала Франция»⁷⁵⁸, и предложила видеть французов в качестве извечных врагов.

Годы, когда премьер-министром был Р. Уолпол оказались ознаменованы усилением парламентской оппозиции, противостоявшей политике «Норфолкского Робина»⁷⁵⁹. В числе противников премьер-министра выступили и интеллектуалы: Джонатан Свифт, Александр Поуп, Генри Филдинг и др. Не последнюю роль в этом процессе сыграл Сэмюэл Джонсон и опубликован-

⁷⁵⁶ Johnson S. The Idler, Nr 81 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 2. P. 253.

⁷⁵⁷ Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. С. 59.

⁷⁵⁸ Там же. С. 91.

⁷⁵⁹ Сидоренко Л. В. Роберт Уолпол, оппозиция и пропаганда в акцизном сборе 1733 г. // Тр. кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб. : Изд-во СПб. у-та, 2015. № 14. С. 19.

ные им в 1738–1743 г. на страницах «Джентльменс мэгэзин» «Дебаты в парламенте Лилипутии».

К примеру, литератор весьма убедительно озвучил мнение о Франции представителя «новых» вигов Джона Картерета, впоследствии определявшего направление британской политики в годы Войны за австрийское наследство. Как пишет Джонсон, во время одного из выступлений Квадрерт (англ. *Quadrert*), т. е. Картерет, назвал Блефуску (т. е. Францию) «неизменным врагом Лилипутии, так сильно отличающимся от нее религией, формой правления и интересами, что они не могут обе одновременно процветать; как только влияние одной усиливается, роль другой, вследствие этого, уменьшается»⁷⁶⁰. В то же время литератор, симпатизировавший торийской оппозиции, от ее лица призывал к союзу с Францией. При описании дискуссии, произошедшей в палате клинабов (общин) по поводу смещения Ретроба Уэллопа (Роберта Уолпола), Джонсон писал о необходимости дружбы с Блефуску, в результате чего между двумя странами воцарился бы мир⁷⁶¹. Дискуссии в парламенте, искусно описанные Джонсоном в «Дебатах», привели к отставке Уолпола в феврале 1742 г., к власти пришли «новые» виги, что способствовало смене внешнеполитического курса. В результате Британия вступила в военные действия против Франции в 1743 г.

Начало военных действий в Войне за австрийское наследство послужило поводом к созданию лондонскими торговцами в 1745 г. Достохвальной антигалликанской ассоциации (англ. *Laudable Association of Anti-Gallicans*)⁷⁶². Лозунг «за нашу страну» стал девизом ассоциации, а ее цель была сугубо меркантильная: «Препятствовать ввозу и потреблению французских товаров и изделий и взамен поощрять использование товаров и изделий Великобритании»⁷⁶³. Таким образом лондонские ла-

⁷⁶⁰ Johnson S. The Debates in the Senate of Magna Lilliputia // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol 11. Debates in Parliament / ed. by Th. Kaminsky, B. V. Hoover. New Haven ; London : Yale University Press, 2012. P. 392.

⁷⁶¹ См.: Johnson S. Debates in the Senate of Magna Lilliputia // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 12. Debates in Parliament. P. 489.

⁷⁶² См.: Newman G. The Rise of English Nationalism : A Cultural History 1740–1830. London : Weidenfeld and Nicolson, 1987. P. 71.

⁷⁶³ Colley L. Britons : Forging the Nation. P. 89.

вочники и коммерсанты выразили нежелание мириться с франкофильскими настроениями элиты. В тот же год произошло еще одно событие, повлиявшее на формирование враждебного образа Франции и католиков в целом. Это была высадка войск «последнего претендента» из династии Стюартов в июле 1745 г. на Британские острова – Карла Эдуарда Стюарта, или «красавчика принца Чарли».

Во время восстания 1745–1746 гг. якобиты получали поддержку французов. Поскольку Франция была главным сторонником изгнанной династии, победа якобитов означала для англичан только одно: в случае реставрации династия Стюартов будет править в интересах Франции. Поэтому среди англиканского населения страх католического «нашествия» был особенно силен⁷⁶⁴. По сути, как отмечает К. Вильсон, именно вторжение в Британию войска «молодого претендента» привело к «распространению огромного количества дешевой литературы, целью которой была активизация исторически сложившихся антикатолических стереотипов англичан»⁷⁶⁵. Такие «истории за пенни» чаще всего распространялись среди малограмотного населения. В них анонимные авторы припоминали времена Марии Кровавой и Якова II, многочисленные убийства мирных жителей и отдельных англиканских мучеников. К примеру, в число таких работ входили: «Обращение к простым людям»; «О природе папства и Претендента», «Обращение к той достойнейшей части нации, что зовется простым людом, по вопросу папства и Претендента» и др.⁷⁶⁶ В каждой из брошюр реставрация династии Стюартов ассоциировалась с уничтожением независимой Англии и ее подчинением Франции. Такая печатная пропаганда усиливала антифранцузские настроения в обществе.

Наиболее ярко стереотипы 40-х гг. XVIII в. о французах нашли отражение в полотне Уильяма Хогарта «Ворота в Кале, или Ростбиф Старой Англии» (рис. 8). На картине изображена французская таможня, в эпицентре всего действия – кусок мяса, или

⁷⁶⁴ См.: Protestantism and the National Identity. Britain and Ireland, 1650–1750 / ed. by T. Claydon and I. McBride. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 46.

⁷⁶⁵ Wilson K. The Sense of the People : Politics, Culture and Imperialism in England 1715–1785. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 167.

⁷⁶⁶ См.: Ibidem.

английский ростбиф, при виде которого все французы, изображенные на картине, истекают слюной. Особенно обращает на себя внимание толстый священник, жадно взирающий на ростбиф. Он отражает клишированный образ католика: упитанный клирик может себе позволить такую роскошь, как мясо. На полотне слева Хогарт изобразил несколько непривлекательных босоногих монахинь, чрезвычайно довольных и воодушевленных, поскольку они обнаружили лик Христа на чешуе ската. Тем самым художник высмеивает монахинь как разнощиц религиозных суеверий, считает Л. Коллей⁷⁶⁷. Композицию картины дополняют французские солдаты. Все они худы, оборваны и несколько женоподобны. На полотне справа виднеется солдат-якобит, одетый по горскому обычаю. Он представляет собой пример изгнанника, восставшего против протестантского короля Георга II.

Герои данной картины олицетворяют английские стереотипные образы «врага». В то же время очевидно, что такие изображения являются сатирой Хогарта на предрассудки о французах. Художник действительно бывал в Кале в 1747 г., однако сразу после прибытия был взят под стражу как британский шпион. Этот случай дал понять Хогарту, что во Франции «отсутствует реальная свобода, богатство связано с высшим классом и несправедливым распределением, а религия навсегда погрязла в суеверии»⁷⁶⁸.

Противостояние с южным соседом усугубилось в годы Семилетней войны. Изначально Джонсон, как и современники, с горечью воспринял британские неудачи в Менорке и Калькутте в 1756 г. Даже самые космополитичные подданные британской короны сокрушались об этом. Так, Честерфилд писал: «Менорка потеряна из-за недееспособности администрации. А также, может быть, мы вскоре будем лишены Гибралтара благодаря тайной сделке между Францией и Испанией. <...> Французы – мастера делать то, что они пожелают в Америке. Наш добрый союзник, королева Венгрии, несомненно, заключит какой-то договор, Бог знает что, с нашим и ее давним врагом Францией»⁷⁶⁹.

⁷⁶⁷ См.: Colley L. Britons : Forging the Nation. P. 33.

⁷⁶⁸ Ibid. P. 34.

⁷⁶⁹ Lord Chesterfield's Letters / ed. by D. Roberts. Oxford : Oxford University Press, 1992. P. 311.

Рис. 8. «Ростбиф Старой Англии, или Ворота Кале»,
художник – Уильям Хогарт (1749)⁷⁷⁰

⁷⁷⁰ Colley L. Britons: Forging the Nation. P. 34.

Тем не менее, взгляд Джонсона на начало новой войны с Францией своеобразен. К примеру, в эссе «Наблюдения о нынешнем положении дел» (1756) литератор непреклонно заявил, что «американский спор между Англией и Францией – это ссора из-за добычи между двумя разбойниками... обе нации жалуются на развал границ, несоблюдение договоров, коварные уловки и нарушение справедливости»⁷⁷¹.

Однако даже при адекватной оценке конфликта, вызвавшего Семилетнюю войну, литератор сосредоточен на противнике Британии. «Я не сомневаюсь, – писал Джонсон по поводу мира в Экс-ля-Шапели в 1748 г., – что после последней войны (Войны за австрийское наследство. – Т. К.), когда французы заключили мир с таким превосходством, они, естественно, начали относиться к нам с меньшим уважением и считать нас людьми, которых можно не бояться»⁷⁷². Именно поэтому Джонсон с негодованием описывает нарушение мирного договора 1748 г. на острове Сент-Люсия в Карибском море, который, согласно статьям договора, объявлялся нейтральной территорией. После попыток англичан основать поселения на острове, французские солдаты «незамедлительно высадились на острове, разрушили дома и уничтожили плантации»⁷⁷³. Таким образом, хотя эссеистика Джонсона в годы Семилетней войны скорее отличалась антивоенными, а не антифранцузскими настроениями, в произведениях то и дело встречались негативные пассажи о Франции, нарушавшей мирные договоренности.

Во время Семилетней войны боязнь французского вторжения на Британские острова охватила практически все слои населения⁷⁷⁴. Еще до начала военных действий в Европе Джордж Ридпат, шотландский клирик, писал в своем дневнике о «вторжении, запланированном из Франции, о флотилии и моряхах,

⁷⁷¹ *Johnson S. Observations on the Present State of Affairs // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. P. 188.*

⁷⁷² *Ibid. P. 190.*

⁷⁷³ *Ibid. P. 192.*

⁷⁷⁴ См.: *Conway S. War and National Identity in the Mid-Eighteenth-Century British Isles // The English Historical Review. 2001. Vol. 116, Nr 468. P. 883.*

подготовленных для этих целей в Рошели»⁷⁷⁵. Именно поэтому всеобщий страх и ожидание нападения вызвали публикацию серии памфлетов, где Франция и французы были представлены в образе врага. Анонимный памфлетист в 1756 г. назвал Францию «амбициозной, вероломной, неутомимой, фанатичной и захватнической державой»⁷⁷⁶. «Это непримиримый и предприимчивый враг, – писал английский литератор Артур Юнг в своей первой опубликованной работе, – который долгое время был главным возмутителем спокойствия всего западного мира»⁷⁷⁷.

По мере стабилизации ситуации на фронтах, а также после блестящей победы при Квебеке 13 сентября 1759 г. в прессе начали появляться произведения, где прославлялись храбрость и отвага британских солдат. Уже в 1762 г. британцы были уверены в победе настолько, что то и дело встречались описания того, как Великобритания «свернула упрямую шею гордого галла»⁷⁷⁸. Как отмечает К. Вильсон, итогом войны стало не только начало процесса осознания британской общности как единого целого, но окончательная убежденность в том, что Британия «была свободнее Франции»⁷⁷⁹. Более того, Британия представлялась абсолютной противоположностью Франции: если первая, по мнению британцев, была оплотом свободы, протестантизма и процветания, то вторая – «...вместилищем безволия, католицизма и бедности»⁷⁸⁰.

Победы британцев в Семилетней войне, даже несмотря на унижительный для Британии Парижский мир 1763 г., определенно способствовали формированию национальной гордости

⁷⁷⁵ The Diary of George Ridpath / ed. by Sir J. Balfour Paul. Edinburgh : University Press, 1922. Vol. 2. P. 34.

⁷⁷⁶ The Progress of the French, in their Views on the Universal Monarchy. 1756 // Political Prints in the Age of Hogarth : A Study of the Ideographic Representation of Politics. Oxford : Oxford University Press, 1974. P. 173.

⁷⁷⁷ Цит. по: *Gazley J. G. Arthur Young, British Patriot // Nationalism and Internationalism* / ed. by E. R. Earle. New York : Columbia University Press, 1950. P. 147.

⁷⁷⁸ Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросу внешней и колониальной политики в XVIII веке. С. 116.

⁷⁷⁹ *Wilson K. The Sense of the People : Politics, Culture and Imperialism in England 1715–1785*. P. 198.

⁷⁸⁰ *Conway S. War and National Identity in the Mid-Eighteenth Century British Isles*. P. 886.

жителей Туманного Альбиона. Более того, угроза католического вторжения со стороны якобитов или самих французов способствовала складыванию чувства национального единства между англичанами, валлийцами, ирландцами и шотландцами. Поражение Франции в Семилетней войне стало национальным триумфом британцев. Они были убеждены в том, что им удалось повергнуть «естественного» врага.

Начало 1770-х гг. было отмечено еще одним конфликтом, едва не вылившимся в вооруженное столкновение. Речь идет о Фолклендском кризисе 1770 г., вызванном территориальным спором между Испанией и Британией. Создание в 1764 г. поселения на одном из островов британскими колонистами привело к конфликту в англо-испанских взаимоотношениях. Испанские военные считали Фолкленды своим владением. Испанские солдаты вынудили британцев капитулировать и покинуть острова летом 1770 г. Когда известия о произошедших событиях достигли Британских островов, это вызвало общественный резонанс. Большинство политиков и публицистов были убеждены, «что национальные интересы и престиж подорваны»⁷⁸¹, и требовали вступления в войну.

Против военных действий в отношении агрессора выступил С. Джонсон. Его мнение по вопросу о Фолклендском кризисе нашло отражение в памфлете «Размышления о последних операциях на Фолклендских островах» (1771). Казалось бы, памфлет был абсолютно непатриотичен. Его автор настаивал на отсутствии необходимости сражаться за один из отдаленных островов, «отброшенный в сторону от всего человечества, обдуваемый всеми ветрами зимой и бесплодный летом, не удостоенный южными дикарями поселениями»⁷⁸². Тем не менее, памфлет не лишен патриотических настроений. Подробно разбирая историю Фолклендских островов, Джонсон сообщает, что они были открыты англичанами, а потому, разумеется, Британия имеет право пре-

⁷⁸¹ Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. С. 182.

⁷⁸² Johnson S. Thoughts on the Late Transactions Respecting Falkland's Islands // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. P. 369.

тендовать на них. Однако нет никакого смысла воевать за них, поскольку они «будут гнездом браконьеров в мирное время и убежищем пиратов в годы войны»⁷⁸³. Отчаянные попытки испанцев изгнать британских поселенцев с островов, казалось, нисколько не удивляли Джонсона. Тем не менее, он не считал, что кровь его соотечественников должна проливаться ради Фолклендских островов в ходе сражений с жестокими испанцами. Готовность Джонсона уступить отдаленные острова испанцам свидетельствует о том, что к 70-м гг. XVIII столетия Испания не представлялась ему важным соперником Британии, конфликт с которой мог бы помешать гегемонии Британской империи на морях.

В дальнейшем конфликт в североамериканских колониях Британии, поначалу бывший внутренним английским делом, вновь продемонстрировал устойчивость стереотипов о «естественных» врагах жителей Британских островов. Поддержка Францией в 1778 г. и Испанией в 1779 г. повстанцев 13 колоний с новой силой всколыхнула бытовавшие прежде стереотипы об этих двух европейских странах. Более того, как считает Дж. Блэк, в годы Войны за независимость настроения политической элиты Британии были полностью антифранцузскими⁷⁸⁴.

Главным соперником Британии, начиная с середины XVIII столетия, следует считать Францию. После раздела испанского «наследства» Испания лишь следовала в фарватере французской политики. Франция в годы Семилетней войны начала рассматриваться как антитеза, прямая противоположность Британии. Поэтому формирование британцами образа «себя» зачастую происходило через складывание образа «врага», которым являлись французы.

Таким образом, конфликты Британии с европейскими державами способствовали оформлению у британцев представлений о «естественных» врагах, в роли которых выступали французы и испанцы. Уже в годы Войны за испанское наследство

⁷⁸³ Ibidem.

⁷⁸⁴ См.: *Black J. Natural and Necessary Enemies : Anglo-French Relations in the Eighteenth Century.* P. 68.

был сформирован отрицательный образ «пройдохи» Луи Бабуна, которого олицетворял французский монарх. В дальнейшем этот образ был усилен на полотнах У. Хогарта в середине XVIII в. Так, накануне и во время Семилетней войны французы представлялись британцам неугомонными, вероломными захватчиками, носителями католицизма и религиозных суеверий. Страх католической угрозы со стороны Франции также был особенно силен во время восстаний якобитов, что способствовало появлению многочисленной популярной литературы антипапистской направленности. В то же время столкновение в заморских колониях с Испанией, вылившееся в Войну за ухо Дженкинса, способствовало росту убежденности британцев в жестокости и беспринципности еще одного врага – испанцев. Фолклендский кризис 1770 г. продемонстрировал жизнеустойчивость стереотипов об испанцах. Таким образом, вооруженные столкновения Британии с Францией и Испанией конституировали британский образ «врага», сыгравший важную роль в формировании британской национальной идентичности.

Эти процессы исследуются в сочинениях С. Джонсона. В наследии литератора отражены ключевые международные конфликты и политические события. При обращении к Войне из-за уха Дженкинса литератор противопоставлял жестокосердных испанцев, принесших в Новый Свет лишь бесчинства и пороки, и христианнейших англичан, чья колониальная политика была куда благочестивее. С. Джонсон, в отличие от многих современников, был более прагматичен в оценке англо-французских взаимоотношений. Хотя он возлагал на Францию большую, чем на Британию, ответственность за развязывание Семилетней войны, он винил в начале конфликта обе стороны. Стремление к мирному разрешению любых международных противоречий лексикограф продемонстрировал и в ходе Фолклендского кризиса, полагая, что кровь его соотечественников не должна проливаться ради далеких островов. Таким образом, эссеистика С. Джонсона носит пацифистский характер, хотя в ней также нашли отражение представления об образе «врага», сыгравшего значительную роль в конструировании британской национальной идентичности.

4.2. Борьба с галломанией

Франция являлась не только внешнеполитическим врагом Британии в XVIII столетии, но и оказывала мощное культурное влияние, будучи эпицентром европейской «республики писем» – сообщества мыслителей и литераторов. Хотя философы и мыслители Британских островов также являлись членами «республики писем», нередко они обращали свои взоры на достижения французской интеллектуальной мысли. Как отмечает Дж. Ньюмэн, французское влияние на британскую литературу и искусство было достаточно сильно⁷⁸⁵. Английская и, в особенности, шотландская литература на протяжении эпохи Просвещения «подпитывалась» работами французских критиков, драматургов и писателей, словно это было «время, когда каждый подражал французской моде»⁷⁸⁶.

Случай начинающего литератора Сэмюэла Джонсона лишь подтверждает это. Его первой публикацией в 1735 г. стал перевод с французского изданных в 1728 г. И. Леграном путевых заметок об Абиссинии португальского миссионера И. Лобо. Кроме «Путешествия в Абиссинию» Лобо, аналогично, через Францию, на Британские берега попадало множество работ, в особенности труды французских ученых и просветителей. Это признавал и Джонсон, однажды в разговоре с Босуэлом отметив, что «наша литература пришла к нам из Франции»⁷⁸⁷. Однако, по мнению литератора, Париж стал второй столицей «возрождения письма», первой, «разумеется, был Рим»⁷⁸⁸.

Вплоть до середины 1740-х гг. Джонсон определенно был франкофилом. Он, как и представители «господствующего класса, а также поэты, драматурги и некоторые памфлетисты», был подвержен галломании⁷⁸⁹. Недаром американский исследователь Д. Джарретт отмечал, что Англия первой половины XVIII в. находилась в «тени Франции и французской культуры»⁷⁹⁰.

⁷⁸⁵ Newman G. The Rise of English Nationalism : A Cultural History 1740–1830. P. 16.

⁷⁸⁶ Clark A. F. B. Boileau and the French Classical Critics in England (1660–1830). New York : B. Franklin, 1970. P. 194.

⁷⁸⁷ Boswell J. Life of Johnson. P. 918.

⁷⁸⁸ Ibidem.

⁷⁸⁹ Colley L. Britons : Forging the Nation. P. 88.

⁷⁹⁰ Jarrett D. England in the Age of Hogarth. New York : Viking Press, 1974. P. 194.

Галломания привела к тому, что британские «патриции» говорили друг с другом по-французски, предпочитали французскую одежду, нанимали французских парикмахеров и камердинеров, посещали парижские салоны во время «Гран-тура» и чествовали французскую культуру и роскошь. Такой образ жизни, хоть и не был свойствен Джонсону и многим другим «чердачным поэтам», не вызывал особого восторга у «британских торговцев и мануфактурщиков, терявших потребителей своего искусства и своих товаров»⁷⁹¹.

В середине XVIII столетия влияние французского Просвещения на интеллектуальную элиту Британии также оставалось существенным. Наиболее ярким подтверждением этого является случай «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел». Хотя в 1750-е гг. в британском обществе все больше и больше преобладали антифранцузские настроения, аристократические семейства и интеллектуалы считали своим долгом приобрести хотя бы несколько томов «Энциклопедии» в оригинале. Так, в числе обладателей нескольких первых томов «Энциклопедии» были С. Джонсон⁷⁹² и Д. Гаррик⁷⁹³, а О. Голдсмит неоднократно использовал сведения из нее в своих публицистических текстах⁷⁹⁴. Тем не менее, как отмечает Д. Адамс, «Энциклопедия» оказала довольно слабое влияние на «интеллектуальную жизнь Великобритании XVIII в., как бы ее ни читали – по-английски или по-французски, “в части” или полностью. ...В тех же случаях, когда “Энциклопедию” покупали для украшения библиотек богачей, знати или старинных университетов, ее страницы, скорее всего, оставались неразрезанными»⁷⁹⁵. По сути, уже в середине XVIII столетия «плоды отечественной учености англичанам показались слаще»⁷⁹⁶.

⁷⁹¹ Colley L. Britons : Forging the Nation. P. 88.

⁷⁹² См.: Christie J. A Catalogue of the Valuable Library of Books of the Late Learned Samuel Johnson. P. 22.

⁷⁹³ См.: Lough J. The «Encyclopedie» in Eighteenth-Century England and Other Studies. Newcastle upon Tyne : Oriel Press, 1970. P. 2–3

⁷⁹⁴ См.: Crane R. S., Friedman A. Goldsmith and the Encyclopedie // The Times Literary Supplement. 11 May 1933. P. 331.

⁷⁹⁵ Адамс Д. Космополитизм и книгоиздание : случай «Энциклопедии» // Нов. лит. обозрение. 2011. № 110. С. 168.

⁷⁹⁶ Там же. С. 166.

Тем не менее, многие работы британцев создавались в ответ на уже имевшиеся французские издания. К примеру, «Словарь Французской академии» (1687) вызвал публикацию целой плеяды словарей английского языка, издаваемых на протяжении первой половины XVIII в. Одним из составителей словарей стал С. Джонсон, чей «Словарь английского языка» явился поворотной точкой как в карьере литератора, так и в истории английской лексикографии в целом. Этот монументальный труд отразил смену взглядов Джонсона на Францию. Литератор, вошедший в мир литературы как переводчик с французского, благодаря «Словарю» впоследствии стал считаться «первым литературным героем великой нации»⁷⁹⁷.

В предисловии к «Словарю английского языка» (1755) литератор заявляет о необходимости ограничить французское влияние на английский язык. «Я не хотел бы видеть, – писал Джонсон, – как зависимость нашего языка увеличивается, и, надеюсь, дух английской свободы способен воспрепятствовать этому и не допустит того, чтобы мы начали болтать на французском диалекте»⁷⁹⁸. Особенно точно значение этой фразы прокомментировал американский историк-джонсоновец Р. ДеМария: «Это франкофобия и ксенофобия; это звучит как цель замкнутого свободолюбивого северного острова»⁷⁹⁹. И лексикограф стремился следовать этой цели, минимизировав количество французских слов, зачастую предпочитая приписывать словам латинское, а не французское происхождение.

В аналогичном направлении – поощрения национально-го взамен французскому – действовало и созданное Уильямом Шипли в 1754 г. «Общество для поощрения искусств, ремесел и торговли Великобритании». На момент основания оно насчитывало лишь 17 членов, однако спустя 10 лет уже объединяло 2100 сторонников в Британии и британских североамериканских колониях⁸⁰⁰. Как и антигалликанцы, Общество назначало

⁷⁹⁷ *Bate W. J.* Samuel Johnson. London : Chatto and Windus, 1978. P. 591.

⁷⁹⁸ *Johnson S.* Preface // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 18. P. 108–109.

⁷⁹⁹ *DeMaria R.* Johnson's Dictionary and Dictionary Johnson // The Yearbook of English Studies. Vol. 28. Eighteenth-Century lexis and lexicography. 1998. P. 39.

⁸⁰⁰ *Colley L.* Britons : Forging the Nation. P. 90.

премии тем, чьи работы, как казалось, принесли наибольшую выгоду экономике своего народа. Более того, каждый год оно награждало художников и скульпторов, что в 1761 г. привело к проведению первой в своем роде масштабной публичной выставки британского искусства. Любопытно, что предисловие к каталогу этой экспозиции написал Сэмюэл Джонсон⁸⁰¹. Он сообщал о новом явлении в королевстве, целью которого было «не обогащение художников, а продвижение искусства»⁸⁰². По сути, Общество было создано для укрепления международного авторитета королевства в культурном пространстве Европы, чтобы «Британия повелевала искусствами так же, как повелевала морями, в обоих случаях состязаясь с Францией»⁸⁰³.

Литература и искусство Британии первой половины XVIII столетия зачастую находились в «зависимости» от французского влияния. Тем не менее, череда внешнеполитических конфликтов и Семилетняя война способствовали появлению национальной гордости британцев, осознавших свою самодостаточность и даже превосходство над южными соседями. Наиболее явно это отражено в дневниках и путевых заметках британских путешественников, отправлявшихся в «Гран-тур», особенно после заключения Парижского мира в 1763 г.

После завершения Семилетней войны начался новый этап в познании британцами своих соседей. Количество путешественников в Европу увеличивается. С 1763 г. Францию посещают тысячи путешественников с Британских островов. По подсчетам британского историка Дж. Блэка, с 1763 по 1778 г. 40 тыс. английских путешественников ежегодно посещало континент⁸⁰⁴. Обращают на себя внимание произошедшие перемены в культуре путешествий после 1763 г. Во-первых, доступность путе-

⁸⁰¹ См.: *Johnson S.* Preface to A Catalogue of the Pictures, Sculptures, Models, Drawings, Prints, &c Exhibited by the Society of Artists of Great-Britain at the Great Room in Spring Gardens Charing Cross May the 17th Anno 1762 Being the Third year of their Exhibition // *The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson*. Vol. 20. Samuel Johnson : Johnson on Demand. P. 471–472.

⁸⁰² *Ibid.* P. 472.

⁸⁰³ *Colley L.* *Britons : Forging the Nation*. P. 91.

⁸⁰⁴ См.: *Black J.* *The British Abroad : the Grand Tour in the 18th century*. London : Sutton, 1992. P. 105.

шествия в экономическом отношении. Как отмечает Дж. Блэк, во второй половине XVIII в. стоимость вояжа стала существенно дешевле⁸⁰⁵. К примеру, тур во Францию стал такой же обычной поездкой, как поездка в Бат.

Во-вторых, что наиболее важно, после 1763 г. путешествие по Европе перестает быть привилегией аристократии. Теперь его могли себе позволить обеспеченные джентри или представители средних слоев населения. Формируются устойчивые маршруты по Франции – до Парижа и обратно. Появляются путеводители (работы Томаса Ньюджента «Гран-тур» 1747 г. (переиздания в 1756 и 1778 гг.), Джошуа Таккера «Инструкция для путешественников» 1757 г., Джона Эндрюса «Сравнительный обзор народов Англии и Франции» 1784 г.). Тем не менее, Таккер в «Инструкциях для путешественников» советовал путешественнику для начала удостовериться в том, что он хорошо знаком со своим собственным отечеством, прежде чем вознамериться расширять кругозор за его пределами. Поэтому работа Таккера начинается с перечня книг по религии, этике, гражданскому праву и государственному устройству, английской конституции и устройству англиканской церкви, международной политике, торговле и налогообложению⁸⁰⁶.

Одним из путешественников во Францию был доктор Джонсон, отправившийся осенью 1775 г. совместно с миссис Трейл и ее семейством в Париж. Ни в дневниках, ни в письмах Джонсона не уточняется причина вояжа. Однако заметки миссис Трейл позволяют сделать вывод о том, что цель путешествия была глубоко «познавательная». По свидетельству миссис Трейл, она вместе с мужем, детьми и доктором Джонсоном отбыла из Лондона 15 сентября 1775 г.⁸⁰⁷ Уже 16 сентября компания путешественников встретила в Дувре с итальянским литератором Джозефом Баретти, который присоединился к ним. Переплыв на корабле Ла-Манш, путешественники прибыли в Кале, откуда по дороге через Сент-Омен, Аррас, Амьен и Руан они прибыли в Париж

⁸⁰⁵ См.: Ibid. P. 101.

⁸⁰⁶ См.: *Tucker J. Instructions for Travelers. Dublin : W. Watson, 1758. P. 3.*

⁸⁰⁷ См.: *Mrs. Thrale's French Journal, 1775 // The French Journals of Mrs. Thrale and Doctor Johnson / ed. by M. Tyson and H. Guppy. Manchester : The Manchester University Press, 1932. P. 67.*

28 сентября⁸⁰⁸. Если миссис Трейл подробно описывает каждый день во Франции, то дневник доктора Джонсона отличается немногословностью. К примеру, первая запись литератора о Франции датируется 18 сентября 1775 г., когда он пишет, что «провел бессонную ночь в Кале»⁸⁰⁹. Однако он ни словом не обмолвился о том, как компания добиралась до Парижа.

Обратимся к образам Франции и французов на основании путевых заметок доктора Джонсона и миссис Трейл, а также британских путешественников: Тобайаса Смоллетта, Лоренса Стерна, Джона Чарльза Виллерса, Джона Армстронга и др. Стоит отметить, что зачастую британцы не столько описывали увиденное ими в путешествии, сколько сравнивали Францию с отечеством и пытались подтвердить правдивость уже существовавших стереотипов о французах.

Путешествия в 1760–1770-е гг., ставшие доступнее для представителей разных сословий, повлияли на формирование образов «своего» и «другого». «Каждый молодой человек должен уехать за границу, – писал Джон Чарльз Виллерс, 3-й граф Кларендон, из Франции в 1778 г., – чтобы стать более привязанным к собственной стране. Я нахожу здесь все настолько плохим, что я сияю от гордости и восторга, когда думаю, что я англичанин»⁸¹⁰. Аналогично высказывался доктор Джонсон, после путешествия сказав Босуэлу: «Французы – грубые, невоспитанные и неопытные люди; леди там сплевывают на пол и затирают это своей ножкой. Что я действительно понял во время пребывания во Франции, так это то, что нужно больше довольствоваться своей собственной страной»⁸¹¹.

Поездками во Францию в 60–70-е гг. XVIII столетия прославились в первую очередь два путешественника и литератора – Лоренс Стерн и Тобайас Смоллетт. Оба писателя отправились во Францию после завершения Семилетней войны и оставили путевые

⁸⁰⁸ См.: Mrs. Thrale's French Journal, 1775 // The French Journals of Mrs. Thrale and Doctor Johnson. P. 89.

⁸⁰⁹ Johnson S. Diary to Paris // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 1. P. 228.

⁸¹⁰ Цит. по : Black J. The British and the Grand Tour. London : Routledge, 1985. P. 164.

⁸¹¹ Boswell J. Life of Johnson. P. 995.

заметки, различающиеся в зависимости от того, какую цель авторы ставили перед собой. Из «Сентиментального путешествия», несмотря на мелькающие названия французских городов и избитые французские фраз, о Франции можно узнать лишь то, что «во Франции» все «устроено лучше»⁸¹² – по этому предложению, кстати говоря, являющемуся первым в произведении, можно оценить взгляды Стерна. В остальное время мы скорее узнаем больше о чувствах и переживаниях Стерна, а не о Франции и ее жителях.

«Путешествие по Франции и Италии» Смоллетта было принято в Англии более чем благосклонно, ведь эта книга свидетельствовала, что во Франции все устроено хуже. Патриотическим духом проникнуты и дневники доктора Джонсона и миссис Трейл. Интересно, что литературный «диктатор», владеющий французским языком, предпочитал общаться с учеными на латыни.

Тур Джонсона в Париж не был столь знаменит, как его путешествие в Шотландию, совершенное двумя годами ранее. О нем не упоминалось в газетах и журналах, а французский дневник не был опубликован литератором. Письма и дневники Джонсона, как и других британских путешественников, отмечены снисходительностью по отношению к чужестранцам и самодовольством, восхвалением своих соотечественников. И все же путешествие по Франции не было лишено своих достоинств.

Так, преимуществом Франции было то, что там намного легче войти в просвещенное общество, чем в Лондоне: «В Лондоне без частной рекомендации нет доступа к ассоциациям, основанным в кофейнях джентльменами-завсегдагаями, – писал Дж. Эндрюс, – в Париже куда больше возможностей для достойного досуга среди людей одного класса... в парижских кофейнях людей оценивают по заслугам и изобретательности»⁸¹³. Стерн, удивленный тем, как быстро он получил признание в обществе, писал: «Я не встретил никаких препятствий, чтобы попасть в высший свет»⁸¹⁴.

⁸¹² *Стерн Л.* Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / пер. с англ. А. Франковского. М.: Худож. лит., 1968. С. 1.

⁸¹³ *Andrews J.* A Comparative View of the French and English Nations. London: T. Longman, 1785. P. 41.

⁸¹⁴ Цит. по: *Cash A.* Laurence Sterne: the Later Years. London; New York: Methuen, 1986. Vol. 2. P. 130.

В то же время английские путешественники обращали внимание на вежливость французов. Миссис Трейл отмечала, что «вежливость действительно кажется главной характеристикой этой нации. Если ты встретишь французского джентльмена по дороге, он всегда снимет шляпу»⁸¹⁵. Джон Эндрюс также писал о французах как о «вежливых и сердечных, порывистых и любезных, полных жизни и энергии» людях⁸¹⁶.

Тем не менее, в описаниях превалировали негативные оценки. Во время поездки в Париж миссис Трейл пожаловалась на Аррас: «Мы ночевали в худшей гостинице, какая только возможна»⁸¹⁷. Не в восторге от первых дней в пути был и доктор Джонсон, который, по свидетельству миссис Трейл, придумывал маленькие двустушия на французском о каждом месте, где компания останавливалась. Например: «Кале / Завышенные цены» (*A Calais / Trop de frais*), «Сент-Омер / Есть все и все дорогое» (*St. Omer / Tout est cher*), «Аррас / Увы! » (*Arras / Hellas!*)⁸¹⁸. Спустя месяц пребывания в Париже миссис Трейл уже заявила, что не вежливость, а «самолюбование кажется главной характеристикой этой страны»⁸¹⁹.

Почти все французское путешествие Джонсона, семейства Трейл и Баретти прошло в посещении достопримечательностей и окрестностей Парижа. Непрерывные осмотры знаменитых монументов и сооружений привели к тому, что Джонсон написал в дневнике: «Виды дворцов и прочих величественных зданий растворяются в памяти бесследно»⁸²⁰. Хотя впечатления от достопримечательностей у Джонсона разнились. Он высоко оценил библиотеки, в которых ему удалось побывать – королевскую, библиотеки Сорбонны, Сен-Жермена, однако назвал Версаль «жалким городком со множеством карет

⁸¹⁵ Mrs. Thrale's French Journal, 1775 // The French Journals of Mrs. Thrale and Doctor Johnson. P. 75.

⁸¹⁶ Andrews J. A Comparative View of the French and English Nations. P. 42.

⁸¹⁷ Mrs. Thrale's French Journal, 1775 // The French Journals of Mrs. Thrale and Doctor Johnson. P. 73.

⁸¹⁸ Ibid. P. 79.

⁸¹⁹ Ibid. P. 115.

⁸²⁰ Johnson S. Diary to Paris // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 1. P. 238.

и повозок»⁸²¹. Аналогично высказывался Джон Армстронг, опубликовавший в 1771 г. под псевдонимом Ланселот Темпл «Короткую прогулку по некоторым частям Франции и Италии». Автору Лувр представился «как грязный, пыльный, неудобный, смущающий объект несовершенства, без каких-либо разумных надежд на то, что он когда-либо изменится»⁸²².

Путешественники особо отмечали имущественное неравенство среди населения Франции. Смоллетт сообщал: «Трудовой народ живет в ужасных условиях и скверно питается»⁸²³. Джонсон также отмечал, что во Франции нет третьего сословия. Он высказался о путешествии следующим образом: «Знать во Франции купается в роскоши, остальные же бедствуют. У них нет того, что есть у нас – золотой середины, среднего сословия. Лавки в Париже довольно бедные; мясо на рынках такое, каким в Англии кормят разве что в тюрьмах. По справедливому замечанию мистера Трейла, хваленая французская кухня – не от хорошей жизни, ибо есть свое мясо без специй французы не в состоянии»⁸²⁴.

В путевых заметках Джонсона и Трейла практически не встречаются описания национального характера французов. Об этом из всех англичан наиболее полно написал литератор и памфлетист Джон Эндрюс (1736–1809) в работе «Сравнительное обозрение французской и английской нации» 1785 г. В книге описывается французское тщеславие, а главным злом французской цивилизации называется «нелепое желание большинства индивидов досаждать измышлениями о своем положении», желание, которое вынуждает француза «выставлять напоказ свою ценность» с помощью дорогостоящего одеяния и безделушек «ради того, чтобы произвести впечатление на свое окружение»⁸²⁵.

⁸²¹ Johnson S. *Diary to Paris* // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 1. P. 241.

⁸²² A Short Ramble through some parts of France and Italy, by Lancelot Temple. London : T. Cadell, 1771. P. 64–65.

⁸²³ Смоллетт Т. Путешествие по Франции и Италии // Отечество карикатуры и пародии. Английская сатирическая проза XVIII века / пер. с англ. А. Ливерганта. М. : Нов. лит. обозрение, 2009. С. 424.

⁸²⁴ Босуэлл Дж. Жизнь Сэмюэля Джонсона // Отечество карикатуры и пародии. Английская сатирическая проза XVIII века. С. 626.

⁸²⁵ Andrews J. A Comparative View of the French and English Nations. P. 250–254.

Многие французы, по мнению автора, живут для себя, в то время как англичане – люди, которым нет равных в «чистых, естественных и непринужденных» поступках⁸²⁶.

Очевидный вывод, который можно сделать после прочтения труда Эндрюса – «французский характер является антитезой английскому»⁸²⁷. Во-первых, по мнению автора, французы аморальны: «французы рады разглагольствовать о галантности», в то время как Франция была «природной почвой» такой испорченности, дух которой распространился по многим уголкам Европы⁸²⁸. Во-вторых, французы не имеют чувства юмора: у них было «утрированное чувство юмора», которое проявляется при самых «дерзких рассказах»⁸²⁹. В-третьих, они не прямолинейны и скрытны: «их привычка наводить лоск – характерная черта любого француза», и даже их речь всегда полна «намёков и иносказаний»⁸³⁰. Англичане переняли от французов галантность, но все-таки остались «серьезными и влиятельными», людьми с «врожденной мужественностью»⁸³¹.

Путешествие доктора Джонсона и семейства Трейл завершилось 11 ноября 1775 г. Покидая Париж, миссис Трейл написала в дневнике: «Мы провели месяц с чрезмерными затратами, некоторым удовольствием и определенной пользой»⁸³². Пожалуй, многие из путешественников того времени могли бы с ней согласиться. В целом же путевые заметки английских путешественников 1760–1770-х гг. сформировали критическое отношение к французам, которых предшествующее им поколение аристократов когда-то вообразало эталоном для подражания.

Интеллектуальное наследие С. Джонсона как нельзя лучше демонстрирует процесс преодоления галломании в среде интеллек-

⁸²⁶ *Andrews J. A Comparative View of the French and English Nations. P. 77–79.*

⁸²⁷ *Newman G. The Rise of English Nationalism : A Cultural History 1740–1830. P. 146.*

⁸²⁸ См.: *Andrews J. A Comparative View of the French and English Nations. P. 319–326.*

⁸²⁹ *Ibid. P. 340.*

⁸³⁰ *Ibid. P. 388.*

⁸³¹ *Ibid. P. 276.*

⁸³² *Mrs. Thrale's French Journal, 1775 // The French Journals of Mrs. Thrale and Doctor Johnson. P. 149.*

туалов эпохи Просвещения. Начинаящий литератор, как и многие из его современников, в том числе конкуренты на литературном поприще, испытали на себе влияние французской культуры. Борьба с галломанией начинается в 40-е гг. XVIII в. и продолжается в последующие десятилетия. Так, хотя Словарь Французской академии был востребован на Британских берегах, с середины XVIII столетия британские интеллектуалы предпринимают первые попытки преодолеть галломанию. «Словарь» доктора Джонсона, а также его путешествие в Париж – наглядное тому подтверждение. Более того, увеличение с 1763 г. числа британских путешественников на континент, и в особенности во Францию, не способствовало росту франкофильских настроений, но, напротив, позволило британцам в ходе небольших путешествий убедиться в собственном превосходстве над другими народами, поскольку на чужбине родина представляется особенно прекрасной.

4.3. В поисках Царства пресвитера Иоанна: Абиссиния

В марте 1622 г. португальский миссионер Иероним Лобо (1595–1678), воспользовавшись оказией, сел на судно, направлявшееся к берегам Индии. Преодолев всевозможные трудности, сопровождавшие любого отважного путешественника в первой половине XVII столетия⁸³³, в декабре того же года Лобо оказался на побережье Гоа. Он был убежден, что отныне его миссия заключается в служении во имя Святого престола в этой отдаленной стране. Однако непростое путешествие Лобо только начиналось: «как раз тогда из Эфиопии были получены письма от находившихся там святых отцов. Они сообщали, что Султан Сегед (Сусныйос. – Т. К.), император Абиссинии, всей душой воспринял Римскую церковь и что многие из его подданных последовали примеру монарха. В связи с этим возникла большая потребность в миссионерах для поддержки богоугодных начина-

⁸³³ У мыса Доброй Надежды португальские корабли настигла буря, а у берегов Мозамбика, как сообщает Лобо, португальцам пришлось вступить в сражение с атаковавшими их английскими и голландскими фрегатами. Подробнее см.: *Иероним Лобо. Путешествие в Абиссинию* / пер. с англ. М. Л. Вольпе. М.: Галактика, 2018. С. 9–10.

ний императора»⁸³⁴. Иероним Лобо стал одним из португальских иезуитов, отправившихся в земли эфиопского властителя.

Миссия иезуитов была успешна, пока во главе Абиссинии стоял негус Сусныйос (амхар. *Sūsinyōs*), всячески потворствовавший распространению католицизма среди племен своего королевства. Так, Иероним Лобо прожил в Абиссинии около 10 лет, с 1624 по 1634 г., однако был изгнан новым правителем Фасиледэсом (амхар. *Fāsīladas*), восстановившим былую силу Абиссинской церкви. Вполне возможно, что история о тяготах и испытаниях, выпавших на долю миссионера, осталась бы в забвении, если бы французский священник Иоахим Легран (1653–1733) не обнаружил рукопись Лобо в лиссабонском монастыре Святого Роха. В 1728 г. Легран опубликовал французский перевод заметок португальского иезуита под названием «Историческое путешествие в Абиссинию преподобного отца Иеронима Лобо в компании иезуитов»⁸³⁵. Так труд Лобо стал известен в Европе и, в конечном итоге, на Британских островах.

Долгое время Абиссиния не была предметом интереса английских интеллектуалов XVII–XVIII в., что связано с отсутствием регулярных контактов Эфиопии с западноевропейскими державами. Еще с XII в. в Европу попадали сведения о существовании мощной христианской державы – Царства пресвитера Иоанна⁸³⁶. Считалось, что это царство находится в Индии, однако «во второй половине XIII в. европейские элиты сформировали более ясное (или, скорее, менее запутанное) понимание Востока и переместили владения мнимого государя из Азии в Африку»⁸³⁷. Фактически вплоть до начала XIV в. основным местом, где африканские христиане и европейцы «могли видеть друг друга, был Иерусалим, а также другие центры паломничества в Палестине»⁸³⁸.

⁸³⁴ Иероним Лобо. Путешествие в Абиссинию. С. 11.

⁸³⁵ Lobo J. Voyage historique d'Abissinie : du R. P. Jerome Lobo de la Compagnie de Jesus / trad. par J. Le Grand. Paris : P. Gosse & J. Neaulme, 1728.

⁸³⁶ Salvadore M. The Ethiopian Age of Exploration : Prester John's Discovery of Europe, 1306–1458 // J. of World History. Dec. 2010. Vol. 21. Iss. 4. P. 596–597.

⁸³⁷ Ibid. P. 597.

⁸³⁸ Возчиков Д. В. Царство Пресвитера Иоанна или оплот еретиков? Христианская Африка глазами венецианских интеллектуалов // Уральское востоковедение : междунар. альманах. Екатеринбург, 2015. № 6. С. 210.

В XIV в. начинают устанавливаться первые дипломатические контакты Эфиопии и Венецианской республики и отправляться посольства эфиопских негусов в Европу. Ответные дипломатические миссии европейских государей были еще более редким явлением. Только в 1520 г. на побережье Массауи высадились посланцы португальского короля Мануэла I, что положило начало союзу между двумя государствами и впоследствии позволило католическим миссионерам обосноваться в Абиссинии⁸³⁹. В результате установления контактов эфиопских правителей с европейскими государями восприятие Эфиопии варьировалось от «патетической картины “черных христиан”, угнетенных и гонимых египетским султаном, до характеристики эфиопов как людей грубых и диких»⁸⁴⁰. Чаще всего представления западноевропейских интеллектуалов об Абиссинии ограничивались отрывочными сведениями о далеком Царстве пресвитера Иоанна или легендой о царице Савской (в эфиопском фольклоре так именовалась царица Македа, ставшая основательницей династии эфиопских правителей).

Сочинение Иеронима Лобо, в котором причудливо сочетались как вышеуказанные стереотипы об Абиссинии, так и детальные описания повседневности местных жителей, привлекло внимание девятнадцатилетнего Сэмюэла Джонсона, обнаружившего в 1728 г. в фолиантах библиотеки Пемброк-колледжа французское издание труда Лобо⁸⁴¹. Поразивший воображение С. Джонсона образ Абиссинии, отраженный в труде Лобо, привел к тому, что первым опубликованным произведением начинающего литератора стал перевод на английский язык французской версии «Путешествия» Лобо.

Впрочем, мы не без оснований можем утверждать, что основной причиной, побудившей С. Джонсона взяться за перевод «Путешествия», было желание заработать⁸⁴². Восток, включавший

⁸³⁹ См.: *Belcher W. L. Discursive Possession : Ethiopian Discourse in Medieval European and Eighteenth-Century English Literature.* Los Angeles : University Of California Press, 2008. P. 246.

⁸⁴⁰ *Возчиков Д. В. Царство Пресвитера Иоанна или оплот еретиков? Христианская Африка глазами венецианских интеллектуалов.* С. 215.

⁸⁴¹ См.: *Boswell J. Life of Johnson.* P. 62.

⁸⁴² См.: *Belcher W. L. Discursive Possession : Ethiopian Discourse in Medieval European and Eighteenth-Century English Literature.* P. 259; *Boswell J. Life of Johnson.* P. 62.

в представлении человека эпохи Просвещения территории Азии и Африки, привлекал писателей, журналистов, переводчиков. Многие начинающие литераторы были убеждены, что восточная тематика их произведений может гарантировать им успех. Джонсон не стал исключением. Поселившись в 1733 г. в Бирмингеме у своего друга, врача по профессии, Эдмунда Гектора, Джонсон заручился поддержкой книгоиздателя Томаса Уоррена и взялся за перевод французского издания «Путешествия». Однако подготовка перевода затянулась. Когда большая часть текста уже была сдана в типографию, присущие Джонсону леность и медлительность дали о себе знать – работа остановилась⁸⁴³. Только с помощью Э. Гектора, который записывал под диктовку текст, в то время как переводчик «лежал в кровати с книгой»⁸⁴⁴, работу удалось завершить и отдать в типографию.

Английский перевод «Путешествия в Абиссинию» был издан в типографии Уоррена⁸⁴⁵. Хотя книга была напечатана в Бирмингеме, в качестве места издания на обложке значился Лондон. Такая практика была распространена среди провинциальных типографий, рассчитывавших тем самым увеличить продажи своей издательской продукции. Вопреки ожиданиям Джонсона, перевод «Путешествия» на английский язык не принес ему ни славы, ни денег. В дальнейшем сам литератор никогда не испытывал гордость за первую работу. Он признавал, что «погрузился в книгу Лобо и запомнил особо примечательные детали, но перевел их с серьезными ошибками»⁸⁴⁶.

Без сомнения, «Путешествие» Лобо оказало значительное влияние на представление литератора о христианском Востоке. Недаром в предисловии Джонсон положительно отзываясь о сочинении Лобо: «португальский путешественник, вопреки общей склонности его соотечественников, не позабавит своего читателя всевозможными романтическими нелепостями или невероятными вымыслами; <...> он описывает естественную форму жизни, сообразно собственным чувствам, а не игре вообра-

⁸⁴³ См.: *Boswell J. Life of Johnson.* P. 62.

⁸⁴⁴ См.: *Ibidem.*

⁸⁴⁵ См.: *Lobo J. A Voyage to Abyssinia...* London : A. Bettesworth, 1735.

⁸⁴⁶ *Nokes D. Samuel Johnson: A Life.* P. 40.

жения»⁸⁴⁷. Литератор был убежден в правдивости представлений португальского миссионера. Для Иеронима Лобо Абиссиния являлась легендарной страной, где в окружении мусульман живут темнокожие последователи Христа, однако, прожив в Абиссинии девять лет, Лобо с естественным для католического миссионера возмущением писал, что эфиопы исказили христианство: «Христианство, которое исповедуют абиссинцы, настолько извращено суевериями, искажениями и ересью, до такой степени засорено заимствованными у евреев обрядами, что, кроме имени, от христианства в их вере мало что осталось»⁸⁴⁸.

Тем не менее, живописные описания Абиссинии, где соседствуют высокие горы и дремучие леса, бурные реки и пустыни, несомненно, повлияли на восприятие этой отдаленной страны С. Джонсоном. Образ Абиссинии как Царства пресвитера Иоанна нашел свое отражение в творчестве литератора 24 года спустя, когда он, вдохновленный абиссинскими сюжетами из «Путешествия» Лобо, опубликует «Историю Расселаса».

«История Расселаса, принца абиссинского» была написана Джонсоном в январе 1759 г. и опубликована типографией У. Стрэхэна 19 апреля 1759 г. в формате ин-октаво. Стоимость одного экземпляра повести составляла 5 шиллингов⁸⁴⁹. За полтора года – с момента издания повести до конца 1760 г. – 14 британских периодических изданий напечатали обзоры на «Историю Расселаса». Из всех рецензий за этот период (всего их 22) 10 представляли собой отрывки повести, две содержали критику, остальные – похвалу⁸⁵⁰. В основном в положительных отзывах говорилось о содержании, стиле и языке повести, а также самом Джонсоне. Совершенно иначе характеризуется «История Расселаса» в критической статье журнала «Мансли ревью», в которой автор отзыва обрушился на язык произведения, считая его «на-

⁸⁴⁷ Johnson S. Major Works / ed. by D. Greene. Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 41.

⁸⁴⁸ Иероним Лобо. Путешествие в Абиссинию / пер. с англ. М. Л. Вольпе. С. 65.

⁸⁴⁹ См.: Introduction // The Yale Edition to the Works of Samuel Johnson. Vol. 16. Rasselas and other Tales / ed. by G. J. Kolb. New Haven ; London : Yale University Press, 1990. P. xxvi.

⁸⁵⁰ См.: McGuffie H. L. Samuel Johnson in the British Press, 1749–1784. P. 20–23.

пыщенным и помпезным»⁸⁵¹. Впрочем, в конце очерка о повести анонимный автор сообщает, что создатель повести является «гением и обладателем больших способностей, но он явно неправильно применил свои таланты»⁸⁵².

Тем не менее, повесть довольно быстро нашла своего читателя. Первое издание включало 1 500 экз., которые были распроданы уже к июню того же года, в связи с чем последовали второе (июнь 1759, 1 000 экз.) и третье (апрель 1760, 1 000 экз.) переиздания повести. Впоследствии при жизни литератора вышли четвертое (1766, 1 000 экз.), пятое (1775, 1 000 экз.) и шестое переиздания «Истории Расселаса» (1783, 1 000 экз.)⁸⁵³. Литератор получил деньги лишь за первые два издания: 100 фунтов за первое и 25 за второе⁸⁵⁴.

Фабула «Истории Расселаса», написанной Джонсоном в январе 1759 г., довольно характерна для произведений эпохи Просвещения. Как в «Тысяче и одной ночи», в «Видении Мирзы» Аддисона и «Персидских письмах» Монтескье главные герои повествования являются королями, принцами и султанами, так и в «Расселасе» главный герой – принц. По сюжету повести принц Расселас, четвертый сын могущественного государя Абиссинии, беззаботно живет в неприступном дворце Счастливой долины, «пока до него не дойдет очередь наследовать престол»⁸⁵⁵. Однако принц осознает бессмысленность безмятежного времяпрепровождения во дворце. Он решает сбежать из долины со своей сестрой Некаей, ее служанкой Пекуей и мудрецом Имлаком. Беглецы путешествуют по Абиссинии и Египту, знакомясь с жителями Востока и их бытом, рассчитывая отыскать наисчастливейший образ жизни. Но в итоге, «осознав, что их желания неосуществимы»⁸⁵⁶, они возвращаются в Счастливую долину.

⁸⁵¹ The Prince of Abissinia. A Tale // The Monthly Review, or, Literary J. 1759. Vol. 20. P. 428.

⁸⁵² Ibid. P. 437.

⁸⁵³ См.: Introduction // The Yale Edition to the Works of Samuel Johnson. Vol. 16. P. xxvi.

⁸⁵⁴ См.: *Boswell J. Life of Johnson*. P. 240.

⁸⁵⁵ *Johnson S. The History of Rasselas, Prince of Abyssinia. A Tale*. Vol. 1. P. 8.

⁸⁵⁶ Ibid. Vol. 2. P. 165.

В научной литературе длительное время господствовала точка зрения о том, что Абиссиния и Египет в «Истории Расселаса» являются лишь фоном для философских умозаключений Джонсона. Так, британский историк Т. Б. Маколей писал следующее: «Расселас, Имлак, Некая и Пекуя, очевидно, должны были быть абиссинцами XVIII в. Но Джонсон не упоминает об отвратительных дикарях и их невежестве. <...> В философах и просвещенных людях мы видим его друга Берка и его само-го, в дамах – совершенных миссис Леннокс и миссис Шеридан, тем самым он переносит всю повседневную жизнь Англии в Египет»⁸⁵⁷. Впоследствии с позицией Маколей был категорически не согласен американский исследователь Д. Локхарт, утверждавший, что в повести Джонсона «эфиопский след» выражен куда больше, чем может показаться на первый взгляд. Исследователь был убежден, что созданию «Истории Расселаса» предшествовала длительная работа Джонсона с доступными ему текстами по истории Абиссинии⁸⁵⁸.

Действительно, мы определенно можем отыскать эфиопские следы в сочинении литератора. Начнем с того, что принц Расселас живет в обширной долине в царстве Амхарском, окруженном со всех сторон неприступными горами. Здесь упоминается территория народности амхара. В долине, представляющей собой не что иное, как утопию, были собраны «все разнообразные красоты света, все блага природы: зло, казалось, было совсем изгнано отсюда»⁸⁵⁹. На возвышении у берегов горного озера располагался дворец, в котором «жизнь абиссинских принцев и принцесс проходила единственно в приятных сменах удовольствий и отдыха»⁸⁶⁰. Казалось бы, люди, живущие в блаженном заточении, обладали всем желаемым, не стремились разорвать эти прекрасные оковы и не знали о бедствиях и раздорах, царящих в стране за пределами долины. В этом сюжете Джонсон словно

⁸⁵⁷ *Hawes C. Johnson and imperialism // The Cambridge Companion to Samuel Johnson / ed. by G. Clingham. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. P. 114.*

⁸⁵⁸ *См.: Lockhart D. M. «The Fourth Son of the Mighty Emperor» : The Ethiopian Background of Johnson's Rasselas // PMLA. Dec. 1963. Vol. 78, Nr 5. P. 528.*

⁸⁵⁹ *Johnson S. The History of Rasselas. Prince of Abyssinia. Vol. 1. P. 9.*

⁸⁶⁰ *Ibid. P. 11.*

повторяет существовавший со времен Средневековья романтический образ роскошного и безмятежного Востока.

Тем не менее, если обратиться к приложению английского перевода «Истории Эфиопии» немецкого востоковеда Хиоба Людольфа (1624–1704), то можно обнаружить, что в генеалогической таблице королей Абиссинии указывается о побеге четвертого сына короля Басилидэса в 1632 г.⁸⁶¹ Более того, именно из труда Людольфа Джонсон взял имена двух главных героев повести – Расселаса и Имлака. Очевидно, что Сэмюэл Джонсон использовал ряд отсылок к эфиопской истории, с которой мог ознакомиться в труде Людольфа. Стоит отметить, что работу Людольфа Джонсон действительно читал – эта книга хранилась в его библиотеке⁸⁶². При обращении к труду Людольфа также становится понятной причина заточения абиссинских принцев и принцесс в Счастливой долине. Людольф упоминал об обычае воспитывать наследников негуса в отдаленных и труднодоступных регионах, чтобы они не пострадали в случае междоусобных войн.

Таким образом, Абиссиния в трудах Сэмюэла Джонсона оказывается не просто местом чарующих пейзажей и фоном для философских умозаключений. Очевидно, что на произведения литератора, в особенности на «Историю Расселаса», оказали влияние труды иезуитского миссионера Иеронима Лобо и немецкого востоковеда Хиоба Людольфа. Именно благодаря знакомству с этими работами, Джонсон создает повесть, ставшую одним из самых читаемых литературных произведений доктора Джонсона и определившую английский образ отдаленной христианской державы. Фактически С. Джонсон стал создателем английского образа христианской Эфиопии – Счастливой долины, своеобразного подобия Царства пресвитера Иоанна. И хотя Джонсону не удалось побывать в Абиссинии, его Расселасу все же посчастливилось добраться до отдаленной страны – в 1946–1947 гг. «История Расселаса» была переведена на ам-

⁸⁶¹ См.: *Ludolf H. A New History of Ethiopia : Being a Full and Accurate Description of the Kingdom of Abessinia. Vulgarly, Though Erroneously, Called the Empire of Prester John.* London : Printed for S. Smith, 1684. P. 192.

⁸⁶² См.: *Christie J. A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the Late Learned Samuel Johnson.* P. 26.

харский язык⁸⁶³ и длительное время повесть была обязательной к прочтению в эфиопских школах.

4.4. «Арабские ночи» на Граб-стрит

Восток «ворвался» в мир «литературной республики» XVIII в. вместе с публикацией арабских сказок, собранных французским востоковедом и переводчиком Антуаном Галланом и выпущенных под названием «Тысяча и одна ночь»⁸⁶⁴. Почти сразу же издание Галлана попало в Британию, где было переведено на английский язык анонимным автором. Англоязычный вариант «Тысячи и одной ночи», озаглавленный как «Арабские ночи»⁸⁶⁵, вышел в свет благодаря стараниям книгоиздателей с Граб-стрит. «Арабские ночи» изменили представление англичан и европейцев о Востоке в целом за счет «их наполненности цветом, жизнью и духом Востока, открыв тем самым новую главу в истории восточных произведений»⁸⁶⁶.

Произведения, окутанные аурой «экзотического ориентализма»⁸⁶⁷, вызвали неподдельный интерес у европейской публики и сформировали стереотипный образ чарующего, волшебного и дивного Востока. Недаром Мэри Уортли Монтегю, прочитавшая «Арабские ночи» до того, как отправилась в 1716 г. в сопровождении своего мужа Эдварда в Османскую империю, уже находясь в Стамбуле, писала о ближневосточном государстве так, словно это был Восток из арабских сказок⁸⁶⁸. По сути, «Арабские ночи» оказали значительное влияние на формирование образа Востока. Более того, возросший таким образом интерес к отдаленному региону сделал возмож-

⁸⁶³ См.: *Belcher W. L. Discursive Possession : Ethiopian Discourse in Medieval European and Eighteenth-Century English Literature.* P. 516.

⁸⁶⁴ См.: *Gallard A. Les Mille et une nuits.* Paris : Barbin, 1704. Т. 1.

⁸⁶⁵ См.: *Arabian Nights Entertainments : in 6 Vol.* London : A. Bell, 1706.

⁸⁶⁶ *Conant M. P. The Oriental Tale in England in Eighteenth century.* New York : Columbia University Press, 1908. P. xxii.

⁸⁶⁷ *Nassir G. Q. A History and Criticism of Samuel Johnson's Oriental Tales.* Tallahassee : Florida State University Press, 1989. P. 2.

⁸⁶⁸ См.: *Sallis E. Scheherazade Through the Looking Glass : The Metamorphosis of the «Thousand and One Nights».* Richmond : Curzon Press, 1999. P. 72.

ной идентификацию европейцами самих себя через сопоставление с «другим» Востоком.

Не только «Тысяча и одна ночь» стала главной причиной «открытия» Востока в Британии XVIII столетия. Постоянные контакты англичан с Востоком начинаются после основания в 1600 г. сначала Левантийской, а затем Ост-Индской компании. С тех пор английские торговцы и путешественники все чаще стали отправляться в восточные страны, а лучшие умы с большим интересом обращались к изучению этого далекого Востока. Путевые заметки, такие как «Путешествия проповедника» (1611) Джона Картрайта, «Путешествие по различным частям Азии и Африки» (1634) Томаса Герберта, «Путешествие по Персии и Восточным Индиям» (1686) Джона Шардина и др., заложили фундамент для формирования образа Востока. Немаловажно, что в XVII в. ориенталистика проникает в английские университеты – кафедры восточных языков в Кембридже и Оксфорде были основаны в 1632 и 1636 гг. соответственно⁸⁶⁹. Именно там вырастает целая плеяда востоковедов: Эдвард Покок (1604–1691), знаток арабского, персидского, турецкого и сирийского языков; Томас Хайд (1636–1703), специалист в области арабского языка; Саймон Оклей (1678–1720), автор «Введения в восточные языки» и др.

Таким образом, хотя повышенное внимание англичан к Востоку отмечается с начала XVII в., тем не менее, предметом настоящего ажиотажа регион становится лишь в следующем столетии, что связано со значительным расширением владений Британской империи. Недаром доктор Джонсон, узнав о том, что его величество король Георг III назначил ему пожизненную пенсию, в беседе с друзьями посетовал: «Случись это на двадцать лет раньше, я, как Покок, уехал бы в Константинополь изучать арабский язык»⁸⁷⁰. Восток отныне привлекал всех и каждого.

Будущий литературный «диктатор» Англии познакомился с Востоком в самом раннем возрасте. В родительском доме Джонсона в Личфилде на первом этаже располагался книжный

⁸⁶⁹ См.: *Nassir G. Q. A History and Criticism of Samuel Johnson's Oriental Tales.* P. 9.

⁸⁷⁰ *Forster J. The Life and Adventures of Oliver Goldsmith : A Biography.* London : Bradbery and Evans, 1818. Vol. 1. P. 254.

магазин отца Сэмюэла, Майкла Джонсона. С детства Сэмюэл имел неограниченный доступ к книгам, поступавшим в продажу с прилавков магазина его отца. Юному Джонсону, сторонившемуся ровесников и проводившему все свободное время за чтением, удалось прочесть немало восточных сказок, путешествий и сочинений о Востоке. Впоследствии это отразилось на его интересе к данному региону в зрелые годы. Так, после смерти литератора в его личной библиотеке было обнаружено около 40 изданий восточной тематики, включая текст Корана⁸⁷¹ и большую коллекцию путевых заметок и пособий европейских авторов, например «Историю Эфиопии» Хиоба Людольфа, «Азиатскую поэтику» сэра Уильяма Джонса, «Путешествие» Томаса Шоу и др.⁸⁷² Это как нельзя лучше подтверждает интерес литератора к восточной тематике. Кроме того, в дневнике Джонсона за 4 ноября 1782 г. можно найти запись, свидетельствующую о том, что и в 73-летнем возрасте он по-прежнему читал восточные сказки⁸⁷³.

Первой серьезной работой начинающего литератора, как уже говорилось, стал перевод «Путешествия в Абиссинию» португальского миссионера Иеронима Лобо в 1735 г. Однако вопреки ожиданиям Джонсона, перевод «Путешествия» на английский язык не принес ему ни славы, ни денег. Следующую работу, в которой была отражена восточная тематика, Джонсон представил на суд публики гораздо позднее. Речь идет о многолетнем детище литератора – пьесе «Ирэн»⁸⁷⁴, основная часть которой была написана в первые годы брака Джонсона с Элизабет Портер в 1735–1737 гг. Джонсон дописывает «Ирэн» в 1749 г. В феврале того же года пьеса была поставлена Дэвидом Гарриком на сцене театра Друри-Лейн, но едва продержалась девять вечеров⁸⁷⁵. Причины фиаско пьесы первый биограф Джонсона Джон

⁸⁷¹ См.: *Christie J.* A Catalogue of the Valuable Library of Books of the late learned Samuel Johnson. P. 6.

⁸⁷² См.: *Nassir G. Q.* A History and Criticism of Samuel Johnson's Oriental Tales. P. 36–42.

⁸⁷³ См.: *Johnson S.* Subsection of Annals, 1782 // *The Yale Edition of Samuel Johnson's Works*. Vol. 1. P. 348.

⁸⁷⁴ См.: *Johnson S. Irene : A Tragedy*. 1749.

⁸⁷⁵ См.: *Boswell J.* Life of Johnson. P. 141.

Хоукинс видел в холодности стиля повествования и излишних философствованиях, которыми пьеса была перегружена⁸⁷⁶.

Ключевой темой пьесы стал миф, уходящий своими корнями еще в XV столетие. Джонсон почерпнул его из работы по турецкой истории Ричарда Ноллса (1545–1610)⁸⁷⁷. Он высоко оценивал таланты Ноллса, называя его одним из лучших английских историков⁸⁷⁸. Согласно «Истории» Ноллса, Мехмед II Завоеватель страстно влюбился в греческую пленницу Ирэн, захваченную им при осаде Константинополя в 1453 г. Он настолько увлекся ею, что забыл о делах империи. Янычары оклеветали возлюбленную Мехмеда, намереваясь таким образом избавиться от нее. Поверив доносчикам, османский правитель в ярости собственноручно обезглавил гречанку мечом. Ноллс изобразил Мехмеда Завоевателя в роли восточного деспота, поскольку именно этот образ ассоциировался у англичан с восточными государями. Вслед за Ноллсом миф об Ирэн используется в пьесах Жильберта Свайно «Трагедия несчастной Ирэн»⁸⁷⁹, Генри Пейна «Осада Константинополя»⁸⁸⁰, Чарльза Горинга «Ирэн, или Добродетельная гречанка»⁸⁸¹ и др.

В отличие от предшественников, Джонсон отказывается от цели показать типичный контраст между деспотизмом мусульман и свободолубием богобоязненных христиан. «Ирэн» 1749 г. была сложнее для восприятия читателя, поскольку в центре повествования находятся мысли и чувства главной героини, муки выбора правильного пути. Ирэн вынуждена решать, остаться ей добродетельной христианкой или принять ислам и стать супругой султана. Влюбленный Мехмед пытается склонить ее на свою сторону, предлагая ей «корону и славу своего царства, если она

⁸⁷⁶ Hawkins J. The Life of Samuel Johnson. P. 199.

⁸⁷⁷ Knolles R. The Turkish history, Comprehending the Origin of That Nation, and the Growth of the Othoman Empire, with the Lives and Conquests of their Several Kings and Emperors. London : I. Cleave, 1704. Vol. 1. P. 186.

⁸⁷⁸ См.: Johnson S. The Rambler, Nr 122 // The Yale Edition on the Works of Samuel Johnson. Vol. 4. The Rambler / ed. by W. J. Bate and A. B. Strauss. New Haven ; London : Yale University Press, 1969. P. 285–290.

⁸⁷⁹ См.: Swinhoe J. The Tragedy of the Unhappy Fair Irene. London : J. Streater, 1658.

⁸⁸⁰ См.: Paine H. N. The Siege of Constantinople. London : T. Dring, 1675.

⁸⁸¹ См.: Goring Ch. Irene, or Fair Greek. A Tragedy. London : Drury-Lane, 1708.

примет его религию»⁸⁸²: «Даю тебе я власть и силу, не погибешь, / Благоволи мне и владей всем миром, <...> / Коль власть тебе мила, взойди на трон»⁸⁸³.

Однако главная героиня медлит с принятием решения. Соотечественница Ирэн – Аспазия, также попавшая в плен, пытается убедить подругу не поддаваться уговорам Мехмеда. Именно диалогам Ирэн и Аспазии Джонсон отводит главную роль в пьесе. Наибольший интерес представляет «ширма» этих диалогов – дворцовые интриги за спиной Мехмеда. Джонсон, до сих пор стремившийся к беспристрастному изложению событий, раскрывает свои представления о восточном государстве.

Литератор воспроизводит ключевые стереотипы о деспотичных, жестоких Османах. Мехмед, плененный красотой Ирэн, перестает заниматься государственными делами, что оказалось на руку его подчиненным – Кали, Абдалле, Деметрию и Леонтию (два последних намеревались спасти греческих невольниц). В итоге турецкий двор был опутан заговором с целью свержения султана, поскольку подданные не нуждались в слабом правителе. Место Мехмеда надеялся занять Кали, желавший укрепления государства и отступления турок из Европы, чтобы не вести более «расточительные войны»⁸⁸⁴. В пьесе Джонсона именно Кали отводится роль восточного деспота, стремящегося к власти вопреки любым преградам. Вместе с сообщниками он решает убить султана в комнате Ирэн. Гречанка, знавшая об этом, не сочла нужным сообщить Мехмеду о грозящей опасности. Поставленная перед нелегким выбором между христианской верой и мирскими благами, Ирэн выбирает второе. Она соглашается стать женой Мехмеда и принять ислам.

Однако заговор был раскрыт, а переполох, им вызванный, позволил Аспазии, Деметрию и Леонтию бежать. Остальных заговорщиков ждала незавидная участь – они были казнены.

⁸⁸² Щербакова Т. В. Драматургический опыт С. Джонсона // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. 2005. № 3. С. 101.

⁸⁸³ Johnson S. Irene : A Tragedy // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 6. Poems / ed. by E. L. McAdam, G. Milne. New Haven ; London : Yale University Press, 1964. P. 150.

⁸⁸⁴ См.: Ibid. P. 122.

Милость Мехмеда сменилась гневом и по отношению к Ирэн, которая была убита его слугами. Вердикт Джонсона очевиден – Ирэн, отказавшись от христианства, погубила себя и заслуженно понесла наказание.

Хотя истинная цель пьесы состояла в том, чтобы показать аморальность предательства христианской веры во имя мирских благ и земной славы, мы видим отношение самого автора к исламской цивилизации. Показательным является эпilog пьесы: «Замуж за турка! Надменного, жестокого тирана, / Считавшего, что женщинам дано лишь угождать ему нарядами и песней <...> / И, к прочему, есть у него 50 жен»⁸⁸⁵. Здесь литератор воспроизводит расхожие европейские стереотипы о своих восточных соседях.

Взгляды Джонсона на Османскую империю были схожи с идеями других европейских просветителей. Так, Монтескье в «Персидских письмах» 1721 г. аналогично оценивал положение в Османской империи начала XVIII столетия: «паши, которые получают свои должности за деньги, являются в провинции разоренными и грабят их, словно завоеванные страны. Наглая солдатня подчиняется только их прихотям. Укрепления скрыты, города безлюдны, деревни опустошены»⁸⁸⁶.

Представления Джонсона о мусульманском Востоке были отражены и в «Ирэн», и в последующих его произведениях восточной тематики. Без сомнения, по Джонсону, Восток – это жестокие деспоты, дворцовые интриги, серали и бесконечные войны. Подобные суждения встречаются на страницах журнальных статей. К примеру, в № 7 журнала «Айдлер» от 27 мая 1758 г. лексикограф убеждает читателей, что «нация магометан» не может быть источником человеческой культуры и цивилизации⁸⁸⁷. «Они ленивы и не знают большего удовольствия, чем слушать

⁸⁸⁵ Johnson S. Irene : A Tragedy // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 6. P. 217.

⁸⁸⁶ Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / пер. с франц. Н. Саркитова. М. : «КАНОН-пресс-Ц» : «Кучково поле», 2002. С. 41.

⁸⁸⁷ См.: Nassir G. Q. A History and Criticism of Samuel Johnson's oriental tales. P. 126.

музыкантов и смотреть на акробатов», – заключает Джонсон. Отдельно стоит отметить невысокое мнение литератора об исламе. В «Айdlере» № 4, опубликованном 6 мая 1758 г., он написал: «милосердие магометан состоит лишь в том, что их учителя перевели христианское учение на арабский язык»⁸⁸⁸. Однако более колоритная картина Ближнего Востока возникает на страницах «Истории Расселаса, принца абиссинского».

Повесть, заключенная в рамки травелога, содержит в себе несколько архетипических образов Востока. Во-первых, он изображается Джонсоном как «вместилище романтики, экзотических существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний»⁸⁸⁹, что отражено в ранее упомянутом образе Абиссинии.

Во-вторых, Восток уподобляется Западу, а романтизированный восточный колорит используется в качестве фона для философских умозаключений в отношении Запада. Так Джонсон описывает Каир, в который прибыли беглецы из Счастливой долины, как город, притягивающий к себе со всех концов света путешественников и торговцев «всяких наций: одни были приведены сюда любовью к науке, другие – корыстолюбием, а большая часть – желанием пожить на свободе среди многолюдства. Потому что в таком населенном городе можно наслаждаться удовольствиями общества и тишиной уединения»⁸⁹⁰. Описание египетской столицы напоминает образ Лондона.

Действительно, Каир Сэмюэла Джонсона скорее был Лондоном XVIII столетия. К примеру, Расселас часто посещает «собрания, где в назначенные дни сходились ученые для умственного отдыха и обмена мыслями»⁸⁹¹, что является аллюзией на английские клубы, столь популярные в Лондоне эпохи Просвещения. Описание повседневной жизни Каира в «Истории Расселаса»

⁸⁸⁸ *Johnson S. The Idler, Nr 4 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 2. The Idler and The Adventurer / ed. by W. J. Bate, J. M. Bulitt, L. F. Powell. New Haven ; London : Yale University Press, 1963. P. 14.*

⁸⁸⁹ *Said E. Orientalism. London : Vintage Books, 1977. P. 1.*

⁸⁹⁰ *Johnson S. The History of Rasselas, Prince of Abyssinia // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 16. Rasselas and Other Tales / ed. by G. J. Kolb. New Haven ; London : Yale University Press, 1990. P. 53.*

⁸⁹¹ *Ibid. P. 84.*

свидетельствует о том, что в представлении Джонсона сходство столичного образа жизни Британии и Египта вполне допустимо. И даже опубликованные в разные годы издания «Истории Расселаса» продолжают следовать этому представлению. В иллюстрациях к повести абиссинских беглецов часто изображают в виде белокожих европейцев, но никак не темнокожих абиссинцев, какими, казалось бы, им следует быть.

В-третьих, при описании структуры власти в Египте Джонсон повторяет европейские стереотипы о восточных государствах как средоточии тирании, деспотии и притеснений⁸⁹². Так, Расселас, получив доступ ко двору паши, увидел, «что все достигшие высших степеней ненавидят друг друга и что вся жизнь их проходила в постоянных заговорах и доносах, в интригах и бегстве, в хитростях и обманах»⁸⁹³. Власть самого паши оказалась неустойчива: «в речах каждого слышалось только осуждение, каждый подстерегал любую его ошибку. Наконец, пришел указ и о смене паши, и паша в цепях был отвезен в Константинополь, и больше не было о нем и помину. Вскоре после этого и новый паша был сменен. Султан, поставивший его на это место, был убит янычарами, а его преемник имел другие виды и новых любимцев»⁸⁹⁴. Зачастую в глазах европейцев «мусульманская модель управления представляла собой своеобразную вертикаль деспотизма, в которой неограниченной властью обладал только сам султан, а полномочия других сановников государства зависели от их положения во властной иерархии»⁸⁹⁵.

Важно отметить, что подобные суждения были широко распространены, и Джонсон не был одинок в своих представлениях о восточной деспотии. Аналогичные суждения встречаются на страницах сочинения О. Голдсмита «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке» (1762). Так, Голдсмит вторит Джонсону:

⁸⁹² См.: *Baktir H.* Representation of the Ottoman Orient in Eighteenth Century English Literature. Ankara : Ibidem Press, 2007. P. 112.

⁸⁹³ *Johnson S.* The History of Rasselas, Prince of Abyssinia // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 16. P. 90–91.

⁸⁹⁴ Ibid. P. 91.

⁸⁹⁵ *Мигаль А. С.* Мусульманский мир в представлениях западноевропейских интеллектуалов эпохи Просвещения : дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2019. С. 97.

«В Азии, где власть монарха зиждется на силе и страхе подданных, изменение системы управления – вещь совершенно неизвестная. Там у всех людей как будто один склад ума, извечное угнетение их нимало не смущает. Исполнение воли монарха – вот их главный долг. Любая отрасль управления, словно в капле воды, отражает все государственное устройство в целом, и если один тиран низложен, вместо него появляется другой, чтобы управлять точно так же, как его предшественник»⁸⁹⁶. Похожие суждения о восточных деспотах встречаются и в готическом романе Уильяма Бэкфорда «Ватек» 1784 г.: «В гневе взор халифа становился столь ужасным, что его нельзя было выдержать: несчастный, на кого он его устремлял, падал иногда, пораженный насмерть»⁸⁹⁷. Даже Мэри Монтегю, совершившая путешествие, которое не предпринимали женщины со времен древних греков⁸⁹⁸, сообщала, что «правительство полностью в руках армии», а власть султана безгранична⁸⁹⁹.

Таким образом, среди англичан XVIII столетия утвердилось мнение о государственном устройстве восточных стран как деспотии. По сути, противопоставление тирании Востока свободам Англии было очевидным, поскольку «англичане не подчиняются власти, как покорные овцы, а пытаются руководствоваться разумом и сообразуются не с волей государя, а с естественными правами человека»⁹⁰⁰.

Наиболее ярко в «Истории Расселаса» представлен образ мусульманского Востока. Джонсон не жалел красок при описании мусульман, тем самым подтверждая суждение Э. Саида о том, что европейский «рационализм отступает, когда дело доходит до Ислама»⁹⁰¹. Арабы представлялись литератору как «на-

⁸⁹⁶ *Голдсмит* О. Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке / пер. с англ. А. Г. Игнера. М.: Наука, 1974. С. 294.

⁸⁹⁷ *Бэкфорд* У. Ватек / пер. с франц. Б. Зайцева. М.: Наука, 1967. С. 3.

⁸⁹⁸ См.: *Montagu* M. W. Letters During the Embassy to Constantinople // Letters / with an Intr. by C. Brant. London : David Campbell, 1992. P. 102.

⁸⁹⁹ *Ibid.* P. 111.

⁹⁰⁰ *Голдсмит* О. Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. С. 294.

⁹⁰¹ *Said* E. Covering Islam : How the Media and Experts Determine How We See the Rest of the World. London : Vintage Books, 1997. P. xix.

род пастушеский и в то же время воинственный, с незапамятных времен ведущий войну с другими народами»⁹⁰². Образ жизни мусульман описывается соответственно. Их главным промыслом является война, продолжающаяся с единственной целью – для умножения богатства⁹⁰³.

Об арабских женщинах автор придерживался не лучшего мнения. «Все занятие этих женщин состояло в детских играх, в которых не мог принимать участие ум, привыкший к серьезным занятиям. Они бегали то из одной комнаты в другую, как птичка в клетке скачет с одной палочки на другую. То плясали из одной потребности движения, как ягнята скачут иногда по лугу. Нередко они проводили целые часы в наблюдении за мелкими телами, плывшими по реке, или в рассматривании различных форм, образуемых облаками. Работа их состояла в шитье и вышивании»⁹⁰⁴. Столь невысокое мнение о мусульманках разлилось с представлениями Джонсона о жительницах Каира, которые пусть были «девицами веселого характера», но, по крайней мере, оказывались «приятны в общении»⁹⁰⁵. Негативный образ мусульман явно свидетельствует о том, что Джонсон не вышел за рамки представлений своих современников об исламском Востоке.

Кроме того, в «Истории Расселаса» отразилось противопоставление Запада и Востока. Беседуя с принцем, мудрец Имлак заметил, что европейцы «какие-то высшие существа. <...> В их странах нет желания, которое не могло бы быть осуществлено, тысячи искусств, нам неизвестные, беспрестанно готовы к увеличению их благосостояния»⁹⁰⁶. В «Персидских письмах» Монтескье еще более усиливает разрыв между европейцами и людьми Востока: «В то время как европейские народы совершенствуются с каждым днем, эти варвары коснеют в своем первобытном невежестве»⁹⁰⁷. Причины такого рода превосходства европейцев виде-

⁹⁰² Johnson S. The History of Rasselas, Prince of Abyssinia // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 16. P. 38.

⁹⁰³ См.: Ibid. P. 137.

⁹⁰⁴ Ibid. P. 138–139.

⁹⁰⁵ Ibid. P. 92.

⁹⁰⁶ Ibid. P. 46.

⁹⁰⁷ Монтескье Ш. Л. Персидские письма. С. 41.

лись обоим литераторам в силе просвещения. «Они сильнее нас, потому что умнее нас, – говорит Имлак, – но почему их познания обширнее наших, я не умею представить другой причины, кроме неисповедимой воли Верховного Существа»⁹⁰⁸. Так, через слова Имлака Джонсон высказывает идею о вполне закономерном величии европейцев, их превосходстве над жителями Востока.

Таким образом, Ближний Восток представлен в литературных работах С. Джонсона разноцветной палитрой образов. В целом же мы можем выделить три «портрета» Ближнего Востока. Во-первых, это идеализированный Восток, выраженный в описании Счастливой долины из «Истории Расселаса», где жизнь состоит в развлечениях и удовольствиях. Подобное представление о Востоке существовало в Европе со времен Средневековья. Во-вторых, Восток – это иносказательный Запад. Недаром под маской Каира были сокрыты описания Лондона времен Джонсона, а не египетская столица. Литератор вовсе не задавался целью изложить правдивую картину повседневности Каира, предпочитая в данном случае использовать Восток как фон для философских умозаключений по поводу западного миропорядка. Последний образ Востока – это мусульманский Восток, сущностью которого являются лишь войны и грабежи. Здесь Джонсон вторит устоявшимся европейским представлениям об исламской цивилизации как главном антиподе Запада.

4.5. «Я бы добрался до Бенгалии и путешествовал по Индии»

Исключительное место в картине мира англичанина XVIII в. занимали две страны – Индия и Китай, каждая из которых была предметом интереса доктора Джонсона. Для европейцев XVIII столетия в целом Индия являлась сказочным миром, сосредоточением «мощи и великолепия огромной империи»⁹⁰⁹. Известно, что литератор был знаком с важнейшими сочинени-

⁹⁰⁸ Johnson S. The History of Rasselas, Prince of Abyssinia // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 16. P. 47.

⁹⁰⁹ Johnson S. Letter to Warren Hastings, 30 March 1774 // The Letters of Samuel Johnson. Vol. 2. 1773–1776 / ed. by B. Redford. P. 136.

ями об Индии⁹¹⁰, будь то «Путешествия в Империю Моголов, 1656–1668 гг.» Франсуа Бернье⁹¹¹, «Аурангзеб» Джона Драйдена⁹¹², «История Надир-шаха» Джеймса Фрейзера⁹¹³ и др. Более того, Джонсон состоял в дружеских отношениях с известным индологом Уильямом Джонсом, а также находился в переписке с генерал-губернатором Индии Уорреном Гастингсом. Нет никаких сомнений в том, что литератора увлекала Индия, и он с интересом следил за событиями в этой далекой стране. Однажды в письме к миссис Трейл Джонсон писал: «если бы Вы и Ваш муж не удерживали меня, <...> я бы добрался до Бенгалии и путешествовал по Индии»⁹¹⁴.

Чем же была Индия для знаменитого литературного «диктатора» Англии? Заметки Джонсона об этой экзотической стране немногочисленны. Индия была выбрана в качестве места действия для двух восточных сказок, опубликованных в № 38 и № 190 журнала «Рэмблер». Обе сказки содержат в себе больше нравственно-этических поучений, чем описаний Индии. В 38-м номере «Рэмблера» за 28 июля 1750 г. литератор убеждает читателя в том, что «счастье, как и всякая добродетель, кроется в посредственности»⁹¹⁵. По сюжету повести, опубликованной в этом номере, два пастуха, Рашид и Хамет, проводят дни и ночи в молениях богу плодородия дать им воду и сделать из ручья, «засушливого летом и мелкого зимой»⁹¹⁶, настоящую реку. Мольба была

⁹¹⁰ Sharma A. B. Samuel Johnson's Image of India // The Age of Johnson. A Scholarly Annual. 2004. Nr 15. P. 121–139.

⁹¹¹ См.: Bernier F. Travels in the Mogul Empire, 1656–1668 / ed. by V. A. Smith. Oxford : Oxford University Press, 1916.

⁹¹² Dryden J. Aureng-zebe. A Tragedy. London : T. Newcomb, 1676.

⁹¹³ Fraser J. The History of Nadir Shah, Formerly Called Thamas Kuli Khan, the Present Emperor of Persia. To Which is Prefix'd a Short History of the Moghol Emperors. At the End is Inserted, a Catalogue of about Two Hundred Manuscripts in the Persic and Other Oriental languages, Collected in the East. London : A. Millar, 1742.

⁹¹⁴ Johnson S. Letter to Mrs. Thrale, 11 July 1775 // Letters of Samuel Johnson : in 2 Vol / ed. by G. B. Hill. New York : The Brooklyn Public Library, 1892. Vol. 1. P. 347.

⁹¹⁵ Johnson S. The Rambler, Nr 38 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 3. The Rambler. P. 206.

⁹¹⁶ Johnson S. The Rambler, Nr 38 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 3. The Rambler. P. 209.

услышана, ручей превратился в полноводную реку, и затопил пастушеские угодья. А сами пастухи стали добычей крокодилов.

Повесть «Морад» Джонсон написал позднее, 11 января 1752 г., в 190-м номере «Рэмблера». В тексте Морад описывается талантливым эмиром, проявившим отвагу «при многих битвах и осадах», а слава о его мудрости и умеренности известна всей Агре⁹¹⁷. Император Индии благоволил ему, богатства Морада с каждым днем возрастали, а власть усиливалась. Но эмира поразила болезнь, лекарства от которой не существовало. Одиноким и всеми покинутым, Морад вынужден доживать свои последние дни в замке, осознавая тщетность земных благ и устремлений. В повести отмечаются положительные качества индийского правителя, что не встречается, к примеру, в описаниях восточных деспотов Ближнего Востока. Даже в «Истории Расселаса» Имлак, достигший «индостанской столицы Агры, где имеет свое пребывание Великий Могол», отмечал свое восхищение государем Индии: «я был удивлен его мудростью и очарован его добротой»⁹¹⁸.

Тематика сочинений, в которых так или иначе Джонсон обращался к Индии, значительно меняется с конца 50-х – начала 60-х гг. Это напрямую связано с деятельностью «генерала от Бога» Роберта Клайва, не побоявшегося «с горсткой людей атаковать многочисленную армию и опрокинуть ее»⁹¹⁹. Битвы при Плесси 1757 г., при Панипате 1761 г., при Буксаре 1764 г. навсегда изменили облик Индии, превратившейся в объект для получения несметных богатств членов Ост-Индской компании (далее ОИК). Отныне деятельность ОИК стала предметом для обсуждения в прессе и клубах Британии, а ее проблемы – проблемами национального масштаба. По этой причине в № 87 «Айдлера» за 15 декабря 1759 г. Джонсон критикует администрацию ОИК:

⁹¹⁷ *Johnson S. The Rambler, Nr 190 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 5. The Rambler. 229.*

⁹¹⁸ *Johnson S. The History of Rasselas, Prince of Abyssinia // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 16. P. 37.*

⁹¹⁹ Цит. по: *Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. С. 254.*

«бесчисленное множество темнокожих мужчин чахнут из-за английской жестокости, а индианки все еще решаются на гибель путем самосожжения»⁹²⁰.

Было бы ошибочным предполагать, что представления Джонсона об Индии являлись лишь набором стереотипов англичанина XVIII в. о будущей «жемчужине» Британской империи. Напротив, в 1770–1780-е гг. его связи с соотечественниками, находящимися в отдаленной части света, были достаточно тесными. В 1774 г. профессор английского права и друг литератора Роберт Чемберс вместе с супругой отправился в Калькутту для службы в созданном Верховном суде Форт-Уильяма. Джонсон был крайне обеспокоен отъездом друга и в письмах миссис Трейл информировал о невзгодах Чемберса на новом месте⁹²¹.

Одним из корреспондентов Джонсона был генерал-губернатор Индии Уоррен Гастингс. С инициативой начать переписку выступил доктор Джонсон. Так, он рассчитывал получить ответы на вопросы, «о которых европейский мир или не думает вовсе, или строит сомнительные догадки»⁹²². В письме от 30 марта 1774 г. литератор выражает надежду, что, несмотря на дела, «выполнять которые обязывает высокое назначение», генерал-губернатор изучит «традиции и истории Востока, исследует руины древних сооружений, отыщет следы разрушенных городов»⁹²³. Все это, по мнению Джонсона, позволит «узнать искусства и мнения расы людей, о которой до сих пор известно столь мало»⁹²⁴. В конце 1774 г. в знак признательности за любезный ответ литератор отправляет Гастингсу опубликованное «Путешествие на Западные острова Шотландии». В приложенном к книге

⁹²⁰ *Johnson S. The Idler, Nr 87 // The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 2. The Idler and The Adventurer / ed. by W. J. Bate, J. M. Bulitt, L. F. Powell. New Haven ; London : Yale University Press, 1963. P. 270.*

⁹²¹ Например, в одном из писем Джонсон упоминал о получении письма от миссис Чемберс, сообщавшей, что у ее супруга «больной глаз и он не может писать». См.: *Johnson S. Letter to Hester Thrale, 1 July 1775 // The Letters of Samuel Johnson. Vol. 2. 1773–1776 / ed. by B. Redford. P. 236.*

⁹²² *Johnson S. Letter to Warren Hastings, 30 March 1774 // The Letters of Samuel Johnson. Vol. 2. 1773–1776. P. 136.*

⁹²³ *Ibidem.*

⁹²⁴ *Ibid. P. 160.*

письме он с иронией заметил: «Я посетил недавно регион менее удаленный и менее прославленный, чем Индия»⁹²⁵.

В мемуарах Гастингса сохранилось письмо, адресованное «великому моралисту своего времени»⁹²⁶, т. е. доктору Джонсону, от 7 августа 1775 г. В нем Гастингс выражает благие намерения исследовать историю и культуры Индии⁹²⁷: «хотя ситуация, в которой я оказался, <...> помешала мне удовлетворить мое любопытство своими собственными исследованиями по истории, традициям, искусству или производству товаров в этой стране, тем не менее я не оставлял их без внимания, считая обязанностью своего положения направлять и поощрять стремление к этим открытиям других, которые были лучше подготовлены благодаря имеющимся талантам. <...> Одним из моих первых желаний было иметь возможность избавить жителей этой страны от упреков в невежестве и варварстве, незаслуженно обрушившихся на них из-за слишком поспешных сведений от тех, кто хотел узнать их истинное положение»⁹²⁸. Можно предположить, что именно У. Гастингс поощрял и поддерживал исследования культуры и языка индийского населения, однако важно учитывать, что действительно в конце 1770-х – начале 1780-х гг. в Индии появилась группа интеллектуалов, таких как Уильям Джонс и Роберт Чемберс, оказавших впоследствии огромное влияние на становление индологии.

Корреспонденция Джонсона свидетельствует о том, что он состоял в переписке одновременно с несколькими британскими подданными, оказавшимися по долгу службы в Индии. Так, в письмах к Р. Чемберсу он старался избегать обсуждения по-

⁹²⁵ Цит. по: *Boswell J. Life of Johnson*. P. 1119.

⁹²⁶ *Memoirs of the Life of the Right Hon. Warren Hastings, First Governor-General of Bengal* / ed by the Rev. G. R. Gleig, M. A. London : Bentley, 1841. Vol. 2. P. 17.

⁹²⁷ Ряд исследователей, например, Т. М. Керли, объясняют такие намерения желанием Гастингса заручиться поддержкой Верховного совета по делам Бенгалии, поскольку ранее он испытывал трудности во взаимодействии с этим органом исполнительной власти. См.: *Curley Th. M. Sir Robert Chambers : Law, Literature, and Empire in the Age of Johnson*. Madison : University of Wisconsin Press, 1998. P. 382.

⁹²⁸ *Memoirs of the Life of the Right Hon. Warren Hastings, First Governor-General of Bengal*. P. 18.

литики или дрязг, сотрясавших Калькутту в этот период, но мог выступать с защитой и протекцией своих друзей, также находившихся в Индии по долгу службы. К примеру, Джонсон обращался к другу по поводу Джозефа Фоука (1716–1800), служащего ОИК, оказавшегося в немилости у Гастингса и потерявшего средства к существованию⁹²⁹.

По сути, уже к концу 1770-х гг. Джонсон прекрасно осознал масштаб злоупотреблений ОИК и противоречия среди власть имущих в Форт-Уильяме. Недаром литератор писал Фоуку 19 апреля 1783 г.: «Дайте знать, дорогой сэръ, как Ваши дела: Вы копите золото или собираете алмазы? Или Вы пресытились индийским богатством и довольны тем, что имеете? Есть ли у Вас рвение для сумятицы или спокойствие для бездействия? Что бы Вы ни делали, я не подозреваю Вас в грабежах и притеснениях; и я буду радоваться Вашему возвращению, со здоровым телом и неповрежденным разумом»⁹³⁰. Письмо, к которому прилагалось подарочное издание «Жизнеописаний важнейших английских поэтов», заканчивалось деликатно: очаровательной просьбой прислать из Индии несколько пустяковых сувениров для умирающей Анны Уильямс, слепой поэтессы, проживавшей вместе с литератором в его последние годы, и, если получится, для него самого. Фоук выполнил просьбу Джонсона, отправив ему шаль и меховую шапку⁹³¹. Однако подарки так и не были получены скоростно скончавшимся доктором Джонсоном.

В письме Фоуку не случайно были упомянуты надежды Джонсона на то, что его друг, находясь в Индии, не злоупотребляет властью и не грабит индийские территории. Другое письмо, адресованное Джону Тейлору, демонстрирует, что литератор был осведомлен о кризисной ситуации: «Я убежден, что в Индии невероятного масштаба достигли коррупция и притеснения, но никогда не считалось, что это поощрялось директорами (ОИК. – Т. К.),

⁹²⁹ См.: *Johnson S. Letter to Robert Chambers, 31 October 1779 // The Letters of Samuel Johnson. Vol. 3. 1777–1781 / ed. by B. Redford. P. 203.*

⁹³⁰ *Johnson S. Letter to Joseph Fowke, 19 April 1783 // The Letters of Samuel Johnson. Vol. 4. 1782–1784 / ed. by B. Redford. P. 130.*

⁹³¹ См.: *Curley Th. M. Sir Robert Chambers : Law, Literature, and Empire in the Age of Johnson. P. 379.*

которые, я верю, чувствуют себя обманутыми, в то время как страна разорена, а расстояние делает их офицеров недостижимыми. Я сомневаюсь, что правительство в его нынешнем состоянии сделает что-то большее, чем предоставит очередное доказательство своей собственной глупости»⁹³². К 1783 г. необходимость в реформировании ОИК стала одной из ключевых проблем для британского правительства: компания испытывала серьезные административные и финансовые трудности, полностью игнорируя интересы индийского населения ради получения коммерческой прибыли. В ноябре 1783 г. Чарльз Джеймс Фокс вынес на обсуждение парламента билль об Ост-Индии, предлагавший передачу власти из рук директоров ОИК семи уполномоченным, которых бы назначал парламент сроком на четыре года⁹³³. Однако уже 17 декабря принятие крайне радикального билля было отклонено палатой лордов. В письме Тейлору Джонсон как раз выражал опасения по поводу того, что билль не решит проблемы в Индии, но лишь продемонстрирует слабость правительства.

Немногие интеллектуалы оставались в стороне от ситуации в Индии. Младший современник Джонсона, Хорас Уолпол с негодованием писал по этому поводу: «Наши набобы не грабят Индии под знаменами благочестия, как когда-то испанцы или португальцы. <...> Мы говорим и пишем о свободе, но разграбляем территории Индий. <...> В одну эпоху религия позволяет совершать убийства, в другую – философия. О! Что за фарс – дела человеческие!»⁹³⁴

Был ли солидарен Джонсон со своим другом Эдмундом Берком, который во время парламентских баталий о судьбе Индии обрушивал самые грозные обвинения в адрес ОИК? «Гнев небес рано или поздно падет на страну, позволяющую таким правительствам безнаказанно угнетать слабых и невинных»⁹³⁵, – «гремел,

⁹³² Johnson S. Letter to John Taylor, 22 November 1783 // The Letters of Samuel Johnson. Vol. 4. P. 248.

⁹³³ См.: Watson J. S. The Reign of George III 1760–1815. Oxford : Clarendon Press, 1960. P. 263.

⁹³⁴ Цит. по: Nash P. «Mi Li» Revisited : Horace Walpole and the Idea of China // J. for Eighteenth-Century Studies. 2009. Vol. 32, Nr 2. P. 219.

⁹³⁵ The Parliamentary History of England From the Earliest Period to the Year 1803 / ed. by W. Cobbett and J. Wright. London : T. C. Hansard, 1815. Vol. 24. P. 1272.

подобно библейскому пророку»⁹³⁶, Берк 30 июля 1784 г. во время выступления в палате общин. Безусловно, Джонсон выступал против жестокого обращения с местными жителями ради получения сиюминутной денежной прибыли. Однако возраст и болезни давали о себе знать, Джонсон все меньше интересовался происходящим в стране. Так, упомянутое письмо Тейлору завершалось словами: «у нас есть более срочные дела, чем Ост-Индская компания. Мы стары и нездоровы»⁹³⁷.

Последнее письмо Джонсона, адресованное Чемберсу, как нельзя лучше отражает взгляды литератора об Индии на излете его жизни: «Я часто писал бы Вам, если бы мне было что сказать; Вам есть что рассказать, но Вы никогда не пишете. Какой у Вас досуг, я не могу знать. Вы находитесь в той части мира, которая предоставляет много возможностей для размышлений и любопытства, независимо от того, касается ли это древнего или нынешнего состояния страны. Это система жизни, совершенно отличная от европейских нравов»⁹³⁸.

В глазах литератора Индия так и осталась страной с удивительной историей, территорией в той части земного шара, уклад жизни в которой не может быть похож на европейский. Хотя первые произведения, опубликованные в виде небольших повестей и журнальных заметок, демонстрируют, что Джонсон успешно использовал индийский флер и восточный колорит для своих философских размышлений о бренности жизни, его дальнейшая корреспонденция свидетельствует о более глубоком понимании процессов, происходивших на отдаленной территории. Он искренне надеялся, что У. Гастингс, как и оказавшиеся в Индии друзья Джонсона, будет делать все возможное, чтобы познакомить британцев с языками, обычаями и традициями этой страны. В то же время литератор выступал против колониальных амбиций чиновников

⁹³⁶ Чудинов А. В. Размышления англичан о Французской революции : Э. Берк, У. Годвин, Дж. Макинтош. С. 30.

⁹³⁷ Johnson S. Letter to John Taylor, 22 November 1783 // The Letters of Samuel Johnson. Vol. 4. P. 248.

⁹³⁸ Johnson S. Letter to Robert Chambers, 4 October 1783 // The Letters of Samuel Johnson. Vol. 4. P. 215.

ОИК, полагая, что все получаемые аморальными способами богатства никогда не окупят английской жестокости по отношению к туземным народам.

Не меньший интерес представляет образ Поднебесной в сочинениях интеллектуала. Хотя к концу XVIII в. не могло быть и речи о подчинении Китая прямому политическому влиянию Англии⁹³⁹, ни у какой другой восточной страны не было столько почитателей в Европе. «Открытие» Поднебесной англичанами произошло благодаря иезуитам, собиравшим сведения о самых отдаленных странах мира. Читая отчеты иезуитов, «проникших в Индию, Китай и Японию в XVI–XVIII вв.», жители Британских островов, как и остальные европейцы, «получили первое представление о культуре народов Азии»⁹⁴⁰. Одной из самых известных работ такого рода стал четырехтомный свод «Географическое, историческое, хронологическое и физическое описание Китайской империи и китайской Татари» под редакцией монаха-иезуита Жана-Батиста Дюальда (франц. *Du Halde*), выпущенный на французском языке. Дюальд, в отличие от Маттео Риччи или Алессандро Валиньяно, никогда не бывал в Китае и не знал китайский язык. По этой причине его текст представлял собой «компиляцию работ и писем иезуитов, ранее посетивших Китай»⁹⁴¹. Работа Дюальда, как справедливо полагает Д. В. Дубровская, «была крайне комплиментарна, восхваляла все аспекты социальной и интеллектуальной жизни Китая и изобиловала неблагоприятными для Европы сравнениями»⁹⁴². В то же время, современные исследователи отмечают наличие огромного количества ошибок в издании. К примеру, на фронтисписе первого тома Конфуций изображен на фоне библиотеки с европейским

⁹³⁹ См.: Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. С. 279.

⁹⁴⁰ Дубровская Д. В. Иезуиты и эпоха Просвещения в Европе: новое видение Китая от Маттео Риччи до Адама Смита // Ориенталистика. 2018. № 1 (2). С. 195.

⁹⁴¹ The Chinese Chameleon Revisited : From the Jesuits to Zhang Yimou / ed. by Zheng Yangwen. Newcastle Upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 43.

⁹⁴² Дубровская Д. В. Иезуиты и эпоха Просвещения в Европе: новое видение Китая от Маттео Риччи до Адама Смита. С. 197.

интерьером⁹⁴³. Да и сам Конфуций напоминал скорее иезуита, чем философа Древнего Китая.

Тем не менее, свод сочинений иезуитов получил признание и известность, во многом благодаря тому, что Дюальд «подверг цензуре некоторые части писем и сочинений иезуитов, исключив все, что казалось слишком научным, слишком сложным или связанным с чудесами или суевериями»⁹⁴⁴. Представления как французов, так и англичан XVIII в. о Китае строились именно на основании содержания четырехтомника Дюальда. Практически сразу после его выхода в свет в Англии появились желающие опубликовать перевод. Ими стали Эдвард Кейв, создатель «Джентльменс мэгэзин», и издатель Джон Уоттс (англ. *Watts*). В отличие от Кейва, Уоттс при помощи «плодовитого компилятора»⁹⁴⁵ и переводчика Ричарда Брукса издал «Общую историю Китая»⁹⁴⁶ уже в конце 1736 г. В 1741 г., когда Кейв опубликовал первые два тома, труд Уоттса переиздавался уже три раза. Противостояние между двумя издателями продолжалось еще долго. Для нас свод сочинений под редакцией Дюальда особенно интересен, поскольку свидетелем борьбы двух издателей был Джонсон, работавший в те годы журналистом у Кейва.

В 1738 г. начинающий литератор опубликовал письмо об истории Китая Дюальда⁹⁴⁷, где подробно остановился на политике, морали и архитектуре одной из «постоянно обсуждаемых, но малоизвестных» стран⁹⁴⁸. Заметка свидетельствует о том, что литератор с уважением относился к китайцам, «чья древность, великолепие, власть, мудрость, своеобразные обычаи и отличная конституция, несомненно, заслуживают внима-

⁹⁴³ См.: *Cunzhong F. Dr. Johnson and the Chinese Culture // The Vision of China in the English Literature of the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Hong Kong : Chinese University Press, 1998. P. 265.*

⁹⁴⁴ *The Chinese Chameleon Revisited : From the Jesuits to Zhang Yimou. P. 44.*

⁹⁴⁵ *Cunzhong F. Dr. Johnson and the Chinese Culture. P. 267.*

⁹⁴⁶ См.: *The General History of China : Containing a Geographical, Historical, Chronological, Political and Physical Description of the Empire of China, Chinese-Tartary, Corea and Thibet : in 4 Vol. London : J. Watts, 1741.*

⁹⁴⁷ См.: *Johnson S. Remarkable Example in a Prince and Subject // The Gentleman's Magazine, and Historical Review. 1738. Vol. 8. P. 365–366.*

⁹⁴⁸ *Ibid. P. 365.*

ния публики»⁹⁴⁹. Более того, он с почтением высказывался о системе чиновничества: «страна, где благородство и знание – это одно и то же, где люди продвигаются в ранге по мере того, как они продвигаются в учености, а повышение по службе является результатом добродетельного трудолюбия, поскольку никто не считает невежество признаком величия, а лень – привилегией высокого происхождения»⁹⁵⁰. Конечно, подобные высокопарные суждения по поводу политической организации Китая были изрядно преувеличены. Во многом это связано с заложенной еще М. Риччи традицией характеристики китайских шэньши: «все королевство управляется орденом просвещенных, известных среди народа как философы»⁹⁵¹.

Особого внимания заслуживает второе эссе Джонсона на труд Дюальда, опубликованное в 1742 г.,⁹⁵² когда Кейв завершил работу над переводом. Содержание эссе позволяет утверждать, что Джонсон был впечатлен древностью Китайского государства: «Если бы срок деятельности правительства являлся доказательством его мастерства, никто не мог бы сравниться с Китаем»⁹⁵³. Так, он упоминает о том, что первый император Китая, Фу Си⁹⁵⁴, появился во времена, когда «люди жили подобно зверям <...>, пили кровь животных и одевались в их шкуры»⁹⁵⁵, и правил за три тысячи лет до начала христианской эры. Показателем изначально высокого уровня Китайского государства являлось и то, что, по мнению литератора, первый китайский император был выбран своими соплеменниками.

⁹⁴⁹ Ibidem.

⁹⁵⁰ Ibidem.

⁹⁵¹ Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М.: «Крафт+»: ИВ РАН, 2000. С. 200.

⁹⁵² См.: Johnson S. Essay in the Description of China in Two Volumes Folio. From the French of Pere du Halde // The Gentleman's Magazine, and Historical Review. 1742. Vol. 12. P. 320–323, 353–357, 484–486.

⁹⁵³ Ibid. P. 323.

⁹⁵⁴ В настоящее время признается, что личность Фу Си легендарная. В эссе Джонсона имя Фу Си написано как «Fo hi».

⁹⁵⁵ Johnson S. Essay in the Description of China in Two Volumes Folio. From the French of Pere du Halde. P. 321.

Упомянутый ранее Маттео Риччи «открыл для Европы Конфуция»⁹⁵⁶, ставшего одной из самых известных фигур китайской истории для западноевропейских читателей. Пожалуй, именно по этой причине Джонсон также особое внимание уделяет жизнеописанию Конфуция и основам его учения. Литератор с явным восторгом рассказывает читателям журнала о жизни Конфуция, «сочетавшего вежливость со всей ужасающей серьезностью; необычайную суровость выражения лица с добродушным нравом; самое возвышенное достоинство с очаровывающей скромностью»⁹⁵⁷. При этом он подчеркивал, что целью учения Конфуция являлось «распространение добродетели и возвращение человеческой природы к ее первоначальному совершенству»⁹⁵⁸. Аналогичные восхваления встречаются и у Вольтера, воспринимавшего Конфуция как идеального философа и государственного деятеля, сформулировавшего идеи «спокойного и гармоничного политического устройства»⁹⁵⁹. В интерпретации конфуцианства Вольтер пошел гораздо дальше Джонсона, воспринимая последователей Конфуция как деистов, поклонявшихся верховному божеству не из-за веры в него, а благодаря естественному свету разума⁹⁶⁰.

Джонсон не обходит стороной и главное фортификационное сооружение Китая – Великую Китайскую стену, «равной которой нет во всем мире»⁹⁶¹. «Говорят, – писал он, – что груженные железом корабли, были утоплены в море, чтобы защитить основание, а архитектор, как сообщается, был обязан под страхом смерти зацементировать камни таким образом, чтобы было невозможно забить гвоздь между ними»⁹⁶².

⁹⁵⁶ Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). С. 201.

⁹⁵⁷ Johnson S. Essay in the Description of China in Two Volumes Folio. From the French of Pere du Halde. P. 356.

⁹⁵⁸ Ibid. P. 357.

⁹⁵⁹ Дубровская Д. В. Иезуиты и эпоха Просвещения в Европе : новое видение Китая от Маттео Риччи до Адама Смита. С. 201.

⁹⁶⁰ Там же.

⁹⁶¹ Johnson S. Essay in the Description of China in Two Volumes Folio. From the French of Pere du Halde. P. 322.

⁹⁶² Ibidem.

Пересказ описаний Дюальда касательно создания Китайской стены крайне подробен и отчасти напоминает скрупулезные характеристики Джонсона по поводу жилищ шотландских горцев, опубликованные гораздо позднее.

Конечно, не один доктор Джонсон идеализировал Китайское государство. Друг литератора О. Голдсмит также с восхищением писал о Китае: «...необозримая древняя империя, основанная на законах Природы и Разума»⁹⁶³. Таким образом, в глазах просветителей Китай являлся благословенным Эльдorado, страной, где мудрый правитель управлял государством, опираясь на естественные законы и сообразуясь с разумом.

В середине XVIII в. в британском обществе мода на все китайское была повсеместной. Распространение среди англичан таких китайских товаров, как фарфор, шелк и чай, обусловило интерес к китайской культуре⁹⁶⁴. Это выражалось и в частом употреблении слова «china». К примеру, в «Словаре английского языка» Джонсон дает определение этому слову как «фарфоровая посуда, фарфор, вид посуды, изготовленной в Китае»⁹⁶⁵. Необычайную популярность приобретает «китайский стиль» – «шинуазри» (франц. *Chinoiserie*), нашедший отражение в оформлении садово-парковых ансамблей, гостиных и предметов быта. Особенно ярко стиль «шинуазри» проявился при проектировании и строительстве Уильямом Чемберсом Большой пагоды в садах Кью в 1761–1762 гг.

Еще одним аспектом повального увлечения «китайщиной» стал интерес к китайской литературе и появление переводов с китайского на английский язык. Так, Томас Перси, вошедший в историю как создатель «Реликвий древней английской поэзии» 1765 г., стал первым, кто опубликовал китайский роман на европейском языке. Речь идет о произведении «Хао цю джу-

⁹⁶³ Голдсмит О. Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. С. 109.

⁹⁶⁴ См.: Porter D. Writing China : Legitimacy and Representation 1606–1773 // Comparative Literary Studies. 1996. Vol. 33, Nr 1. P. 99.

⁹⁶⁵ Johnson S. Dictionary of the English Language... London : J. and P. Knapton, T. and T. Longman, C. Hitch and L. Hawes, A. Millar, R. and J. Dodsley, 1755. Vol. 1. P. 371.

ань», изданном на английском языке в 1761 г. под названием «Приятная история»⁹⁶⁶. Известно, что большая часть перевода романа была подготовлена Джеймсом Уилкинсом, по долгу службы Отчизне находившимся в качестве торговца в Кантоне в начале XVIII в. Манускрипт перевода оказался у Т. Перси, завершившем работу Уилкинса. Как ни странно, роман не стал особенно популярен и получил мало положительных отзывов⁹⁶⁷. Во многом это связано с тем, что английский читатель не был готов к восприятию произведения, которое бы не отражало английских стереотипов о Китае. На ошибочность английского восприятия китайцев указывал и Голдсмит, иронизируя в «Гражданине мира» по поводу визита китайца к высокородной лондонской даме. Почтенная дама пыталась удивить жителя Поднебесной фарфоровыми изделиями и храмом в китайском вкусе, хотя гость решил, что назвать это сооружение можно «китайским храмом не более, чем египетской пирамидой, ибо оно равно не похоже ни на то, ни на другое»⁹⁶⁸.

Будет упущением не сообщить о существовавших в английском обществе противниках китайских новшеств. Анонимный автор, опубликовавший заметку в журнале «Коносьер» (англ. *The Connoisseur*) в июне 1755 г., предостерегал соотечественников: «китайский стиль, который завладел нашими садами, зданиями и мебелью, также найдет дорогу в наши церкви»⁹⁶⁹. В этой связи любопытен спор, завязавшийся между Джонасом Хэнуэем и доктором Джонсоном. В 1756 г. Дж. Хэнуэй опубликовал «Журнал восьмидневного путешествия из Портсмута в Кингстон по Темзе <...>, включающий Эссе о Чае, приносящем вред здоровью, препятствующем развитию промышлен-

⁹⁶⁶ См.: *Hau kiou choaan ; or, The Pleasing History : a Translation from the Chinese Language: to which are Added : 1. The Argument Or Story of a Chinese Play ; 2. A Collection of Chinese Proverbs and 3. Fragments of Chinese Poetry : in 4 Vol. / transl. by Th. Percy, J. Wilkinson. London : R. and J. Dodsley, 1761.*

⁹⁶⁷ См.: *Watt J. Thomas Percy, China, and the Gothic // The Eighteenth Century. 2007. Vol. 48, Nr 2. P. 101.*

⁹⁶⁸ *Голдсмит О. Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. С. 37.*

⁹⁶⁹ *Porter D. Writing China : Legitimacy and Representation 1606–1773 // Comparative Literary Studies, 1996. Vol. 33, Nr 1. P. 111.*

ности и разоряющем Нацию...»⁹⁷⁰. В защиту напитка выступил лексикограф, известный своей любовью к чаю. Джонсон опубликовал гневный отзыв в «Литерари мэгэзин» в 1757 г. Литератор назвал себя «убежденным и бесстыжим любителем чая, который уже 20 лет разбавляет свою пищу только настойкой этого восхитительного растения <...>, развлекается чаем по вечерам, успокаивается чаем по ночам и чаем приветствует утро»⁹⁷¹. В дальнейшем, как пишет Босуэлл, доктор Хэнуэй написал гневный ответ доктору Джонсону, а последний, в свою очередь, «после непростительной паузы ответил ему вновь»⁹⁷². Так два почтенных англичанина устроили бурю в стакане чая.

Интересно одно из последних замечаний Джонсона, сделанных по поводу Китая уже на закате его жизни. В 1778 г. писатель, хоть и по-прежнему защищал право англичан пить чай, но уже называл китайцев такими же варварами, как и индийцев. В беседе с Босуэллом он утверждал, что главный показатель варварства китайцев – отсутствие алфавита: «они (китайцы. – Т. К.) не оказались способны создать то, что смогли создать все остальные народы»⁹⁷³. Конечно, в этом высказывании прослеживается остроумие литератора, но оно также свидетельствует о постепенной трансформации представлений англичан о Китае. Образ Китая как древнейшей цивилизации и земли обетованной, где ключевые идеи эпохи Просвещения уже применены на практике, к концу XVIII в. померк. После 1783 г. коммерческие интересы Британской империи на Дальнем Востоке вытеснят романтизированные взгляды на Поднебесную. Последующее «открытие» Китая и вовсе сведет на нет все идеи просветителей о Царстве разума на Востоке.

⁹⁷⁰ *Hanway J. A Journal of Eight Days Journey from Portsmouth to Kingston upon Thames, with Miscellaneous Thoughts, Moral and Religious, in a Series of Letters: To which is Added, and Essay on Tea.* London : H. Woodfall, 1756.

⁹⁷¹ *Johnson S. Review on [Johas Hanway] A Journal of Eight Days Journey from Portsmouth to Kingston upon Thames, with Miscellaneous Thoughts, Moral and Religious, in a Series of Letters: To which is Added, and Essay on Tea // Samuel Johnson : Major Works / ed. by D. Greene. Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 509.*

⁹⁷² *Boswell J. Life of Johnson.* P. 222.

⁹⁷³ *Ibid.* P. 984.

Для англичан, как и европейцев в целом, Восток был важнейшим и неотступным образом «другого». Сочинения доктора Джонсона, затрагивающие азиатские страны, лишь подтверждают это. Зачастую восточный колорит использовался как фон для нравственно-философских умозаключений, рассуждений, суждений о морали и политике. К примеру, Индия позиционировалась британцами как государство сказочных богатств и мудрецов, что отражено в восточных повестях Джонсона. Позднее освоение индийских территорий под руководством ОИК привело к деидеализации страны, которая постепенно становилась либо объектом для обогащения, либо предметом научного интереса. Хотя Джонсон, как и другие интеллектуалы (Берк, Уолпол), критиковал жестокость по отношению к индийцам, это не привело к кардинальному изменению политики ОИК на индийских территориях. Аналогичную эволюцию прошел образ Китая – от представлений об идеальном государстве, на которое европейским странам стоит равняться, до варварской страны, привлекающей английских торговцев. Коммерциализация британского общества привела к тому, что романтическая дымка вокруг Индии и Китая рассеялась, уступив место прагматизму. Голос интеллектуалов, выступавших против утилитарного подхода к колониальным владениям, не был услышан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории есть немало примеров, когда обретение человеком славы приводило к мифологизации его фигуры, появлению множества легенд и домыслов, имеющих мало общего с реальностью. Такие герои часто оказываются в «ловушке» исторической памяти. Это случилось и с доктором Джонсоном, при жизни известном как выдающийся литературный критик, лексикограф и моралист, а после смерти – как эксцентричный литературный «диктатор» Англии, «чистокровный» англичанин с внушительным перечнем предрассудков, непримиримый спорщик и острослов. Биография Джонсона, написанная Босуэллом, подарила Джонсону «вторую жизнь», сделала его бессмертным, сохранила память о нем для потомков, но эта память оказалась искаженной. Его незаурядная личность, сошедшая со страниц «Жизни Сэмюэла Джонсона» 1791 г., затмила память о работах и достижениях, прославивших их творца.

Преодоление мифа о Джонсоне, созданного его шотландским биографом, заняло более столетия. Лишь с середины XX в. в центре внимания исследователей оказалась не только биография доктора Джонсона, но и его работы. Флер одиозности и чудаковатости литератора рассеялся, и на авансцене истории появился христианский моралист, человек энциклопедических знаний, интеллеktуал, чье творчество было неразрывно связано с происходившими в Британии XVIII столетия событиями и стало ответом на вызовы времени.

Джонсон сделал многое во благо своей Отчизны. Одним из его главных достижений стало создание «Словаря английского языка», труда, превратившего его в знаменитость. Хотя С. Джонсон не был первым английским лексикографом, именно написанный им в одиночку «Словарь английского языка» 1755 г. остался в памяти англичан образцом, к которому обращались по-

следующие ученые. Важнейшей особенностью словаря является не только то, что в нем сформулированы нормы и правила английского языка и описана его эволюция, но и то, каким образом были продемонстрированы способы использования английских слов. Для этого Джонсон использовал цитаты из произведений корифеев английской литературы – Шекспира, Мильтона, Драйдена, Поупа и др. – и, по сути, создал канон английских авторов, классиков конца XVI – первой половины XVIII в. «Словарь» стал не только монументальным лексикографическим памятником, свидетельством огромной работы по унификации и стандартизации языка, но и символом, позволившим жителям Британских островов бороться с французским языковым влиянием и галломанией, охватившей всю Европу в эпоху Просвещения. Можно считать это первой «битвой», которую выиграл Джонсон – битвой за самобытность и оригинальность английского языка.

Вторая «битва» доктора Джонсона также была начата не им, но и в ней он сыграл одну из ведущих ролей. Английские интеллектуалы XVIII в., в числе которых был наш герой, стали создателями мифа о золотом веке английского прошлого в годы правления Елизаветы I. Важнейшей составляющей этого мифа было «сотворение» Шекспира, его превращение в национального кумира, демонстрировавшего самобытность и величие английской литературы. Издание Джонсона не положило конец тяжелой работе литературных критиков по редактированию шекспировских пьес, но способствовало укреплению культа великого барда в британском обществе. Не меньшую роль в формулировании идей об исключительности английской литературы сыграли «Жизнеописания важнейших английских поэтов» – последний труд Джонсона, способствовавший оформлению литературного «Олимпа» Англии.

Еще одна «битва», в которой участвовал Джонсон, была связана с защитой чести и достоинства Англии в противостоянии с Шотландией. Казалось бы, Акт об Унии 1707 г. объединил Британию, однако он же явился предпосылкой начавшихся во второй половине XVIII в. «культурных войн» на Британских островах и чуть позднее – «кельтского возрождения». В представлении Джонсона Шотландия должна была воспринимать Унию как

«луч света» и стимул к развитию в составе Королевства Великобритания в качестве младшего партнера Англии. «Поэмы Оссиана» Дж. Макферсона, ставшие предметом гордости для шотландцев, были восприняты Джонсоном как вызов, претензия на равенство в союзе, что было недопустимо для «чистокровного» англичанина. На карте британского мира Шотландия, наравне с Уэльсом и Ирландией, представлялась «окраиной» королевства, в центре которого находилась, разумеется, Англия. Подобные взгляды стали предметом критики в отношении литератора после выхода в свет «Путешествия по западным островам Шотландии» 1775 г. Впрочем, в «культурной войне», разразившейся в Британии, С. Джонсон сделал выбор в пользу поощрения развития валлийской и, в особенности, ирландской культуры. Так доктор Джонсон в определенной степени способствовал началу «кельтского возрождения» в Ирландии.

Противостояние с Шотландией для Джонсона также выразилось в неприятии достижений шотландских просветителей, в частности, Дэвида Юма. Поскольку наследие Сэмюэла Джонсона представляет собой яркий пример «культуры духа», воплощенной в христианском благочестии, для лексикографа свобода мысли вовсе не подразумевала посягательство на вопросы веры, отраженное в трудах Юма. Литератор пытался найти компромисс между религиозным и светским, будучи убежден, что просветительская мысль может существовать в рамках англиканства. Его идеи оказались надолго позабыты грядущими поколениями и уступили место «культуре разума», за которую ратовал Дэвид Юм – апологет эмпирического познания мира.

Не менее важной «битвой» стала борьба лексикографа с «мнимыми» патриотами в условиях напряженной общественно-политической борьбы в Британии 60–70-х гг. XVIII в. после окончания Семилетней войны. Знаменитое выражение «патриотизм – последнее прибежище негодяя», конечно, не отражает истинных взглядов литератора на патриотизм. Напротив, он полагал, что истинный признак патриотизма – это любовь к Отечеству и готовность бескорыстно служить ему. «Мнимыми» патриотами для Джонсона были Джон Уилкс и его сторонники, использовавшие это «великое слово» для прикрытия своих корыстных интересов

и удовлетворения политических амбиций. Пожалуй, из этого противостояния победителем вышел Джонсон, хотя лишь времени удалось рассудить конфликт между Уилксом и Джонсоном о сущности патриотизма.

Одной из непростых «битв», проигранных доктором Джонсоном, стала дискуссия о будущем североамериканских колоний Британии. В представлении Джонсона жители заморских «окраин» Британской империи – американские колонисты – не были равны англичанам. Он считал колонистов «надсмотрщиками рабов» и потомками некогда сосланных преступников, для которых одно только причисление к подданным британской короны является высокой честью. Поэтому Джонсон называл повстанцев «ревнителями анархии», расшатывающими основы единой империи. Его позиция была близка далеко не для всех, более того, она развела Джонсона и Берка по разные стороны баррикад, но также способствовала тому, что вопрос о безропотном подчинении колонистов королю стал предметом общественного обсуждения. Однако события Войны за независимость США продемонстрировали ошибочность суждений Джонсона.

Последней «битвой», в которой принял участие Джонсон, можно считать «сражение» с «другими» – определение сущности Британского государства через образы «другого» и составление «ментальной карты» мира. Джонсону, в отличие от авторов литературы «за пенни», был присущ более взвешенный подход к европейским «врагам». В его работах едва ли можно найти критику католицизма или призывы к военным действиям с континентальными соперниками. Тем не менее, в произведениях, ставших ответами на ключевые международные конфликты – Войну из-за уха Дженкинса, Войну за австрийское наследство, Семилетнюю войну и Фолклендский кризис – литератор повторяет устоявшиеся стереотипы национального мышления о французах как агрессорах и нарушителях спокойствия на Европейском континенте, о испанцах – как жестоких и безжалостных завоевателях Америки.

Сложнее выглядит картина Востока, отраженная в сочинениях Джонсона. С одной стороны, Джонсон следовал уже сложившимся представлениям о загадочном Востоке, об Абиссинии как Царстве пресвитера Иоанна, о деспотичных государ-

ствах Ближнего Востока, противопоставляемых свободной Британии. Порой ради хлеба насущного лексикограф использовал существовавшие клише чарующего Востока для привлечения читающей публики, падкой на восточный колорит. Однако корреспонденция литератора свидетельствует о том, что его понимание процессов, происходящих в завоевываемой англичанами Индии, было точным. Джонсон выступал против жестких и беспощадных методов освоения и разграбления Индии, но ограничивался изложением этих мыслей в переписке. Впрочем, даже открытые выступления других интеллектуалов против притеснений местного населения не возымели действия. Увы, в этом «сражении» за человечность победила жажда наживы.

Быть может, читателю покажется странным, что биография и достижения интеллектуала, одним из жизненных кредо которого являлся пацифизм, описаны как сражения на полях британской истории. Но мог ли быть путь Джонсона – человека, противостоявшего невежеству и глупости, патриота своей страны и христианского моралиста – иным?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Арбетнот Дж. История Джона Булла / Дж. Арбетнот // Англия в памфлете : Английская публицистическая проза начала XVIII века / сост. И. О. Шайтанов. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 41–69.

Бэкфорд У. Ватек / У. Бэкфорд ; пер. с франц. Б. Зайцева. – Москва : Наука, 1967. – 294 с.

Болингброк Г. С. Дж. Письма о пользе и изучении истории / Г. С. Дж. Болингброк ; пер. с англ. С. М. Берковской, А. Т. Парфенова, А. С. Розенцвейга ; под общ. ред. М. А. Барга. – Москва : Наука, 1979. – 358 с.

Босуэлл Дж. Жизнь Сэмюэля Джонсона / Дж. Босуэлл ; пер. с англ. А. Ливерганта. – Москва : Текст, 2003. – 192 с. – ISBN 5-7516-0366-4.

Голдсмит О. Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке / О. Голдсмит ; пер. с англ. А. Г. Игнера. – Москва : Наука, 1974. – 384 с.

Джонсон С. История Расселаса, принца Абиссинского / С. Джонсон ; пер. с англ. Л-ы Б-вой. – Санкт-Петербург : Д. В. Федоров, 1875. – 278 с.

Зритель мира и деяний человеческих / пер. с англ. Л. Сичкарев. – Санкт-Петербург : печатано въ типографіи у Шнора, 1784. – Б. с.

Иероним Лобо. Путешествие в Абиссинию / пер. с англ. М. Л. Вольпе. – Москва : Галактика, 2018. – 192 с. – ISBN 978-5-6041710-1-1.

Макферсон Дж. Поэмы Оссиана / Дж. Макферсон ; под ред. Ю. Д. Левина. – Ленинград : Наука, 1983. – 589 с.

Отечество карикатуры и пародии. Английская сатирическая проза XVIII века / пер. с англ. А. Ливерганта. – Москва : Новое литературное обозрение, 2009. – 776 с. – ISBN 978-5-86793-582-5.

Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / Ш. Л. Монтескье ; пер. с франц. Н. Саркитова. – Москва : «КАНОН-пресс-Ц» : «Кучково поле», 2002. – 512 с. – ISBN 5-86090-047-3.

Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного управления и о природе политической и гражданской свободы // Джозеф Пристли. Избранные сочинения / под ред. А. А. Ческиса. – Москва : Государственное социальное-экономическое издательство, 1934. – С. 207–230.

Путешествие жизни человеческого // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. – Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1755. – Май. – С. 403–413.

Описание истории Абиссинского Принца Расселия // Доброе намерение. – Москва : Императорский Московский университет, 1764. – Апрель. – С. 167–192.

О излишнемъ желаніи // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешанная Библиотека о разныхъ Физическихъ, Экономическихъ також до мануфактур и до коммерции принадлежащихъ вещахъ. – Москва : Императорский Московский университетъ, 1762. – Ч. 2. – С. 279–289.

Стерн Л. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Л. Стерн ; пер. с англ. А. Франковского. – Москва : Художественная литература, 1968. – 685 с.

Сэмюэль Джонсон // Своеволие философии : собрание философских эссе / С. Джонсон ; сост. и отв. редактор О. П. Зубец. – Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. – С. 133–142. – ISBN 978-5-907117-54-9.

Юм Д. Англия под властью дома Стюартов : в 2 т. / Д. Юм ; пер. с англ. А. А. Васильева ; под общ. ред. С. Е. Федорова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – ISBN 5-89329-355-X.

Юм Давид. Собрание сочинений : в 2 т. / Давид Юм ; пер. с англ. С. И. Церетели, В. С. Швырева и др. – Москва : Мысль, 1996. – ISBN 5-244-00763-7.

An Account of the New English Dictionary // The London Magazine : Or, Gentleman's Monthly Intelligencer. – 1755. – Vol. 24. – P. 193–200.

An Account of the Life of Dr. Samuel Johnson, from his Birth to his Eleventh Year, Written by himself / S. Johnson ; ed. by R. Wright. – London : Printed for R. Phillips, 1805. – 144 p.

Adams W. An Essay in Answer to Mr. Hume's Essay on Miracles. – London : Printed by E. Say, 1754. – 103 p.

Allestree R. The Whole Duty of Man / R. Allestree. – London : W. Norton, 1704. – 503 p.

Anderson R. Works of the British Poets. – Edinburgh : Mundell and son, 1792. – Vol. 1. – 720 p.

Andrews J. A Comparative View of the French and English Nations. – London : T. Longman, 1785. – 488 p.

Annals of the Club, 1764–1914. – London : Printed for the Club, 1914. – 231 p.

Arabian Nights Entertainments : in 6 Vol. – London : A. Bell, 1706.

Bailey N. Dictionarium Britannicum : or, A More Compleat Universal Etymological Dictionary Than Any Extant. Containing Not Only the Words, and Their Explication; But Their Etymologies from the Antient British, Teutonic, Low and High Dutch, Saxon, Danish, Norman and Modern French, Italian, Spanish, Latin, Greek, Hebrew, Chaldee, &c. Each in Its Proper Character. Also Explaining Hard and Technical Words, Or Terms of Art, in All the Arts, Sciences, and Mysteries Following. Together with Accents Directing to Their Proper Pronuntiation, Shewing Both the Orthography and Orthoepia of the English Tongue / N. Bailey. – London : T. Cox, 1730. – 818 p.

Bernier F. Travels in the Mogul Empire, 1656–1668 / F. Bernier ; ed. by V. A. Smith. – Oxford : Oxford University Press, 1916. – 497 p.

Bevis J. Pocket Dictionary, or Complete English Expositor : To Which is Prefix'd an Introduction, Containing an History of the English Language, with a Compendious Grammar: and a Recommendation of the Manuscript Copy, in a Letter from Dr. Bevis / J. Bevis. – London : J. Bevis, 1753. – 424 p.

Blackstone W. Commentaries on the Laws of England : in 4 Vol. / W. Blackstone. – Oxford : Clarendon Press, 1769. – Vol. 4. – 436 p.

Blair H. A Critical Dissertation on the Poems of Ossian, the Son of Fingal / H. Blair. – London : T. Becket and P. A. De Hondt, 1763. – 134 p.

Blount T. Glossographia : or, a Dictionary Interpreting All Such Hard Words of Whether Hebrew, Greek, Latin, Italian, Spanish, French, Teutonick, Belgick, British Or Saxon, as are Now Used in Our Refined English Tongue With Etymologies, Definitions and Historical Observations on the Same : Also the Terms of Divinity, Law, Physick, Mathematicks and Other Arts and Sciences Explicated / T. Blount. – London : T. Newcomb, 1656. – 612 p.

Boswell J. The Journal of a Tour to the Hebrides, with Doctor Johnson, LL. D. / J. Boswell. – London : H. Baldwin, 1785. – 524 p.

Boswell J. Life of Johnson / J. Boswell ; ed. by R. W. Chapman. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – 1492 p.

Boswell J. The Life of Samuel Johnson, LL. D. : Comprehending an Account of His Studies and Numerous Works, in Chronological Order; a Series of His Epistolary Correspondence and Conversations with Many Eminent Persons; and Various Original Pieces of His Composition, Never Before Published. The Whole Exhibiting a View of Literature and Literary Men in Great-Britain, for Near Half a Century, During which He Flourished : in 2 Vol. / J. Boswell. – London : H. Baldwin, 1791.

Boswell J. The Life of Samuel Johnson, LL. D. : in 8 Vol. / J. Boswell. – London : J. Murray, 1835. – Vol. 4. – 343 p.

Boswell's London Journal 1762–1763 / J. Boswell ; ed. by F. A. Pottle. – London ; Sydney : Macdonald and Co, 1982. – 404 p.

Cawdrey R. A Table Alphabetical or Hard Usual English Words / R. Cawdrey ; ed. by R. A. Peters. – London : H. R. Warfel, 1966. – 130 p.

Christie J. A Catalogue of the Valuable Library of Books, of the Late Learned Samuel Johnson, Esq., LL. D. – London : s. n., 1785. – 28 p.

Cockeram H. The English Dictionarie : or, An Interpreter of Hard English Words : Enabling as well Ladies and Gentlewomen, Young Schollers, Clarkes, Merchants, as Also Strangers of Any Nation, to the Understanding of the more Difficult Authors Already Printed in Our Language, and the More Speedy Attaining of an Elegant Perfection of the English Tongue, both in Reading, Speaking and Writing. Being a Collection of the Choisest Words Contained in the Table Alphabetically and English Expositor, and of Some Thousands of Words Never Published by Any Heretofore. – London : T. Harper, 1623. – 335 p.

Copy of a Letter from David Hume, Esq. to the Reverend Dr Hugh Blair, on the subject of Ossian's Poems, 19th Septem. 1763 / D. Hume // Report of the Committee of the Highland Society of Scotland Appointed to Inquire Into the Nature and Authenticity of the Poems of Ossian. – Edinburgh : Printed at the University Press, 1805. – P. 4–8.

Deaths // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. – 1784. – Vol. 54. – Pt. 2. – P. 957.

Dennis J. Liberty Asserted. A Tragedy / J. Dennis. – London : G. Strahan, 1704. – 68 p.
The Diary of George Ridpath / G. Ridpath ; ed. by Sir J. Balfour Paul. – Edinburgh : University Press, 1922. – Vol. 2. – 410 p.

Donald and Mary Hyde Collection of Dr. Samuel Johnson. – URL: <https://library.harvard.edu/collections/donald-and-mary-hyde-collection-dr-samuel-johnson> (date of access: 13.08.2021).

- Dryden J.* Aureng-zebe / J. Dryden. – London : T. Newcomb, 1676. – 86 p.
- Dryden J.* Essays of John Dryden / J. Dryden ; ed. by W. P. Ker. – Oxford : Clarendon Press, 1900. – Vol. 2. – 342 p.
- Du Halde J.-B.* The General History of China : Containing a Geographical, Historical, Chronological, Political and Physical Description of the Empire of China, Chinese-Tartary, Corea and Thibet : in 4 Vol. / J.-B. Du Halde. – London : J. Watts, 1741.
- The English Works of Roger Ascham, Preceptor to Queen Elizabeth / R. Ascham ; ed. by S. Johnson. – London : R. and J. Dodsley, and J. Newbery, 1761. – 395 p.
- Essay on Patriotism and on the Character and Conduct of some late famous pretenders to that virtue, particularity of the present Popular Gentleman. – London : Fleet-street, 1768. – 92 p.
- Forster J.* The Life and Adventures of Oliver Goldsmith : A Biography / J. Forster. – London : Bradbery and Evans, 1818. – Vol. 1. – 704 p.
- Fraser J.* The History of Nadir Shah, Formerly Called Thamas Kuli Khan, the Present Emperor of Persia. To Which is Prefix'd a Short History of the Moghol Emperors. At the End is Inserted, a Catalogue of about Two Hundred Manuscripts in the Persic and Other Oriental languages, Collected in the East / J. Fraser. – London : A. Millar, 1742. – 234 p.
- The French Journals of Mrs. Thrale and Doctor Johnson / ed. by M. Tyson and H. Guppy. – Manchester : The Manchester University Press, 1932. – 274 p.
- Gallard A.* Les Milles et une nuits / A. Galland. – Paris : Barbin, 1704. – T. 1. – 502 p.
- Garrick D.* Upon Johnson's Dictionary / D. Garrick // Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. – 1755. – Vol. 25. – P. 147–151.
- Goldsmith O.* The History of England : from the earliest times to the death of George II / O. Goldsmith. – Boston : C. Stebbens, 1814. – Vol. 2. – 700 p.
- Goring Ch.* Irene, or Fair Greek / Ch. Goring. – London : Drury-Lane, 1708. – 60 p.
- Grenville G.* The Celebrated Speech of a Celebrated Commoner / G. Grenville. – London : S. Austin, 1766. – 17 p.
- Hanway J.* Essay of Eight Days Journey from Portsmouth to Kingston upon Thames, through Southampton, Wiltshire, &c. : with miscellaneous thoughts, moral and religious : in a series of sixty-four letters, addressed to two ladies of the partie : to which is added, An essay on tea, considered as pernicious to health, obstructing industry, and impoverishing the nation, with an account of its growth, and great consumption in these Kingdoms, with several political reflections, and thoughts on public love / J. Hanway. – London : H. Woodfall, 1756. – 361 p.
- Hanway M. A.* A Journey to the Highlands of Scotland : with occasional remarks on Dr. Johnson's Tour / M. A. Hanway. – London : Fielding and Walker, 1777. – 163 p.
- The Harleian Miscellany : or, A collection of Scarce, Curious, and Entertaining Pamphlets and Tracts, as well in Manuscript as in Print, Found in the Late Earl of Oxford's Library. Interspersed with Historical, Political and Critical Notes. With Table of Contents and an Alphabetical Index : in 8 Vol. – London : T. Osborne, 1744–1746.
- Hau kiou choan ; or, The Pleasing History : a Translation from the Chinese Language: to which are Added : 1. The Argument Or Story of a Chinese Play ; 2. A Collection of Chinese Proverbs and 3. Fragments of Chinese Poetry : in 4 Vol. / transl. by Th. Percy, J. Wilkinson. – London : R. and J. Dodsley, 1761.

Hawkins J. The Life of Samuel Johnson, LL. D. / J. Hawkins. – Dublin : Printed by Chambers, 1787. – 605 p.

Henry Fielding. The True Patriot : and The History of Our Own Times / H. Fielding ; ed. by M. A. Locke. – Tuscaloosa : University of Alabama Press, 1964. – 263 p.

Johnson S. An Account of the Harleian Library / S. Johnson // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. – London : E. Cave, 1742. – Vol. 12. – P. 636–639.

Johnson S. An Account of the Life of Mr. Richard Savage, Son of the Earl Rivers / S. Johnson. – London : J. Roberts, 1744. – 28 p.

Johnson S. Debates in the Senate of Magna Lilliputia / S. Johnson // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. – London : E. Cave, 1738. – Vol. 8. – P. 283–292.

Johnson S. A Diary of a Journey into North Wales, in the year 1774 / S. Johnson ; ed. by R. Duppa. – London : R. Jennings, 1816. – 258 p.

Johnson S. A Dictionary of the English Language : in Which the Words are Deduced from their Originals, and illustrated in their different significations by examples from the best writer: to which are prefixed, a history of the language, and an English grammar : in 2 Vol. / S. Johnson. – London : J. and P. Knapton, T. and T. Longman, C. Hitch and L. Hawes, A. Millar, R. and J. Dodsley, 1755.

Johnson S. A Dictionary of the English Language : in which the Words are deduced from their Originals, and Illustrated in their Different Significations by Examples from the best Writers. To which are prefixed, A History of the Language, and An English Grammar : in 2 Vol. / S. Johnson. – London : W. Strahan, 1773. – Vol. 2. – URL: <https://johnsonsdictionaryonline.com/1773page/title-v2-1?zoom=1575> (date of access: 03.06.2021).

Johnson S. Essay in the Description of China in Two Volumes Folio. From the French of Pere du Halde / S. Johnson // The Gentleman's Magazine, and Historical Review. – 1742. – Vol. 12. – P. 320–323, 353–357, 484–486.

Johnson S. The False Alarm / S. Johnson. – London : T. Cadell, 1770. – 53 p.

Johnson S. The History of Rasselas, Prince of Abyssinia. A Tale : in 2 Vol. / S. Johnson. – London : J. and R. Dodsley, 1759.

Johnson S. The Idler : in 2 Vol. / S. Johnson. – London : J. Newbery, 1761.

Johnson S. Introduction / S. Johnson // The Harleian Miscellany : or, A collection of Scarce, Curious, and Entertaining Pamphlets and Tracts, as well in Manuscript as in Print, Found in the Late Earl of Oxford's Library. Interspersed with Historical, Political and Critical Notes. With Table of Contents and an Alphabetical Index. – London : T. Osborne, 1744. – Vol. 1. – P. i–viii.

Johnson S. An Introduction to the Political State of Great Britain / S. Johnson // The Literary Magazine. – London, 1756. – Vol. 1, Nr 1. – P. 1–9.

Johnson S. Irene : A Tragedy / S. Johnson. – London : R. Griffiths, 1749. – 37 p.

Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland / S. Johnson. – London : A. Strahan, 1775. – 384 p.

Johnson S. The Lives of the Most Eminent English Poets with Critical Observations of Their Works : in 10 Vol. / S. Johnson. – London : C. Bathurst, J. Buckland, W. Strahan, etc., 1779–1781.

Johnson S. Lives of the Most Eminent English Poets : with Critical Observations on their Works / S. Johnson. – London ; New York : Frederick Warne and Co, s. a. – 588 p.

Johnson S. London : A Poem in Imitation of the Third Satire of Juvenal / S. Johnson. – London : R. Dodsley, 1738. – 19 p.

Johnson S. Marmor norfolciense, or, An essay on an ancient prophetic inscription, in monkish rhyme, lately discover'd near Lynn, in Norfolk / S. Johnson. – London : J. Williams, 1775. – 56 p.

Johnson S. Miscellaneous Observations on the Tragedy of Macbeth / S. Johnson. – London : E. Cave, 1745. – 86 p.

Johnson S. Observation on a Letter from a French Refugee in America / S. Johnson // The Literary Magazine. – London, 1756. – Vol. 1, Nr 2. – P. 66–67.

Johnson S. Observations on the Present State of Affairs / S. Johnson // The Literary Magazine. – London, 1756. – Vol. 1, Nr 4. – P. 161–165.

Johnson S. Patriot. Addressed to the Electors of the Great Britain. – London : T. Cadell, 1774. – 33 p.

Johnson S. The Plan of a Dictionary of the English Language : addressed to the Right Honourable Philip Dormer, Earl of Chesterfield / S. Johnson. – London : J. and R. Knapton, T. Longman and T. Shewell, 1747. – 34 p.

Johnson S. Probus Britannicus. Marmor Norfolciense : or, an Essay on an Ancient Prophetic Inscription, in Monkish Rhyme, Lately Discovered Near Lynn in Norfolk / S. Johnson. – London : Printed for J. Brett, 1739. – 56 p.

Johnson S. Proposals for Printing by Subscription the Harleian Miscellany : or A Collection of Scarce, Curious and Entertaining Tracts Found in the late Earl of Oxford's Library. Interspersed with Historical, Political and Critical Notes / S. Johnson. – London : E. Cave, 1743. – 2 p.

Johnson S. Remarkable Example in a Prince and Subject / S. Johnson // The Gentleman's Magazine, and Historical Review. – 1738. – Vol. 8. – P. 365–366.

Johnson S. Review of A Journal of Eight Days' Journey / S. Johnson // The Literary Magazine. – London, 1757. – Vol. 2, Nr 13. – P. 161–167.

Johnson S. Taxation No Tyranny, an Answer to the Resolutions and Address of the American Congress / S. Johnson. – London : T. Cadell, 1775. – 91 p.

Johnson S. Thoughts on the Late Transactions Respecting Falkland's Islands / S. Johnson. – London : T. Cadell, 1771. – 75 p.

Johnson S. The Vanity of Human Wishes. The Tenth Satire of Juvenal / S. Johnson. – London : R. Dodsley, 1749. – 28 p.

Kenrick W. A Review of Doctor Johnson's New Edition of Shakespeare, in which the Ignorance, or Inattention of That Editor is Exposed / W. Kenrick. – London : Printed for J. Payne. 1765. – 133 p.

Kersey J. A. A New English Dictionary : or, a Complete Collection of the Most Proper and Significant Words, Commonly Used in the Language / J. A. Kersey. – London : T. Cox, 1702. – 272 p.

Knolles R. The Turkish history, Comprehending the Origin of That Nation, and the Growth of the Othoman Empire, with the Lives and Conquests of their Several Kings and Emperors / R. Knolles. – London : I. Cleave, 1704. – Vol. 1. – 539 p.

Lackington J. Memoirs of the First Forty-Five Years of the Life of James Lackington. – London : Printed for the Author, 1792. – 486 p.

Law W. A Serious Call to a Devout and Holy Life / W. Law. – London : W. Innys, 1729. – 274 p.

The Letters of Charles O' Connor of Belanagare : in 2 Vol. / Ch. O'Connor ; ed. by C. C. Ward and R. E. Ward. – Ann Arbor : University Microfilms International, 1980.

The Letters of David Hume / D. Hume ; ed. J. Y. T. Greig. – Oxford : Clarendon Press, 1932. – Vol. 2. – 498 p.

The Letters of Junius / ed. by J. Cannon. – Oxford : Clarendon Press, 1978. – 643 p.

Letters of Samuel Johnson : in 2 Vol. / S. Johnson ; ed. by G. B. Hill. – New York : Harper and Brothers, 1892.

The Letters of Samuel Johnson : in 5 Vol. / S. Johnson ; ed. by B. Redford. – Oxford : Clarendon Press, 1992–1994.

Lily W. A Short Introduction of Grammar Generally to be Used / W. Lily. – Oxford : at the Theater, 1709. – 239 p.

Lindsay J. Brief History of England / J. Lindsay. – London : Printed for the Author, 1748. – 376 p.

Lobo J. Voyage historique d'Abissinie : du R. P. Jerome Lobo de la Compagnie de Jesus / J. Lobo ; trad. par J. Le Grand. – Paris : P. Gosse & J. Neaulme, 1728. – 514 p.

Lobo J. A Voyage to Abyssinia : Containing, a Narrative of the Dangers He Underwent in His First Attempt to Pass from the Indies Into Abyssinia... : With a Continuation of the History of Abyssinia Down to the Beginning of the Eighteenth Century, and Fifteen Dissertations on Various Subjects, Relating to the History, Antiquities, Government, Religion, Manners, and Natural History of Abyssinia, and Other Countries Mention'd by Father Jerome Lobo / J. Lobo ; transl. by S. Johnson. – London : A. Bettesworth, 1735. – 396 p.

Lobo J. A Voyage to Abyssinia : Containing, a Narrative of the Dangers He Underwent in His First Attempt to Pass from the Indies Into Abyssinia... : With a Continuation of the History of Abyssinia Down to the Beginning of the Eighteenth Century, and Fifteen Dissertations on Various Subjects, Relating to the History, Antiquities, Government, Religion, Manners, and Natural History of Abyssinia, and Other Countries Mention'd by Father Jerome Lobo. / J. Lobo ; transl. by S. Johnson. – London : Printed for Elliot and Kay, 1789. – 502 p.

Lord Chesterfield's Letters / Ph. D. Stanhope ; ed. by D. Roberts. – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 449 p.

Ludolf H. A New History of Ethiopia : Being a Full and Accurate Description of the Kingdom of Abessinia. Vulgarly, Though Erroneously, Called the Empire of Prester John / H. Ludolf. – London : Printed for S. Smith, 1684. – 332 p.

M'Nicol D. Remarks on Dr. Johnson's Journey to the Hebrides; in which are contained, Observations on the Antiquities, Language, Genius, and Manners of the Highlanders of Scotland / D. M'Nicol. – London : T. Cadell, 1779. – 371 p.

Macpherson J. Critical Dissertations on the Origin, Antiquities, Language, Government, Manners, and Religion, of the Ancient Caledonians, Their Posterity the Picts, and the British and Irish Scots / J. Macpherson. – London : T. Becket and P. A. De Hondt, 1768. – 382 p.

Macpherson J. A Dissertation Concerning the Antiquity of the Poems of Ossian the Son of Fingal / J. Macpherson // Fingal, an Ancient Epic Poem. In Six Books :

Together with Several Other Poems, Composed by Ossian the Son of Fingal. – Dublin : R. Fitzsimons, 1762. – P. 19–38.

Macpherson J. An Introduction to the History of Great Britain / J. Macpherson. – London : T. Becket and P. A. De Hondt, 1771. – 308 p.

Martin M. Lingua Britannica Reformata, or, A New English Dictionary / M. Martin. – London : J. Hodges, 1749. – 387 p.

Memoirs of the Life of the Right Hon. Warren Hastings, First Governor-General of Bengal / W. Hastings ; ed by the Rev. G. R. Gleig, M. A. – London : Bentley, 1841. – Vol. 2. – 591 p.

Ministreal Patriotism Detected ; or, The Present Opposition Proved to be Founded on Truly, just and laudable Principles, by the Evidence of Facts. – London : J. Cooke, 1763. – 40 p.

Montagu M. W. Letters During the Embassy to Constantinople // Letters / with an Intr. by C. Brant. – London : David Campbell, 1992. – 588 p.

Mrs. Thrale's Unpublished Journal of her Tour in Wales with Dr. Johnson / H. L. Thrale // Doctor Johnson and Mrs. Thrale / ed. by A. M. Broadley. – London ; New York : John Lane, 1995. – P. 155–219.

Murphy A. An Essay on Life and Genius of Samuel Johnson / A. Murphy. – London : T. Longman, 1792. – 187 p.

O'Connor Ch. Dissertations on the Ancient History of Ireland Wherein an Account is Given of the Origin, Government, Letters, Sciences, Religion, Manners and Customs, of the Ancient Inhabitants / Ch. O'Connor. – Dublin : J. Hoey, 1753. – 248 p.

O'Connor Ch. Dissertations on the History of Ireland, to Which is Subjoined a Dissertation on the Irish Colonies Established in Britain with Some Remarks on Mr. MacPherson's Translation of Fingal and Temora / Ch. O'Connor. – Dublin : G. Faulkner, 1766. – 398 p.

O'Connor Ch. A Dissertation on the Origin and Antiquities of the Ancient Scots of Ireland and Britain / Ch. O'Connor // Ogygia Vindicated : Against the Objections of Sir George Mac Kenzie, King's Advocate for Scotland in the Reign of King James II (A Posthumous Work) by Roderic O'Flaherty, Esq; to which is annexed an Epistle from John Lynch, D.D. to M. Boileau, the Historian of the University of Paris, on the Subject of Scottish Antiquities. With Notes, critical and explanatory, on Mr. O' Flaherty's Text. – Dublin : G. Faulkner, 1775. – P. 25–48.

The Parliamentary History of England From the Earliest Period to the Year 1803. Vol. 9–12 / ed. by W. Cobbett and J. Wright. – London : T. C. Hansard, 1811–1812.

The Parliamentary History of England From the Earliest Period to the Year 1803. Vol. 13–24 / ed. by J. Wright. – London : T. C. Hansard, 1812–1815.

Pennant T. A Tour in Scotland / T. Pennant. – London : B. White, 1776. – 400 p.

Phillips E. New World of English Words : Or, a General Dictionary; Containing the Interpretations of Such Hard Words as are Derived from Other Languages / E. Phillips. – London : s. l., 1658. – 343 p.

Piozzi H. L. The Anecdotes of the Late Samuel Johnson, LL. D., During the Late Twenty Years of His Life / H. L. Piozzi. – London : T. Cadell, 1786. – 306 p.

Piozzi H. L. Letters to and from the Late Samuel Johnson, LL. D. : in 2 Vol. / H. L. Piozzi. – London : Printed for A. Strahan, 1788.

The Plays of William Shakespeare with the Corrections and Illustrations of Various Commentators : in 8 Vol. / W. Shakespeare ; ed. by S. Johnson. – London : J. and R. Tonson, C. Corbet, J. Rivington, etc., 1765.

The Price Letters, 1767–1790 / R. Price ; ed. by J. W. Norton // Proceedings of Massachusetts Historical Society. Ser. 17. – Boston : Published by the Society, 1903. – P. 262–377.

The Prince of Abissinia. A Tale // The Monthly Review, or, Literary Journal. – 1759. – Vol. 20. – P. 428–437.

Prologue to Irene, a New Tragedy // The London Magazine, or, Gentleman's Monthly Intelligencer. – 1749. – Vol. 18. – P. 92.

The Rambler : in 2 Vol. / S. Johnson. – London : J. Paine and J. Bouquet, 1751–1752.

The Rambler : in 6 Vol. / S. Johnson. – London : J. Paine, 1752.

The Rambler : in 4 Vol. / S. Johnson. – London : A. Millar, 1763.

Review of Dictionary // The Monthly Review, or, Literary Journal. – 1755. – Vol. 12. – P. 292–324.

Samuel Johnson. The Major Works / S. Johnson ; ed. by D. Greene. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 840 p.

Saunders B. Life and Letters of J. Macpherson / B. Saunders. – London : Swan Sonnenschein and Co ; New York : Macmillan and Co, 1894. – 327 p.

A Short Ramble through some parts of France and Italy, by Lancelot Temple / J. Armstrong. – London : T. Cadell, 1771. – 102 p.

Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / A. Smith ; ed. by E. Cannan. – Chicago : University of Chicago Press, 1976. – 524 p.

Smollett T. A Complete History of England : Deduced from the Descent of Julius Cæsar, to the Treaty of Aix la Chapelle, 1748. Containing the Transactions of the One Thousand Eight Hundred and Three Years / T. Smollett. – London : J. Rivington and J. Fletcher, 1757. – Vol. 3. – 552 p.

Some Account of a Dictionary of the English Language // Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. – 1755. – Vol. 25. – P. 147–151.

Strictures on Johnson's Dictionary // The Edinburgh Magazine, or Literary Miscellany. – Edinburgh : Printed for J. Sibbald, 1785. – P. 39–45.

Thomson J. The four seasons, and other poems / J. Thomson. – URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ecco/004810089.0001.000/1:16?rgn=div1;view=fulltext> (date of access: 10.07.2021)

Tucker J. Instructions for Travelers / J. Tucker. – Dublin : W. Watson, 1758. – 96 p.

Tyers T. A Biographical Sketch of Samuel Johnson / T. Tyers // The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. – 1784. – Vol. 54. – Pt. 2. – P. 899–911.

Warner F. Remarks on the History of Fingal, and other Poems of Ossian / F. Warner. – London : H. Payne, W. Cropley, and J. Walter, 1762. – 44 p.

Warton T. Observations of the Fairy Queen of Spenser / T. Warton. – London : C. Stower, 1820. – Vol. 2. – 335 p.

Wesley J. A Calm Address to our American Colonies / J. Wesley. – Bristol : Bonner and Middleton, 1775. – 16 p.

Wilkes J. The Letter to Samuel Johnson / J. Wilkes. – London : J. Almon, 1770. – 58 p.

- Wilkes J. The North Briton* / J. Wilkes. – Dublin : J. Potts, 1763. – Vol. 2. – 173 p.
 The Works of Shakespear : in 6 Vol. / W. Shakespeare ; ed. by A. Pope. – London : Printed for J. Tonson, 1725. – Vol. 1. – 563 p.
- The Works of Shakespeare : in 7 Vol. / W. Shakespeare ; ed. by L. Theobald. – London : A. Bettesworth and others, 1733.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 1. Diaries, Prayers, Annals / S. Johnson ; ed. by E. L. McAdam, D. and M. Hyde. – New Haven ; London : Yale University Press, 1969. – 436 p.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 2. The Idler and The Adventurer / S. Johnson ; ed. by W. J. Bate. – New Haven ; London : Yale University Press, 1963. – 518 p.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 3–5. The Rambler / S. Johnson ; ed. by W. J. Bate, A. B. Strauss. – New Haven ; London : Yale University Press, 1969.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 6. Poems / S. Johnson ; ed. by E. L. McAdam, G. Milne. – New Haven ; London : Yale University Press, 1964. – 413 p.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 7–8. Johnson on Shakespeare / S. Johnson ; ed. by A. Sherbo, B. H. Bronson. – New Haven ; London : Yale University Press, 1968.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9. A Journey to the Western Islands of Scotland / S. Johnson ; ed. by M. Lascelles. – New Haven ; London : Yale University Press, 1971. – 198 p.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. Political Writings / S. Johnson ; ed. by J. Greene. – New Haven ; London : Yale University Press, 1977. – 494 p.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 11. Debates in Parliament / S. Johnson ; ed. by Th. Kaminsky, B. B. Hoover. O. M. Brack. – New Haven ; London : Yale University Press, 2012. – 567 p.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 14. Sermons / S. Johnson ; ed. by J. Hagstrum, J. Gray. – New Haven ; London : Yale University Press, 1978. – 366 p.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 16. Rasselas and other Tales / S. Johnson ; ed. by G. J. Kolb. – New Haven ; London : Yale University Press, 1990. – 316 p.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 18. Johnson on the English Language / S. Johnson ; ed. by G. J. Kolb. – New Haven ; London : Yale University Press, 2005. – 550 p.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 19. Biographical Writings : Soldiers, Scholars and Friends / S. Johnson ; ed. by O. M. Brack, R. DeMaria. – New Haven ; London : Yale University Press, 2016. – 612 p.
- The Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 20. Samuel Johnson : Johnson on Demand / S. Johnson ; ed. by O. M. Brack and R. DeMaria. – New Haven ; London : Yale University Press, 2019. – 663 p.

Исследования

- Адамс Д. Космополитизм и книгоиздание: случай «Энциклопедии» / Д. Адамс // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 110. – С. 156–175.
- Айзенштат М. П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. / М. П. Айзенштат. – Москва : ИВИ РАН, 2009. – 398 с. – ISBN 978-5-94067-287-6.
- Айзенштат М. П. Факторы актуализации прошлого в парламентской полемике Британии второй половины XVIII в. / М. П. Айзенштат // Люди и тексты : Исторический альманах. – 2014. – № 6. – С. 89–113.
- Аксенова Е. Ю. Общественно-политические и исторические взгляды Кэтрин Маколей (1731–1791) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Аксенова Елена Юрьевна. – Самара, 2003. – 26 с.
- Алябьева Л. А. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX вв. / Л. А. Алябьева. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 400 с. – ISBN 5-86793-278-8.
- Аникин Г. В. История английской литературы / Г. В. Аникин, Н. П. Михальская. – Москва : Высшая школа, 1985. – 431 с.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества : размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаева ; под ред. С. Б. Баньковской. – Москва : Кучково поле, 2016. – 416 с. – ISBN 5-93354-017-3.
- Апрыщенко В. Ю. Клановая система горной Шотландии : традиции и модернизация / В. Ю. Апрыщенко. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 2006. – 320 с. – ISBN 5-9275-0220-2.
- Апрыщенко В. Ю. Шотландия в новое время : в поисках идентичностей / В. Ю. Апрыщенко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. – 720 с. – ISBN 978-5-906823-07-6.
- Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / Г. Блум ; пер. с англ. Д. Харитонова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 672 с. – ISBN 978-5-4448-1140-5.
- Британская империя : становление, эволюция, распад / под ред. В. В. Высоковой. – Екатеринбург : Волот, 2010. – 194 с. – ISBN 978-5-89088-045-1.
- Возчиков Д. В. Царство Пресвитера Иоанна или оплот еретиков? Христианская Африка глазами венецианских интеллектуалов / Д. В. Возчиков // Уральское востоковедение : международный альманах. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015. – № 6. – С. 202–215.
- Высокова В. В. Mapping the Nation : Конструирование концепции национальной истории в британской традиции историописания в эпоху Просвещения / В. В. Высокова // Диалог со временем. – 2016. – № 54. – С. 120–136.
- Высокова В. В. Историографический и социальный контекст формирования концепции истории Дэвида Юма / В. В. Высокова // Диалог со временем. – 2013. – № 45. – С. 70–87.
- Высокова В. В. Национальная история в британской традиции историописания эпохи Просвещения : дис. ... д-ра ист. наук / Высокова Вероника Витальевна. – Екатеринбург, 2015. – 372 с.
- Высокова В. В. Шотландские просветители : круг идей / В. В. Высокова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (117) – С. 78–90.

Дружинин А. В. Этюды об английских писателях / А. В. Дружинин // Собрание сочинений в 8 т. / под ред. Н. В. Гербеля. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Академии наук, 1865. – Т. 4. – С. 7–246.

Дубровская Д. В. Иезуиты и эпоха Просвещения в Европе : новое видение Китая от Маттео Риччи до Адама Смита / Д. В. Дубровская // Ориенталистика. – 2018. – № 1 (2). – С. 194–208.

Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.) / Д. В. Дубровская. – Москва : «Крафт+» : Институт востоковедения РАН, 2000. – 256 с. ISBN 5-89282-164-1.

Зыкова Е. П. Англиканство и Просвещение в творческом сознании Сэмюэля Джонсона / Е. П. Зыкова // Английская литература XVIII века : поэтика жанров, диалог традиций, межкультурные взаимодействия : Межвузовский сборник научных трудов к 300-летию со дня рождения С. Джонсона. – Киров : Издательство Вятского государственного гуманитарного университета, 2009. – С. 16–24.

Зыкова Е. П. Литературный быт и литературные нравы в XVIII веке : искусство жизни в зеркале писем, дневников и мемуаров / Е. П. Зыкова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2013. – 265 с. – ISBN 978-5-9208-0407-5.

Иванова Н. А. «О чем говорят мужчины» : Сэмюэль Джонсон и его «Клуб» / Н. А. Иванова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1, № 4. – С. 87–90.

Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Т. Карлейль ; пер. В. И. Яковенко. – Москва : Эксмо, 2008. – 864 с. – ISBN 978-5-699-27279-2.

Карпова О. М. Роль писательских словарей в формировании английской национальной лексикографии / О. М. Карпова // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 10–14.

Коллингвуд Р. Д. Идея истории : Автобиография / Р. Д. Коллингвуд ; пер. и коммент. Ю. А. Асеева. – Москва : Наука, 1980. – 486 с.

Косых Т. А. Дискуссия об «истинных» и «мнимых» патриотах в памфлете Сэмюэля Джонсона / Т. А. Косых, Ю. С. Шипицына // Imagines Mundi : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 10. Сер. Альбионика. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2019. – С. 41–55.

Кром М. М. Патриотизм, или Дым отечества / М. М. Кром. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 160 с. – ISBN 978-5-94380-309-3.

Лабутина Т. Л. Английское Просвещение : общественно-политическая и педагогическая мысль / Т. Л. Лабутина, Д. В. Ильин. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – 264 с. – ISBN 978-5-91419-659-9.

Лабутина Т. Л. Культура и власть в эпоху Просвещения / Т. Л. Лабутина. – Москва : Наука, 2005. – 458 с. – ISBN 5-02-009863-9.

Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России : исследования и материалы / Ю. Д. Левин. – Ленинград : Наука, 1990. – 285 с. – ISBN 5-02-027999-4.

Левин Ю. Д. Известность Сэмюэля Джонсона в России XVIII века / Ю. Д. Левин // Национальные традиции и европеизм в русской культуре. – Ульяновск : УлГПУ, 1999. – С. 87–97.

Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII – первая треть XIX века) / Ю. Д. Левин. – Ленинград : Наука, 1980. – 206 с.

Луков В. А. Культ Шекспира / В. А. Луков, Н. В. Захаров // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 1. – С. 132–141.

Мазур Н. Как продавались рукописи и вдохновенье в Англии эпохи романтизма / Н. Мазур // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 90. – С. 339–366.

Малкин С. Г. Лаборатория империи : мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения / С. Г. Малкин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 656 с. – ISBN 978-5-4448-0514-5.

Макаров Е. П. Гордоновский бунт и религиозно-политическая борьба в Великобритании в 1778–1780 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Макаров Егор Павлович. – Саратов, 2013. – 23 с.

Макарова Е. А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии / Е. А. Макарова // Национальная идея в Западной Европе в Новое время / под ред. В. С. Бондарчука. – Москва : ИДК «Зерцало-М», 2005. – С. 11–124. – ISBN 5-94373-114-8.

Маколей Т. Б. Самюэль Джонсонъ / Т. Б. Маколей // Т. Б. Маколей. Полное собрание сочинений. Т. 1. Критические и исторические опыты / под ред. Н. Тиблена и Г. Думшина. – Санкт-Петербург : Н. Тиблен, 1860. – С. 360–416.

Мигаль А. С. Мусульманский мир в представлениях западноевропейских интеллектуалов эпохи Просвещения : дис. ... канд. ист. наук / Мигаль Анастасия Сергеевна. – Ростов-на-Дону, 2019. – 229 с.

Мир Просвещения : Исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша ; пер. Н. Ю. Плавинской ; под ред. С. Я. Карпа. – Москва : Памятники исторической мысли, 2003. – 668 с. – ISBN 5-88451-144-2.

Просвещение и его практики // Всемирная история : в 6 т. / под общ. ред. А. О. Чубарьяна. Т. 4. Мир в XVIII веке. – Москва : Наука, 2013. – С. 100–209. – ISBN 978-5-02-036725-8.

Рейнгольд Н. И. Lumières английской критики / Н. И. Рейнгольд // Studia Litterarum. – 2018. – Т. 3, № 3. – С. 304–354.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. : социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – Москва : Кругъ, 2011. – 560 с. – ISBN 978-5-7396-0203-9.

Русско-европейские литературные связи. XVIII век : Энциклопедический словарь / под ред. Т. В. Вольской и др. – Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 432 с. – ISBN 978-5-8465-0766-1.

Саид Э. Культура и империализм / Э. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – Санкт-Петербург : Издательство «Владимир Даль», 2012. – 736 с. – ISBN 978-5-93615-096-8.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – Санкт-Петербург : Русский мир, 2006. – 636 с. – ISBN 5-9900557-1-4.

Семенов С. Б. Концепция «древней конституции» в английской политической литературе второй половины XVIII в. / С. Б. Семенов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15, № 5. – С. 172–177.

Семенов С. Б. Парадокс Джона Уилкса / С. Б. Семенов // Новая и новейшая история. – 1997. – № 5. – С. 196–212.

Сидоренко Л. В. Конституционные споры в Англии в отношении Войны за независимость США / Л. В. Сидоренко // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. – 2014. – № 12. – С. 26–42.

Сидоренко Л. В. Роберт Уолпол, оппозиция и пропаганда в акцизном сборе 1733 г. / Л. В. Сидоренко // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. – 2015. – № 14. – С. 13–29.

Словарь американской истории с колониальных времен до Первой мировой войны / под ред. А. А. Фурсенко. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1997. – 731 с. – ISBN 5-86007-076-4.

Соколов А. Происхождение среднего класса в Англии / А. Соколов // Знание – сила. – 2013. – № 7. – С. 52–60.

Соколов А. Б. Кларендон как историк / А. Б. Соколов // Диалог со временем. – 2013. – № 45. – С. 41–69.

Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке / А. Б. Соколов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. – 296 с. – ISBN 978-5-906792-73-0.

Стороженко Н. И. Очерк истории западноевропейской литературы / Н. И. Стороженко. – Москва : Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1908. – 428 с.

Тревельян Дж. М. Социальная история Англии / Дж. М. Тревельян ; пер. с англ. А. А. Крушинской и К. Н. Татариновой ; под ред. В. Ф. Семенова. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1959. – 608 с.

Федоров С. Е. Британская идентичность/идентичности в раннее новое время / С. Е. Федоров // Вестник СПбГУ. – Серия 2. – 2013. – Вып. 3. – С. 75–81.

Федоров С. Е. История и теория наций и национализма : учебное пособие / С. Е. Федоров, А. И. Филюшкин. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2016. – 208 с. – ISBN 978-5-288-05655-0.

Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность / Э. Хобсбаум // Логос. – 1995. – № 4 (49). – С. 49–59.

Чудинов А. В. Жильбер Ромм и Павел Строганов : история необычного союза / А. В. Чудинов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 344 с. – ISBN 978-5-86793-805-5.

Чудинов А. В. Размышления англичан о Французской революции : Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин / А. В. Чудинов. – Москва : Памятники исторической мысли, 1996. – 304 с. – ISBN 5-88451-039-X.

Шестакова Н. Ф. «Охота за прошлым» : историческая память Уэльса на рубеже XVIII–XIX вв. и изобретение традиций и символов / Н. Ф. Шестакова // Диалог со временем. – 2016. – № 54. – С. 291–304.

Шпак Г. В. Изобретая пространство : Россия и Англия XVI–XIX вв. в путешествиях, травелогах, картах / Г. В. Шпак. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2021. – 252 с. – ISBN 978-5-7996-3244-1.

Щербакова Т. В. «Великий хан» английской литературы Сэмюэль Джонсон (1709–1784) / Т. В. Щербакова. – Киров : Издательство Вятского государственного гуманитарного университета, 2009. – 161 с. – ISBN 978-5-93825-676-7.

Щербакова Т. В. Драмаатургический опыт С. Джонсона / Т. В. Щербакова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2005. – № 3. – С. 100–105.

Щербакова Т. В. Сэмюэль Джонсон (1709–1784) – писатель и литературный критик : дис. ... канд. филол. наук / Щербакова Татьяна Валерьевна. – Киров, 2001. – 186 с.

Элиот С. Форум, авторское право, цена: некоторые материальные векторы в литературной культуре / С. Элиот // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 73. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/el40.html> (дата обращения: 20.06.2021).

Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы / под ред. М. П. Алексеева. – Ленинград : Наука, 1967. – 364 с.

Bailey J. C. Dr. Johnson and his Circle / J. C. Bailey. – London : H. Holt, 1913. – 250 p.

Baktir H. Representation of the Ottoman Orient in Eighteenth Century English Literature / H. Baktir. – Ankara : Ibidem Press, 2007. – 220 p.

Bate J. The Genius of Shakespeare / J. Bate. – Basingstoke ; Oxford : Picador, 1998. – 386 p.

Bate W. J. The Achievement of Samuel Johnson / W. J. Bate. – Oxford : Oxford University Press Inc., 1955. – 248 p.

Bate W. J. Samuel Johnson / W. J. Bate. – London : Chatto and Windus, 1978. – 646 p.

Belcher W. L. Discursive Possession : Habesha Discourse in Medieval European and Eighteenth-Century English Literature / W. L. Belcher. – Los Angeles : University of California Press, 2008. – 581 p.

Black J. The British Abroad : the Grand Tour in the 18th century / J. Black. – London : Sutton, 1992. – 355 p.

Black J. The British and the Grand Tour / J. Black. – London : Routledge, 2011. – 288 p.

Black J. Natural and Necessary Enemies: Anglo-French Relations in the Eighteenth Century / J. Black. – London : Duckworth, 1986. – 220 p.

Blanning T. C. W. The Culture of Power and the Power of Culture : The Old Regime Europe, 1660–1789 / T. C. W. Blanning. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 512 p.

Blanton C. Travel Writing : The Self and the World / C. Blanton. – London ; New York : Routledge, 2002. – 166 p.

Boswell's Life of Johnson : New Questions, New Answers / ed. by J. Vance. – Athens : University of Georgia Press, 2009. – 273 p.

Brack O. M. Samuel Johnson's Early Biographers / O. M. Brack, R. E. Kelley. – Iowa City : University of Iowa Press, 1971. – 159 p.

Brewer J. Party Ideology and Popular Politics at the Accession of George III / J. Brewer. – Cambridge : Cambridge University Press, 1976. – 382 p.

Brownell M. R. Samuel Johnson's Attitude to the Arts / M. R. Brownell. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – 240 p.

Brunstörn C. «No Worth Going to See» : The Place of Ireland in Samuel Johnson's Imagination / C. Brunstörn // Eighteenth-Century Ireland. – 2001. – Nr 16. – P. 73–82.

Bumpsted J. M. The People's Clearance : Highland Emigration to British North America, 1770–1815 / J. M. Bumpsted. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1982. – 305 p.

Bundock M. The Fortunes of Francis Barber : The True Story of the Jamaican Slave Who Became Samuel Johnson's Heir / M. Bundock. – New Haven ; London : Yale University Press, 2015. – 282 p.

The Cambridge Companion to Samuel Johnson / ed. by G. Clingham. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 259 p.

Cannon J. Samuel Johnson and the Politics of Hanoverian England / J. Cannon. – Oxford : Clarendon Press, 1994. – 326 p.

Cash A. John Wilkes : The Scandalous Father of British Liberty / A. Cash. – New Haven ; London : Yale University Press, 2006. – 482 p.

Cash A. Laurence Sterne : The Later Years. / A. Cash. – London ; New York : Methuen, 1986. Vol. 2. – 390 p.

Chard C. Pleasure and Guilt on the Grand Tour : Travel Writing and the Imaginative Geography 1600–1830 / C. Chard. – Manchester : Manchester University Press, 1999. – 256 p.

The Chinese Chameleon Revisited : From the Jesuits to Zhang Yimou / ed. by Zheng Yangwen. – Newcastle Upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2013. – 338 p.

Christie O. F. Johnson the Essayist : his Opinions on Men, Morals and Manners / O. F. Christie. – London : G. Richards, 1924. – 285 p.

Clark A. F. B. Boileau and the French Classical Critics in England (1660–1830) / A. F. B. Clark. – New York : B. Franklin, 1970. – 534 p.

Clark J. C. D. English Society, 1660–1832 : Religion, Ideology and Politics during the Ancien Regime / J. C. D. Clark. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 596 p.

Clark J. C. D. The Politics of Samuel Johnson / J. C. D. Clark // The Age of Johnson : A Scholarly Annual. – 1996. – Nr 7. – P. 27–56.

Clark J. C. D. Samuel Johnson : Literature, Religion and the English Cultural Politics from Restoration to Romanticism / J. C. D. Clark. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 270 p.

Clifford J. Dictionary Johnson : Samuel Johnson's Middle Years / J. Clifford. – New York : McGraw-Hill, 1979. – 372 p.

Clifford J., Greene D. Samuel Johnson : A Survey and Bibliography of Critical Studies / J. Clifford, D. Greene. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1970. – 350 p.

Clifford J. Young Samuel Johnson / J. Clifford. – London : William Heinemann LTD, 1955. – 377 p.

Clingham G. Johnson, Writing and Memory / G. Clingham. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 236 p.

Colley L. Britons : Forging the Nation, 1707–1837 / L. Colley. – London : Pimlico, 2003. – 429 p.

Colls R. Identity of England / R. Colls. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 422 p.

A Companion to the Eighteenth-Century Britain / ed. by H. T. Dickinson. – Malden : Wiley-Blackwell, 2002. – 584 p.

Conant M. P. The Oriental Tale in England in Eighteenth Century / M. P. Conant. – New York : Columbia University Press, 1908. – 312 p.

Conway S. War and National Identity in the Mid-Eighteenth-Century British Isles / S. Conway // *The English Historical Review*. – 2001. – Vol. 116, Nr 468. – P. 863–893.

Crane R. S. Goldsmith and the Encyclopedie / R. S. Crane, A. Friedman // *The Times Literary Supplement*. – 11 May 1933. – Vol. 11. – P. 331–335.

Cunzhong F. Dr. Johnson and the Chinese Culture / F. Cungzhong // *The Vision of China in the English Literature of the Seventeenth and Eighteenth Centuries* / ed. by A. Hsia. – Hong Kong : Chinese University Press, 1998. – P. 263–279.

Curley Th. M. Johnson and America / Th. M. Curley // *The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. – 1994. – Nr 6. – P. 31–73.

Curley Th. M. Samuel Johnson and the Age of Travel / Th. M. Curley. – Athens : University of Georgia Press, 1976. – 300 p.

Curley Th. M. Samuel Johnson, the Ossian Fraud, and the Celtic Revival in Great Britain and Ireland / Th. M. Curley. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 348 p.

Curley Th. M. No Jacobite ; or, Treason Not Yet Unmasked / Th. M. Curley // *The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. – 1996. – Nr 7. – P. 137–162.

Curley Th. M. Johnson No Jacobite ; or, Treason Not Yet Unmasked : Pt. 2, a Quotable Rejoinder from A to C / Th. M. Curley // *The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. – 1997. – Nr 8. – P. 127–131.

Curley Th. M. Sir Robert Chambers : Law, Literature, and Empire in the Age of Johnson / Th. M. Curley. – Madison : The University of Wisconsin Press, 1998. – 608 p.

DeMaria R. Johnson's Dictionary and the Age of Learning / R. DeMaria. – Oxford : Clarendon Press, 1986. – 303 p.

DeMaria R. Johnson's Dictionary and Dictionary Johnson / R. DeMaria // *The Yearbook of English Studies*. Vol. 28. Eighteenth-Century Lexis and Lexicography. – 1998. – P. 19–40.

DeMaria R. The Politics of Johnson's Dictionary / R. DeMaria // *PMLA*. – 1989. – Vol. 104, Nr 1. – P. 64–74.

DeMaria R. The Life of Samuel Johnson : A Critical Biography / R. DeMaria. – Oxford : Blackwell, 1994. – 356 p.

DeMaria R. Samuel Johnson and the Life of Reading / R. DeMaria. – Baltimore : John Hopkins University Press, 2009. – 270 p.

Du  C. Invention of Ossian // *Classics*. – 2005. – Nr 3. – P. 1–46.

Eagles R. Francophilia in English Society 1748–1815 / R. Eagles. – New York : St. Martin Press, 2000. – 229 p.

Empire and Others : British Encounters with Indigenous People, 1600–1815 / ed. by M. Daunton and R. Halpern. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1999. – 400 p.

The Enlightenment in National Context / ed. by R. Porter and M. Teich. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 275 p.

Erskine-Hill H. Johnson the Jacobite? A Response to the New Introduction to Donald Greene's *The Politics of Samuel Johnson* / H. Erskine-Hill // *The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. – 1996. – Nr 7. – P. 3–26.

Erskine-Hill H. A Kind of Liking for Jacobitism / H. Erskine-Hill // The Age of Johnson : A Scholarly Annual. – 1997. – Nr 8. – P. 3–13.

Ferguson N. Empire : How the Britain Made the Modern World / N. Ferguson. – London : Penguin, 2004. – 448 p.

The French Colonial Mind : Mental Maps of Empire and Colonial Encounters / ed. by M. Thomas. – Lincoln ; London : University of Nebraska Press, 2011. – Vol. 1. – 372 p.

Gazley J. G. Arthur Young, British Patriot / J. G. Gazley // Nationalism and Internationalism / ed. by E. R. Earle. – New York : Columbia University Press, 1950. – P. 144–189.

Gerrard C. The Patriot Opposition to Walpole : Poetry, Politics and the National Myth, 1725–1742 / C. Gerrard. – Oxford : Oxford University Press, 1994. – 273 p.

Gottlieb E. Feeling British : Sympathy and National Identity in Scottish and English Writing, 1707–1832 / E. Gottlieb. – Lewisburg : Bucknell University Press, 2007. – 274 p.

Greene D. Samuel Johnson's Library : An Annotated Guide / D. Greene. – Victoria : University of Victoria, 1975. – 127 p.

Greene D. A Bibliography of Johnsonian's Studies 1970–1985 / D. Greene, J. A. Vance. – Victoria : English Literary Studies, 1987. – 116 p.

Greene D. Boswell's «Life» as «Literary Biography» / D. Greene // Boswell's «Life of Samuel Johnson» : New Questions, New Answers / ed. by J. Vance. – Athens : University of Georgia Press, 1985. – P. 161–170.

Greene D. The Double Tradition of Samuel Johnson's Politics / D. Greene // Huntington Library Quarterly. – 1996. – Vol. 59, Nr 1. – P. 105–123.

Greene D. Do We Need a Biography of Johnson's «Boswell» Years? / D. Greene // Modern Language Studies. – 1979. – Vol. 9, Nr 3. – P. 128–136.

Greene D. Johnson : The Jacobite Legend Exhumed. A Rejoinder to H. Erskine-Hill and J. C. D. Clark / D. Greene // The Age of Johnson : A Scholarly Annual. – 1996. – Nr 7. – P. 57–136.

Greene D. The Politics of Samuel Johnson / D. Greene. – Athens : University of Georgia Press, 1990. – 440 p.

Hart K. Samuel Johnson and the Culture of Property / K. Hart. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 254 p.

Hay J. Johnson : His Characteristic and Aphorisms / J. Hay. – London : A. Gardner, 1884. – 372 p.

Hibbert C. Personal History of Samuel Johnson / C. Hibbert. – London : Longman, 1971. – 364 p.

Hitchings H. Dr Johnson's Dictionary : The Book that Defined the World. – London : John Murray, 2006. – 278 p.

Hodgart M. J. C. Samuel Johnson and His Times / M. J. C. Hodgart. – London : Batsford, 1962. – 128 p.

Holland P. William Shakespeare / P. Holland. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 147 p.

Hoste J. W. Johnson and his Circle : With Some Notices of Recent Johnsonian Literature / J. W. Hoste. – London : Jarrold, 1900. – 63 p.

- Houston R. A. Scottish Society, 1500–1800* / R. A. Houston, I. D. White. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 310 p.
- Hudson N. Political Biography of Samuel Johnson* / N. Hudson. – London : Routledge, 2013. – 256 p.
- Hudson N. Samuel Johnson and Eighteenth Century Thought* / N. Hudson. – Oxford : Oxford University Press, 1988. – 314 p.
- Hudson N. Samuel Johnson and the Making of Modern England* / N. Hudson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 304 p.
- Hudson N. Johnson's Dictionary and the Politics of Standard English* / N. Hudson // *The Yearbook of English Studies*. Vol. 28. Eighteenth-Century Lexis and Lexicography. – 1998. – P. 77–93.
- The Interpretation of Samuel Johnson* / ed. by J. C. D. Clark and H. Erskine-Hill. – London : Palgrave, 2012. – 230 p.
- The Invention of Tradition* / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 320 p.
- Jarrett D. England in the Age of Hogarth* / D. Jarrett. – New York : Viking Press, 1974. – 255 p.
- Johnson Re-Visioned : Looking Before and After* / ed. by Ph. Smallwood. – Lewisburg : Bucknell University Press, 2009. – 179 p.
- Johnston F. Samuel Johnson and the Art of Sinking* / F. Johnston. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 265 p.
- Kaminski T. The Early Career of Samuel Johnson* / T. Kaminsky. – New York ; Oxford : Oxford University Press, 1987. – 280 p.
- Keegan M. L. Samuel Johnson and His World* / M. L. Keegan. – London : Hamilton, 1975. – 256 p.
- Kernan A. B. Samuel Johnson and the Impact of Print* / A. B. Kernan. – Princeton ; New Jersey : Princeton University Press, 1989. – 375 p.
- Kersey M. «The Wells of English Undefined» : Samuel Johnson's Romantic Resistance to Britishness* / M. Kersey // *The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. – 2006. – Nr 17. – P. 69–84.
- Kidd C. British Identities Before Nationalism : Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800* / C. Kidd. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 312 p.
- Kidd C. Subverting Scotland's Past : Scottish Whig Historians and the Creation of the Anglo-British Identity : 1689 – c. 1830* / C. Kidd. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 340 p.
- Kingsmill H. Samuel Johnson* / H. Kingsmill. – New York : Viking Press, 1934. – 249 p.
- Kramnick I. Bolingbroke and His Circle : The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole*. – Ithaca ; London : Cornell University Press, 1992. – 336 p.
- Krutch J. W. Samuel Johnson* / J. W. Krutch. – New York : H. Holt and Company, 1944. – 599 p.
- Langford P. Englishness Identified : Manners and Character 1650–1850* / P. Langford. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 408 p.
- Langford P. A Polite and Commercial People : England 1727–1783* / P. Langford. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – 796 p.

Lockhart D. M. «The Fourth Son of the Mighty Emperor» : The Ethiopian Background of Johnson's *Rasselas* // PMLA. – 1963. – December. – Vol. 78, Nr 5. – P. 516–528.

Lough J. The «Encyclopedie» in Eighteenth-Century England and Other Studies / J. Lough. – Newcastle upon Tyne : Oriol Press, 1970. – 256 p.

Lipking L. Samuel Jonson : The Life of an Author / L. Lipking. – Harvard : Harvard University Press, 1998. – 384 p.

Lynch J. The Age of Elizabeth in the Age of Johnson / J. Lynch. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 224 p.

Lynch J. Bibliography of Johnsonian's Studies / J. Lynch. – New York : AMS Press, 2000. – 147 p.

Macaulay's and Carlyle's Essays on Samuel Johnson / ed. by W. J. Strunk. – New York : Holt, 1895. – 256 p.

McGuffie M. C. Samuel Johnson in the British Press, 1749–1784. A Chronological Checklist / M. C. McGuffie. – New York ; London : Garland Publishing, Inc., 1976. – 348 p.

Marshall P. J. The Great Map of Mankind : British Perceptions of the World in the Age of Enlightenment / P. J. Marshall, G. Williams. – London ; Melbourne ; Toronto : J. M. Dent and Sons, 1982. – 314 p.

Martin P. Samuel Johnson : A Biography / P. Martin. – Harvard : Harvard University Press, 2008. – 640 p.

Meyers J. Samuel Johnson : The Struggle / J. Meyers. – New York : Basic Books, 2008. – 553 p.

Mitchell S. Visions of Britain, 1730–1830 : Anglo-Scottish Writing and Representation / S. Mitchell. – London : Palgrave Macmillan, 2013. – 291 p.

Murray J. A. H. The Evolution of English Lexicography / J. A. H. Murray // The Romanes Lecture. – Oxford : Clarendon Press, 1900. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/11694/11694-h/11694-h.htm> (date of access: 25.08.2021).

Murphy A. Shakespeare in Print : A History and Chronology of Shakespeare Publishing / A. Murphy. – Cambridge : Cambridge University Press, 2021 – 646 p.

Nash P. «Mi Li» Revisited : Horace Walpole and the Idea of China // J. for Eighteenth-Century Studies. – 2009. – Vol. 32, Nr 2. – P. 215–234.

Nassir G. Q. A History and Criticism of Samuel Johnson's Oriental Tales / G. Q. Nassir. – Tallahassee : Florida State University Press, 1989. – 306 p.

Nevill R. L. Clubs. Their History and Treasures / R. L. Nevill. – London : Chatto and Windus, 1911. – 316 p.

New Light on Boswell : Critical and Historical Essays on the Occasion of the Bicentenary of «Life» of Johnson / ed. by C. Clingham. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – 236 p.

Newman G. The Rise of English Nationalism : A Cultural History 1740–1830 / G. Newman. – London : Weidenfeld and Nicolson, 1987. – 294 p.

Nokes D. Samuel Johnson : A Life / D. Nokes. – London : Faber and Faber LTD, 2009. – 415 p.

Norton D. F. Introduction to Hume's Thought / D. E. Norton // The Cambridge Companion to David Hume / ed. by D. F. Norton. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – P. 1–32.

O'Brien K. Johnson's View of the Scottish Enlightenment in a Journey to the Western Islands of Scotland / K. O'Brien // *The Age of Johnson : A Scholarly Annual*. – 1991. – Nr 4. – P. 59–82.

Osborn J. M. Johnson on the Sanctity of an Author's Text / J. M. Osborn // *Publications of the Modern Language Association 3a America*. – 1935. – Nr 35. – P. 928–929.

Parry J. J. Doctor Johnson's Interest in Welsh / J. J. Parry // *Modern Languages Notes*. – June 1921. – Vol. 36, Nr 6. – P. 374–375.

Perkin H. The Origins of Modern English Society / H. Perkin. – London ; New York : Routledge, 2002. – 465 p.

Phillips M. S. Society and Sentiment : Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820 / M. S. Phillips. – Princeton : Princeton University Press, 2000. – 369 p.

Picard L. Dr. Johnson's London : Everyday Life in London in the Mid 18th Century (1740–1770) / L. Picard. – London : Weidenfeld and Nicolson, 2003. – 384 p.

Pierce Ch. E. The Religious Life of Samuel Johnson / Ch. E. Pierce. – London : The Athlone Press, 1983. – 185 p.

Pittock M. G. H. Celtic Identity and the British Image / M. G. H. Pittock. – Manchester : Manchester University Press, 1999. – 192 p.

Pittock M. G. H. Inventing and Resisting Britain : Cultural Identities in Britain and Ireland, 1685–1789 / M. G. H. Pittock. – London : Macmillan Press LTD, 1997. – 198 p.

Political Prints in the Age of Hogarth : A Study of the Ideographic Representation of Politics / ed. by H. M. Atherton – Oxford : Oxford University Press, 1974. – 294 p.

The Politics of Samuel Johnson / ed. by J. C. D. Clark ; H. Erskine-Hill. – New York : Springer, 2012. – 235 p.

Porter D. Writing China : Legitimacy and Representation 1606–1773 / D. Porter // *Comparative Literature Studies*. – 1996. – Vol. 33, Nr 1. – P. 98–122.

Porter R. Enlightenment : Britain and the Creation of the Modern World / R. Porter. – London : Penguin Books, 2001. – 728 p.

Potkay A. The Passion for Happiness : Samuel Johnson and David Hume. – Itaka ; London : Cornell University Press, 2000. – 241 p.

Protestantism and the National Identity : Britain and Ireland, 1650–1850 / ed. by Th. Claydon, I. Mc. Bride. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 332 p.

Quennell P. Samuel Johnson : His Friends and Enemies / P. Quennell. – New York ; St. Louis ; San Francisco : American Heritage Press, 1973. – 272 p.

Raleigh W. Six Essays on Johnson / W. Raleigh. – Oxford : Clarendon Press, 1910. – 184 p.

Rackwitz M. Travels to terra incognita : The Scottish Highlands and Hebrides in early modern travelers' accounts c. 1600–1800 / M. Rackwitz. – New York ; München ; Berlin : Waxmann, 2007. – 628 p.

Reconsidering Biography : Contexts, Controversies, and Sir John Hawkins's «Life of Johnson» / ed. by M. W. Brownley. – Lewisburg : Bucknell University Press, 2012. – 174 p.

Redford B. Designing the Life of Johnson / B. Redford. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 181 p.

The Remaking of Modern Wales in the Eighteenth Century / ed. by T. Herbert, G. E. Jones. – Cardiff : University of Wales Press, 1988. – 217 p.

- Richards E.* Debating the Highland Clearances / E. Richards. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2007. – 256 p.
- Roberts S. C.* The story of Doctor Johnson: Being an Introduction to Boswell's Life / S. C. Roberts. – Cambridge : Cambridge University Press, 1919. – 212 p.
- Robertson J.* The Enlightenment. A Very Short Introduction / J. Robertson. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 144 p.
- Rosebery A. Ph. R.* Dr. Johnson : an Address delivered at the Johnson Bicentenary Celebration, at Lichfield, September 15, 1909 / A. Ph. R. Rosebery. – London : A. L. Humphreys, 1909. – 34 p.
- Russell P.* A Hobbist Tory : Johnson on Hume / P. Russell // Hume Studies. – 1990. – Vol. 16, Nr 1 (April). – P. 75–80.
- Said E.* Covering Islam : How the Media and Experts Determine How We See the Rest of the World / E. Said. – London : Vintage Books, 1997. – 272 p.
- Said E.* Orientalism / E. Said. – London : Vintage Books, 1977. – 368 p.
- Sallis E.* Scheherazade Through the Looking Glass : The Metamorphosis of the «Thousand and One Nights» / E. Sallis. – Richmond : Curzon Press, 1999. – 170 p.
- Salvadore M.* The Ethiopian Age of Exploration : Prester John's Discovery of Europe, 1306–1458 / M. Salvadore // J. of World History. – Dec. 2010. – Vol. 21. – Iss. 4. – P. 593–627.
- Samuel Johnson* // Encyclopedia Britannica / ed. by Ph. W. Goetz. – 15th ed. – Vol. 22. – Chicago : Encyclopedia Britannica Inc., 1989. – P. 385–393.
- Samuel Johnson after 300 years* / ed. by G. Clingham. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 306 p.
- Samuel Johnson in Context* / ed. by J. Lynch. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 474 p.
- Samuel Johnson in Historical Context* / ed. by J. Clark and H. Erskine-Hill. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2002. – 318 p.
- Samuel Johnson : New Contexts for a New Century* / ed. by H. W. Weinbrot. – San Marino : Huntington Library, 2014. – 384 p.
- Schwartz R.* Samuel Johnson and New Science / R. Schwartz. – Madison : University of Wisconsin Press, 1971. – 188 p.
- Seccombe Th.* The Age of Johnson (1748–1798) / Th. Seccombe. – London : George Bell and Sons, 1900. – 430 p.
- Shakespeare in the Eighteenth Century* / ed. by F. Richie, P. Sabor. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 454 p.
- Sharma A. B.* Samuel Johnson's Image of India / A. B. Sharma // The Age of Johnson : A Scholarly Annual. – 2004. – Nr 15. – P. 121–139.
- Shields J.* Sentimental Literature and Anglo-Scottish Identity, 1745–1820 / J. Shields. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 238 p.
- Sisman A.* Boswell's Presumptuous Task : The Making of the Life of Doctor Johnson / A. Sisman. – London : Penguin Books, 2002. – 368 p.
- Sorensen J.* The Grammar of Empire in Eighteenth-century British Writing / J. Sorensen. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 318 p.
- Stephen L.* Samuel Johnson / L. Stephen. – New York : Harper and Brothers, 1878. – 195 p.

Strabone J. Samuel Johnson : Standardizer of English, Preserver of Gaelic / J. Strabone // English Literary History. – 2010. – Vol. 77, Nr 1. – P. 237–265.

Sudan R. Lost in Lexicography : Legitimizing cultural identity in Johnson's «Preface» to Dictionary / R. Sudan // The Eighteenth-Century. – 1998. – Vol. 39, Nr 2. – P. 127–146.

Vance J. A. Samuel Johnson and the Past / J. A. Vance. – Tallahassee : Florida State University Press, 1979. – 183 p.

Vance J. A. Samuel Johnson and the Sense of History / J. A. Vance. – Athens : University of Georgia Press, 2009. – 210 p.

Wain J. Samuel Johnson : A Biography / J. Wain. – New York : Viking Press, 1975. – 388 p.

Watson J. S. The Reign of George III 1760–1815 / J. S. Watson. – Oxford : Clarendon Press, 1960.

Watt J. Thomas Percy, China, and the Gothic / J. Watt // The Eighteenth Century. – 2007. – Vol. 48, Nr 2. – P. 95–109.

Weinbrot H. D. Johnson, Jacobitism, and the Historiography of Nostalgia / H. D. Weinbrot // The Age of Johnson : A Scholarly Annual. – 1996. – Vol. 7. – P. 163–212.

Weinbrot H. D. Johnson and Jacobitism Redux : Evidence, Interpretation, and Intellectual History / H. D. Weinbrot // The Age of Johnson : A Scholarly Annual. – 1997. – Vol. 8. – P. 163–212.

Willinsky J. Empire of Words : The Reign of the OED / J. Willinsky. – Princeton : Princeton University Press, 1994. – 260 p.

Wilson K. The Sense of the People: Politics, Culture and Imperialism in England 1715–1785 / K. Wilson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 480 p.

Withers Ch. W. J. Gaelic Scotland : The Transformation of a Culture Region / Ch. W. J. Withers. – New York : Routledge, 2015. – 480 p.

Womack P. Improvement and Romance : Constructing the Myth of the Highlands / P. Womack. – Basingstoke : The Macmillan Press LTD., 1989. – 211 p.

Научное издание

Косых Татьяна Анатольевна

СЭМЮЭЛ ДЖОНСОН И ЕГО ЭПОХА
БРИТАНИЯ И МИР ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКОГО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛА XVIII В.

Монография

Ответственная за выпуск *Н. А. Юдина*
Редактор и корректор *В. И. Попова*
Компьютерная верстка *А. Ю. Матвеев*

Подписано в печать 21.09.2022. Формат 60 x 84 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Minion
Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 16,6. Тираж 300 экз. Заказ 186.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru